

неприкосновенный запас

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

2

166 2026

* угнетенные говорят.
как историкам их услышать?
* «на троих»: социальная
антропология водки
в послевоенном СССР

неприкосновенный запас 2 [166] 2026

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	003	Култ водки <i>Страницы</i> АЛЕКСЕЯ ЛЕВИНСОНА
CASE STUDY 1	011	МИХАИЛ НИКОЛАЕВ. «Сделана отметка на стакане»: к истории распития на троих в послевоенном СССР
УГНЕТЕННЫЕ ГОВОРЯТ. КАК ИСТОРИКАМ ИХ УСЛЫШАТЬ?	042 061 090 110 141	КИРИЛЛ ОСПОВАТ. Самозванец и демократия ПУГАЧЕВЩИНА: «история снизу» или «история низов»? «Круглый стол» «НЗ» АФАНАСИЙ ЩАПОВ. Земство и раскол ЭДВАРД ПАЛМЕР ТОМПСОН. Моральная экономика английского простонародья в XVIII веке АНДРЕЙ КОСТИН. Отовсюду и куда угодно: как писать историю грамотности и письменности в России раннего Нового времени
ПРЕВРАТНОСТИ МЕТОДА	159	Венесуэла: от диктатуры к протекторату <i>Страницы</i> ТАТЬЯНЫ ВОРОЖЕЙКИНОЙ
КУЛЬТУРА МОДЕРНОСТИ REVISITED	175 196	ИГОРЬ СМИРНОВ. Непрошенный гость: актуальное кино и история АНАТОЛИЙ РЯСОВ. Табу на трансцендентность и его политические последствия
CASE STUDY 2	205	ОЛЕГ БЭЙДА, ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ. Отцы и дети: Русская Стрелковая Генерала Врангеля Дружина в 1930–1941 годах
ОБЗОР ЖУРНАЛОВ	246	АЛЕКСАНДР ПИСАРЕВ. Звуки, зрители, хип-хоп: обзор российских интеллектуальных журналов
НОВЫЕ КНИГИ	261	АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ. О чем заботиться после конца истории: Кожев, Гройс, Гегель, Сталин
SUMMARY	289	

Главный редактор
Ирина ПРОХОРОВА

Шеф-редактор
Кирилл КОБРИН

Редакторы
АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
АНТОН ЗОЛОТОВ

Дизайн
ДМИТРИЙ ЧЕРНОГАЕВ
АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Корректор
МАРИНА АЛХАЗОВА

Маркетинг, PR и реклама
АНАСТАСИЯ ВЕКШИНА
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail:
a.vekschina@nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2026

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Культ водки

Реформы начала 1990-х упразднили монополию внешней торговли, и на российский рынок среди прочих устремились крупные мировые производители крепких спиртных напитков. В России любят пить водку, Россия – перспективный рынок, полагали они – и были правы. Перед выходом на новый рынок полагается его изучить. Для этого производители обратились к чуть ли не единственному на тот момент исследовательскому агентству. Это был недавно созданный Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) во главе с академиком Татьяной Заславской.

Автор, являясь тогда сотрудником ВЦИОМ, проводил групповые и индивидуальные интервью с представителями целевой аудитории – пьющими россиянами. В ходе этих интервью выяснялось отношение к водке, к тому, как ее принято пить, что о ней думают и говорят, каково ее значение для потребителей

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

и тому подобное. Наши информанты – это взрослые мужчины, живущие в городах (городское население составляло тогда порядка ста миллионов человек; интересующий нас контингент – около трети этого числа) и регулярно пьющие водку. В социальном отношении это были в основном рабочие – важная часть производительных сил общества того времени. Полученные результаты позволяют говорить о феномене водки в России в период с середины 1960-х до начала 1990-х¹, на который – в силу различных причин – пришелся пик потребления этого напитка в России².

Водка обслуживала отношения среди тех, чьи родители или деды переехали из сельской местности в города. Это среда, которая образовывалась в местах концентрации людей, вышедших или вырванных из традиционных условий существования с устоявшимися связями, отношениями, правилами и ритуалами. Жизнь в рабочих поселках, в новых городах, на окраинах больших городов, а также работа на больших предприятиях предполагали множество временных, порой мимолетных связей и контактов, только часть из которых могла превратиться в связи более прочные и длительные. Поскольку речь идет о водке как атрибуте «мужского» поведения, далее мы будем в основном говорить о ее роли в мужских сообществах. Роль водки в отношениях мужчин и женщин, мужчин и детей заслуживает отдельного рассмотрения и здесь будет затрагиваться кратко.

ВОДКА И ПРАЗДНИК

В практиках употребления водки наиболее глубокие традиции относились к ситуациям разного рода празднеств. От древней культуры славянских и угорских календарных ритуалов осталось предписание переживать время празднества как особое. Алкоголь, водка позволяют перейти в такое особое состояние, остро переживая веселье или скорбь³.

Праздник позволяет – или требует – нарушения тех или иных норм повседневности. В культуре рассматриваемых социальных слоев употребление водки в рамках празднества является нормой, общественно предписываемым поведением, а возникающее состояние опьянения прочно ассоциируется с праздничным нарушением общепринятых норм поведения. Связь эта настолько прочна, что возникает вторичная норма: от выпившего – даже не в праздник – ожидается нарушение тех или иных норм. Водка, опьянение в подобной культуре делаются не только объяснением (выдвигаемой причиной) девиантного поведения, но и оправданием: «я же выпивши был», «они же пьяные были». Законодательство, сделавшее состояние опьянения отягощающим вину обстоятельством, действует напрямую против «народной нормы».

Схожим образом менялись местами причина и следствие в трактовке выпивки в целом и водки в частности как средства «улучшить настроение», «прогнать

1 Ради удобства изложения зачастую речь о водке в этом тексте ведется в настоящем времени. Но далеко не все феномены, описанные здесь, продолжают существовать в России XXI века.

2 В то время мы оперировали подсчетами, согласно которым в 1980-е из десяти взрослых мужчин семь-восемь выпивали не менее стакана водки в день, то есть постоянно находились под воздействием алкоголя. И, судя по всему, именно такое состояние было для них повседневной нормой, а отсутствие привычного «стакана», напротив, делало их существование, согласно ответам на интервью, некомфортным.

3 Попытки выяснить у респондентов, в чем состоит воздействие водки, показали, что это состояние или описывается взаимоисключающими категориями (обостряет/притупляет, облегчает/усугубляет), или кажется говорящему столь самоочевидным, что он не может описать его в рациональных понятиях.

тоску», «повеселиться» (начиная с тезиса о том, что «веселие Руси есть пити»).

Водка и власть

Водка оказывается средством не только для того, чтобы разрешить себе не соблюдать нормы, но и чтобы смириться с тем, когда нормы нарушаются в отношении тебя. Если невозможно отквитаться действием, водка компенсирует это, становясь способом *социальной* самозащиты *социально* слабых. «Тебя обидели? Брось, выпей и забудь».

В советское (и не только) время для рассматриваемых социальных слоев было характерно рассуждение о себе в категориях «мы», а о государстве в категориях «они». «Им» приписывалось безусловное превосходство в силе, в праве распоряжаться важными для общества ресурсами, и потому коллективное «мы» имело свои представления о том, какие обязательства «они» имеют перед «нами»⁴. Действительность в целом ряде случаев этим ожиданиям не отвечала, и водка – будучи также «их» агентом – позволяла гасить фрустрации, возникающие от этого разрыва.

В описываемое время мне приходилось сталкиваться с мнением, что советская система социализации выпускала на рынок труда работников с квалификацией, общим культурным уровнем, а потому и запросами выше, чем качество наличных рабочих мест и чем уровень жизни, достижимый для тех, кто эти места займет. И алкоголизация этой рабочей силы облегчала принятие ею имеющейся реальности, смягчало социальный протест. Нечто похожее имел в виду и Юрий Левада, который подшушля говорил, что если развивать подход

физиократов, то советскую торговую сеть, через которую водка продавалась населению, можно сравнить с кровеносной системой, посредством каковой государство впрыскивало водку в народное тело, управляя так его поведением.

Пьющие люди чувствуют, что состоят с государством в отношениях – прежде всего по поводу самой водки. Сколько она стоит, сколько она будет стоить, как и когда ее будут продавать, с какими ограничениями – суть государственные вопросы в понимании наших информантов. Пить – это их право как граждан данного государства. Государство в основном с этим правом считается, но то и дело на него посягает – например, вводя ограничения на время продажи. Государству грозят: «если водка будет больше [дороже], то получится, как в Польше» (имелись в виду массовые выступления польских рабочих).

Водка и «мужик»

Пить водку было одновременно правом, привилегией, но и обязанностью тех, кто считал себя – и кого считали – «мужиком». «Мужик» – это, если угодно, гендер, это приписываемые человеку статус и роль с набором соответствующих ожиданий. Статус/роль «мужика» его окружение присваивает ему на основании биологического пола и возраста, соответствия принятым в сообществе нормам физического и умственного развития, волевых качеств. Развернутых обрядов инициации нет, но первые пробы и приобретение навыка пить водку выполняют именно такую функцию.

У «мужика» есть не только право, но и обязанность: выпивание водки каждым, особенно в компании, в коллективе,

⁴ При кажущемся сходстве излагаемая схема не совпадает с представлениями о наличии социального контракта между российской властью и населением.

в кругу «своих» необходимо и неотменимо. Отказ выпить с тем, кто предлагает, – это тяжелое оскорбление. Отказ пить со «своими» – риск исключения из этого круга и потери статуса «мужика».

«Мужики» – это доминантный класс в общественной структуре описываемого социума. Им полагается пить водку, и они имеют право это делать. Рядом – подчиненные классы. Во-первых, это женщины. В общем случае им не полагается пить водку и у них есть право порицать (ругать) мужчин, которые ее пьют, но лишить их данного права женщина не может. Ситуации, когда женщина властна это сделать, рассматриваются как девиации; мужчины, оказавшиеся подчиненными женщине в вопросе выпивки, если и не исторгаются из сообщества «мужиков», то занимают там низшие позиции. Во-вторых, это «старики» – родители мужа или жены. Отношения с ними требуют отдельного рассмотрения. В-третьих, это дети, чей особый – и тоже подчиненный – статус выражается в том, что обычаем им строго запрещено пить водку.

Экономический аспект статуса «мужика» состоит в том, что право мужчины-отца на выпивку абсолютно: деньги на нее – это «защищенная статья» в его зарплате (заметим, в зарплатке матери такой статьи нет). Дело не только в доминантном статусе отца в семье, но и в том, что как мужчина и член мужской компании он не может не участвовать в коллективных выпивках, на что ему необходимы деньги. Без них он потеряет свой статус в сообществе или вообще выпадет из него, что для многих означает нечто вроде социальной смерти.

Именно в этой точке пересечения мужских и женских, отцовских и мате-

ринских ролей в конце описываемого периода произошли весьма драматические изменения. Затронувшая многие районы СССР деиндустриализация заключалась в частности в сокращении деятельности предприятий ВПК и обслуживающих их производств, где в основном и работали «мужики». Рабочие-мужчины, фактически потерявшие работу и заработок, делились на две категории. Наиболее активные полностью разрывали отношения с «родным заводом» и уходили на заработки. Менее активные оставались ждать, причем искать поденную работу, торговать на рынке и тому подобное они, как правило, отказывались, поскольку для них это означало потерю статуса «рабочего человека». Они стремились сохранить роль «главы семьи», хотя ее «кормильцем» уже не являлись. Ради сохранения своего статуса в коллективе они не отказывались от регулярных выпивок в мужской компании.

Женщины, в отличие от мужчин, чтобы кормить детей, соглашались на любую, в том числе низкостатусную, работу, нередко становясь главным и единственным кормильцем семьи. «Ни черта не делает, но пить пьет и есть каждый день требует. А мне ребенка кормить надо» – так звучала типичная претензия жен к мужьям в подобных ситуациях. Наиболее активные стали в буквальном смысле выгонять своих никчемных мужей из дома. Здесь важно, что женщины при этом свой статус сохраняли, а вот «выброшенные» мужчины его теряли и выпадали в том числе из компаний «настоящих мужиков»⁵. Это сопровождалось (вынужденным) переходом с водки на различные заменители, более дешевые, но и гораздо более токсичные.

5 Описанные процессы происходили не только в центральной России, где их довелось наблюдать автору, но и в других местах. Представляется, что здесь важный вклад могли бы сделать исследования антропологов и социологов.

ВОДКА И РЕЧЬ

Водка и выпивка – неиссякаемая тема для разговоров. Воспоминания о том, как выпивали вчера, кто что говорил и делал в этой связи – вечно живая тема. Ритуалом интеграции является не только групповое возлияние с тостами, с полагающимися приговариваниями и жестами, но в не меньшей степени и разговоры о состоявшихся выпивках.

В ситуации тесного повседневного общения близко знакомых людей синхронно возникающие у них мысли и влечения к предстоящей выпивке приобретают статус общих тем для разговора, поддержки, интеграции и солидарности. Постоянная коммуникация по поводу неизменного круга тем при неизменном составе участников – подходящая среда для возникновения не только коллективных норм и образцов поведения, фактически ритуалов, но и для особого водочного фольклора, зачатков мифологизации водки и выпивки. В компаниях возникают устойчивые речевые обороты, формулы, шутки, сопровождающие регулярные выпивки в неизменном кругу.

Признаком особого статуса водки как сакрального объекта является ее *неназывание* своим именем. *Неназывание* водки «водкой» есть средство выделения ее из контекста повседневности. «И возьми белой. – Сколько? – Ну, три». Слово «бутылка» означает в соответствующих контекстах не сосуд, а его содержимое; «поллитра» (женского рода) – не объем, а то, что им измерено (равно как и «ноль пять», «полбанки», «четвертинка», «чекушка»).

Водка не называется и в разговорах о ее потреблении. О том, что человек часто «употребляет», сообщается словами «пьет», «выпивает», «пьющий». *Неупоминание* слова «водка» в разговоре о ней говорит как о важности предме-

та, так и о достаточной посвященности всех участников в ситуацию. «Ну, что, махнем по маленькой?» «Как насчет выпить?» «Не пора ли нам того?» Имеется система жестов, знаков руками, обозначающих именно выпивание водки. «Все свои, все всё понимают».

ВОДКА И СМЕРТЬ

Масштабы и глубина культурных и социальных явлений, связанных с водкой, закономерно сопоставимы с глубиной и масштабами алкоголизации мужского населения СССР. Социолог, культуролог, нарколог, криминолог описывают – каждый со своей стороны – единый феномен. Наличие ласкательных имен «водочка», «беленькая», гордости тем, что это наш национальный напиток, не отменяет ни того, что огромное количество убийств (особенно так называемых «бытовых») совершено в состоянии алкогольного опьянения, ни того, что связанные с пьянством причины сокращают продолжительность жизни российских мужчин почти на десять лет.

Вред, который несет водка, не только известен пьющим ее, но и существует как компонент ее семантики. Питье водки в том числе есть состязание человека с нею и в этом смысле является частью игр со смертью. Оттого в разговорах о водке и выпивке – при всей их заурядности и вульгарности – зачастую присутствует и ощущается участниками экзистенциальная глубина, а водке становится возможным приписать сколько угодно глубокие и мистические смыслы.

ВОДКА И ОБЩЕНИЕ

Часто говорили, что «водка сближает», «укрепляет мужскую дружбу», «мирит

врагов». Дело тут, конечно же, не в том, что благодаря своему химическому составу водка действует как-то умиротворяюще (нередко ровно наоборот), а в ее способности обслуживать разные социальные ситуации, в ее вписанности в нормативно-ценностную систему.

Питие водки – это процесс, связывающий глубокие индивидуальные органические и психологические переживания с социальными процессами общения. В ходе возлияния принято публично отзываться не только о качестве и вкусе водки, но и о реакциях собственного организма («Хорошо пошла!»). Событийники могут часами обсуждать обстоятельства вчерашней пьянки, вспоминать состояние и поведение участников. Во многом это внутригрупповые социальные отношения, подвергнутые тестированию посредством совместного и синхронного выпивания водки.

В ходе такого тестирования проверяются важные для поддержания целостности группы отношения – лояльность, солидарность, готовность участия, а также умение человека пить водку, то есть способность сохранять и поддерживать нормы обычного поведения, несмотря на увеличивающееся количество выпитого. Чем позже (внутри времени пьянки) участник покажет признаки опьянения, тем выше его авторитет. Такой авторитет может быть ситуативным, значимым только для данного состава выпивающих и только на время этой пьянки, а может закрепиться за человеком, быть его «славой», свидетельствовать окружающим о силе его духа.

Еще одним важнейшим вариантом состязания с участием водки оказывается ситуация, когда за выпивкой встречаются незнакомые люди: многое тогда напоминает если не схватку, то спортивный поединок. Участники соблюдают равенство исходных условий, они должны

выпивать одинаковое количество, а побежденным считается тот, кто либо отказался пить следующую, либо оказался зримо более пьян. Победа в этом состязании указывает в том числе на какие-то неназываемые, но важные внутренние качества человека, ввиду которых его признают лидером, обладателем некоего общезначимого авторитета.

Несмотря на роль водки как агента социализации, то, что считается «хорошей выпивкой», когда «выпил как следует», «перебрал», «набрался», «допился», – все это случаи десоциализации. Люди конструируют ситуации, в которых они поодиночке – но чаще в коллективах разного размера – доходят с помощью алкоголя до состояния, в котором освобождают себя (или, как считается, водка их освобождает) от социальных обязательств: начиная с правил этикета и заканчивая запретом на насилие. Если дело ограничивается легким «праздничным» нарушением не очень строгих норм, то это расценивается как «отдых». Право на подобный отдых от социальных обязательств обществом признается – до известных пределов. Но далее начинается наказуемое антисоциальное поведение. Важно, что вину за совершенные в этом состоянии преступления и за понесенное наказание возлагают на водку. «Все она, проклятая!»

ВОДКА И ДОВЕРИЕ

Выпивка сопровождает знакомство, и она же, включаясь в ритуал, сакрализует и санкционирует установленные в ходе совместного распития отношения. Водке в таких случаях приписываются некие мистические свойства, связывающие людей и влияющие на их восприятие друг друга. Незнакомые люди, прошедшие этот ритуал, становятся близкими,

получают некоторые права («перешли на “ты”») и обязательства – честности, открытости, верности («Мы с этим пили, я его знаю, он подойдет. А с этим я не пил, его не знаю»).

На ранних этапах развития рыночных отношений российским бизнесменам (как они жаловались на интервью) приходилось выпивать с каждым из новых деловых партнеров. Это было хоть какой-то гарантией, что тот не «кинет», и опиралась она именно на эту культурную норму: выпили вместе – значит, стали близкими. (С бухгалтерами – в большинстве своем женщинами – приходилось, по тем же рассказам, заводить интимные связи в надежде гарантировать, что «тогда она не сдаст».)

Водка может быть агентом и более эфемерных, но важных социальных отношений. В обычае тех лет «сообразить на троих» практического (экономического) смысла было столько же, сколько смысла социального и культурного. Незнакомые люди, соглашаясь стать участниками совместного распития, авансировали друг друга не только своим рублем, но и доверием: традиция, управлявшая этими акциями, предполагала еще и разговор, некоторую открытость. В ходе этих бесед происходил важнейший процесс взаимного приспособления мнений – можно сказать, первый этап формирования общественного мнения! Без водки чужие друг другу люди не вздумали бы делиться своими мыслями и чувствами.

Водка как необходимость

Для описываемой социокультурной ситуации важна тотальность и общезначи-

мость норм, касающихся водки как символического объекта и ее выпивания как символического действия. Для таких социальных условий заводских коллективов, рабочих поселков и микрорайонов было характерно обязательное участие каждого мужчины в совместных выпивках. Неучастие без уважительных причин⁶ означало резкую социальную дискриминацию. Трудно найти другую область отношений в коллективах, в которой норма поддерживалась бы с подобной жесткостью.

Представляет особый интерес тот факт, что при широчайшем, фактически всеобщем распространении в описываемой среде обычая пить водку, обилии сопровождающих водку и выпивку смысловых конструкций, при ее осевом, а в некоторых случаях центральном положении в быте и повседневности внятного ответа на вопросы «Зачем вы пьете?» или «Зачем люди пьют?» от информантов получить не удавалось. Суть ответов на первый вопрос сводилась к тому, что «пью потому, что все пьют». На второй вопрос ответа или нет, или он неспецифичный: «потому что жизнь такая». Далее могут следовать жалобы на те или иные тяготы и объяснение, что водка позволяет хотя бы на время о них забыть. Большинство объяснений, дававшихся внешними наблюдателями, имеют сходный характер.

Водка и душа

В разговорах о выпивке проступает, так сказать, народная философия русской водки. Все начинается с утверждения, что она – как русская душа: такая же чистая, прозрачная и крепкая. (Поэтому

⁶ Таковыми могли считаться абсолютный медицинский запрет или твердое решение «завязать», в особенности наличие «торпеды» – вшитой капсулы, гарантирующей тяжелые последствия после принятия любой дозы алкоголя.

никакие цветные крепкие напитки на эту роль не годятся; самогон – только если «чистый как слеза»; спирт подходит, но он не так повсеместен, как водка.) Рассуждениям о чистоте водки вполне могут сопутствовать многочисленные жалобы на то, что гонят ее из черт-те чего, очищают черт-те как и вкус у нее черт-те какой. Водка чиста как понятие, но не как бытовая вещь.

У большинства пьющих, с которыми мы говорили, нет никакого сомнения, что водка – уникальный русский напиток, что на Руси она существовала «от века», что более ее нигде не было, да и быть не могло, а иностранцы не способны пить русскую водку – или пить ее так, как это делают русские. (За поляками и финнами подобная привязанность к водке признавалась и объяснялась тем, что «они же были нашими когда-то».)

Имперские смыслы, обычно сопровождающие разговоры о «русском», «российском», «нашем», так или иначе присутствуют и в обсуждаемом водочном мифе. Характерно, что в описываемый период водка была представлена преимущественно двумя марками: «Московская особая» (она же «двадосемьдесятсемь») и «Столичная» («четырнадцать»). Под этими названиями ее производили по всему СССР, так что весь Союз, а в нем и вся Россия сводились к Москве-столице⁷. С упразднением госмонополии производители из разных регионов начали соревноваться в выпуске местных, как правило, «губернаторских» водок. В их названиях тема имперского, русского, российского

также эксплуатировалась очень широко, но обычно добавлялся какой-то региональный колорит. Кстати, часть этих водок были превосходными по качеству, а «Московская», произведенная не в Москве, москвичам всегда казалась плохой.

ВОДКА И КОНЕЦ ИСТОРИИ

Описанные выше функции водки в качестве агента социализации создавали систему, связывающую воедино миллионы жизней мужчин, активных участников экономической системы «развитого социализма». С коллапсом госмонополии на выпуск водки и системы госторговли, с приходом в Россию иностранных производителей потерялась и роль водки как интегратора того общества, где доминируют «мужики». Характерно, что, по данным ВЦИОМ, в 1998 году россияне среди наиболее известных им марок водки чаще всего называли «Смирнофф»; «Столичная» оказалась на втором месте, а некогда самая популярная «Московская» – на четвертом.

Импортные бренды, хотя и обошли местные по популярности, не обладали описанной выше семантикой и не могли выполнять большинства функций «русской водки». А главное – с переменой экономического строя стали разрушаться те виды социальности, которые обслуживала водка в позднем СССР. Не случайно успешной оказалась начавшаяся вскоре экспансия пива на российский рынок: оно во многом потеснило водку, поскольку более соответствовало возникающим социальным условиям.

⁷ Появившиеся в 1970-е «Пшеничная» и та, которую прозвали «Коленвал», воспринимались как безликие заменители или дополнители традиционных «Московской» и «Столичной».

«Сделана отметка на стекане»: к истории распития на троих в послевоенном СССР

МИХАИЛ
НИКОЛАЕВ

«Социализм – живое творчество масс». Это вольное переложение ленинской цитаты некогда было в большом ходу у партийных чиновников и пропагандистов¹. Но если к делу «построения социализма» творческое начало советских граждан власти не слишком стремились допускать (как правило, выдавая за народные инициативы собственные руководящие директивы), то его проявления в быту обнаружить все-таки можно. Одной из форм такого народного творчества мы и коснемся.

«Сообразить на троих», «третьим будешь?», «собутыльник» (известный еще с дореволюционных времен) – все эти выражения прочно вошли в советский бытовой лексикон. Распитие спиртного на троих – одна из самых известных досуговых практик советской эпохи, нашедшая отражение в литературе, песенном творчестве, фольклоре, изобразительном искусстве и кинематографе. Народный обычай коллективной выпивки относился к теневой стороне советской действительности: офи-

Михаил Николаев
(р. 1959) – историк,
специалист по российской истории XX века.

1 «Живое творчество масс – вот основной фактор новой общественности. [...] Социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий есть создание самих народных масс» (Ленин В.И. Доклад о заседании ВЦИК 4 (17) ноября 1917 г. // Полное собрание сочинений. М.: 1974. Т. 35. С. 57).

CASE STUDY 1

циальные средства массовой информации, подцензурные литература и искусство с усердием обличали это «антиобщественное явление», возлагая ответственность за сохранение «тяжелого наследия прошлого» на отдельных несознательных граждан и ни в коем случае не перенося ее на государственное и политическое руководство. Даже в 1958 году, через сорок с лишним лет после революции, пьянство в официальных документах продолжало преподноситься как вредный и позорный «пережиток помещичье-буржуазного строя» и «старого быта»². Характеризуя организаторов антиалкогольной пропаганды брежневских времен, киносценарист Анатолий Гребнев в дневниковой записи от 11 октября 1975 года замечал:

«Странно и смешно: люди, выучившиеся в ВПШ, всю жизнь в разных местах и по разному поводу штудировавшие марксизм, в конкретной своей практике – абсолютные догматики и идеалисты, философские неандертальцы. Борьба с алкоголизмом в кино – из области чистейшего гегельянства. Пьют на экране – значит “будут пить” в жизни, что это, как не идеализм! Запретить показ бутылок и рюмок! Да и все наше отношение к пропаганде, [...] все отношение к искусству – насквозь идеалистического толка»³.

Образ пьяницы оставался одним из самых популярных в галерее социальных типов, которых позорили и высмеивали советская сатирическая печать, изобразительное искусство и кинематограф на протяжении десятилетий. И если послушная реакция литературного начальства на соответствующие партийно-правительственные постановления принимала в расчет общие установки, то в изображении конкретных форм проявления пьянства «мастера культуры» могли дать волю своему творческому воображению. Не будет, наверное, преувеличением предположить, что если сама тема борьбы с пьянством представляла собой идеологический заказ, то художественные детали в той или иной степени отражали не номенклатурные представления о его проявлениях, а реалистичные бытовые подробности.

Обычай распития на троих не содержал в себе ничего отягчающего и специфически негативного в сопоставлении с употреблением спиртного как таковым. Следовательно, его отражение в художественных образах и прежде всего в сатирической графике и кинематографии продиктовано бросающимися в глаза жизненными реалиями, а не начальственным указанием.

Тема потребления спиртного в СССР (за исключением сюжетов, относящихся к борьбе государства с пьянством, самогоне-

2 Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15 декабря 1958 г. № 1365 «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками» // Справочник партийного работника. Выпуск 2. М., 1959. С. 405.

3 ГРЕБНЕВ А. Дневник последнего сценариста. 1945–2002. М., 2006. С. 123–124.

варением и антиобщественными проявлениями) долгое время не привлекала к себе внимания исследователей. «На протяжении фактически всего советского историографического этапа вопросы объемов алкоголизации населения замалчивались», — полагает Марина Клинова, делая исключение лишь для второй половины 1980-х, «когда на волне антиалкогольной кампании эта тема обсуждалась в публицистических и периодических изданиях»⁴. «Водочная тема» стала популярной уже в постсоветской России, когда появилась разнообразная литература, рассчитанная на массового читателя⁵. Самой известной работой стала книга Вильяма Похлебкина «История водки» (1991)⁶, своим появлением обязанная правовым спорам с иностранными производителями алкоголя об использовании советских водочных брендов. Перестав быть запретной, тема стала вызывать интерес историков как советского быта, так и советской социальной политики, в рамках которой рассматривались и антиалкогольные кампании⁷.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

«СДЕЛАНА ОТМЕТКА
НА СТАКАНЕ»: К ИСТОРИИ
РАСПИТИЯ НА ТРОИХ...

**Даже через сорок с лишним лет после революции
пьянство в официальных документах продолжало
преподноситься как вредный и позорный «пережиток
помещичье-буржуазного строя» и «старого быта».**

Явление, о котором пойдет речь, с большим основанием относится к предмету, изучаемому историками повседневности⁸. И хотя отнюдь не случайно словосочетание, связанное с распитием на троих, вошло в словник современного энциклопедического издания, посвященного советскому быту⁹, еще ранее оно привлекло внимание филологов, столкнувшихся с трудностью поиска эквивалентов при переводе текстов Владимира Высоцкого и Александра Галича на иностранные языки¹⁰. Леонид Беловинский определяет явление, ставшее предметом нашего

4 Клинова М.Л. *Современная отечественная историография потребления алкоголя жителями СССР (1940-е – конец 1980-х)* // Исторические науки. Омский научный вестник. 2009. № 2(76). С. 60.

5 Например: Нужный В.П. *Вино в жизни и жизнь в вине*. М., 2001; Левинтов А. *Выпивка и пьянка*. М., 2005; Багдасарян В.Э., Орлов И.Б. *Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX-й*. М., 2005; Никишин А.В. *Водка & Сталин*. М., 2006; Курукин И., Никулина Е. *Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина*. М., 2007; и другие.

6 Похлебкин В.В. *История водки*. М., 1991.

7 См., например: Николаев А.В. *Антиалкогольные кампании XX века в России* // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 67–78.

8 См., например: Мамяченков В.Н. *Потребление алкоголя как элемент повседневной жизни населения Свердловской области в 1946–1991 годах* // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2011. № 23(238). С. 158–163.

9 Беловинский Л.В. *Энциклопедический словарь истории советской повседневной жизни*. М., 2015. С. 392.

10 Раевская М. *Где третий? («Ситуативные реалии» в поэзии В. Высоцкого и проблема их перевода на болгарский язык)* // Владимир Высоцкий: исследования и материалы, 2007–2009 гг. Воронеж, 2009 (<https://wysotsky.com/0006/035.htm>).

рассмотрения, как «способ покупки и распития водки»¹¹, имея в виду не просто выпивку в кругу друзей, приятелей или сослуживцев (что также часто имело место), но главным образом – совместное распитие спиртного людьми случайными, соединившими усилия исключительно с целью выпивки. Именно эти факторы случайности и целеполагания позволяют говорить о специфике и новизне данного явления.

Распитие поллитровки на троих имело как физиологическую привлекательность (доза в 166 миллилитров на человека давала возможность почувствовать опьянение)¹², так и коммуникационную (небольшое число собутыльников позволяло концентрироваться на одной общей теме), а также финансовую. При стоимости бутылки 20 рублей 87 копеек до денежной реформы 1961 года (и 2 рубля 87 копеек после) величина индивидуального вноса – десять рублей «старыми» или рубль «новыми» – была вполне приемлемой (составляя обычно сумму, ежедневно выделяемую женами мужьям на обед).

В отношении времени и причин возникновения «тройственного союза» существует распространенное мнение, связывающее этот способ выпивки с принятием закрытого (то есть не публиковавшегося) постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 1365 от 15 декабря 1958 года «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками», на основании которого была запрещена торговля спиртным в большинстве заведений общепита и повышена наценка на водку, продаваемую в ресторанах (до 50% к розничной цене). Следом появилось одноименное постановление Совета Министров РСФСР от 30 декабря 1958 года.

«Закрытие большинства распивочных мест, запрещение продажи спиртного в розлив привели к вытеснению потребления спиртного на улицу, в скверы, подъезды и лишению людей тем самым привычных социально-приемлемых форм общения и проведения досуга с употреблением алкоголя»¹³.

Наряду с ограничительными мерами в торговле спиртным наблюдался еще и дефицит водочной продукции, разлитой в менее емкую тару – 250 миллилитров и 100 миллилитров, что также провоцировало объединение для приобретения стандартной емкости в пол-литра. К другим факторам иногда добавляют и подорожание водки, приводя строки Юза Алешковского и Гер-

11 Беловинский Л.В. *Указ. соч.* С. 392.

12 Скобелев А.В. *«Много неясного в странной стране...». II. Попытка избранного комментирования.* Воронеж, 2009. С. 8.

13 Заиграев Г.Г. *Государственная политика как фактор алкоголизации населения* // Социологические исследования. 1997. № 4. С. 110. Кинорежиссер Григорий Чухрай пришел к схожему заключению, объясняя в своих мемуарах необходимость им с напарником прибегать к поиску третьего «запрещением закусовых» (Чухрай Г. *Мое кино.* М., 2002. С. 81).

мана Плисецкого, посвященные годам правления Никиты Хрущева, которому адресовался упрек в том, что он «водку нашу сделал дороною и на троих заставил распивать» (1966)¹⁴.

Традиция распития на троих существовала и раньше. Так, Андрей Скобелев – один из комментаторов стихотворных текстов Владимира Высоцкого – обратил внимание на строки Николая Глазкова, написанные еще в 1946 году, в связи с чем заключил, что декабрьское постановление 1958 года лишь актуализировало и упрочило уже существующую практику¹⁵.

На Тишинском океане
Без руля и без кают
Тихо плавают в тумане
И чего-то продают.
Продает стальную бритву
Благороднейший старик,
Потому что он поллитру
Хочет выпить на троих¹⁶.

Мария Раевская обратила внимание на другой любопытный факт: в повести Владимира Тендрякова «Охота» (1971), действие которой происходит осенью 1948 года, к главе советских писателей Александру Фадееву, страдавшему известным пороком, в одной из забегаловок подошли с предложением: «Башашкиным будешь?»¹⁷. Анатолий Башашкин (1924–2002) – защитник футбольного клуба ЦСКА и сборной СССР выступал под номером 3. Таким образом, известное выражение получило новый, иносказательный вариант, что говорит в пользу распространенности самого явления. У писателя Башашкин фигурирует как «недавно вошедший в известность футболист». Футбольная слава к нему пришла после переезда из Тбилиси в Москву и выступлений за ЦДКА–ЦДСА (1947–1953, 1954–1958). Если довериться памяти Тендрякова и допустить, что переделка употреблялась в конце 1940-х – начале 1950-х, то базовый вариант, надо полагать, имел более раннее происхождение и использовался до декабря 1958 года¹⁸.

Когда же массовое сознание заметило и с помощью представителей творческих профессий вывело тему распития на троих из подполья, сделало предметом открытого обсуждения и прочно закрепило новоявленный обычай в качестве стереотипного образа?

14 СКОБЕЛЕВ А.В. Указ. соч. С. 8.

15 Там же.

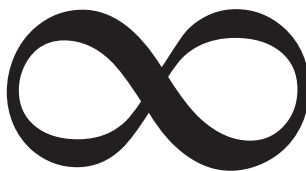
16 ГЛАЗКОВ Н. Избранное. М., 1989. С. 128.

17 ТЕНДРЯКОВ В. Охота // Знамя. 1988. № 9. С. 112.

18 Автор газеты «Советский спорт» Владимир Пахомов, повествуя о Башашкине в номере от 4 сентября 2002 года, также воспроизводит легенду о сакраментальном вопросе, звучащем возле винных отделов магазинов в 1950-е.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

«СДЕЛАНА ОТМЕТКА
НА СТАКАНЕ»: К ИСТОРИИ
РАСПИТИЯ НА ТРОИХ...

Уже в «номере с бутылкой» (1960), исполняемом артистами московского цирка Михаилом Шуйдиным и Юрием Никулиным после того, как первый «превращает» бутылку с молоком в «четвертинку», радостный напарник относит ее в первые ряды и дает спрятать одному из зрителей. «На троих!» – объясняет он подыгравшему ему молодому человеку и вытягивает для наглядности три пальца¹⁹. Концертная программа (не в дебютном исполнении) была записана центральным телевидением, что значительно увеличило ее аудиторию, однако вряд ли реприза оставила заметный след в памяти сограждан. То же самое можно сказать и о прозвучавших в телеэфире куплетах (1965), исполненных эстрадными артистами Павлом Рудаковым и Станиславом Лавровым. Используя припев песни из репертуара Людмилы Зыкиной «Ой, снег-снежок», они предложили свою интерпретацию:

Что ни день дает в продажу холодильники завод
Но народ их, прямо скажем, вдвое больше ждет и ждет
Эх, снег-снежок, белая метелица
Холодильник не поллитра –
на троих не делится²⁰.

Следует вспомнить и эстрадное выступление другой пары популярных юмористов – Тарапуньки и Штепселя (Юрий Тимошенко и Ефим Березин) – в новогоднем телевизионном концерте 1968 года, где они, фантазируя, как изменится жизнь через пятьдесят лет, также коснулись темы распития новоизобретенной миниатюрной бутылки водки и поиска третьего. Важными для закрепления в массовом сознании многих поколений советских людей этого феномена стали кадры кинокомедии «Кавказская пленница» (1967), где в одной из сцен главный герой предлагает пациентам лечебного профилактория «сообразить на троих». Только в первый год кинокартину посмотрели 765 миллиона зрителей. Однако еще раньше более продолжительное киноповествование о распитии – «игровую миниатюру» «На троих» – можно было увидеть в сатирическом киножурнале «Фитиль» (1965. № 32), авторы которого заостряли внимание на последствиях выпивки – уличном хулиганстве.

Помимо отдельных киноэпизодов, советский зритель мог столкнуться с упоминанием о распитии на троих в песне, прозвучавшей в фильме «Формула радуги» (1966). Авторство одного из самых колоритных произведений, известного под названием «Плавленный сырок», иногда приписывали Владимиру Высоцкому, а в более поздние времена песня распространилась

19 Фрагмент концертной цирковой программы «Первые встречи». Центральное телевидение СССР, 1960 (www.youtube.com/watch?v=hJGRaT9aaHw).

20 См.: <https://yandex.ru/video/preview/10076025927493217759>.

вместе с другими подпольными магнитофонными записями музыкального коллектива «Братья Жемчужные»²¹. Строки поэта Леонида Дербенева положил на музыку Александр Зацепин; он же исполнил вокальную партию вместо актера Савелия Крамарова. В фильме песня прозвучала без первого куплета, живописующего детали и обстановку процесса:

Сделана отметка на стакане,
И укромный выбран уголок,
И уже разложенный в кармане
Засыхает плавленый сырок.

Наряду с этой не оцененной советской эстрадой песней процедура распития на троих отражена в творчестве Владимира Высоцкого и Александра Галича. Наиболее запомнившиеся строки из репертуара первого – «Мы, правда, третьего насильно затащили» – написаны в 1971 году («Милицейский протокол» или «Считай по-нашему мы выпили немного...»). С ними по популярности соперничают другие – из песни «Письмо в редакцию “Очевидного-невероятного”» (1977):

Взвился бывший алкоголик –
Матерщинник и крамольник:
«Надо выпить треугольник!
На троих его! Даёшь!»
Разошелся – так и сыпет:
«Треугольник будет выпит!
Будь он параллелепипед,
Будь он круг, едрена вошь!»

Помимо более поздней «Притчи о Правде и Лжи» (1977) строчкой «Часто, разлив по сто семьдесят граммов на брата, даже не знаешь, куда на ночлег попадешь», Мария Раевская приводит и другие произведения Высоцкого, содержащие упоминания распития на троих²², начиная с самых ранних: «Но всегда покурить – на двоих, но всегда распивать – на троих» (1963), «Мы с ними встретились, как три рубля на водку, и разошлись, как водка на троих» (1963), «Две проблемы мы решаем глоткой: где достать недостающий рупь и кому потом бежать за водкой» (1964)²³.

Из творчества Александра Галича необходимо вспомнить «Вальс Его Величества, или Размышления о том, как пить на троих» (1966).

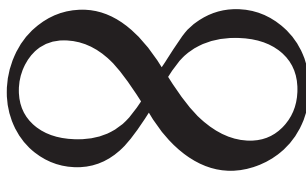
21 Организован музыкантами ленинградского ресторана «Поплавок» в декабре 1974 года. С 1975-го они начинают записываться с подпольным исполнителем Аркадием Северным (Звездиным) (1939–1980) и становятся одним из аккомпанирующих ему коллективов. Коллектив записывал и свои сольные концерты.

22 РАЕВСКАЯ М. Указ. соч.

23 Высоцкий В. *Собрание сочинений: В 4 т.* М., 2009. Т. 1 («Песни. 1961–1970»). С. 28–29, 37, 61

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

«СДЕЛАНА ОТМЕТКА
НА СТАКАНЕ»: К ИСТОРИИ
РАСПИТИЯ НА ТРОИХ...

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

«СДЕЛАНА ОТМЕТКА
НА СТАКАНЕ»: К ИСТОРИИ
РАСПИТИЯ НА ТРОИХ...

Не квасом земля полита,
В каких ни пытай краях:
Поллитра – всегда поллитра
И стоит везде Трояк!
Поменьше иль чуть побольше –
Копейки, какой рожон?!
А вот разделить по-Божьи –
Тут очень расчёт нужен!²⁴

Лев Копелев и Раиса Орлова вспоминают об авторском исполнении песни в своей комнате в Доме творчества советских писателей в Переделкине (декабрь 1966 года). Среди слушателей оказался писатель Корней Чуковский. В своей дневниковой записи Орлова приводит его реакцию:

«У Галича современный, сверхсовременный язык. Сиюминутный. Чуковский живет на земле девятый десяток лет. Как за это время изменились слова, лексика, интонация. Казалось бы, все это должно быть чужим. Отчасти и раздражающим. И реалии неведомые: можно поручиться, что К.И. и не видел никогда, как “соображают на троих”»²⁵.

Итак, по мнению Орловой, распитие на троих относится к явлениям современным, сюиминутным, во всяком случае незнакомым рафинированным слоям общества. Однако более близкие к народу «инженеры человеческих душ» и раньше, и позже подобного удивления не проявляли. Александр Твардовский 24 августа 1964 года записывает в дневнике эпизод, случившийся с его заместителем на посту главного редактора журнала «Новый мир» Александром Дементьевым:

«Вчера впервые за лето выбрались по грибы на машине. Эпизод с Дементом, заблудившимся, испугавшимся и, выбравшись на шоссе, прождавшим нас 3–4 часа с пустой корзинкой возле лавки, где то и дело ему предлагали войти в долю “на двоих” или “на троих”, но у него не было ни копейки»²⁶.

Юрию Нагибину через пять лет ситуация была тоже вполне знакома. В дневниковой записи от 24 апреля 1969 года читаем:

«Юра Павлов взял трубку и порадовал меня таким известием: он добился для меня допуска ко всем секретным документам своего института... Нас прервали. Я поспешил отзвонить, но его уже не было, пошел во двор скидываться на поллитру с монтером и водопроводчиком»²⁷.

24 Галич А. *Антология сатиры и юмора России XX века*. М., 2005. Т. 25. С. 152–153.

25 Орлова Р., Копелев Л. *Мы жили в Москве. 1956–1980*. М., 1990. С. 329–330.

26 Твардовский А. *Рабочие тетради 60-х годов. Продолжение* // Знамя. 2000. № 12. С. 133.

27 Нагибин Ю. *Дневник*. М., 1996. С. 244.

Американский писатель Джон Стейнбек, столкнувшийся в свой приезд в Москву в 1963 году с данной русской традицией, сохранил в памяти все подробности. Владимир Познер – автор предисловия к одному из русскоязычных изданий Стейнбека – передает когда-то услышанный от него рассказ:

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ
«СДЕЛАНА ОТМЕТКА
НА СТАКАНЕ»: К ИСТОРИИ
РАСПИТИЯ НА ТРОИХ...

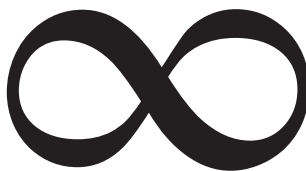
«Зашел я в гастроном посмотреть, что продают. Пока стоял, подошел ко мне человек и начал что-то говорить. Ну, я по-русски ни слова не знаю, а он понял, выставил один палец и говорит “рубль, рубль!”. Ну, я понял, что ему нужен рубль. Я дал ему. Он так выставил ладонь, мол, стой, куда-то ушел, очень быстро вернулся с бутылкой водки, сделал мне знак, чтобы я пошел за ним. Вышли из магазина, зашли в какой-то подъезд, там его ждал еще человек. Тот достал из кармана стакан, этот ловко открыл бутылку, налил стакан до краев, не проронив ни капли, приподнял его, вроде как салют, и залпом выпил. Налил еще и протянул мне. Я последовал его примеру. Потом налил третьему, и тот выпил. После этого он вновь выставляет палец и говорит “рубль!”. Я ему дал, он выскочил из подъезда и через три минуты вновь появился с бутылкой. Ну, повторили всю процедуру и расстались лучшими друзьями»²⁸.

Полуподпольный характер бардовского творчества дает повод предположить, что тема распития была табуирована. Однако с начала 1960-х она была вполне легитимирована, став предметом художественного осмысления и восприятия массовым сознанием. Отношение к этому явлению могло разниться: если в 1965 году в киножурнале «Фитиль» распитие на троих подвергалось суровому обличению, то в 1967-м в «Кавказской пленнице» над ним уже вполне добродушно подшучивали.

Любопытно проследить, как обстояло дело с художественным осмыслением распития на троих до этих знаковых кинокадров. Для этого обратимся прежде всего к журнальной карикатуре, взяв в качестве основного источника журнал «Крокодил» – флагман советской сатиры²⁹. К апрелю 1967 года его тираж вырос до 4,8 миллиона экземпляров (с 1,5 миллиона в конце 1950-х), в мае 1972-го достиг 5 миллионов, а в декабре 1980-го – 5,57 миллиона экземпляров. Уделим внимание и опубликованным в «Крокодиле» прозаическим и стихотворным текстам, а также произведениям отечественного кинематографа.

28 СТЕЙНБЕК Д. *Русский дневник*. М., 2017. С. 11.

29 В приветствии ЦК КПСС по случаю награждения журнала орденом Трудового Красного Знамени указывалось, что он «служит верным помощником партии в воспитании трудящихся в духе коммунистической морали, мобилизует читателей на выполнение задач, поставленных XXIV съездом КПСС; средствами сатиры и юмора ведет борьбу с пережитками прошлого в сознании людей» (Крокодил. 1972. № 25. С. 2). (Далее ссылки на «Крокодил» даются в скобках в тексте. – *Примеч. ред.*)

Прежде всего попробуем обнаружить в «Крокодиле» упоминания о распитии на троих до декабрьского постановления 1958 года, когда вместе с другими печатными органами СССР он был призван активно участвовать в процессе «создания нетерпимого отношения к пьяницам и пьянству», а борьба с этим пороком была провозглашена руководством страны «одной из важнейших задач партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций и всей советской общественности»³⁰. Декабрьским постановлением редакции центральных и местных газет и журналов обязывались «систематически публиковать статьи, фельетоны и корреспонденции, остро бичующие пьяниц и самогонщиков – людей, нарушающих нормы социалистического общежития»³¹.

Полистаем подшивку «Крокодила» за 1958 год начиная с январских номеров. Самая представительная подборка рисунков на антиалкогольную тему, занявшая одну страницу и озаглавленная «Выпил рюмку, выпил две...» (карикатурист Юрий Ганф), искомого сюжета не содержит (1958. № 18. С. 13). Карикатуры, помещенные в других номерах, тоже обходят интересующий нас сюжет стороной: художники предпочитают индивидуальные и вполне безобидные образы любителей спиртного³². Встречаются рисунки с осуждением подношений начальству или наставнику после получки³³; обличению подвергается неэффективная борьба общественности и администрации с пьянством³⁴, нежелательный рост вновь открываемых мест продажи алкоголя³⁵.

Заглянем за рубежную дату – за декабрь 1958 года. На рисунке, выполненном художниками «Крокодила» Исааком Абрамским, Андреем Крыловым и Михаилом Соколовым (1959. № 9. С. 2), фигурируют пока только двое распивающих (илл. 1). Еще одна «двойка» – на рисунке Александра Баженова «Среди язвенников...» (1960. № 21. С. 9), относящийся, правда, к периоду, когда о «троице» в журнале уже было упомянуто, но она еще не утвердилась в качестве канонического образа. На

30 Фокин А.А. *Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками» и антиалкогольная кампания 1960-х годов* // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2014. № 12(341). С. 112.

31 Там же. С. 113.

32 См., например, рисунки Александра Баженова «Мама, почему дядя так поздно начинает учиться ходить?» (Крокодил. 1958. № 17. С. 7), Владимира Соловьева «На палубу вышел, сознания уж нет...» (Там же. 1958. № 22. С. 14), Евгения Гурова «Жаль, что сегодня получка: послушал бы!» (Там же. 1959. № 22. С. 15).

33 Рисунок Михаила Черемных «Любители спрыскивания» (Там же. 1958. № 22. С. 4).

34 Рисунок Константина Ротова «А васьки слушают, да пьют» (Там же. 1958. № 23. С. 7).

35 Рисунок Сергея Кузьмина «Что это вы пивную строите, ведь тут кругом ни души?..» (Там же. 1958. № 33. С. 5).

рисунке Петра Островского «Подстольная» (1959. № 14. С. 14) участников распития четверо, а тема розлива водки под столом раскрывается также на плакате «Молочные братья» (1959) Гаги (Георгия) Ковенчука – члена творческого объединения «Боевой карандаш», – где пара собутыльников для маскировки соответствующего действия в заведении общепита выставляет напоказ бутылку кефира³⁶.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

«СДЕЛАНА ОТМЕТКА
НА СТАКАНЕ»: К ИСТОРИИ
РАСПИТИЯ НА ТРОИХ...

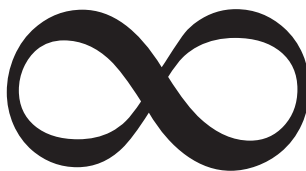

Илл. 1. Исаак Абрамский, Андрей Крылов, Михаил Соколов. «Приносить и распивать спиртное воспрещается» (Крокодил. 1959. № 9. С. 2).

Итак, художники послушно реагируют на один из запретительных пунктов декабрьского постановления, но еще не акцентируют количественный состав микроколлективов, ему противостоящих. В апреле 1960 года тема «тройственного союза» все еще не находит своего отражения: на рисунке Аминадава Каневского «С полочки...» (1960. № 12. С. 7) мороженым вместо рюмок «чокаются» опять лишь двое, а в фельетоне Григория Рыклина «С тебя причитается» (1960. № 14. С. 14), осуждающем обычай обмыть какое-либо торжественное событие, хоть и фигурируют трое участников-сослуживцев, однако выпивают они в ресторане. Оба примера, таким образом, не наш случай.

Обратимся к кинематографу этого «переходного» периода. В одном из начальных эпизодов комедии «Неподдающиеся» (1959) трое рабочих идут отмечать полочку в кафе или ресторан. В финале картины двое из них – перевоспитавшиеся нарушители производственной дисциплины – решают покончить

36 Боевой карандаш: творческий коллектив художников и поэтов Ленинграда / Сост. Л.Д. Каминский и др. Л., 1977. С. 170.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

«СДЕЛАНА ОТМЕТКА
НА СТАКАНЕ»: К ИСТОРИИ
РАСПИТИЯ НА ТРОИХ...

не только с алкоголем, но и с курением. Делая последнюю затяжку, они бросают папиросы на пол со словами, обращенными к взявшей над ними шефство героине: «Туши на счастье!». Наступая на окурки, девушка произносит: «Ну, чтоб на счастье, надо третьего». Как нельзя кстати рядом – с папироской в зубах – оказывается ресторанный компаньон молодых людей, вставших на путь исправления. Тут, казалось бы, и напрашивалась остроумная реплика «Третьим будешь?». Но вместо этого, сопровождая принудительное извлечение сигарки из рта у коллеги, звучит: «Курить надо бросать, дядя». Вряд ли авторы фильма упустили бы такой модный вопрос, будь сценарий написан несколько лет спустя.

Художники послушно реагируют на один из запретительных пунктов декабрьского постановления, но еще не акцентируют количественный состав микроколлективов, ему противостоящих.

Сколько же времени понадобилось, чтобы заметить новое явление? Первое упоминание о распитии на троих в графическом исполнении встречается в журнале «Крокодил» летом 1960 года в рисунке Галины и Валентина Караваевых «Сообразим на троих?..» (1960. № 17. С. 15). В сцене, где три женщины, не имея возможности купить предметы мебели по отдельности, решают вскладчину приобрести гарнитур, мы имеем дело уже

Илл. 2. Галина и Валентин
Караваевые. «Сообразим
на троих?..» (Крокодил,
1960. № 17. С. 15).

с переосмыслением, мемом (илл. 2). Это обстоятельство свидетельствуют в пользу того, что явление уже хорошо знакомо читателю, распространилось и прижилось в быту.

Вскоре в журнале можно встретить стихотворение Вильгельма Гранова (1960. № 28. С. 9):

Поллитровкин, работага.
На своей работе лих:
Спозаранку у продмага
Он хлопочет «на троих».

В отличие от карикатуры «Сообразим на троих?..», здесь автор еще употребляет кавычки, тем самым определяя этот словесный оборот как связанный с относительно новым явлением, требующим смыслового разграничения. «Хлопотание у продмага» указывает на то, что автор подразумевает распитие не в привычном кругу друзей и коллег, а высшую фазу «тройственного союза» – участие случайных собутыльников. Сопровождающий стихи рисунок содержит характерный жест – поднятые три пальца. Рождение соответствующей жестикикулляции – также признак массовости явления.

Еще одно стихотворное упоминание встречается в последнем номере 1960 года. Накануне грядущей денежной реформы «Крокодил» опубликовал стихотворение Владимира Масса и Михаила Червинского «Задушевный разговор», в котором старая десятирублевая купюра дает напутствие новому рублю, вступающему в обращение с 1 января (1960. № 36. С. 3):

Пусть будет жизнь моя тебе наукой.
Я на свое не жалею житье.
Нельзя назвать «хождением по мукам»
Хожденье повседневное мое.
Я повидала много видов разных.
На совесть потрудились –
не за страх, –
Хоть приходилось мне бывать и в грязных,
И в очень неразборчивых руках.
Меня давали даже в виде взятки!
Я слышала немало фраз таких:
«А ну, давай сколотим по десятке.
Сообразим поллитра на троих!»

Обратим внимание на глагол «сообразим». Он также становится частью устойчивого словосочетания задолго до выхода на экраны «Кавказской пленницы»: массовость явления порождает новые лексические формы.

Подведем промежуточный итог. Материалы «Крокодила» и других источников указывают на то, что до декабрьского по-

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

«СДЕЛАНА ОТМЕТКА
НА СТАКАНЕ»: К ИСТОРИИ
РАСПИТИЯ НА ТРОИХ...

становления 1958 года распитие на троих еще не было столь заметным явлением в обществе, однако примерно с середины 1960-го оно стало публично обсуждаемым, нашло художественную репрезентацию, все чаще использовалось в графических образах. Продолжали плодиться и связанные с ним речевые обороты – вот фрагмент из очерка «Крокодила»:

«Лишь в 1961 году Иван Тимофеевич восемь раз осуждался за мелкое хулиганство на общую сумму в 95 суток. Он сидит, понутив голову, измятый, словно его только что вытащили из-под матраца.

– Как же вы живете?

– Видите сами... Паяю...

– Стало быть, вы паяльщик. На каком заводе?

– Не на заводе. В магазине спаяешь на троих – в аккурат бутылка получается»³⁷.

Другой пример распространенности явления: редакция «Крокодила» сопроводила рисунок-загадку Евгения Мигунова (1962. № 29. С. 8), изобразившего сцены городской жизни, вопросом к читателям: все ли из нарисованного совпадает с их жизненными наблюдениями? Одно из несовпадений обнаруживается легко: цветочный букет, помещенный между тремя персонажами с красными носами, замещает привычную водочную бутылку. То есть процедура распития на троих фигурирует уже в качестве привычной сцены городского пейзажа. В последующих номерах сюжет распития на троих – главным образом в качестве мема – продолжает закрепляться³⁸.

* * *

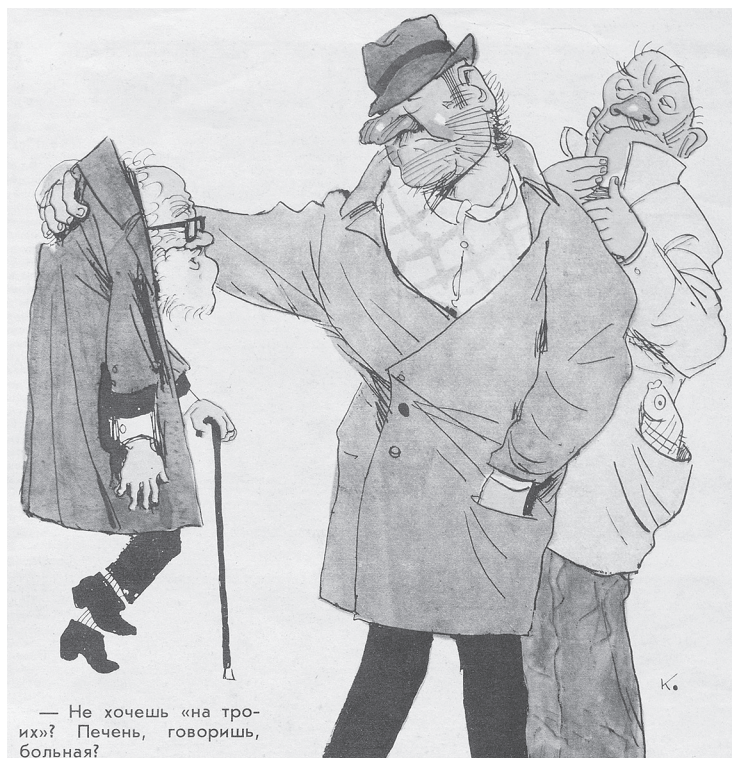
Персонажи литературной классики, численно образующие троицу, – лебедь, рак и щука, трое сказочных богатырей, три мушкетера, Змей-Горыныч о трех головах – становятся легкой добычей творческих поисков карикатуристов, не слишком сильно напрягающих свое воображение³⁹. Доблестные три танкиста по понятным причинам подобным вниманием были обойдены, хотя народный фольклор не щадил и их («три танкиста выпили по триста»⁴⁰) – как и других героических персонажей.

37 Титов В., Юрьев З. *«Сто интервью с хулиганами»* // Крокодил. 1961. № 34. С. 5.

38 См., например, рисунки Владимира Соловьева «Хочу выпить на троих» (Там же. 1961. № 11. С. 14), «Неподдающийся» («Ну что, ребята, сообразим на троих?») (Там же. 1962. № 4. С. 11).

39 См., например, рисунки Юрия Федорова «На троих» (Там же. 1962. № 8. С. 16); Ивана Семенова «Богатыри из ЖЭКа. Без пяти одиннадцать» (Там же. 1979. № 36. С. 5); Евгения Ведерникова «На троих соображае-те?» (Там же. 1966. № 36. С. 14).

40 Цит. по: Астафьев В. П. *Так хочется жить* // Он же. *Собрание сочинений: В 15 т.* Красноярск, 1997. Т. 11. С. 61; *Куплеты-пародии. Из архива Владимира Соломоновича Бахтина (1923–2001)* // *История – миф – фольклор в еврейской и славянской культурной традиции: сборник статей.* М., 2009. С. 435.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ
«СДЕЛАНА ОТМЕТКА
НА СТАКАНЕ»: К ИСТОРИИ
РАСПИТИЯ НА ТРОИХ...

Илл. З. Аминадава
Каневский. «Не хочешь
на троих?» (Крокодил.
1965. № 31. С. 5).

Рисунки на тему «сообразим на троих» продолжали появляться на страницах «Крокодила» с завидным постоянством⁴¹, а с появлением во второй половине 1965 года рубрики «Под углом 40°» такие сюжеты получили дополнительную площадку. В этой рубрике можно было познакомиться с карикатурой Аминадава Каневского (1965. № 31. С. 5) – одной из немногих, где можно усмотреть намек на сопутствующую тройственному распитию агрессию (илл. 3), – или с «частушками-пьянчужками» Александра Стоврацкого, например, такими (1965. № 28. С. 6):

На троих «сообразали»
собутельники раз пять!..
Через два часа не стали
ничего соображать.

Само выражение «сообразить на троих» настолько прижилось и приобрело прочную смысловую связь с распитием, что стало служить предметом для переделок. Так, заметка одного

⁴¹ См., например, рисунки Владимира Соловьева «Клюнем на троих» (Крокодил. 1962. № 13. С. 14), Геннадия Андрианова «Может быть, на троих сообразим?» (Там же. 1962. № 36. С. 8), Евгения Гурова «Ну что? Сообразили?» (Там же. 1963. № 31. С. 13), Игоря Сычева «На троих» из серии «Охота с карандашом» (Там же. 1964. № 19. С. 13), Юрия Федорова «На троих» из серии «Парикмахерская Крокодила» (обыгрывается популярная парфюмерная марка – «тройной одеколон», распиваемый тремя персонажами) (Там же. 1964. № 21. С. 14).

из волгоградских рабочих озаглавлена «Сообразили на двоих!» (1965. № 30. С. 12) (подобная отсылка к устоявшемуся словосочетанию будет встречаться и позже). Геолог Борис Вронский 26 декабря 1966 года использует в дневнике не менее распространенное выражение – «раздавили поллитра на троих»⁴². Аналогичный речевой оборот встречается в дневниковой записи от 25 марта 1962 года у водителя и автомеханика Николая Козакова⁴³. Художественная композиция «троицы» также обретает устойчивые признаки, и даже в сюжетах, где выпивка не является главной темой, она подразумевается или служит фоном⁴⁴.

Если сам процесс распития на троих не являлся правонарушением, то совершение его в общественных местах и предприятиях общепита было запрещено. Одна из распространенных сюжетных вариаций, используемых художниками карикатуристами, отражала борьбу с распитием спиртного в местах, для этих целей не предназначенных. Декабрьское постановление 1958 года обязывало советы министров союзных республик усилить борьбу «с лицами, распивающими спиртные напитки в магазинах, столовых, на улицах и во дворах жилых домов»⁴⁵. Пункт 5 постановления обязывал:

«а) запретить продажу водки в специализированных магазинах по продаже мясопродуктов, рыбопродуктов, овощей и фруктов, молочных и диетических продуктов и консервов, в мелкорозничной городской торговой сети, а также в райунивермагах;

б) прекратить продажу водки во всех предприятиях питания (кроме ресторанов), расположенных на вокзалах, пристанях, в аэропортах, на привокзальных и пристанционных площадях»⁴⁶.

Предельная норма отпуска водки в ресторанах в соответствии с постановлением составляла не более ста граммов на посетителя⁴⁷. Эта новация нашла отражение в кинокомедии «Королева бензоколонки» (1963), где один из персонажей –

⁴² <https://corpus.prozhito.org/note/293098>.

⁴³ <https://corpus.prozhito.org/note/44497>.

⁴⁴ Рисунки Виталия Горяева «Ну, как твой ученик?..» (Крокодил. 1965. № 29. С. 5), Анатолия Цветкова «Но мы начинали оклеивать, кажется, вдвоем?» (Там же. 1964. № 32. С. 10).

⁴⁵ Фокин А.А. *Указ. соч.* С. 114.

⁴⁶ Там же. С. 113.

⁴⁷ Там же. Отражение этой новации см., например, в стихотворении Юрия Благова «В ресторане» (Крокодил. 1959. № 20. С. 15):

– Официант, еще сто грамм
Совместно с винегретом!
– Я больше водки не подам.
Ведь есть приказ об этом...
– Но не сидеть же просто так
В таком шикарном месте!!
– А вы потребуйте коньяк.
Его дадим хоть двести...

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

«СДЕЛАНА ОТМЕТКА
НА СТАКАНЕ»: К ИСТОРИИ
РАСПИТИЯ НА ТРОИХ...

Илл. 4. Кадр из фильма
«Королева бензоколонки»
(1963).

священнослужитель – в ожидании автобуса на бензозаправочной станции идет к буфетной стойке, как бы осеняя ее двоперстием (илл. 4), после чего происходит следующий диалог с буфетчицей: «Батюшка старовер? – Да нет, мне два по сто, и в одну посудину!» В просьбе клиенту было отказано: «В одну посудину не положено по инструкции», – произносит буфетчица, после чего наливает две порции водки в разные стаканы. Заметим, что авторы фильма пренебрегли внимательным изучением постановления: заведение общепита на заправке к числу разрешенных мест продажи водки принадлежать не могло.

Персонажи литературной классики, численно образующие троицу, становятся легкой добычей творческих поисков карикатуристов, не слишком сильно напрягающих свое воображение.

Пресечь нелегальное распитие спиртного в столовых, кафе, чайных, закусочных, пивных и буфетах оказалось делом непростым – реалии жизни и нормы административного запрета расходились. Ленинградский поэт, писатель и художник Геннадий Алексеев записывает свои наблюдения в родном городе (6 января 1964 года) и в Москве (25 октября 1964 года):

«В столовке, что на углу Садовой и Крюкова канала, пил пиво. Когда-то это был, видимо, третьеразрядный кабак. Таким он и остался под вывеской столовой. Пьяные мужики сидят в пальто и в шапках. Водку разливают под столом, на столе для маскировки стоят

бутылки с лимонадом. На стене объявление: “КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩАЕТСЯ распивать принесенные с собой спиртные напитки”»⁴⁸. «Кафе “Марс” на улице Горького. У входа – милиционер и две дружинницы с красными повязками на рукавах. Заведующая в белом халате прохаживается между столиками и внимательно следит за посетителями. Идет борьба с распитием приносимого с собой спиртного. И вдруг – бунт. Посетители возмутились. Толпа окружила милиционера, дружинниц и заведующую: “Безобразие! Оскорбление человеческого достоинства! Мы не арестанты!”»⁴⁹

Имитация борьбы с распивающими не осталась без внимания творческих работников. На рисунке Михаила Ушаца «На маскараде» (1963. № 18. С. 15) выбранная художником линейность композиции, очевидно, помешала ему изобразить «троицу» – место третьего участника за столиком заняла водочная бутылка. В кинофильме Льва Кулиджанова «Когда деревья были большими» (1961) в сцене разговора в закусочной, где герой Юрия Никулина делится планом отъезда в деревню, распивают на двоих, хотя ранее в той же обстановке в беседе участвовали трое, но без употребления спиртного. Для видимости было необходимо приобрести бутылку кефира или молока, чтобы иметь возможность воспользоваться стаканом. Похожую сцену можно увидеть в кинофильме «Мы, двое мужчин» (1962), где состав распивающих также отличается от «традиционного». Один из завсегдатаев станционного буфета, не скрывая своих намерений, делает заказ официантке: «Бутылку кефира и четыре стакана!» (увеличенный состав микроколлектив обусловлен встречей коллег-шоферов). Работникам сферы обслуживания выгоден был не столько лишний заказ-«прикрытие», а как правило оставляемая пустая посуда, залоговую стоимость которой они могли забрать себе. В фильме Ильи Олышвангера «Его звали Роберт» (1967) один из персонажей в исполнении Михаила Пуговкина оригинальным образом подстольно угощается водкой в кафе. Леониду Куравлеву такой трюк позже приходилось исполнять дважды – в фильмах «Афоня» (1975) и «Ёлки-палки» (1988).

Использование столовых, чайных и пивных для распития алкоголя стало популярной темой на страницах «Крокодила» после декабрьского постановления 1958 года⁵⁰. На рисунке

48 АЛЕКСЕЕВ Г. И. *Неизвестный Алексеев: неизданная проза Геннадия Алексеева*. СПб., 2014. С. 50.

49 Там же. С. 79.

50 См., например, рисунки Анатолия Елисеева и Михаила Скобелева «Я не замечал, чтобы в нашей чайной распивали спиртные напитки» (Крокодил. 1970. № 7. С. 8), Юрия Узбякова, иллюстрирующий диалог работника чайной с постоянным посетителем «– Что не заглядываешь? – Пить бросил» (Крокодил. 1972. № 29. С. 13), Геннадия Андрианова «Этот столик не обслуживается...» (Крокодил. 1968. № 33. С. 4), Евгения Щеглова «Мы приобрели для нашей чайной новые, очень удобные столики» (Крокодил. 1968. № 34. С. 5). Николай Князев в миниатюре «Песня ямщика», по тому же поводу пародируя текст известного романа, веселит читателя: «Когда я на почте служил ямщиком, то в “Чайной” и впрямь угощали чайком» (Крокодил. 1971. № 15. С. 14).

Юрия Черепанова «Вы, кажется, отклонились от проекта» (1963. № 17. С. 13) здание чайной изображено в виде водочной бутылки. Под стать рисункам были и немудреные поэтические поделки (1959. № 20. С. 8):

Чижик пьяный-перепьяный
Он в кафе «Строитель» был.
Выпил «чаю» два стакана –
В отделение угодил.

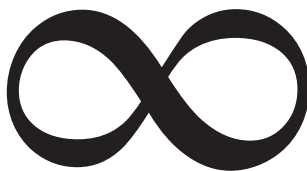
МИХАИЛ НИКОЛАЕВ
«СДЕЛАНА ОТМЕТКА
НА СТАКАНЕ»: К ИСТОРИИ
РАСПИТИЯ НА ТРОИХ...

Обличительный пыл со временем остывает, уступая почти добродушной насмешке. На рисунке Анатолия Цветкова «Папа привык обедать в столовой» (1966. № 4. С. 15) глава семейства украдкой наливает себе под столом стакан водки в домашних условиях. На рисунке Евгения Щеглова «Сила привычки» (1973. № 33. С. 8) «троящиеся» разливают под столом тетрапаковский пакет молока.

В изображении художников-графиков композиция и в этом тематическом контексте приобретает «традиционный» количественный состав участников. Рисунок Евгения Шукаева «Где здесь столовая?» (1962. № 24. С. 7) интересен тем, что карикатурист выделяет конкретные типы: главарь-хулиган, незнатный железнодорожный рабочий, служащий-выпивоха (илл. 5). Столь широкое социальное представительство позволяло избежать упреков в искажении облика советского рабочего. В упомянутом выше сюжете киножурнала «Фитиль» появляется тип спивающегося слабохарактерного интеллигента, который станет чуть ли не обязательным персонажем коллективного портрета. На рисунке Наума Лисогоского несколько «водочных троек» решительными шагами устремляются в кафемолочную, откуда одна из них в хорошем подпитии удаляется (1966. № 5. С. 10). Интеллигента в этой компании легко определить по головному убору – шляпе. На рисунке «Вот мчится тройка удалая...» (1965. № 6. С. 5) образ спивающегося интеллигента идентифицируется по шапке-«пирожку», отчетливо обозначен и классический маршрут «триумвирата» (илл. 6).

* * *

На 1965–1967 годы пришелся пик интереса к сюжету распития на троих. Здесь следует остановиться на первом номере «Крокодила» за 1966 год, где данная тема стала главной, а посвященному ей фельетону «На троих» предпосылалась обложка журнала с фотографией, на которой кинотроица в составе Юрия Никулина, Георгия Вицина и Евгения Моргуна инсценировала распитие спиртного (илл. 7).

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

«СДЕЛАНА ОТМЕТКА
НА СТАКАНЕ»: К ИСТОРИИ
РАСПИТИЯ НА ТРОИХ...

Илл. 5. Евгений Шукаев.
«Где здесь столовая?»
(Крокодил. 1962. № 24.
С. 7).

Илл. 6. Юрий Андреев,
Михаил Скобелев, Анатолий
Елисеев, Александр
Грунин, Гарри Иорш,
Владимир Соловьев,
Святослав Спасский
«Вот мчится тройка
удалая...» (Крокодил.
1965. № 6. С. 5).

«Ныне решается проблема пьянства. Оно вконец надоело», – делает вступительный заход фельетонист, после чего приводит несколько житейских историй и предпринимает едва ли не единственную среди всех помещенных когда-либо в журнале материалов попытку обосновать, какое же зло содержится в распитии на троих. Оказывается, оно заключается в большем объеме потребления алкоголя по сравнению с индивидуальным – вывод для позднесоветской жизни весьма спорный⁵¹ и не учитывающий к тому же главного фактора – материального, финансового.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

«СДЕЛАНА ОТМЕТКА
НА СТАКАНЕ»: К ИСТОРИИ
РАСПИТИЯ НА ТРОИХ...

Илл. 7. Обложка журнала
«Крокодил» (1966. № 1).

Проблему, по мнению автора, можно решить в том числе путем увеличения выпуска так называемых «шкаликов, представляющих маленькую, стограммовую бутылочку». Герой фельето-

51 Вот, например, альтернативная точка зрения: «Одинокое пьянство именно в силу своей безопасности гораздо страшней [чем] “на троих” – тут нет ни меры, ни удержу. Тут уж один шаг до запоя и алкоголизма» (Левинтов А. Указ. соч. С. 297).

на – программист Сидоров, желающий слегка выпить и опасаящийся, что, купив поллитровку, не удержится от того, чтобы не опорожнить ее целиком, объехал пол-Москвы, но так и не смог приобрести «четвертинку». Фельетонист рисует трагическую картину:

«В полном смятении стоял Сидоров на морозе. Из кулака у него торчал рубль. В этот тяжелый момент мимо прошел вахтер обойной фабрики районного значения, у которого был выходной. Чтой-то стало холодать, – грубым голосом сказал он. – Не пора ли нам поддать? Ручки мерзнуть, ножки зябнуть, – подбежал к вахтеру заиндевелый дедушка. – Не пора ли нам дерябнуть? Ищем третьего! – шепотом закричали они».

Следует описание распития в подъезде из одолженного старушкой стакана в обмен за оставленную пустую посуду, затем принятие повторной дозы и тяжелое возвращение домой. Оплакивая печальную судьбу Сидорова и ему подобных, автор заключает: «Их доконала большая бутылка».

От «примера из жизни» фельетонист переходит к расследованию, выявляющему следующую картину: Минторг, оказывается, обращался к Минпищепрому с просьбой увеличить количество поставляемых шкаликов, но для внутреннего рынка их не хватало (в первую очередь снабжались аэропорты «Шереметьево» и «Домодедово»). Далее выяснилось, что Минпищепром перезаказывает бутылки в Минстройматериалов, которое озабочено лишь тем, чтобы обеспечить необходимые объемы выпуска своей профильной продукции, а производство бутылок стояло там далеко не на первом месте. К тому же бутылочный завод «Индустрия» поставлял бракованные изделия и Московский ликерно-водочный завод жаловался, что списал в брак полмиллиона бутылок мелкой расфасовки: водка разъедала стекло и делалась мутной. Когда решался вопрос о передаче заводов Минпищепрому (как и было до 1957 года), вмешалось Минпросвещения, попытавшееся доказать, что по примеру Швеции нужно продавать водку в таре большего объема: ее, мол, за неимением средств не купит школьник. Таким образом – жалуется на ведомственную разобщенность автор – «поллитровка оттерла шкалик»⁵².

52 Проблема мелкой тары возникла не «вдруг». Согласно постановлению Совета Министров СССР от 24 апреля 1948 года № 1384 «О мероприятиях по улучшению качества и ассортимента водки, ликеров, наливок и настоек», розлив водки и ликерно-водочных изделий в бутылки должен быть составлен в том году не менее 80% общей выработки против 28,9% в 1947-м. Водку следовало разливать в бутылки емкостью в один литр – 610 тысяч гектолитров, пол-литра – 17 100 тысяч гектолитров, четверть литра – 3500 тысяч гектолитров, одну десятую литра – 190 гектолитров. То есть поллитровок должно было выпускаться в 4,8 раза больше, чем «четвертинок», и в 90 раз больше, чем «мерзавчиков» или «шкаликов». В период очередной антиалкогольной кампании постановлением Совета Министров СССР от 16 мая 1972 г. № 361 «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» Министерству пищевой промышленности СССР предписывалось «прекратить производство... водки и крепких водочных изделий в расфасовке 0,1 и 0,05 литра» (Собрание постановлений СССР. 1972. № 11. Ст. 61).

Накануне выхода «Кавказской пленницы» на экраны (1967) тема распития на троих уже широко эксплуатировалась⁵³. Поэтому, признавая, что сцена в лечебном профилактории оставила яркий след в памяти поколений, квалифицировать ее как художественное открытие нельзя. Однако вполне вероятно, что кинокомедия, хорошо принятая зрителями, способствовала дальнейшему тиражированию шуток про «троящихся»⁵⁴. На эту тему придумывались в том числе юмористические иллюстрированные арифметические загадки, в условиях которых шла речь о трех дяденьках, скинувших по рублю с последующим забегом одного из них в определенном направлении⁵⁵.

Помимо графики, в «Крокодиле» тема обыгрывается в стихах и прозе. Например, в стихотворении «Заначка» (1965. № 16. С. 13) Владимир Константинов и Борис Рацер, погружаясь в поисках зарождения этого явления в доисторические времена, а после переходя от них к современности, писали:

Только прячут не туши, не шкуры
От своих благоверных подруг,
А бумажные прячут купюры
В тайниках макинтошей и брюк.
А не хватит припрятанных денег –
Не беда: у киосков пивных
Наготове стоит «соплеменник».
Вопрошающий: «С кем на троих?»

В другой пародии читаем (1968. № 19. С. 3):

– Чижик, чижик, где ты был?
– В «Гастрономе» водку пил:
Раз «строился», два «строился»,
А на третий с ног свалился.

53 См., например, рисунки Бориса Савкова «Что же я хотел вам сказать?» (Крокодил. 1966. № 12. С. 9), «В порядке уточнения» (Крокодил. 1966. № 18. С. 11).

54 Например, рисунки Бориса Лео «Дорогая, вон те два симпатичных товарища предлагают мне выпить за твоё здоровье!» (Крокодил. 1968. № 6. С. 3), Игоря Сычева «На троих» (Крокодил. 1968. № 15. С. 14), Гарри Иорша «Понаблюдайте за этими: кажется, соображают на троих...» (Крокодил. 1968. № 22. Задняя обложка), Аминадава Каневского «Взяли-то на троих...» (Крокодил. 1969. № 2. Обложка), «Нам, пожалуйста, тройную уху» (Крокодил. 1970. № 19. С. 6), М. Вайсборда «Новинка» (Крокодил. 1969. № 11. С. 9; творческая фантазия художника, изобразившего водочную бутылку с тремя горлышками, как ни странно, в постсоветские времена была воплощена в жизнь), Юрия Узбякова «На троих» (Крокодил. 1970. № 1. С. 12), Е. Гурова «Что не начинаете? Кворума нет» (Крокодил. 1970. № 15. С. 5), Владимира Шкарбана «Берегите зеленого друга!» (Крокодил. 1971. № 34. С. 11; образ оставленного двумя собутыльниками третьего с позеленевшим от выпитого лицом отсылает к статье писателя Леонида Леонова «В защиту зеленого друга» (Известия. 1947. 28 декабря), в которой говорилось о необходимости озеленения городов и охране уже существующих посадок).

55 Рисунок Юрия Федорова «Крокодилские курсы повышения квалификации. Урок первый. Арифметика» (Крокодил. 1969. № 7. Задняя обложка).

В миниатюре Игоря Мартыанова «На троих» (1966. № 32. С. 12) комический эффект достигается с помощью обыгрывания сложившегося стереотипа.

«Я стоял у витрины гастронома и думал: “На одного явно много. Как минимум – на троих. Придется искать подходящих людей”. К счастью, вскоре подошел интеллигентный гражданин с пустой бутылкой. Я проследил за его взглядом и понял, что мы единомышленники. Третий тоже не заставил себя ждать. Мы быстро “скинулись” и стали обладателями заветной жидкости. Оставалось только ее поделить. Плохо, когда продают яблочный сок в трехлитровых банках».

В рубрике «Нарочно не придумаешь» встречаются документальные свидетельства в виде объяснительных записок (1966. № 24. С. 15):

«Я, Никитин Николай Филиппович, будучи в нетрезвом виде в отгуле, заехал в пивную, выпил там на троих бутылку – не берет, выпил еще бутылку – не берет. Еще выпил, не помню сколько – взяло. Проснулся в кукурузе и боюсь идти домой. Прошу местный комитет, чтобы впредь со мной таких случаев не повторялось».

Охотно пользовались полюбившимся образом и литературные критики. Разбирая текст песни «Да и нет» Кима Рыжова из фильма «Личная жизнь Кузьева Валентина», Владимир Волин сначала приводит оригинальные строчки, а потом предлагает пародийный вариант «с медицинским уклоном» (1970. № 21. С. 13):

Остановись, юный друг, и дай ответ.	Остановись, юный друг, и дай ответ,
Со вниманием послушаем всегда:	О здоровье мы заботимся всегда:
Ищешь ли покой? – Нет!	Хочешь на троих? – Нет!
Любишь ли стихи? – Да!	Хочешь витамин? – Да!
И ничего, что неправ ты иногда,	
Если надо, мы дадим тебе совет:	
Ходишь в турпоход? – Да!	
Хочешь миллион? – Нет!	

Персонаж рассказа Леонида Треера «Разговор с интересным человеком» (1970. № 29. С. 11) – регулярный клиент вытрезвителя – допился до того, что был задержан в универсаме при попытке пригласить двух манекенов в ближайший гастроном. В «Крокодильской сатирической энциклопедии» приводились такие понятия:

«Бутылка – известная гастрономическо-арифметическая величина. Делится на три без остатка. Служит определенным коллективам (трио) для “соображения”. Несколько подряд “соображенных” б. лишают все трио всякого соображения» (1971. № 7. С. 14).

«Забегаловка – заведение, куда забегают на двоих, соображают на троих и выползают на четырех» (1971. № 18. С. 14).

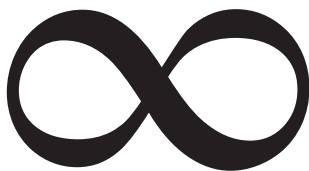
МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

«СДЕЛАНА ОТМЕТКА
НА СТАКАНЕ»: К ИСТОРИИ
РАСПИТИЯ НА ТРОИХ...

Несмотря на юмористический характер подобной энциклопедии, попадание в нее – еще одно свидетельство того, что шутки, связанные с распитием на троих, прочно укоренились в общественном сознании. В еще большей степени об этом говорит конкурс «Крокодила» на лучшую подпись к рисунку Галины и Валентина Караваевых, на котором были изображены двое мужчин у подъезда дома зимой: один одетый, но без головного убора, другой – в одних трусах, но в меховой шапке (1970. № 2). Было прислано более 21 тысячи ответов, часть – с несколькими вариантами. Редакция отметила, что «огромное [количество] подписей содержало упрек нашей легкой промышленности, которая никак не может наладить выпуск меховых шапок в достаточном количестве». Подпись «Где вы достали шапку?» встретилась в 112 письмах. Самый же распространенный вариант был «С миру по нитке – голому рубашка» (600 предложений). Но тем не менее в числе ответов-победителей редакция выбрала и такой: «Интересно, а кто же у нас был третьим?» (1970. № 8. С. 14).

Сюжет распития на троих к началу 1970-х не просто прочно закрепился в виде мема, но и, утратив свежесть, перестав восприниматься как новое, подмеченное в жизни явление, стал привычно употребительным, шаблонным и даже навязчивым.

Можно констатировать, что сюжет распития на троих к началу 1970-х не просто прочно закрепился в виде мема, но и, утратив свежесть, перестав восприниматься как новое, подмеченное в жизни явление, стал привычно употребительным, шаблонным и даже навязчивым. Говоря об этом временном рубеже, можно вспомнить одну из сцен телефильма «Волшебная сила искусства» с участием Аркадия Райкина (1970). Его персонаж, ведя на глазах соседей разговор с притесняемой ими учительницей об обмене жилплощадью, объясняет, что сам, якобы, не хотел размена, ибо у него по месту текущей прописки имеются два старых «корешка», с которыми «большое удобство на троих сообразить». Герой Райкина заставляет и свою интеллигентную собеседницу, весьма далекую от знакомства с этой процедурой, посочувствовать упускаемой выгоде. Через пять лет сцена с попыткой найти третьего в кинофильме Георгия Данелия «Афоня» (1975) взрослым поколением зрителей уже воспринимается как режиссерский штамп.

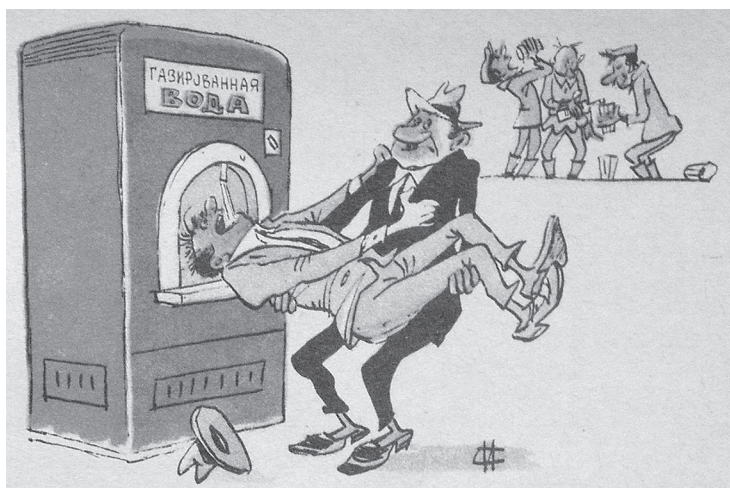
МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

«СДЕЛАНА ОТМЕТКА
НА СТАКАНЕ»: К ИСТОРИИ
РАСПИТИЯ НА ТРОИХ...

* * *

Следует сказать также о такой специфической проблеме, как поиск мерного инструмента – стакана. Часто он похищался из автоматов с газированной водой, что нашло отражение в рисунке Игоря Сычева «Решение проблемы» (1967. № 21. С. 9) (илл. 8).

Илл. 8. Игорь Сычев.
«Решение проблемы»
(Крокодил. 1967. № 21.
С. 9).

Эстрадные куплетисты Павел Рудаков и Борис Баринов в телефире распевали: «Автоматы с газировкой недовыполнили план. Их полсотни на Петровке – и на все один стакан» (1963). Данной проблеме посвящен специальный сюжет «Стаканчики граненые» киножурнала «Фитиль» (1967. № 55), в котором корреспондент выясняет причины пропажи стаканов из автоматов с газированной водой. Выясняется, что похищают их... для выпивки! Один из задержанных на месте преступления признается: рубль у него есть, хотели с приятелями выпить на троих. Сопроводительный голосовой текст сообщает, что только в Москве за прошлый летний сезон похищен один миллион стаканов! Летом 1983 года бригада «крокодилцев», столкнувшись с отсутствием стаканов в аэропорту Красноярска, обнаружила их висющими на ветках кустов соседнего сквера. Это вдохновило их на создание комикса «Тайна исчезнувших стаканов» (1983. № 32. Задняя обложка).

На некоторых предприятиях автоматы с газированной водой работали бесплатно. Однако и там с сохранностью стаканов дело обстояло не лучшим образом. В рубрике «Нарочно не придумаешь» была опубликована фотография объявления со следующим текстом: «Товарищи рабочие! Просим обеспечить сохранность стаканов у автоматов питьевой воды. Все сделано для вас, не нарушайте питьевое хозяйство!» (1970. № 35. С. 15).

Помимо проблем с добытанием мерной емкости, важен был и вопрос справедливого распределения содержимого бутылки. Эдуард Кочергин в рассказе «Легенда Петровского острова» знакомит читателя с умельцем, который поровну разливал водку в стаканы «по булям». Искусство состояло в быстром переворачивании открытой бутылки и в точном ее перемещении во время пауз между «булями» (бульканьями) от стакана к стакану. Опытным путем любители выпить установили, что содержимое водочной бутылки делится на 21 «буль», и если разливать на троих, то каждому доставалось по семь «булей»⁵⁶. Однако заметим: иметь несколько стаканов в процессе распития мог позволить себе отнюдь не каждый стихийно сложившийся коллектив.

Сцены распития на троих использовались и в контексте противодействия пьянству на производстве – борьбе за высокие производственные показатели и против того, что препятствовало их достижению, советская сатира всегда уделяла внимание. В этой связи характерны рисунки Андрея Крылова «Мастер идет...» (1968. № 4. С. 13), Александра Грунина «Я отлучусь на минуту в цех, табель повешу» (1970. № 9. С. 10), Анатолия Елисеева «Что так мало оставили...» (1977. № 4. С. 7). А вот элемент случайности в формировании «тройственного союза» с 1970-х становится менее актуальным: возможно, это отражало жизненные реалии – прежде всего рост материального благосостояния советских граждан.

Касаясь наиболее часто встречающихся деталей обстановки распития, следует сказать об обличительном изображении подворотен, соседстве с мусорными баками, то есть тех «антисанитарных условий» (пользуясь выражением Аркадия Райкина), которые должны были пристыдить «троящихся» в глазах общественности⁵⁷. В рисунке «Мы решили стилизовать кафе для постоянных посетителей» карикатурист Михаил Скобелев, изображая антисанитарную атрибутику, поднимается до обобщений, живописуя кафе-подворотню (1977. № 2. С. 13). На рисунке «Все тот же двор...» (1965. № 6. С. 5) к подворотне с мусорным баком направляется пара изрядно выпивших граждан. Недокомплект!⁵⁸ Если Геннадий Андрианов в рисунке «А-ля фуршет» (1972. № 36. С. 3) легко подсмеивается

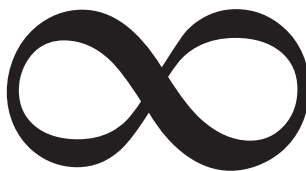
МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

«СДЕЛАНА ОТМЕТКА
НА СТАКАНЕ»: К ИСТОРИИ
РАСПИТИЯ НА ТРОИХ...

56 Кочергин Э. Ангелова кукла. Рассказы рисовального человека. Л., 2008 (https://royallib.com/read/kochergin_eduard/angelova_kukla_rasskazi_risovalnogo_cheloveka_.html#580558). В одном из анекдотов фигурирует другая арифметика – восемь «булей» (Мельниченко М. Указ. соч. С. 718).

57 Например, рисунки Сергея Кузьмина «Что же ты, лопоухий, ворота плохо защищаешь?» (Крокодил. 1974. № 3. С. 13), Анатолия Елисеева «Тоже мне, столичная штучка» (Крокодил. 1975. № 34. С. 7).

58 Но в последующих номерах численность распивающих приводится к «традиционной» норме, см., например, рисунки Л. Немировского «Да мы ведь в бутылочку играем» (Крокодил. 1971. № 22. С. 11), Анатолия Цветкова «Все равно не успеют...» (Крокодил. 1972. № 33. С. 5; распивающая в подворотне тройца комментирует пробегающих перед ними спортсменов-легкоатлетов: здесь обыгран запрет продажи водки и других алкогольных напитков крепостью 30 градусов и выше в магазинах с 11:00 до 19:00, согласно постановлению Совета Министров СССР от 16 мая 1972 года № 361).

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

«СДЕЛАНА ОТМЕТКА
НА СТАКАНЕ»: К ИСТОРИИ
РАСПИТИЯ НА ТРОИХ...

над «праздничным застольем», устроенным в подворотне, то у маститого Бориса Ефимова – одного из ведущих политических карикатуристов старой закалки – мы видим обличительный пафос (1973. № 32. С. 9), напоминающий суровые образцы прошлого (илл. 9).

Илл. 9. Борис Ефимов.
«Триползень подворотный» (Крокодил. 1973.
№ 32. С. 9).

Триползень подворотный

ГИБРИД — ЗНАКОМАЯ ПОХОДКА:
ШЕСТЬ НОГ, ШЕСТЬ РУК, В ТРЕХ ГЛОТКАХ—ВОДКА.

Помимо антисанитарии, «троящихся» можно было упрекнуть в том, что они совершают свой обряд на глазах у детей и подростков. Если распитие в заведениях общепита и подворотнях нашло отражение в уже описанных примерах, то использование для той же цели детских площадок («в скверу, где детские грибочки», по Высоцкому) – нет. Упоминание об этом встречается только в одном фельетоне «Добудем третьего, Никифор!» (1971. № 24. С. 11): «Где реализует себя коллектив из трех человек? У магазинов и пивных заведений. В четвертом

микрорайоне узбекского города Намангана коллектив реализует себя на детской площадке».

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

«СДЕЛАНА ОТМЕТКА
НА СТАКАНЕ»: К ИСТОРИИ
РАСПИТИЯ НА ТРОИХ...

* * *

Сакраментальное «Третьим будешь?» начинает жить своей жизнью в качестве самостоятельного мема. Этот вопрос на карикатуре Олега Корнева (1970. № 31. С. 8) двое легко опознаваемых алкоголиков, плавающих внутри бутылки со спиртным, задают проходящему мимо нормативно «правильному» советскому гражданину. То же интересует на рисунке Евгения Щеглова двух зомбиподобных товарищей, обращающихся к идущему мимо пожилому человеку, но только в этот раз водочная бутылка, из которой они выглядывают, стилизована под гроб (1978. № 19. С. 7). Схожим образом переосмыслится выражение «сообразим на троих»: на рисунке Юрия Черепанова

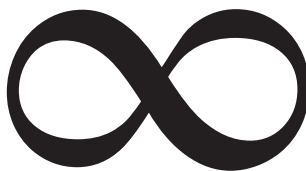
Илл. 10. Евгений Щеглов.
«Опять ее нет на месте!» (Крокодил. 1972.
№ 19. Обложка).

— Опять ее нет на месте! Долго мы еще будем терять рабочее время?!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

КРОКОДИЛ

№ 19
ИЮЛЬ 1972

нова «Сообразили на двоих» изображена держащаяся друг за друга пара скользящих лыжников, где у каждого только одна лыжа (1969. № 8. С. 8–9).

Отходят ли художники от стереотипа? В редких случаях – да. В карикатуре Николая Елинсона используется образ трех богатырей (1967. № 34. С. 15): но в данном случае художник отсылает к хоккейной тройке нападения. Можно встретить и отступления от шаблона, когда в распитии принимают участие четверо, как, например, на рисунке Галины Караваевой «Старик! Перестань скрипеть, мешаешь культурно отдыхать» (1978. № 10. С. 5).

Постановление Совета Министров СССР от 16 мая 1972 года № 361 «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» придало новый импульс кампании борьбы с пьянством. Самое заметное нововведение – продажа в магазинах алкогольных напитков крепостью 30 градусов и выше с 11:00 до 19:00. Обыграть эту новую реальность не составляло для карикатуристов большого труда и даровало им тему на несколько лет вперед (илл. 10). Ожидание заветных 11:00 отражено в рисунках Юрия Узбякова «Скорее оформляйте, уже одиннадцать часов» (1976. № 17. С. 5) и Ивана Семенова «Богатыри из ЖЭКа. Без пяти одиннадцать» (1979. № 36. С. 5). Любопытно, что 11:00 можно увидеть и в объявлении из рисунка Анатолия Цветкова «А это у нас зал ожидания», опубликованного еще до постановления 1972 года. Среди публики – по обыкновению – прижавшийся к стенке коллектив из трех человек (1970. № 7. С. 9).

Другая норма постановления предписывала:

«Установить, что при заболеваниях вследствие опьянения или действий, связанных с опьянением, а также вследствие злоупотребления алкоголем (травмы, алкогольный психоз, белая горячка, хронический алкоголизм) больничные листки при амбулаторном и стационарном лечении не выдаются и пособия по временной нетрудоспособности не выплачиваются».

Откликаясь на решения «партии-правительства», карикатуристы не заставили себя долго ждать: например, в работе Бориса Ефимова «Где здесь выписывают больничные листы?» (1972. № 21. С. 9) у характерно припухшего и помятого персонажа в регистратуре поликлиники гипс на руке имеет форму водочной бутылки. Оперативно реагируя на новые вводные, художники не бросали и полюбившегося сюжета: так, на рисунке Ивана Семенова «Ищи третьего!» двое на лавочке перед гастрономом дают команду дворняге, предварительно подсовывая ей понюхать водочную бутылку (1974. № 34. С. 10).

С середины 1970-х художники стали использовать старый мем, откликаясь на новые жизненные явления. Так, на рисунке

Юрия Узбякова «Гони рубль, тогда и установим контакт!» статья третьим предлагается инопланетянину, высадившемуся из космолета (1976. № 7. С. 7). На рисунке Михаила Смиренского «Соображают» троица в подворотне пытается решить головоломку, колдуя над кубиком Рубика (1983. № 10. С. 10). Но это скорее исключения. Чаще художники вплоть до начала 1990-х шли проторенной дорогой, эксплуатируя старые сюжеты⁵⁹.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

«СДЕЛАНА ОТМЕТКА
НА СТАКАНЕ»: К ИСТОРИИ
РАСПИТИЯ НА ТРОИХ...

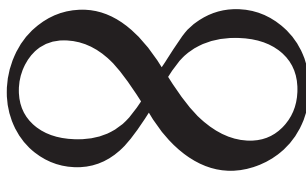
* * *

Подводя итог, можно констатировать, что распитие спиртного на троих, очевидно, зародившееся до декабрьского постановления 1958 года, начало приобретать массовый характер и стало предметом внимания деятелей культуры (прежде всего художников-графиков) начиная с первой половины 1960 года. Пик популярности этой темы, к которой обратились печать, эстрада и кинематограф, пришелся на 1965–1967-й. Начиная с 1970-х сюжет становится каноническим и теряет привлекательность новизны, но ни с киноэкрана, ни с журнальных полос не исчезает, где его можно обнаружить и в 1980-х. Несмотря на то, что само явление постепенно становится архаичным и угасающим, «мастера культуры» еще долго продолжали эксплуатировать привычный образ. В изображении художников «Крокодила» преобладал относительно мягкий, терпимый юмор, отражающий, вероятно, то обстоятельство, что распитие на троих не стало само по себе отдельным «пунктом повестки» антиалкогольных кампаний.

Перемещаясь в день сегодняшний и касаясь вопроса об исторической памяти о популярном когда-то досуговом ритуале, заметим, что рост ностальгических настроений по советскому прошлому не обошел вниманием и этой темы. Так в интернете автору однажды встретила миниигра «Сообразим на троих»: удерживая мышью с помощью стрелки на экране изображение бутылки, играющему предлагалось разлить ее содержимое последовательно в три стакана, соблюдая равенство порций⁶⁰. Живое творчество масс, находящее в цифровую эпоху новые формы выражения, как видим, воистину неистребимо.

59 См., например, рисунки Эм. Прага и М. Ронкина «Отдай рюмку, гадина!» (Крокодил. 1979. № 34. С. 7), Виктора Боковни «Что будете брать из закусок?» (Крокодил. 1980. № 16. С. 7), Геннадия Андрианова «Тут мы, Колюня, привели тебе на утверждение кандидатуру “третьего”» (Крокодил. 1982. № 8. С. 13), Льва Самойлова «Механизаторы соображают на троих? Отлично! Значит, бригада укомплектована» (Крокодил. 1983. № 12. С. 7).

60 <http://obigre.ru/another/flashgamesdfv.html>.

*Кирилл Александрович
Осват (р. 1980) –
филолог и историк куль-
туры, автор книги «При-
дворная словесность:
институт литературы
и конструкции абсолю-
тизма в России середины
XVIII века» (2020), про-
фессор Университета
Висконсина в Мэдисоне.*

О том, как подавленный яицкий бунт 1772 года перешел в пугачевщину, повествует песня, записанная в первой трети XIX века Петром Киреевским. Фольклористы XX века условно озаглавили ее «Начало восстания на Яике»:

Яицкие казаки –
Бунтовщики были, дураки.
Не маленькая была их часть,
Задумали в один час.
Генерала они убили.
В том не мало их судили.
Государыня простила,
Жить по-старому пустила.
Они, сердце свое разъяря,
Пошли искать царя.
Они полгода страдали
И царя себе искали.
Нашли себе царя –
Донского казака.
Донского казака,
Емельяна Пугача.

1 Статья представляет собой фрагмент готовящейся к изданию книги Кирилла Освата «Пугачевщина: политическая семиотика бунта в эпоху Просвещения (опыт демократической историографии)». Печатается с разрешения издательства ОГИ.

**УГНЕТЕННЫЕ
ГОВОРЯТ. КАК
ИСТОРИКАМ ИХ
УСЛЫШАТЬ?**

Он ко Гурьеву подходил,
Ничего не учинил.
От Гурьева возвратился,
С своей силой скопился.
К Яику подходил,
Из пушечек палил.
От Яицкого городка
Протекла кровью река².

КИРИЛЛ ОСПОВАТ
САМОЗВАНЕЦ
И ДЕМОКРАТИЯ

Имитируя чуть ли не газетную точность деталей, эта песня не теряет главной функции фольклорного эпоса: сохранять в коллективной памяти символически значимый сценарий события, отвечающий устойчивым представлениям исполнителей и слушателей об устройстве мира и общества. «Начало восстания на Яике» было, по словам казацкого исполнителя XIX века, «солдатской» песней³, то есть исходило от противников бунта – хотя могло бытовать в противоположной идеологической огласовке, без стихов, осуждающих мятеж. Тем интересней, что рассмотрение хода и пружин восстания в песне не вторит официальной версии об обольстителе-самозванце, но очерчивает логику казацкой демократии. Главной действующей силой пугачевщины в песне предстают *яицкие казаки* – коллективное единство, в котором при ближайшем рассмотрении можно узнать мятежный казацкий плебс, *голытьбу* или *непослушных* («не маленькая была их часть»). *Яицкие казаки* парадоксально реагируют на разгром своего бунта: они затевают новый, еще более масштабный мятеж, распространяющийся на этот раз за пределы яицкого войска. Этот рассказ отвечает ходу событий и их логике, как ее, опираясь на выводы следователей, поняла и сама Екатерина II. Мятеж оказывается результатом совещательного, демократически принятого политического решения, воплощенного в выборе *царя*:

Они, сердце свое разъяря,
Пошли искать царя.
Они полгода страдали
И царя себе искали.

Эти строки содержат узловую формулу самозванчества, балансирующего между *самовластием черни* и претензией ее вождя на царскую роль. Пугачев объявился на Яике и был признан казаками за Петра III через несколько месяцев после подавления бунта 1772 года. Выдвижению предводителя предшествовало формирование низового консенсуса. «Начало восстания на Яике» описывает зарождение пугачевщины по модели распространенного в казацких песнях сюжета о выборе

2 Исторические песни XVIII века / Подг. О.Б. Алексеева, Л.И. Емельянов. Л.: Наука, 1971. С. 270.

3 Народные исторические песни / Подг. Б.Н. Путилов. М.; Л.: Советский писатель, 1962. С. 373.

атамана. Он мог связываться с именами Ермака и Степана Разина, а в яицком (уральском) фольклоре – с казачьими походами на Хиву. Процитируем яицкий вариант:

Как не ясные соколики солетались,
Не хивинские лизервушки только соезжались.
Вот сходились, ребятушки, они только во единый круг,
За единую, ребятушки, они только думу думали:
– Ну кому из нас, ребятушки, атаманом быть,
Ну кому из нас, ребятушки, есаулом слыть?
Уж мы выберем, ребятушки, себе атаманушку походного,
Есаулушку мы выберем себе залетного.
Атаман-то а он говорит, словно во трубу трубит,
Есаул-то а он говорит, только во сверло сверлит:
– Ох, долго ль, ребятушки, будем на Дарье стоять?⁴

Песни этого цикла, именующие казаков *людьми вольными*, представляют собой своего рода устную конституцию казацкой демократии. Эпическая форма служит увековечиванию и воспроизводству плебисцитарного *обычая* и его устойчивого словаря. Перед нами архетипическая встреча народного собрания – казацкого *круга*, в котором множество участников складывается в *единую* (этот эпитет повторен дважды подряд) волю и *думу*. Понятие *думы*, служившее в допетровском языке и синонимом *мысли*, и названием совещательного органа, обозначает демократическую рациональность. В прокламациях булавинского восстания в этом значении употребляется формула *совет и дума*⁵. Круг собирается для обсуждения будущих действий и избрания руководителей – атамана и есаула. Если модель избирательной монархии, практиковавшаяся в России эпохи Смуты, в Польше и, *mutatis mutandis*, в гетманской Украине, рассматривала избрание правителя как пожизненное вручение власти, то идеал казацкой демократии связывал власть атамана с исполнением конкретного, одобренного всеми казаками предприятия – похода. В яицкой песне избирается *походный атаман*.

Казачьи песни о восстании Разина, которые исполнялись в эпоху пугачевщины и могли монтироваться с ее сюжетами, содержат сложный анализ отношений между кругом, старшиной, голытьбой и ее атаманом. Процитируем песню, вариант которой был опубликован уже в «Собрании разных песен» (1770–1774) Михаила Чулкова одновременно с яицким бунтом и пугачевщиной:

4 Коротин Е. Фольклор яицких казаков. Песни, народная проза, детский фольклор. Алма-Ата: Жазушы, 1981. С. 46.

5 Булавинское восстание (1707–1708 гг.). Сборник документов / Подг. Н.С. Чаев, К.М. Бибииков. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. С. 467.

В войсковую канцелярию
Он [Разин] совсем не хаживал [...]
С казаками-то во кругу
Дум горьких не думывал [...]
Как ходил-то он во царев кабак [...]
Думал думушку со своей голью,
Он голью-голытьбою⁶.

КИРИЛЛ ОСПОВАТ
САМОЗВАНЕЦ
И ДЕМОКРАТИЯ

Будущий атаман как будто исключен из казацкой демократии круга, но лишь постольку, поскольку она сама оказалась подвластна старшине и войсковой канцелярии – административному органу, связывавшемуся с двойным диктатом старшины над гольтыбой и московского центра над казачьими вольностями. Разин не столько отвергает демократический принцип, сколько переносит его действие в кабак, где действует гольтыба. Соповещения Разина с гольтыбой обретають очертания альтернативного, плебейского круга, сохраняющего, однако, претензию на общее представительство, *единство*:

Собирайся-ка ты, гольтыбушка
Наша, во единый круг,
Голь ты, во единый круг.
Во едином-то мы кружочке
Станем думу думати»⁷.

В 1772 году на Яике именно не санкционированное старшиной «необычайное собрание» войска было сочтено началом бунта; начальство думало даже разгонять его огнем из пушки⁸. Протест выдвигал и своих предводителей: избрание Пугачева в атаманы голутвенными голосами описывалось в формулах, уже знакомых нам по яицкой песне⁹, где поется о выборе «есаулушки залетного». Донской казак Пугачев выступал на Яике в роли пришлеца. Он хорошо понимал устройство казацкой демократии, но не был связан обязательствами и родством с местной старшиной, против которой восставали яицкие *непослушные*.

Однако карьера Пугачева в качестве казачьего электорального политика началась не на Яике, а еще в казачьих станицах на Тереке, где он оказался, убежав в начале 1772 года с Дона:

«Емельян принялсЯ обсуждать проблемы новоселов, причем говорил, по всей видимости, настолько ярко и убедительно, что казаки трех станиц Галюкаевской, Ищорской и Наурской избрали его, человека на Тереке нового, своим войсковым атаманом и “просили

6 *Исторические песни XVII века* / Подг. О.Б. Алексеев. Л.: Наука, 1966. С. 149.

7 Там же. С. 150.

8 См.: *Волнения на Яике перед Пугачевским бунтом* // *Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов*. СПб., 1872. Т. 2. Отд. 2.

9 См.: *Исторические песни XVII века*. С. 148–155.

его, Пугачева, чтобы он взял на себя ходатайство за них о испрошении им в Государственной Военной коллегии к производству денежного жалования и провианта против Терского Семейного войска казаков”»¹⁰.

Яицкие казаки парадоксально реагируют на разгром своего бунта: они затевают новый, еще более масштабный мятеж, распространяющийся на этот раз за пределы яицкого войска. Мятеж оказывается результатом совещательного, демократически принятого политического решения, воплощенного в выборе царя.

Фольклорные предания помнили, что Пугачев «был человеком, искусно владевшим речью, умел себя держать»¹¹ – то есть обладал свойствами демократического политика, полагаившись выборному атаману: «Атаман-то а он говорит, словно во трубу трубит». На Тереке Пугачев не объявлял себя царем, но принял традиционную роль выборного челобитчика. (Так, в песне начала XVIII века общий круг всех казаков – «яицких, донских, запороцких» – посылает атамана Фрола Минаева бить челом Петру I¹².) Отправившись с Терека в Петербург, Пугачев был задержан, бежал из-под ареста и сперва вернулся на Дон. Там он не забывал своих политических амбиций и говорил жене: «Я-де был на Тереке, и меня принять семейные хотят. А как у них теперь нет атамана, а я – человек честной, то оне меня и атаманом выберут»¹³.

Эквивалентом походного атамана оказывается и *царь*, которого подбирают казаки в песне «Начало восстания на Яике». В песне этот *царь* не Петр III, а «донской казак Емельян Пугач» и власть его связывается не с прошлым, не с династическим происхождением или принятой десятилетием раньше общенародной присягой Петру III, но с его будущей ролью главы восстания. Сам Пугачев историю о том, как он объявил себя Петром III, рассказывал на допросе так:

«А по выходе из бани Еремина Курица спросил меня: “Что-де ето у тебя на груди за знаки?”. На то я говорил: “Ето-де знаки государевы”. А как Еремина Курица, усумняся, говорил: “Что ты говоришь,

10 Трефилов Е. *Пугачев*. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 28.

11 *Песни и сказания о Разине и Пугачеве* / Сост. А.Н. Лозанова. М.; Л.: Academia, 1935. С. 218.

12 *Исторические песни XVIII века*. С. 104.

13 *Емельян Пугачев на следствии. Сборник документов и материалов* / Сост. Р.В. Овчинников, А.С. Светенко. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 136.

какая государевы?”. На то я ему подтвердил: “Я-де сам государь Петр Федорович”. Еремина Курица замолчал, и пошли из бани к нему в землянку, где я ему и стал еще говорить с уверенением, что я – подлинно государь. А он, сему поверя, делал мне, яко царю, приличное учтивство. Потом я говорил ему же, Ереминой Курице: “Если бы яицкия казаки войсковой руки, умныя люди, ко мне приехали, то бы я с ними погутарил”. [...]

А чрез сутки и Караваев к нам с товарищем [...] приехали. [...] Караваев спросил у меня: “Ты ли надежа-государь наш Петр Федорович?”. На то сказано мною было: “Я”. И говорил Караваеву: “Чрез кого вы известны обо мне стали?”. Когда же мне сказано было, что чрез Закладного уведомлены и присланы, то я говорил: “Ну, яицкия казаки, коли вам угодно, так вы меня примите, я – государь ваш, Петр Федорович; а не угодно, так откажите, я поеду на Узень вашу и там жить буду до времени”. На то Караваев: “Я-де поеду в войско и там с другими подумаю”. На сие я сказал: “Хорошо-де, поезжай, да скажи о сем хорошим людям”. Говорил же притом и то, каким образом я спасся от смерти и где был. Чему он, кажется, верил. А между тем сказывал им, что я приметы царския имею¹⁴.

Легенда о том, что Пугачев – это Петр III, оказывается вписана в логику избрания. Политическая общность *яицких казаков войсковой руки*, то есть голутвенной партии (та же самая, что и в песне «Начало восстания на Яике»), вольна *принять* или отвергнуть самозванного царя. Глагол *принять* оказывается еще одной лексемой из неписаного словаря низовой демократии, синонимом *избрания* предводителя («меня принять семейные хотят [...] оне меня и атаманом выберут»).

Когда побывавший терецким атаманом беглец Пугачев остановился у яицкого казака Еремины Курицы, который и заметил в бане его царские знаки, он уже видел себя яицким плебейским политиком.

«И как скоро он, Емелька, Еремину Курицу увидел, то спросил ево: “Каково жить яицким казакам?”. Оной без всякого затруднения сказал, что-де им очень жить худо, и они-де от старшин раззорены».

Это же Пугачев услышал от Дениса Пьянова, который «во-первых [...] был раскольник, а во-вторых, держался бунтующей против набора в легион и выбора старшин стороны»:

«[Пьянов] сказал ему, Емельке, о причиненных ему обидах и раззорениях от старшин, и что у них-де нарушены привилегии. [...] После сих разговоров хаживал он, Емелька, по городу Яику между народом, где также наслышался, что казаки нынешним состоянием недовольны, и один другому рассказывали свои обиды, бывшие им от старшин»¹⁵.

¹⁴ Там же. С. 71–72.

¹⁵ Там же. С. 229–230.

Примеряя роль голутвенного вождя, Пугачев перебирал разные сценарии протеста, отложившиеся в опыте и исторической памяти казачества. На Тереке он начал с традиционного челобитья, но на Яике, только что пережившем бунт и его подавление, речь шла уже о разрыве с имперской властью.

Пугачев, «узнав же о их неудовольствии, начал подговаривать к побегу за Кубань некрасовским путем»¹⁶. Голутвенный атаман Игнат Некрасов воевал вместе с вождем казачьего восстания Кондратом Булавиным, а в 1708 году, на исходе восстания, увел казаков на Кубань, в турецкое подданство, и основал там автономную эгалитарную республику с устной конституцией, бытовавшей до распада общины в начале XX века под названием «Заветов Игната». История Некрасова была хорошо памятна казакам и неоднократно упоминается в допросах Пугачева. На предложения Пугачева Пьянов ответил:

«Я-де о вашем величестве, што вы за нас, бедных, вступаетца хотите, и што вы хотите нас провесть на Кубань, сказывал казакам [...] и они-де ради с вами итти. Да только-де сказали, што это дело великое, так-де надобно со всеми казаками о этом поговорить тогда, когда казаки соберутся вместе на багренья»¹⁷.

Фигура и политическая программа Пугачева выносилась на неформальный плебисцит – коллективное решение *всех казаков*. Подлежащее общей воле *дело великое* соблазнительно сопоставить с латинским *res publica*. (В русских письменных источниках это понятие с XVI века передавалось формулой *дело народное* или *земское*, которая могла связываться с деятельностью земских соборов и низовых движений Смуты¹⁸.) Плебисцит должен был состояться во время багренья – коллективной рыбной ловли, вокруг которой строился экономический быт войска, – узлового гражданского ритуала и точки сборки яицкого общества.

«[К багренью] допускаются [...] токмо одни действительно служащие казаки, а отставные и неверстанные участия в том не имеют, [...] сторонний к тому багренью припущен быть не может, [...] двух багров никому, кроме войскового атамана, на свой пай употреблять не позволяется»¹⁹.

С Пугачевым на Яик с Дона пришла традиция воспетых казачьим эпосом голутвенных предводителей – Разина и Некра-

¹⁶ Там же. С. 108.

¹⁷ Там же. С. 230.

¹⁸ См.: KROM M. «Die Sache des Herrschers und des Landes»: Das Aufkommen der öffentlichen Politik in Russland im 16. und 17. Jahrhundert // STEINMETZ W. (Hg.). «Politik»: Situationen eines Wortgebrauchs im Europa der Neuzeit. Frankfurt a. M., 2007.

¹⁹ Рычков П.И. *Топография Оренбургской губернии*. Оренбург: Отделение Русского географического общества, 1887. С. 297.

сова (в песнях он заместил Булавина). Не ограничиваясь локальной борьбой с властями, эти походные атаманы оформляли недовольство казачьего плебса в поход за пределы казацкой территории. Пугачев, предлагавший казакам уйти «некрасовским путем», о Некрасове должен был знать из песен и преданий. По словам исторической песни, Некрасов вынес свой проект ухода на обсуждение голутвенного круга:

КИРИЛЛ ОСПОВАТ
САМОЗВАНЕЦ
И ДЕМОКРАТИЯ

Ой да а набрал же он с Дону молодых ребят,
И собрал же их Некрасов-казак во единый круг,
Он начал говорить донцам речи грозные:
«Не видать вам, донским казакам, Дону тихого, [...]»
А привыкать вам, донским казакам, к бою-подвигу,
Ой да привыкать вам нападать на царевы полчища.
Да мы царю же не сдадим вольной вольницы»²⁰.

Уход на Кубань здесь предстает актом политического сопротивления имперскому диктату во имя *вольности*. В другой песне некрасовского цикла поется: «Ой да я не сам на Кубань зашел да заехал, / Ой ну и вот занесла меня неволя царская»²¹. Казацкий эпос, иными словами, ясно фиксировал конфликт между имперским и казачьим политическим укладом. По словам казаков, Пугачев должен был «вступить за нас, бедных» и удовлетворить казачьи *оби́ды* – то есть возглавить протест против административного и экономического давления императорской администрации, подчинившей себе казачью старшину и официальный войсковой круг. Термин *оби́ды*, обозначающий здесь нарушение старинных привилегий, имел правовой характер. Он представлял собой точный эквивалент понятия *grievances*, которым оперировал начинавшийся почти одновременно с пугачевщиной мятеж североамериканских колоний против Британской империи.

Пугачеву, однако, не суждено было стать новым Некрасовым. После разговоров о побеге на Кубань он был 19 декабря 1772 года снова арестован, этапирован в Симбирск, а потом в Казань, откуда бежал и вернулся на Яик в августе 1773-го. В этот раз об уходе на Кубань речь не шла. С первых же шагов самозванному Петру III досталась роль главы восстания, или, на языке казачьих песен, *возмущения*:

Ой да не бела зорюшка занималася,
Красно солнышко с утра разгоралось.
Ой да помутился-возмутился Дон Иванович,
Ой да от Сибири до Москвы-матушки,
От Кубани до муромских лесов.

20 Исторические песни XVIII века. С. 101.

21 Там же. С. 102.

Ой да возмутился донской казак,
По прозванию Пугач, Емельян сын Иванович.
Ой да он бил-рубил своих недругов,
Все бояр-князей вешал на перекадаинке,
Ой да потопил в крови не одну тысячу²².

Вопреки легенде о Петре III в казачьих песнях действует Пугачев, или Емельян Пугач. Он встает в ряд эпических голутвенных атаманов, олицетворявших разные, но родственные формы казацкого бунта. С Разиным связывается доблесть грабительского похода:

Станемте, ребятушки, разбивать бусы-кораблики,
Татарские, армянские, все басурманские,
Без того только без сиза орла без государева²³.

Картина социального бунта появляется, однако, уже в цикле песен о «сыне Разина». Они опирались на реальный эпизод появления и казни разинского посланца в Астрахани²⁴. В песне губернатор берет сына Разина под стражу и допрашивает, а Разин грозит в ответ:

Мы до городу дойдем,
Белу каменну тюрьму мы по камню разберем,
С самого ли губернатора мы шкуру сдерем²⁵.

Характерно, что именно этот песенный сюжет мог монтироваться с фигурой Пугачева. В песне «Пугачев в Астрахани» Пугачев, подобно сыну Разина, отвечает на допросе:

Я не царь и не царский сынок,
А родом – Емеля Пугач.
Много я вешал господ и князей,
По Рассеи вешал я неправедных людей²⁶.

Этот сценарий мятежа разворачивается и в цитированной выше песне «Ой да не бела зорюшка занималася», в которой социальный протест попадает в фокус эпического изложения. Пользуясь донским происхождением Пугачева, песня переносит точку начала восстания с Яика на Дон. Этот ход маскирует тот факт, что во время пугачевщины Донское войско в целом осталось верно имперским властям, и вписывает пугачевский мятеж в богатую эпическую традицию донских волнений. Песня о пугачевщине вторит изображению Некрасова:

22 Там же. С. 275.

23 *Исторические песни XVII века*. С. 157.

24 Там же. С. 358.

25 Там же. С. 159.

26 *Исторические песни XVIII века*. С. 273.

Помутился, возмутился наш славный тихий Дон
[...] Возмутил его, помутил его, братцы, донской казак,
Что Игнатьюшка сын Иванович Некрасов²⁷.

КИРИЛЛ ОСПОВАТ
САМОЗВАНЕЦ
И ДЕМОКРАТИЯ

Однако, в отличие от Некрасова, Пугачев возглавляет наступление на *Рассею*: «Ой да от Сибири до Москвы-матушки, / От Кубани до муромских лесов». Этот сценарий подразумевает не только выход за казацкую территорию, но и создание широкой плебейской коалиции против *господ и князей*, чья власть исходит из Москвы и Петербурга. Поход на Москву был архетипической мечтой голутвенного протеста. В одной из разинских песен уже знакомая нам сцена выборов атамана завершается такой программой действий:

Мы пойдемте-ко, ребята, на святую Русь,
Мы Казань-то городок возьмем с вечера,
А Москву возьмем ко белой зоре²⁸.

Сценарий похода на Москву составлял предельный, неосуществившийся горизонт пугачевщины:

«[Если б] сообщники его от него не отстали, – говорил Пугачев, – то б он покусился иттить и в Москву. Но во все время злодейств его никакого он разположения в злой своей душе – чем сие его злодейство кончить – не имел, но когда разбивали его толпу верные войски, то он только думал о том, как бы ему не быть пойману»²⁹.

Атамана-практика занимает поход как таковой, а не маловероятная победа, но поход этот разворачивается в общем географическом и символическом пространстве империи. Взятие Москвы составило бы кульминацию земской революции. Пугачев говорил сообщникам, «что естли не примут его на Москве за государя, то уже сам в руки отдастся»³⁰. По образцу земских соборов в Москве должно было бы состояться общенациональное, а не только казацкое избрание «Петра III» на царство, обозначенное формулой *принять за государя*.

Это словосочетание здесь не имеет значения «обмануться», «спутать Емельяна Пугачева с Карлом Петером Ульрихом Голштейн-Готторпским». Пугачев пояснял следователям, что про поход на Москву «говаривал он к ободрению воровской своей шайки, а сам он в Москву итти не хотел, потому што, зная он о себе, что – казак, как бы ему возможно в Москву появитца? – ибо в Москве, думал он, что все покойного государя знавали»³¹.

27 Там же. С. 86.

28 Исторические песни XVII века. С. 150.

29 Емельян Пугачев на следствии... С. 221.

30 Там же. С. 126.

31 Там же. С. 215.

Иными словами, о том, что Москва может *принять* его за *государя*, Пугачев рассуждал в роли Петра III при своей «шайке», а значит, не бахвалился способностью всех обмануть, но, наоборот, описывал сценарий всенародного признания законного царя. В этом воображаемом сценарии Петр III приходит с казачьим войском в Москву и ждет народного решения и «суда с государынею»³². Даже поражение Петра III на таком суде, за которым неизбежно последовала бы кара за бунт, вытекало бы из общенародного плебисцита, а не из уголовного факта подмены личности. На предложение своих яицких сообщников жениться на казачке Пугачев отвечал: «Естли я здесь женюсь, то Россия мне не поверит, что я царь». Но казаки говорили: «Когда-де мы поверили, так, конечно, и вся Россия поверит, а за то больше, что мы – славные яицкие казаки»³³.

Атамана-практика занимает поход как таковой, а не маловероятная победа, но поход этот разворачивается в общем географическом и символическом пространстве империи. Взятие Москвы составило бы кульминацию земской революции.

Если *славные яицкие казаки* видят себя авангардом и военной аристократией нового порядка, то *Россию* (она же, на языке песен, *Рассея* или *святая Русь*) они признают за политическое единство, наделенное собственной демократической территориальностью: *Россия* уполномочена *поверить* или *не поверить* в царский титул Пугачева, *принять* или *не принять* его за *государя*. Повстанцы отправляли эмиссаров в «разные уезды для разведывания, что про означенного Пугачева в народе говорят, и желают ли народом принять ево, Пугачева, за царя»³⁴. Пугачевский полковник Иван Грязнов, увещевая в январе 1774 года «всех родов народы» Исетской провинции признать самозванца, сулил созвать всеобщее собрание народа, уполномоченное взвешивать доводы обеих сторон и выбирать между двумя претендентами на трон:

«Прислан от его превосходительства генерал-порутчика и кавалера Ивана Александровича Деколонга мулла Абдул-Гафер Мансуров для увещевания народа, которого мы выслушали. Почему для совета послали мы ведомства Исетской провинции во все волости звать народ, больших и малых. Для того до собрания народа реченной

³² Там же.

³³ Там же. С. 92.

³⁴ *Пугачевщина. Сборник документов* / Подг. С.А. Голубцов. М.; Л.: Государственное издательство РСФСР, 1929. Т. II («Из следственных материалов и официальной переписки»). С. 247.

провинции генерал-поручик имеет дать время. Какое же по собранию народа будет согласие, – объявить не оставим»³⁵.

КИРИЛЛ ОСПОВАТ

САМОЗВАНЕЦ
И ДЕМОКРАТИЯ

В конституционной идее плебисцитарного органа и выборов правителя сходились традиции самых разных групп, вовлеченных в восстание: память о московских Земских соборах и Уложенной комиссии 1767–1768 годов (в пугачевском войске воевали несколько ее депутатов) встречалась с обыкновениями крестьянского *мира*, яицких казаков и народов Степи. Башкирские источники ясно говорят о плебисцитарных истоках бунта. Протесты башкир начинались с общих собраний – *йыйынов*³⁶. Записанная в XIX веке башкирская песня о Салавате Юлаеве, предводителе присоединившихся к Пугачеву башкир, представляла его харизматическим плебисцитарным вождем:

«Аллах велел Салавату идти против неверных и чтобы он объявил о себе народу, что *пора всем правоверным соединиться, избрать себе предводителем его, Салавата*, и, во всем беспрекословно слушая его, не иметь собственной воли»³⁷.

За общностью плебисцитарных процедур стояло сходство правовых представлений, позволявшее самым разным группам объединяться против имперского центра. Многослойная фигура *самозванца-государя* (как Пугачева называл его сторонник Семен Котельников³⁸) была точкой сборки *России* как коалиции и общего, надэтнического пространства мятежа³⁹. В глазах императорской администрации казачий круг и власть атамана имели локальный характер. В записке 1748 года о яицком войске Иван Неплюев писал, что согласие казацкого круга и его атамана нужно «требовать токмо на одни их домашние, то есть мирские дела», а все «по должности их к службе ее императорского величества и высочайшим интересам принадлежащее» сообщать казакам в форме распоряжений⁴⁰. Казацкий мятеж отвечал на этот вызов, расширяя полномочия круга и атамана на всю империю. Пугачевские манифесты провозглашали всех крестьян «вечно казаками»⁴¹. В одной фрагментарно сохранившейся песне поется:

35 Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг. / Сост. А.И. Аксенов, Р.В. Овчинников, М.Ф. Прохоров. М.: Наука, 1975. С. 273.

36 См.: Материалы по истории Башкортостана / Подг. А.П. Чулошников. Уфа: Полиграфдизайн, 2019. Т. II. С. 61–62.

37 Игнатьев Р.Г. Песня о батыре Салавате // Башкирия в русской литературе: В 6 т. / Сост. М.Г. Рахимкулов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1990. Т. 2. Курсив мой. – К.О.

38 Пугачевщина... Т. II. С. 347.

39 См.: ШАРФ К. Пугачев: император между периферией и центром: к постановке проблемы // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 99–112.

40 Неплюев И.И. Записка И.И. Неплюева об устройстве Яицкого (ныне Уральского) казачьего войска, в царствование Елисаветы Петровны // Русский архив. 1878. № 5. С. 18.

41 Документы ставки Е.И. Пугачева... С. 47.

Емельян Пугачев, природою с Дона,
В Рассеи как дома.
Пришел он в Рассею с малой дружиной,
А сделал ее со великой кручиной⁴².

Перед нами политико-географическая формула бунта, в ходе которого авторитет восставшего голутвенного атамана принимается всей плебейской Рассеей. Именно для этого походный атаман становится государем. Первый яицкий бунт, ограничивавшийся пределами яицкого войска, не нуждался в самозванцах. Ближайшие сподвижники Пугачева, яицкие казаки Иван Зарубин-Чика и Тимофей Мясников, о его самозванстве потом говорили так:

«Зарубин-Чика показывал: “Желание они [казаки] давно имели взбунтовать по причине зделавшейся между ними ссоры... Приехав на умет [где скрывался Пугачев после бегства из Казани], он, Зарубин, увидя злодея, по лицу и образу счел, что ему государем быть нельзя, но он положил принять его государем”. [...]

Максим Горшков так передавал свой разговор с Тимофеем Мясниковым: “По многим советываниям, – говорил Мясников Горшкову, – приметили мы в нем [Пугачеве] проворство и способность, вздумали взять его под свое защищение и его сделать над собою властелином и восстановителем своих притесненных и почти упавших обрядов и обычаев, которые вить правительство давно старается у них переменить введением к ним какого-то нового штата на основании военном, чего они никогда ни хотели принять. И хотя, по бывшим у нас на Яике происшествиям, пренуждены мы остаться без всякого удовольствия, как то думают, в спокойном духе, однако ж искра злобы за такую несправедливость всегда у нас крылась до тех пор, пока изобрели удобный к тому случай и время. И так для сих-то самых причин вздумали мы назвать его, Пугачева, покойным государем Петром Федоровичем, дабы он нам восстановил все обряды, какие до сего времени [были]. А бояр, какие больше всего в сем деле умничают и нас разоряют, всех истребить, надеясь и на то, что сие наше предприятие будет подкреплено и сила наша умножится от черного народа, который так же от господ притеснен и в конец разорен”»⁴³.

Советские публикаторы этих свидетельств заключали, что «руководящая часть яицкого казачества знала, что он [Пугачев] не Петр III, а донской казак, но сознательно скрывала это от других, будучи уверена, что под флагом царизма легче будет защитить свои социально-политические интересы»⁴⁴. Это макиавеллистское толкование событий не лишено оснований, однако сосредоточивается на тактике и механике власти, игно-

⁴² Исторические песни XVIII века. С. 272.

⁴³ Допрос Е. Пугачева в Москве в 1774–1775 гг. // Красный архив. 1935. № 2–3(69–70). С. 228–229.

⁴⁴ Там же. С. 228.

рируя архетипы низового демократического сознания, которые обеспечивали широкую легитимность фигуре *самозванца-государя*. В речах Мясникова мы тех, кто взял Пугачева «под свое защищение», не сводится к узкой группе заговорщиков, но может быть расширено на все казачье сообщество, в котором память об утраченных привилегиях и «искра злобы за такую несправедливость... крылась до тех пор, пока изобрели удобный к тому случай и время». Мясников рассказывает историю не только тайного заговора, но и демократически-плебисцитарного, хотя и неформального, избрания, составляющего исходный акт бунта. В формуле «властелин и восстановитель притесненных и почти упавших обрядов и обычаев», которой Мясников описывал полномочия Пугачева, слышится не столько тактическая хитрость, сколько конституционный язык казацкой *вольности*. Поставление в *государя* «донского казака Емельяна Пугача» осуществляло обычно-правовую модель выборной и договорной монархии, противоположную московскому принципу патримониального наследования и дворцовым переворотам петербургского двора.

КИРИЛЛ ОСПОВАТ

САМОЗВАНЕЦ
И ДЕМОКРАТИЯ

Поставление в *государя* «донского казака Емельяна Пугача» осуществляло обычно-правовую модель выборной и договорной монархии, противоположную московскому принципу патримониального наследования и дворцовым переворотам петербургского двора.

Заметим, что термин *самозванец* не только обозначал не тождество Пугачева с Карлом Петером Ульрихом Голштейн-Готторпским, но и указывал на факт выдвижения предводителя из народа, вне процедур династического наследования, административного назначения или церковного помазания. Если глаголом *принять* называлось избрание, то формула *сам назвался* обозначала акт электорального самовыдвижения. «В 1596 году, – писал Василий Рубан в «Краткой летописи Малыя России» (1777), – шляхтич Косинский [...] сам себя назвал гетманом козацким и козаками принят. От сего Косинского возшел обычай козакам избирать себе гетманов вольными голосами»⁴⁵. Перед нами устойчивая формула: «Во окончании 1647 году Богдан Хмельницкий назвал себя гетманом, и козаки его приняли и избрали его собою 21 гетманом»⁴⁶. Павел По темкин в 1794 году именовал Национальное собрание револю-

⁴⁵ Рубан В.Г. *Краткая летопись Малыя России, с 1506 по 1776 год*. СПб.: Печатано при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе у содержателя типографии Х.Ф. Клена, 1777. С. 10.

⁴⁶ Там же. С. 18.

ционной Франции «самозванным собранием народным»⁴⁷. Сам Пугачев происхождение и характер своей власти описывал на допросе так:

«Он мерской свой живот в руки отдал с самого начала злодеяней его яицким казакам, почему никак он не смел противитца во всем их богу ненавистной воле и, что б оне в Яике на совете положили, то б он делать и стал»⁴⁸.

Это признание не сводится к попытке снять с себя ответственность: Пугачев в целом в винах не запырался и на следующем допросе признавал, что «все [...] учиненные злодеяния от него произошли»⁴⁹. Он охотно рассказывал следователям, что обладал в своем войске серьезными полномочиями: миловал и карал, руководил военными действиями и учреждал органы власти. Однако с тем же единодушием, с каким исследователи нашей эпохи видят в авторитете Пугачева отображение петербургского абсолютизма, современники бунта сходились в том, что Пугачев не был самодержцем. Екатерина II констатировала неспособность своего неудачливого соперника послушаться яицких казаков. Посланный на подавление бунта Александр Бибииков писал: «Пугачев – чучела, которую воры-яицкие казаки играют»⁵⁰. Свидетель мятежа сообщал, что «яицкие были первенствующими и властовались столько же, сколько Пугачев»⁵¹. В казачьем войске Пугачев был фигурой, для которой в официальном политическом словаре просто не находилось термина: он был избранным предводителем, носителем демократического авторитета, проистекавшего, по логике конституционного *обычая*, из общей воли *народа* и ею же ограничивавшегося. «Станичный атаман у донских казаков, – писал о донских казаках путешественник Иван Лепехин, – ничего без согласия мирян предпринять не может, но все делает с общего совета»⁵². Эти ограничения не упраздняли (до времени) реальной власти предводителя или его способности манипулировать общей волей; манипуляция такого рода с афинских времен относится к определяющим признакам демократического правления. Однако в конце восстания сам Пугачев был низложен кругом остававшихся с ним казаков, которые только после этого сдали его властям.

47 Потемкин П.С. *Письмо к Ивану Ивановичу Шувалову (отрывок)* // Ж.-Ж. Руссо: *pro et contra*. Антология. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2005. Т. 1. С. 147.

48 Емельян Пугачев на следствии... С. 211.

49 Там же. С. 221.

50 Овчинников Р.В. *О пушкинской публикации письма А.И. Бибиикова к Д.И. Фонвизину* // *Временник Пушкинской комиссии*. 1979. Л.: Наука, 1982. С. 139.

51 *Пугачевщина*... Т. II. С. 218.

52 Лепехин И. *Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году*. СПб., 1771. Ч. I. С. 428.

«Самозванец дорогою просил [...] чтоб [...] собрали из казаков круг. [...] Самозванец в собранном кругу спрашивал всех казаков: “Куда вы, Яицкое войско, намерены теперь ехать, и что хотите со мной делать?”. Казаки закричали: “Мы намерены весть тебя в Яицкой городок с повинною. Мы де сомневаемся в тебе, царь ли ты, нет ли – так де поди, сам оправдайся, а мы больше с тобою ехать никуда не хотим”»⁵³.

КИРИЛЛ ОСПОВАТ
САМОЗВАНЕЦ
И ДЕМОКРАТИЯ

В роли *государя* Пугачев возобновлял те институты прямой демократии, которые у казаков отбирало правительство. О собиравшихся Пугачевым кругах красноречиво рассказывал следствию Афанасий Перфильев:

«Когда самозванец намерен был из городка возвратиться в Берду, то собравши из казаков круг, велел читать пред всеми именной свой указ, которым жаловал Яицкое войско: рекою Яиком с вершины до устья и всеми впадающими в оную протоками, всеми выгодами, вольностию, свинцом, порохом, крестом и бороною. Тем же указом повелевал выбрать им в кругу общим советом кого сами захотят для их управления войскового атамана и двух старшин с тем, что естли выбранные ими атаман и старшины не станут делать войску удобность и казаки будут ими недовольны, та отдаст на их волю хоть чрез три дни старого атамана и старшин сменить, а на места их выбрать других в кругу по общему совету. По прочтении ж сего указа самозванец всему кругу говорил: “Извольте, Яицкое войско, выбирать себе атамана и старшин по-прежнему вашему обыкновению кого хотите: отдаю на вашу волю”. Тогда казаки все закричали: “Довольны, батюшка, надёжа-государь, вашею царскою милостию!”. И пошли в кругу переговоры в похвалу самозванца такие: “Тота отец-ат, посмотри-ка, отдает на нашу волю выбор атамана, он старинной наш обычай по-прежнему хочет возстановить!”. А потом, посмотревши на всех казаков и посоветовавши несколько, указали самозванцу на Каргина, на него, Перфильева, и на Ивана Фофанова и сказали, что они первого выбирают атаманом, а последних – старшинами. Самозванец говорил: “Ну, когда вам угодно, будь по вашему, я воли с вас не снимаю”»⁵⁴.

Рассказ Перфильева восстанавливает перед нами казацкий конституционный *обычай*. Пугачев предстает здесь в той самой роли «властелина и восстановителя притесненных и почти упавших обрядов и обычаев», о которой говорил Мясников. Выборы, где сам Перфильев получил старшинскую должность, он изображает как развернутый демократический ритуал. После обычной своей формулы пожалования Яиком Пугачев торжественно возобновляет казацкие выборы, ограниченные вне пределов восстания властью старшины и войсковой канцелярии. Казаки вольны выбирать и тут же смещать

53 Пугачевщина... Т. II. С. 171–172.

54 *Сподвижники Пугачева свидетельствуют* // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 104–105.

атаманов и старшин, не дожидаясь их смерти и не следуя приказам. *Царская милость* состоит в том, чтобы восстановить и сохранять принцип выборности и демократической воли: «Тота отец-ат, посмотри-ка, отдает на нашу волю выбор атамана, он старинной наш обычай по-прежнему хочет возстановить!». После окончания баллотировки *государь* напоминает, что власть остается у круга: «Ну, когда вам угодно, будь по вашему, я воли с вас не снимаю». Пугачев уезжает, а Перфильев подробно рассказывает о своем избрании, бравируя перед следователем всеми обыкновениями казачьей электоральной традиции:

«Проговоря сие, самозванец от них поехал, а войско вслед ему кричало: “Благодарствуем, надежа-государь, на твоей царской милости”. По уезде самозванца казаки вызвали их троих в средину круга и, сняв шапки, стали кланяться и просить: “Пожалуй, господин атаман, и вы, господа старшины, примите на себя этот труд, послужите нам, Яицкому войску, верою и правдою”. Они же, выбираемые, отказывались от сей налагаемой на них должности такими словами: “Мы, де, Яицкое войско, не имеем большего разума, да и недостойны управлять вами”. Но напоследок, по многим с обеих сторон перекорам (кои у них обыкновенно и прежде при таких выборах в кругах бывали, и хотя бы кто и сам того чина домогался, однакож, всегда в кругу отговариваются от принятия оного для того, чтоб больше их просили и чтоб тем показать свое безкорыстие) приняли на себя налагаемые чины и в согласие на то сказали: “Ну ин воля ваша, Яицкое войско”. И так, вступая они в сию должность, начали управлять яицкими казаками»⁵⁵.

Если Перфильева интересовали только казачьи права, то Мясников подчеркивал, что объявление Пугачева *государем* должно было привести к тому, что «сила наша умножится от черного народа, который так же от господ притеснен и в конец разорен». Роль царя-освободителя Пугачев играл и перед крестьянами, или – как их называли казаки – *русскими мужиками*. Вскоре после первого манифеста, в октябре 1773 года, группа бунтующих яицких казаков добралась до деревни Михайлово помещика Михайлы Карамзина (отца будущего автора «Бедной Лизы»). Собрав крестьян, «хорунжей казачей сказывал им, что они посланы из армий от государя Петра Федоровича разорять помещичьи дома и давать крестьянам свободу». Запретив крестьянам работать на барина под угрозой смерти, хорунжий предложил сомневающимся самим прибыть к Пугачеву. Крестьяне послали трех выборных, один из которых был допущен до самозванца. Пугачев спросил его, не приехали ли они служить в его войске. Служить крестьянин отказался,

на что Пугачев ответил, «“что де у меня нет никого невольников”, и приказал дать ему милостивый указ, чтоб крестьянам быть свободным от податей помещичьих и от работ»⁵⁶.

КИРИЛЛ ОСПОВАТ
САМОЗВАНЕЦ
И ДЕМОКРАТИЯ

Пугачев играл роль спасшегося Петра III: скрывал свою неграмотность, рассказывал истории о своем авантюрном спасении, называл Екатерину II супругой, а Павла Петровича – сыном. Однако самозванство Пугачева не может быть до конца описано в категориях ловкого обмана или иррационального суеверия. Не менее важна и политическая логика плебисцита, в ходе которого и окружение Пугачева, и *черный народ* принимали решение *верить* или *не верить* в политический спектакль, в котором Пугачев разыгрывал *государя*. Состоятельность царской легенды Пугачева зависела, в конце концов, от коллективных настроений и интересов крестьян, казаков и народов Степи. Они выяснялись и артикулировались в сфере, которую современники выразительно именовали *народным эхом* – в плебейской публичной сфере кабацких речей, *слухов* и *толков*, которую напрасно стремились подавить высочайшие указы⁵⁷.

Самозванство Пугачева не может быть до конца описано в категориях ловкого обмана или иррационального суеверия. Не менее важна и политическая логика плебисцита, в ходе которого и окружение Пугачева, и *черный народ* принимали решение *верить* или *не верить* в политический спектакль, в котором Пугачев разыгрывал *государя*.

В отличие от официального порядка, строившегося на принципе самодержавия и неподотчетных административных и словесных иерархиях, крестьянский мир управлялся общественным мнением⁵⁸. На сходах, предшествовавших бунту 1755 года, башкиры так описывали соотношение имперского порядка, общественного мнения и мятежа: «государство, играющее со своими подданными и творящее злодеяние своим подчиненным, не дойдет до добра, и то, что входит в живую народную молву, не может быть попусту: в конце концов есть предел для таких злодеяний»⁵⁹. Пугачевские казаки рассказывали, что во время

⁵⁶ *Пугачевщина...* / Подг. С.А. Голубцов. М.; Л.: Соцэкгиз, 1931. Т. III («Из архива Пугачева»). С. 8.

⁵⁷ Там же. С. 34.

⁵⁸ См.: Громыко М.М. *Традиционные нормы поведения и формы общения крестьян XIX в.* М.: Наука, 1986. С. 105–113.

⁵⁹ *Материалы по истории Башкортостана*. Т. II. С. 59.

своих мифических странствий самозванец получил от папы римского такой совет: «когда де ты сделаешь такой колокол, чтоб во всем свете слышан был (то есть распустить бы по всему свету слух, что он жив), то тогда де ты государем и будешь»⁶⁰. Эта легенда содержит в себе плебисцитарную теорию верховной власти, которая выводит и династическую легитимность, и личную идентичность правителя из постановлений общественного мнения. Фольклорные песни о Лжедмитрии I, с которым Пугачева сравнивал екатерининский манифест, не выказывали наивной веры в воскресшего царевича, но, напротив, сетовали, что «называется Расстрига прямым царем», и именовали его *прелестником*: «прелстил он, вор-собака, три земли»⁶¹. Башкирский сотник Упак Абзанов на допросе показывал:

«Башкирцы [...] сами знали, что он, Пугачев, из злейших разбойник, но из-за того ему повиновались единственно, льстясь лестным его обещанием, что он может возвратить имевшуюся в здешних местах заселившую землю и что господ никого не будет, а всякий делается самовластным»⁶².

Неустойчивому авторитету самозванца отвечает претензия его подданных на демократическое *самовластие*, включающее, как видно, упразднение сословных иерархий и право *признавать* царя по собственному суждению.

⁶⁰ Пугачевщина... Т. II. С. 390.

⁶¹ Исторические песни XVII века. С. 28.

⁶² Российский государственный архив древних актов. Ф. 1274. Д. 182. Л. 231.

Пугачевщина: «история снизу» или «история низов»?

«Круглый стол» «НЗ»

Кирилл Кобрин: Дорогие коллеги, сегодня мы обсуждаем две вроде бы разные темы, которые тем не менее между собой связаны, одна вытекает из другой. Первая тема – книга Кирилла Осповата о пугачевщине, которая содержит нестандартный взгляд на это событие, точнее, череду событий. Вторая – вопрос о возможности или невозможности «истории снизу» и «истории низов» вообще. Я попытаюсь сказать несколько слов о тех пучках проблем, которые возникли в моей голове в связи с книгой Кирилла и ее разнообразными контекстами.

Первый пучок – это та самая «история снизу». Насколько я понимаю, сама идея такой истории ведет свое происхождение от народнических кругов в Российской империи и схожих им в Европе – назову их «популистскими» за неимением лучших терминов, хотя к нынешним популистам они отношения не имеют. Стремительная индустриализация, развитие капитализма, становление модерности разрушали привычный уклад жизни, способствовали быстрому распространению грамотности, образования, появлению и развитию прессы и так далее. В результате, с одной стороны, угнетенные и обездоленные слои населения становились обездоленными по-новому, а с другой стороны, у них появилась возможность и способность высказываться, поскольку появились медиа, где можно было это делать. Все это накладывалось на уже существовавший протестный обиход угнетенных классов (назову этот феномен так) – включая крестьянство и другие социальные группы старого режима (в широком смысле), которые никуда не ушли, но трансформировались. Поэтому, как мне кажется, ключевые фигуры «истории снизу» с самого начала несут в себе эту политическую или социально-политическую повестку.

Что касается самой «истории снизу», то у нее, видимо, есть две версии. Одна – народническая, немарксистская, близкая к анархизму, народолюбию, неизбежно ретроспективно утопическая и – тут, думаю, Кирилл будет возражать – близкая к национализму, отчасти к ксенофобии. А другая – сциентистская, марксистская, но, как ни странно, с эсхатологическим оттенком. Это марксизм и Энгельс. И, несмотря на то, что эти версии

Кирилл Рафаилович Кобрин (р. 1964) – историк, литератор, шеф-редактор журнала «Неприкосновенный запас».

«истории снизу» разные и между собой переругиваются, у них есть два важных сходства.

Первое: они исходят из представления о собственной моральной необходимости, которая заключается в том, что угнетенным надо дать голос – поскольку несправедливо, что они не имеют голоса и мы не слышим их голосов. Это чисто этический аргумент, он предшествует всему остальному, он существует *до* соображений историографических или политических; более того, политические соображения в данном случае являются моральными. И в народнической, и в сциентистски-марксистской историографии в основе лежит этический акт, акт восстановления этической справедливости. И мне кажется, что в этом смысле книга Кирилла исключительно важна, потому что вносит это обстоятельство – которого, если говорить о серьезной историографии, многие десятилетия не было, – в разговор о русской истории.

Стремительная индустриализация, развитие капитализма, становление модерности разрушали привычный уклад жизни. В результате, с одной стороны, угнетенные и обездоленные слои населения становились обездоленными по-новому, а с другой стороны, у них появилась возможность и *способность* высказываться.

Второе: и народническую, и сциентистски-марксистскую «историю снизу» объединяет... невозможность их существования. Тезис этот звучит несколько экзотически, но я поясню: ведь обе они как бы «говорят от имени» – тех самых «низов», угнетенных классов, голос которых историк должен услышать, усилить, оценить, поставить в нужный контекст и тому подобное. И тут возникает та же проблема, что у коммунистов с пролетариатом: тот не осознает своих классовых интересов, и потому партия с ее идеологией должны ему помочь с этим. В данном случае тоже – угнетенные говорят, но они не знают, как это делать так, чтобы быть услышанными, и вообще не знают, хотя ли они именно *так* говорить и так далее. Тут появляется историк, помогает им, и в этот момент, с моей точки зрения, иллюзия справедливого открытия каналов говорения угнетенных классов и социальных групп полностью развеивается. «История снизу» превращается в самую обычную – очень прогрессивную, но все-таки – разновидность традиционной историографии, когда историк отбирает материал (в данном

случае это «голоса снизу») и пакует его исходя из того, как ему это нужно и удобно.

Второй пучок проблем, возникший в моей голове при чтении книги Кирилла, – это вопрос об «истории низов», с которой в результате историографической практики получается то же, что и с «историей снизу»: она превращается в написанную «сверху» «историю низов», в ту довольно традиционную область знаний, возникшую в период между Энгельсом и Марком Блоком в противовес традиционной тогда историографии, в смесь, как и у «анналистов», социологии и историко-культурной антропологии. И здесь еще одна, с моей точки зрения, не очень бросающаяся в глаза, но важная заслуга книги Кирилла: она стремится остаться историей, историографией, не превращаясь в социологию, историческую и культурную антропологию и тому подобное.

Давайте уже перейдем к вопросам. Огромная заслуга книги Кирилла состоит в ее попытке сломать то, что я назову «пушкинской парадигмой пугачевщины». От кого мы узнали о существовании пугачевского бунта, восстания, пугачевщины, как угодно назовите? От Пушкина. Очень мало людей узнали об этом, скажем, из школьного учебника по истории России, да и там это рассказано с цитатами из «главного классика». Почти нереально «перевернуть игральную доску», когда речь идет о событии, канонизированном «главным классиком» русской литературы (и это если даже не вспоминать, скажем, о Державине). Кирилл, стоила ли игра свеч в данном случае?

Кирилл Осповат: Начну с благодарностей: спасибо большое организаторам Кириллу и Игорю за эту дискуссию, Анне и Константину за согласие выступить. Смотрю я на всех в зуме, и кажется, что стоила игра свеч, – отвечая на ваш вопрос, Кирилл. Замечательные полемические вопросы – после любой бы книжки так.

Я работаю в Америке, и один из вопросов, на который мне приходится отвечать, когда я говорю об этой книге или представляю ее фрагменты по-английски, – почему она написана и выходит по-русски. Это было с моей стороны сознательное и политическое решение: как Кирилл отчасти уже сказал, мне казалось важным предложить по-русски альтернативный проект осмысления национальной – а точнее, имперской – истории, который смотрел бы на вещи не с точки зрения государства, а с точки зрения низов.

Кирилл очертил две историографические традиции – марксистскую и народническую; они действительно сталкиваются и переплетаются. Например книга Энгельса «Крестьянская война в Германии» замечательна уже тем, что тут основополож-

ПУГАЧЕВЩИНА: «ИСТОРИЯ СНИЗУ» ИЛИ «ИСТОРИЯ НИЗОВ»?

Кирилл Александрович Осповат (р. 1980) – филолог и историк культуры, автор книги «Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века» (2020), профессор Университета Висконсина в Мэдисоне.

ник марксизма пишет монографию про крестьянский, а не пролетарский протест. В 1525 году, о котором говорит Энгельс, не было пролетариев, были крестьяне. Есть интересное раннее письмо Маркса, где он впроброс говорит о том, что если в Германии начнется пролетарская революция, то ей понадобится поддержка крестьянства, повторение 1525 года. Это один из немногих моментов, когда Маркс описывает сценарий крестьянской революции. Много лет спустя Маркс, который читал русских народников и соглашался с ними в вопросе о крестьянстве больше, чем с русскими марксистами, прочтет и законспектирует книгу одного из архитекторов народнической историографии Николая (Миколы) Костомарова «Бунт Стеньки Разина». Эта книга, на которую я опираюсь, реабилитирует низовое протестное сознание крестьянства, которое может и говорить, и воевать за себя; казачество для Костомарова – вооруженное и освободившее себя крестьянство.

Сейчас, наверное, не выйдет ответить на все вопросы Кирилла, но, раз уж речь пошла о Костомарове, вспомню его тезис, который у меня в книге прямо не процитирован, но заслуживает внимания. Костомаров спорит с государственным Соловьевым: Соловьев пишет историю с точки зрения государства, а Костомаров настаивает, что ее надо писать с точки зрения *народа* и что историк обязан восстановить выработанный *народом* идеал своего существования. Обратим внимание, что в этой оптике существование низов не сводится к практике жизни в угнетении. У классического Маркса пролетарии – это те, кто в ситуации угнетения на заводах растерял культурный багаж мечтаний и надежд и остался с максимально практичным, голым осознанием своего экономического положения. Костомаров, напротив, реконструирует связный социальный идеал крестьянских низов, альтернативный феодальному порядку и бытующий в сфере идей потому, что на практике его осуществлению препятствует вооруженное угнетение. Фиксация этого идеала мне кажется принципиально важной. Историческое существование низов не сводится к факту угнетения или фигуре бунта, бессмысленного и беспощадного; в их существовании обнаруживается и сфера социальной мысли и политического творчества. Она выходит на поверхность в мятежах, которые век за веком каратели топят в крови, а потом меняют своим жертвам бессмысленную жестокость.

И я хотел бы отреагировать на тезис про модернизацию: Кирилл очертил знакомую телеологическую модель истории – приход капитализма неизбежно уничтожает и оставляет в прошлом темные крестьянские массы. Однако иные модели – в первую очередь теория неравномерного и комбинированного развития Троцкого – позволяют увидеть, почему крестьянские массы

остаются активными силами истории и в китайской революции, и в российских революциях 1905–1907 и 1917–1922 годов. Реальная история не подчиняется одной линейной логике вытеснения крестьянства пролетариатом или индустриализацией; в пространстве комбинированного развития сосуществуют разные векторы и классы. Группы, которым телеология модернизации и индустриализации отводит роль обреченных на поражение, оказываются носителями политического творчества и связанных представлений о социальной справедливости и правах человека, которые у реального пролетариата рубежа XX века не успевают сформироваться. У крестьян такие представления есть, и они проявляются в активных массовых действиях – не только в пугачевщине, но и в революциях начала XX столетия. Пролетарской революции на западе, которую предсказывали Маркс и Ленин, не случилось, а случились две крестьянские революции в России.

К.К.: Константин, что вы скажете – так сказать как практикующий историк?

Константин Ерусалимский: Да, коллеги, с удовольствием присоединюсь. И прежде всего непротокольные вещи. Книжку прочитал с огромным интересом, поддерживаю и пафос, и многие логики, и ряд выводов. Вся критика, которую я озвучу сейчас, не противоречит моему главному выводу: книга замечательная и состоялась как вызов.

Сразу обращаю внимание, как и Кирилл Кобрин, что книга Кирилла Осповата – это многоаспектный, многосторонний вызов, брошенный предшествующей исследовательской традиции, а точнее, самым разным традициям исследования. Это переоткрытие самого феномена пугачевщины – и, согласен, что здесь речь идет о преодолении или попытке по крайней мере выползти из шкуры екатерининско-пушкинского взгляда, согласно которому силы порядка борются с «мятежной сволочью». Это выражение анализируется в книге в самых разных своих модификациях.

Также перед нами тотальная критика структурно-семиотического направления в интерпретации, причем выводы очень суровые, местами радикальные в адрес традиции Юрия Лотмана, Бориса Успенского, Виктора Живова. Но и тут я поддерживаю Кирилла Осповата: мне кажется, что это нужная деконструкция одной из наиболее влиятельных исследовательских традиций. На основе этой деконструкции Кирилл выстраивает, переустраивает исследовательский «конструктор», реорганизует по-своему какие-то детали и пытается сформировать новый, хотя и близкий московско-тартусской школе, структурно-

ПУГАЧЕВЩИНА: «ИСТОРИЯ СНИЗУ» ИЛИ «ИСТОРИЯ НИЗОВ»?

Константин Юрьевич Ерусалимский (р. 1976) – историк-новист, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, автор нескольких монографий по русской истории XVI–XVII веков. Сферы научных интересов – культурные контакты Московского царства и Речи Посполитой (I), эмиграция «нулевой волны», гендерная история, теория истории.

семиотический язык. Я бы подискутировал, насколько этот язык уместен.

Не менее интересно, как в книге выстраивается полемика с советскими историками. Кирилл Осповат неоднократно декларирует свою приверженность по меньшей мере троцкистскому пониманию и троцкистским логикам интерпретации народных движений – и, кстати говоря, сходные логики принимали и коммунисты, и социалисты, и либералы. Вспомним трактат «Политика как призвание и профессия» Макса Вебера: он содержит прямые ссылки на Троцкого. Но троцкизм в обсуждаемом нами случае наносит разрушительный удар по советским научным логикам, потому что в ревизионистской традиции советский марксизм оказывается – если несколько заострить логику Кирилла Осповата – несостоятельным в интерпретации крестьянских движений именно потому, что это попытка увидеть истоки марксизма, увидеть истоки пролетарского движения, найти в крестьянстве силу, пробуждающую следующие этапы народных движений. И такой подход пытается прикрыть собственную ущербность ущербностью крестьянского движения. Мне кажется, что в книге многократно удачно показано, насколько и ранние работы Лотмана, выбивающиеся из советско-марксистского ряда, и интерпретации досоветских и советских авторов, на которых есть подробные ссылки, прямо вступают в противоречие с закрепившимся марксистско-ленинским представлением.

В ревизионистской традиции советский марксизм оказывается несостоятельным в интерпретации крестьянских движений именно потому, что это попытка найти в крестьянстве силу, пробуждающую следующие этапы народных движений.

На мой взгляд, это выглядит как убедительная критика – тем более, что ей сопутствует еще одна. Эта критика уже из перспективы постколониальных исследований, и она нацелена в книге Кирилла Осповата на интерпретацию просветительских революций, радикального Просвещения как сугубо западного продукта. Возможно, эта логика намечена лишь пунктирно и не доведена до конкретных формулировок, но сами эти тезисы в книге видны. Пугачевщина может рассматриваться если не в качестве первого большого революционного движения радикального Просвещения, то по крайней мере в одном ряду с ним. Революция в России вспыхивает за год до революции в Америке, и при этом оценки пугачевщины – со стороны как рево-

люционеров (например Жака-Пьера Бриссо), так и контрреволюционеры (например Эдмунда Бёрка) – в этом отношении сходятся. Много других свидетельств о Пугачеве, кстати говоря, как и о предшествующих народных движениях в России, исходят из европейских читательских и просветительских кругов. Их очень интересно анализируют коллеги, и они говорят, что за этими движениями очень внимательно следили современники во всем мире.

Здесь я остановился бы с похвалами – впрочем, нет, сейчас будет еще одна. Как только мы осознаем логику *subaltern studies* или *postcolonial studies* как необходимую подоснову для наших рассуждений о Пугачеве, нам тут же требуется очень большой пласт языковой работы – стилистической, риторической, лексической и дискурс-аналитической, – которая показала бы, что пугачевщина и сам Пугачев действительно попадают в рамки просветительского движения, связаны с ним. Это отнюдь не так очевидно – приходится интерпретировать, например, труды и даже сам образ Александра Радищева в этой перспективе, что оказывается непростой задачей, поскольку Радищев все-таки не был сторонником пугачевского движения, хотя его и можно радикально реинтерпретировать, как это делает Кирилл Осповат. Но и то, как выступление Радищева оценивала Екатерина II, и то, о чем он прямо и опосредованно говорил в 1790 году и в более ранних своих высказываниях, свидетельствуют о нем, думаю, как-то иначе.

И здесь в отношении тех мест в обсуждаемой книге, которые посвящены манифестам пугачевского движения, я как раз не согласен – например, с тем, что «Просвещение» в манифестах Пугачева нельзя было вычитать из самих же правительственных актов, которым он сам и его соратники подражали. Со многим я не соглашусь и в том, что касается фольклора или «народных песен». Этот пласт наблюдений, на мой взгляд, играет незаслуженно большую роль в книге, прежде всего потому, что не очень ясны обстоятельства возникновения этих песен, не очень понятны их привязки к конкретным событиям. Часто Кирилл Осповат сам же «отвязывает», казалось бы, повстанческие народные песни от пугачевского движения, доказывая, что они с ним не связаны напрямую, а возможно, даже имеют отношение к противоположной стороне конфликта. Но тем не менее это все равно очень интересная попытка, и она соединяет классическую филологию в том ее понимании, которое складывалось еще в XIX веке, с задачей, решаемой в книге.

Выскажу последнюю похвалу, которую считаю абсолютно заслуженной. Книга включается в традицию историко- и культурно-антропологических исследований школы «Анналов» в том духе, который наметился в третьем и четвертом поколении этой

ПУГАЧЕВЩИНА: «ИСТОРИЯ СНИЗУ» ИЛИ «ИСТОРИЯ НИЗОВ»?

научной школы. Кирилл Осповат прямо называет свой метод – вслед за Робертом Дарнтоном – «социальной историей идей» (мне эта формулировка встретилась не у Дарнтон, а у Алена Буро). Тому же способствует и направленность книги на вскрытие антропологических явлений в «истории снизу», у тех, кого Арон Гуревич считал «безмолвствующим большинством», которое, конечно, не безмолвствующее. С этим я тоже согласен. Традиция Жоржа Лефевра, Эдварда Томпсона, Джеймса Скотта, Ранаджита Гухи, Гайатри Спивак – также весьма значимая ревизионистская традиция.

И здесь, заканчивая свою реплику и в развитие похвалы, я не удержался бы от критики, пусть и чрезвычайно трудной для меня. Мне кажется, она не требует полного разделения лагерей, хождения между баррикадами. О том же говорил Кирилл Кобрин в своей начальной реплике, касательно правоохранительных оценок. Мне кажется, что нужно прислушаться к тому, как правые ревизионисты видят так называемую «историю снизу», насколько трудным оказывается отстаивать каждый шаг. В частности, практически не затронутые в книге наблюдения за низовой терминологией будут рикошетом играть против концепции Кирилла Осповата. Я имею в виду, скажем, наблюдения Александра Чудинова за понятием «народ» в годы Французской революции. Думаю, что это общая, очень большая, антимарксистская тенденция в ревизионизме, берущая начало из работ 1970-х. И как раз Чудинов делает прямо противоположное тому, что намечает Осповат: показывает, насколько голословными, насколько формальными, насколько пустыми и нереференциальными были многие «народные» термины, или так называемые «термины низов» или «конструирования низов», в том числе само понятие «народ» и различные его модификации как в революционной, так и в наполеоновской Франции. В этом же направлении движется Линн Хант, когда пишет историю «прав человека». В этом же направлении, как мне кажется, во многом движется и Дарнтон в своих поздних работах, в частности – в книге, посвященной революционной стихии.

В нашем распоряжении множество примеров, когда активность масс развивается не снизу, а откуда-то еще. Вот в этом смысле я бы выстроил все-таки идеологическую и даже, может быть, научно-критическую перспективу, которая обострила бы интерпретацию и потребовала от Кирилла Осповата еще больших усилий. Но требовать сейчас этих усилий невозможно – книга уже готова. В таком виде ее и не надо никак менять, но в будущем, мне кажется, это потребует. Последний пример: странно выглядит неупоминание Чикагской школы, концепции Чарльза Тилли в тех местах, где говорится о госу-

дарственности, учитывая постоянный акцент в книге на теме бандитизма (как правило, в интерпретации Эрика Хобсбаума и других левых историков). Но есть же совершенно противоположный взгляд, когда мы не противопоставляем движение снизу движениям сверху, «революциям сверху» (этим термином пользовался, скажем, Натан Эйдельман), или каким-то государственным институционализациям, а пытаемся, наоборот, связать их единой логикой. И такие попытки на российском материале предпринимались: например, книга «Аз есмь царь» Клаудио Серджио Ингерфлома, в которой автор доказывает, что государственное устройство России выросло во многом как самозванный аппарат, как аппарат, в котором институты подмены и институты самоучреждения были в постоянном взаимном диалоге и друг без друга не существовали.

К.К.: Анна, как вы видите эту книгу и ее, извините за термин, *message*?

Анна Нижник: *Message* меня как раз и интересует, потому что в начале книги Кирилл Осповат довольно много пишет о традиции в вопросе, могут ли угнетенные говорить, и каково здесь место историка. Здесь нужно отметить два важных момента. Первый – это «подсветка» нерассказанного, возвращение, так сказать, исторической справедливости: представление историй людей, которые не имели возможности их зафиксировать, или историй, которые были переиначены. Этот пафос в книге действительно существует. Второй момент, говоря словами Спивак: какие есть нарративные полномочия у историка излагать события именно таким образом? Мне кажется, нет ничего плохого в том, что книга Кирилла Осповата отчасти представляет собой аллгорию. Мне кажется, что это морально нагруженное повествование о пугачевском восстании, которое заставляет читателя переосмыслить собственные представления об иерархии политических сил.

Я хотела Кирилла немножечко подколоть: у меня в процессе чтения мелькнула мысль, что книга похожа на брошюру, которую переводил Разумихин в «Преступлении и наказании», где торжественно доказывалось, что женщина – человек. Здесь так же происходит с субалтернами: человек ли житель Сечи, человек ли участник пугачевского восстания? Кирилл доказывает, что человек и политический актер. И, хотя из моей перспективы это кажется несколько банальным, я понимаю, что наша историческая наука и остатки публичного поля нуждаются в том, чтобы кто-то доказывал такие очевидные вещи. Однако при всей привлекательности этой задумки, мне кажется, что в исследовании проскальзывает несоответствие методологий. В оптике

ПУГАЧЕВЩИНА: «ИСТОРИЯ СНИЗУ» ИЛИ «ИСТОРИЯ НИЗОВ»?

Анна Валерьевна Нижник (р. 1987) – доцент Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, политическая исследовательница.

Джеймса Скотта субалтерны имеют собственную, скрытую от посторонних глаз, систему ценностей, – необходимо лишь ее восстановить, описать. В оптике Лотмана, о котором много пишет Кирилл, низовые практики являются отражением или переиначиванием дискурсивных практик элиты, и тогда субалтерн продолжает быть подчиненным, пусть и периодически бунтующим. Это несоответствие можно спекулятивно углубить. Может быть, историк и должен спекулировать, задавая себе вопросы: «А что бы я сделал в такой ситуации?», «А что бы я сделал тогда?». В каком-то смысле это анахронистический подход, но он снимает историка с пьедестала всезнания.

Если говорить про методологию, то мне очень понравилась попытка рассказать историю пугачевского восстания как классовую, но марксистская рамка внезапно меняется на рамку республиканской политической традиции. Мне кажется, чтобы примирить анализ республиканского дискурса и классовый подход, стоило бы посмотреть не только на дискурсивные, но и на бытовые практики: механику восстания, особенности коммуникаций, историю медиа. Так делал Скотт в книге «Искусство быть неподвластным», описывая, как жители горных районов Юго-Восточной Азии выращивают корнеплоды вместо риса или ведут двойную бухгалтерию для сборщиков податей. Кирилл убедительно доказывает, что военизированное казачество имело свой особый уклад, но важна и механика того, как рождаются фольклорные политические манифесты, как разные части этой восставшей полуармии коммуницируют между собой, – для понимания, что представляла собой та казачья публичная сфера, если она вообще там была.

{ Особенности коммуникативных практик определяют характер тех или иных учреждающих событий, пусть и провалившихся, как пугачевщина.

Особенности коммуникативных практик, на мой взгляд, как раз и определяют характер тех или иных учреждающих событий, пусть и провалившихся, как пугачевщина. Но было ли это учредительным событием, направленным на перестройку политического порядка, остается непроясненным. Возникает вопрос: почему мы должны смотреть на него как на нечто альтернативное, самобытное – или достаточно взгляда именно из перспективы европейской политической истории? Как пишет Кирилл Осповат, Екатерина, хорошо знавшая политические теории своего времени, внимательно читавшая Монтескье, увидела именно это. Мы опять упираемся в дихотомию элит и низов.

«Восставшие массы» получают в книге голоса, причем очень разные. Кирилл Осповат – литературовед, который занимался образцами высокой поэзии, и он немного извиняется перед читателями за то, что «Плач холопов» – анонимный документ эпохи – написан недостаточно изысканно. Ну, мы, собственно, того и не ждали.

Еще мне очень понравился околофуколдианский анализ судебных материалов: интересно, как допрос должен был выглядеть в зависимости от разных практик, принятых в делопроизводстве. Возможно, эта проблема решилась бы как раз через бóльшую спекулятивность, когда пугачевское восстание рассматривалось бы не как дискурсивное событие, дискурсивная революция или бунт, хотя это тоже очень интересно, но и как практика «делания». Это пожелание к будущим исследованиям, если Кирилл за них возьмется.

Извините, что это прозвучало слишком критически.

К.К.: Спасибо. А мы и собрались, чтобы ругать.

Игорь Кобылин: Это вы еще меня не слышали.

К.К.: Вот мы как раз к вам и переходим. Смотрите: была пугачевщина, и о ней можно говорить так, как это делает Кирилл Осповат. Но применим ли такой подход к другим событиям бурной русской истории, или же это эксклюзивный исследовательский и мировоззренческий инструментарий, который приложим только к Пугачеву? Каждое ли бурление агентности (извините за метафору) настолько типологически похоже на другое, что о нем можно написать такого рода книгу? Обращаюсь к вам как к специалисту по агентности.

И.К.: Во-первых, позвольте поблагодарить обоих Кириллов: Кобрину за приглашение участвовать в этой дискуссии, а Осповата за сам ее предмет – по-хорошему провокативную и, я бы сказал, воодушевляющую книгу о Пугачеве и пугачевщине.

Я чувствую себя несколько неловко в компании специалистов-историков, поскольку совсем не специалист ни по Пугачеву, ни по русской истории вообще – да и историк я только по базовому образованию и давно занимаюсь другими, преимущественно философско-теоретическими, вещами. Поэтому об историко-эмпирической части работы я компетентно высказываться не могу – отмечу только, что мне как читателю аргументация Кирилла показалась весьма убедительной. Но у этой книги, как я понял, есть и другие ставки – условно назовем их теоретико-политическими. И вот здесь у меня возникает несколько вопросов, главный из которых – вопрос о субъекте.

ПУГАЧЕВЩИНА: «ИСТОРИЯ СНИЗУ» ИЛИ «ИСТОРИЯ НИЗОВ»?

Игорь Игоревич Кобылин (р. 1973) – философ, историк культуры, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета, преподаватель программы «Политическая философия» Московской высшей школы социальных и экономических наук, доцент Приволжского исследовательского медицинского университета.

Ключевой задачей работы было продемонстрировать политическую агентность восставших – и не просто агентность (она бывает разной), но агентность рациональную, не уступавшую в рациональности своим «просвещенным» противникам, а то и превосходившую их в «разумении» политико-экономической ситуации. Сама эта задача – блестяще выполненная! – была поставлена автором в полемическом противостоянии догмам советской историографии. Безусловно сочувствуя участникам многочисленных крестьянских восстаний, советские историки и обществоведы, однако, квалифицировали крестьян-бунтовщиков в качестве «темных» и «невежественных», их идеологию – как «религиозно-утопическую», а сами восстания и бунты описывали как «стихийные» и «заранее обреченные на провал». Более того, эта «обреченность» носит структурный характер: подлинное освобождение возможно только на стадии изживающего себя капитализма, когда произведенное им «изобилие» может послужить основой для создания нового общества. Михаил Лифшиц – советский философ-эстетик, – споря о том, возможна ли «пролетарская трагедия» или «коммунистическая трагедия» и, если возможна, то какой она должна быть, как-то заметил, что тут не нужно ничего придумывать – достаточно взять любого вождя народного восстания эпохи Средневековья или раннего Нового времени, и трагедия почти в античном смысле готова: герой ясно осознает ужасающую несправедливость социального мира, но не может ничего с ней поделать. Даже выиграв сражение, он проиграет битву – скрытые от него (да и от всех участников трагедии) силы истории еще не подготовили почву для создания справедливого общества в полном смысле этого слова. Крот истории роет, конечно, верно и неутомимо, но очень медленно. Поэтому сама история оказывается античным роком для героев всего «домарксистского» (как говаривали советские марксисты) освободительного движения.

Кирилл Осповат очень много сделал, чтобы радикально поменять такие представления о крестьянском бунте и его субъекте, справедливо полагая, что словарь исследователя во многом совпадает здесь со словарем угнетателей. Выясняется, что между неграмотными крестьянами и их образованными владельцами существовала целая сеть грамотных челобитчиков – посредников, выстраивавших сложную систему коммуникации, так что тезис о тотальной «темноте крестьянских масс» придется оставить или во всяком случае серьезно скорректировать.

Совершенно замечательная часть работы – это критика устоявшегося взгляда на крестьян как носителей наивно-монархического сознания. Вроде бы самозванничество Пугачева, выдававшего себя за Петра III и демонстрировавшего «царские

знаки» на теле, играет как раз на сторонников «глубинного монархизма», но автор убедительно показывает, что этот сюжет можно трактовать совершенно иначе: «Петр III» у пугачевцев не столько имя конкретного монарха, сколько титул, на который Пугачев претендует, а казацкий круг еще должен – вполне демократическим путем – эту претензию подтвердить. И уж чего здесь точно нет, так это наивности. Есть довольно сложная политическая игра, включающая целый спектр реакций, вплоть до расчетливого «макиавеллизма».

В последней трети работы идеология пугачевцев, артикулированная в манифестах, описывается как составная часть глобального фронта «радикального Просвещения». Дискурсивным и политическим уловкам некоторых «официальных» просветителей, прекрасно понимающих суть дела, но боящихся делать радикальные выводы и тем более предпринимать реальные политические шаги (такой просветительницей в книге предстает Екатерина II), плебейские просветители противопоставляют нередуцируемую аксиому равенства, если воспользоваться здесь выражением Жака Рансьера, и идут в ее реализации до самого конца.

Крот истории роет верно и неутомимо, но очень медленно. Поэтому сама история оказывается античным роком для героев всего «домарксистского» освободительного движения.

Все эти тезисы чрезвычайно интересны и прекрасно аргументированы, но если приглядеться, то вопрос о субъекте все-таки не решен и видны авторские теоретические колебания. Кто субъект восстания? Вроде бы понятно – речь идет о казаках, постепенно вовлекающих широкие круги крестьян в орбиту своего движения. Этот момент прекрасно акцентирован в книге: цель пугачевцев – «вся Расея», тут крестьянский экспансионизм восстания парадоксально коррелирует с имперским. Крестьянство где-то в книге называется даже «универсальным классом».

И вот тут вопрос. Понятно, почему марксисты делают ставку на пролетариат: тот не имеет своей «доли» в обществе и, будучи «обездоленным» в прямом смысле, представляет абстрактную универсальную человечность как таковую. Именно поэтому пролетариат – это последний класс, призванный разрушить классовую систему, в том числе и упразднить себя в качестве класса. Здесь задается вектор движения от универсально-абстрактной человечности к универсальной же, но уже овладевшей всем богатством истории человечности коммунист-

ПУГАЧЕВЩИНА: «ИСТОРИЯ СНИЗУ» ИЛИ «ИСТОРИЯ НИЗОВ»?

тической. Крестьянство же – это само воплощение партикулярной «доли». Отсюда и нелюбовь, так сказать, марксистов к крестьянству. Победа крестьянства в этой оптике означает универсализацию партикулярности в ее партикулярности, простите мне это чудовищное выражение. Не так важно коллективное владение землей, важно, что это увековечивание «доли». И никакого движения в будущее здесь уже не предполагается. Это мир, замыкающийся на самом себе, вынужденный «срезать» любой избыток, бесконечно оберегающий самождественность.

И – чтобы закончить с крестьянством – возникает и другой вопрос. В первой части книги вы, Кирилл, обращаетесь к эссе Гайатри Спивак «Могут ли угнетенные говорить?», у которой угнетенные – это сложный, гетерогенный, расколотый субъект. Вы вроде бы с ней солидаризируетесь, во всяком случае не вступаете в эксплицитную полемику (лишь указываете на критическую позицию Вивека Чиббера), но ваше крестьянство – прямая противоположность такому субъекту. Оно не просто рационально, оно, если так можно выразиться, насквозь рационально, смотрит на мир «как он есть», без какого-либо идеологического опосредования. А Альтюссер говорил, что идеология как ложное сознание реальных условий жизни сохранится в каком-то виде даже в коммунистическом обществе.

Однако оказывается, что даже не российские крестьянство и казачество определенного периода являются субъектом – они лишь конкретно-историческое воплощение «угнетенных», греберовского «народа», который всегда равен самому себе и требование которого всегда одно и то же: предъявление власти имущим аксиоматики равенства. Я несколько упрощаю, но кажется, что это предъявление нечто вроде платоновской идеи, которая обнаруживает себя в своей неизменности в самых разных, исторически изменчивых ситуациях – где-то целиком и полностью, со всей ясностью и отчетливостью, где-то более или менее смутно, – и необходимы археологические усилия, чтобы это требование «раскопать».

И это мой ответ на вопрос Кирилла Кобрина по поводу масштабируемости оптики на другие восстания и одновременно – некоторое полемическое несогласие с его первоначальным тезисом: книга Кирилла Осповата, конечно, историческая, но имеющая твердый антропологический фундамент: «народ» здесь заново утверждается в своей «стихийности», если понимать «стихийность» не в качестве «неорганизованности» и революционной «незрелости» (в отсутствие мудрого партийного руководства), а в более древнем и более философском смысле – «стихия» как первоначальный элемент, архэ,

первовещество. В этой логике Высокое Просвещение, с его а- (или даже анти-) исторической апелляцией к Природе и Разуму, от этой Природы неотделимому, – это уникальный момент развития «господской» мысли, когда она непосредственно совпадает с народной. Никакого короткого замыкания плебейской мысли с последующими романтизмом, гегельянством или даже марксизмом уже нельзя себе представить. Плата за открытие историзма – аллохронизм и экзотизация Другого в его стадильной инаковости.

Наверное, этого «антропологического» субъекта можно помыслить иначе, без привязки к антропологическим реалиям – чисто политически и процессуально, в терминах Бадью, например. Логика восстания/бунта, логика События запускает процесс субъективации – и этот субъект неотделим от самого События. Тут действительно можно говорить о вторжении своего рода платоновской вечности в суетливый мир исторической ситуации. Но все это требует отдельного тщательного исследования.

К.О.: Спасибо, коллеги. Замечательные возражения. Мне очень понравилось мягкое приглашение Анны подготовить еще одну книжку. Я писал историческую книгу и действительно не сводил воедино на теоретическом уровне те разные вопросы, которые точно очертил Игорь. Начну с того, что отвечу Игорю, потому что это методологически принципиально важные моменты.

Перед нами теоретическое расхождение в конструкциях субъекта между постколониальным идентитарным многообразием, *diversity*, и ясным, осознающим себя коллективным агентом – *народом* или *классом*, как его описывает Вивек Чиббер. Другое расхождение – между консервативным и революционным крестьянством; эта проблема, с которой сталкиваются радикалы XIX века от Маркса до Чернышевского и российских народников. Это плохо разрешаемая проблема, потому что крестьянство может быть и таким, и таким – после вековой покорности вдруг устрашающий бунт. В книге о пугачевщине у меня не было возможности проследивать этот теоретический вопрос и попытки его разрешения, но в следующих проектах я думаю к нему вернуться.

При всем том фигура, которую я пытаюсь описать, – это не просто неизменный греберовский антропос, хотя Игорь правильно увидел его в моей книге. Дэвид Гребер – фундаментальная для меня точка отсчета, без него книги не было бы. Вместе с тем мне принципиально важно осмыслить восстание как действие и событие – не простое проявление заданного и наличного, но момент исторического слома, когда меняется и природа коллективного субъекта. Революционное крестьянст-

ПУГАЧЕВЩИНА: «ИСТОРИЯ СНИЗУ» ИЛИ «ИСТОРИЯ НИЗОВ»?

во веками незаметно на исторической сцене; российское народничество до сих пор обвиняют в идеализации крестьянства просто потому, что те, кто надеялся на массовый мятеж в 1861 году, ошиблись в датах (в предсказаниях революции часто ошибаются) и не дожили до 1905-го и 1917-го, когда многие их ожидания и прогнозы осуществились. Энгельс пишет о Крестьянской войне 1525 года потому, что триста лет после того, как поначалу мирный массовый протест утопили в крови, крестьяне в Германии не протестовали – но этот протест может вернуться снова.

Принципиально важно осмыслить восстание как действие и событие – не простое проявление заданного и наличного, но момент исторического слома, когда меняется и природа коллективного субъекта.

В XX веке вокруг диалектики бунтующего и покорного крестьянства построил свой проект Джеймс Скотт. Сначала он написал про крестьянский бунт, а потом решил, что важнее смотреть не на мятежи, а на повседневность вне их. Я двигаюсь в обратном направлении и пытаюсь описать момент перехода, формирования коллективного революционного субъекта из географической и идентитарной раздробленности. Пугачевщина действительно вырастает из имперского разнообразия, когда разные группы сосуществуют под общей властью, но живут по разным правилам и друг с другом воюют. Казаки служат в обычные времена авангардом колониальной экспансии против башкир, и в этой логике они должны друг друга ненавидеть. Один из поразительных антиколониальных моментов пугачевщины, о котором, кстати, Пушкин тоже рассказывает, – что все эти многочисленные группы объединяются, казаки и русские крестьяне договариваются с башкирами против собственного имперского порядка – довольно редкая, вообще говоря, ситуация для колониальных империй. Если взять американскую войну за независимость против метрополии, то колонисты там не объединяются с индейцами – их используют как военный ресурс, но потом новообразованное государство отнимет у них и территории, и права. Разного рода договоры и союзы белых с индейцами в Северной Америке – это часть процесса колонизации, Российская империя тоже так действовала.

В пугачевщину происходят совершенно иные вещи. Пугачевские манифесты, часть из которых написана по-татарски, гарантируют всем группам равные гражданские права, включая

право на владение – а точнее, пользование – землей и природными ресурсами. У меня в книге есть фраза, которую я люблю повторять в докладах: пугачевцы напоминали бы Вашингтона и Джефферсона, если бы те в период боев с британскими войсками провозгласили отмену рабства и гарантировали аборигенам на всем американском континенте безусловные права коллективного землепользования и личной свободы. В момент пугачевского восстания происходит формирование революционной коалиции угнетенных групп. Убежденный пугачевец, старый крестьянин Семен Котельников узнал историю о воскресшем Петре III, идущем освобождать крестьян, от башкир Салавата Юлаева, которые заняли его село и оказались ему ближе, чем барский приказчик, в культурном отношении – свой же брат-крестьянин; но их пугачевцы судят и часто вешают.

Вот этот удивительный исторический феномен я и пытаюсь описать. Перед нами, с одной стороны, антиколониальная коалиция, а с другой стороны, я предлагаю видеть тут формирование класса (если процитировать название монографии Эдварда Палмера Томпсона, так и не переведенной на русский). Что такое класс? У нас есть определение Маркса из «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта», которое подхватывает Гайатри Спивак. У класса есть две формы. Он может существовать в недособранном виде, что в основном и происходит на протяжении истории: группы, объединенные экономическими интересами, не осознают их связанность и не объединяются в единую силу. Но в акте восстания – или революции – может произойти формирование класса, сознающего себя. Мой тезис состоит в том, что участники пугачевщины собирали классовую коалицию на основании экономических требований.

Здесь мы возвращаемся к проблеме сознания трудящихся классов, о которой я уже говорил. В классическом марксизме, как показывает Балибар, есть фундаментальное противоречие между идеей пролетариата как класса, чье сознание очищено от любого идеологического, символического содержания и является чисто-практическим знанием о формах капиталистического угнетения, – и необходимостью альтернативной идеологии, связанных представлений об общественной справедливости и просто добре и зле, необходимых для победы революционного класса. Эмпирически такой связной идеологии трудно ожидать от пролетариата, формирующегося на глазах в чудовищных условиях из деклассированной бедноты. У крестьянства же, веками вырабатывавшего языки и практики сопротивления, она была – что Энгельс и Костомаров констатируют уже в 1850-е.

Разработанное крестьянское мировоззрение позволило пугачевцам с удивительной легкостью собрать класс как массо-

ПУГАЧЕВЩИНА: «ИСТОРИЯ СНИЗУ» ИЛИ «ИСТОРИЯ НИЗОВ»?

вую революционную коалицию. И в этом состоит мой ответ на то, почему мы можем считать крестьянство универсальным классом. Крестьянская идея справедливости внятна самым разным группам. В источниках мы видим, с какой легкостью казаки (которые не считают себя русскими и включают мусульман), башкиры и русские крестьяне договариваются об общих требованиях по отношению к имперскому центру, которому в другое время эти же казаки служат против башкир. Эти требования подробно сформулированы в пугачевских прокламациях: справедливый и всеобщий доступ к земле и природным ресурсам, выборные институты и прямая демократия на местах, всеобщие права человека, упразднение наследственных иерархий и принудительного труда.

Формирование массовой коалиции самых разных групп колониального фронта на основании этих требований – одна из самых удивительных сторон пугачевщины. Слово *пугачевщина* может быть более исторически точным названием этого формирующегося класса, в составе которого крестьяне составляют только одну, хотя и самую многочисленную, группу, а русские земледельцы воюют рука об руку с кочевниками, сопротивляющимися навязываемой им сверху оседлости. Какое будущее все они предлагали? Интернационализм и коммунизм.

И.К.: Буквально пару реплик о крестьянском коммунизме. Можно сколько угодно иронизировать по поводу слов Энгельса о том, что при коммунизме каждый с утра может половить рыбу, в обед заняться научным исследованием, а вечером написать статью в журнал, но это не отменяет логики марксистского понимания коммунизма. Коммунизм – это обретение отчужденной в классовых формациях родовой сущности человека. А родовая сущность, напоминаю, означает универсальное (в отличие от специализированного видового) овладение миром, раскрытие всех творческих потенциальностей, в человеке заложенных, и так далее. Наверное, сегодня мы должны критически к этому отнестись, заново продумать эти марксистские положения, но вот крестьянский коммунизм в качестве альтернативы мне кажется сомнительной идеей.

Когда я читал весьма показательный эпизод о том, как казачий круг боролся с внутренним имущественным – и как следствие политическим – расслоением на старшин и голытьбу (борьба, собственно, заключалась в создании нового круга на прежних основаниях равенства – то есть круг пытался всякий раз воспроизвести себя в изначальном виде), то вспоминал последнюю часть «Тысячи плато» Делёза и Гваттари, их описание того, как «дикари» пытались выстроить заслон уже рвущемуся из виртуального пространства государству во всем блеске его

репрессивных возможностей. Государство вопреки эволюционистской логике не было где-то в будущем, на следующей фазе исторического развития, оно присутствовало в жизни архаических народов в качестве актуального предела их деятельности. Они пытались удержать его там и не преуспели в этом. Пугачевцы со всем их глобальным экспансионизмом – это такие же держатели обороны против дифференциации, расслоения, образования излишков и избытков, против истории, наконец. Их экспансионизм – это экспансионизм героической обороны.

ПУГАЧЕВЩИНА: «ИСТОРИЯ СНИЗУ» ИЛИ «ИСТОРИЯ НИЗОВ»?

К.К.: К вашему Марксу я добавлю немного маоизма. Проблема крестьянства и революции/коммунизма нигде не стояла так остро, как в Юго-Восточной Азии, где никакого пролетариата почти не было, поскольку до конца XIX века практически не было промышленности. Маоизм – и производные от него еще более кровавые идеологии – стал ответом на эту ситуацию. Мао решил делать крестьянский коммунизм со всеми вытекающими для высокой китайской культуры последствиями не по врожденной злокозненности, а просто *оказавшись в ситуации революции с единственным классом, который действительно мог эту революцию сделать*. И свои представления о мире этот класс во многом привнес в политическую практику, а Мао – гениальный политический стратег – лишь следовал за тем, куда его подталкивало крестьянство. Я огрубляю – конечно, надо брать в расчет традиции разных китайских регионов и разных групп населения, политической культуры на разных уровнях, – но, по большому счету, мне кажется, что это так.

И.К.: Есть же прямо тезис маоизма: «Держаться линии масс».

К.К.: Безусловно.

А.Н.: Мне хотелось бы поделиться размышлениями, связанными с той картиной революционной ситуации, которая изображается в тексте. Там много говорится о республиканизме и его главном компоненте – *virtus* – доблести и чести действовать прямо сейчас; о том, что пугачевское восстание – это радикальное ускорение времени, когда бунтовщики требуют все большего, но потом Пугачев говорит на допросе, что не знает, что конкретно собирался предложить, если бы получилось взять Москву. И тогда возникает вопрос: вписывается ли это событие в политическую логику? Кирилл Осповат доказывает, что там были проявления низовой демократии – но могла ли она реализоваться?

Республиканизм и демократия – это разные вещи. То, что описано в книге, – это спартанский республиканский порядок,

который поощряет в первую очередь воинскую доблесть, что хорошо видно по тому, кого казаки хотят избирать из своих рядов: «Чтобы был славен и известен наказаниями и воинской доблестью». Выигрывает харизматический лидер, которым становится Пугачев. Мне интересно: как именно проводился этот плебисцит? Насколько я понимаю, по принципу аккламации. Даже когда мы говорим про современный политический республиканизм, вернее, про тех, кто действует исходя из республиканского этоса, он часто позиционируется как дело храбрых рослых мужчин, которые, как в античное время, готовы друг с другом сразиться за свои демократические ценности, – этаким стазис. Вряд ли это соответствует современному представлению о демократии – вернее, стоило бы определить, что именно мы имеем в виду под этим словом.

Даже когда мы говорим про современный политический республиканизм, он часто позиционируется как дело храбрых рослых мужчин, которые, как в античное время, готовы друг с другом сразиться за свои демократические ценности.

Здесь вырисовывается странный парадокс: с одной стороны, это вроде самый черный люд, угнетенные, а с другой, – в общем-то, профессиональная армия, которая следует республиканским идеалам. Поэтому, мне кажется, нет противоречия в том, что некоторые сохранившиеся риторические формулы похожи на те, что были в просвещенных кругах, буквально по Монтескьё. Но о каком виде демократии и о каком виде равенства мы говорим? Социальное устройство казацкой республики не учитывает половину рабочего населения, того самого класса, который в этом торжестве плебисцитарной демократии остается немым, – батраков и женщин. Кирилл Осповат приводит пример про старицу Анну Глухову, но он, мне кажется, больше похож на религиозно-мистический казус, все-таки она не атаманша, в казацкий круг она не принята. Получается, что угнетенный класс, субатлерны, как их рисует Кирилл, имеют внутреннюю иерархию, полурабовладельческое социальное устройство: есть класс, под ним другой, если пороемся, найдем еще один, который молчит еще более глухо. Но тогда и пугачевщина оказывается не событием глобального уравнивания, страстью к равенству, а восстанием за право на землю. Это то, о чем говорит Игорь Кобылин.

Да, есть больше похожая на аккламацию казацкая республика с харизматическим лидером Пугачевым и театральностью ее

как бы плебисцитарных проявлений (мне очень понравились связанные с этим моменты анализа самозванчества): шутовские коронования казацких царей, которые приходят и уходят. «На миру и смерть красна» – республиканский *virtus* требует театра вокруг себя, иначе как все узнают, что вы доблестный гражданин? Но насколько эта интерпретация соответствовала историческим ситуациям? Можем ли мы говорить здесь о демократии? И – если возвращаться к вопросу о спекулятивности – какой посыл у книги, что она говорит о нашем настоящем и не проблематична ли такая историческая аллегория?

ПУГАЧЕВЩИНА: «ИСТОРИЯ СНИЗУ» ИЛИ «ИСТОРИЯ НИЗОВ»?

К.О.: Я рад, что мы заговорили о проблематике республиканства (мне эта форма кажется по-русски органичнее, чем «республиканизм»). Действительно, в российский контекст дебаты о республиканстве импортируются в либеральном, а иногда и консервативном изводе, как еще одно наименование для правления просвещенных и богатых элит, или на республиканском языке – аристократии. Между тем это не единственная форма республиканской мысли. Есть и радикальное республиканство Джона Маккормика, и республиканство Антонио Негри в книге об учредительной власти. Согласно Маккормику и его прочтению Макиавелли, в основании республиканства с римских времен лежит борьба плебса с аристократией. И сам плебс, и акты его борьбы, и установленные ими формы политического участия могут в классическом республиканстве именоваться *демократией*. (Мы не говорим сейчас о новом, установившемся в XIX веке понимании демократии как правления электоральных олигархий.) Эта линия в республиканстве вытесняется авторами от Гвиччардини до Покока, которые исключают вопрос о плебсе и демократии из конструкций республики, но мы не обязаны им следовать.

В книге я смотрю на источники, в которых республиканский язык используется для описания плебейских, демократических движений – казацкого уклада и крестьянского бунта; в этой радикально-республиканской перспективе я разбираю анализ пугачевщины и крестьянской революции у Радищева и разных его современников. В этом смысле моя книга о пугачевщине – это исследование демократической жизни и демократии как политической формы. В демократии пугачевцев право на участие есть у всех – тут я отчасти возвращаюсь к спору о партикуляризме и универсализме. Русские крепостные, которых освобождает Пугачев, оказываются союзниками башкир, разделяют с ними идеи социальной справедливости и прямой демократии, представление о том, что все они смогут сосуществовать и вести разные образы жизни на общей земле. Самые разные группы не только берут себе право избирать атамана или старосту, но

формируют представление о едином пространстве всеобщего политического участия, охватывающем не только конкретные локации мятежа, но и всю плебейскую Россию.

Ведь что такое демократия? Согласно классическим республиканским определениям, это прямое участие граждан в принятии решений, народное собрание, когда все физически собираются на площадь. Модель местного прямого коммунального самоуправления, которую Маркс потом опишет в «Гражданской войне во Франции» в связи с Парижской коммуной и которая, по его словам, должна будет распространиться в национальном масштабе на каждую деревню, – эта та самая русская крестьянская община, «мир», о котором Маркс вычитал у русских народников и спорил в переписке с Верой Засулич.

В перспективе этого идеала встает важнейший вопрос о границах демократии, об исключенных из нее. Конечно, взбунтовавшееся с Пугачевым общество яицких казаков иерархично. Там есть аристократия-старшина и плебс-голытьба. Есть люди, которые, во-первых, физически не находятся в Яицком городке и, во-вторых, не имеют казацкого статуса, а потому оказываются исключены из народного собрания-круга, лишены права соучастия. Конечно, ни в момент восстания, ни после него никакого идеального демократического коммунизма Яик из себя не представлял. Но в ситуации восстания границы, отделяющие угнетенный класс от еще более угнетенного, начинают «плыть».

Приведу мой любимый пример, но не из пугачевщины, а из Сибири XVII века, о которой пишет замечательный историк Николай Покровский, оказавшийся для меня одним из важнейших ориентиров. Когда в Сибири городские и казачьи миры начали бунтовать против московских воевод, они объединились с местным угнетенным автохтонным населением, которое в обычной жизни должны были колонизировать и эксплуатировать. В момент восстания происходит вскрытие демократической границы: угнетенные группы договариваются между собой поверх проведенных феодальным и колониальным порядком линий противостояния. В расовой иерархии Российской империи яицкие казаки считались более просвещенными, полезными империи, чем дикие кочевые башкиры, находившиеся ступенью ниже, – а в ходе пугачевщины они объединились, как и с крепостными крестьянами, которых можно было просто грабить и убивать, будь то привычный для казаков разбойный поход. Однако тут включается совсем иная, революционная логика плебейской солидарности и *демократии*.

В этой связи очень интересно обратиться и к вопросу о женщинах. В фигуре Анны Глуховой, яицкой старицы, о которой я пишу, нет никакой мистики. Собственно, мой тезис про полити-

ческую теологию пугачевщины и казачества состоит как раз в том, что вместо мистики, литургии и вопроса о спасении души там обнаруживается вопрос о демократической политической форме, о казачьих правах. Глухова держит дома чудотворную икону Спаса, на которую приходят молиться яицкие «старики и старухи» и которая плачет, когда имперская администрация угрожает правам яицкого войска. Перед нами, повторюсь, политическая теология – религиозная транспозиция политической формы и борьбы. «Старики и старухи», которые собираются у Глуховой, – это старейшины, носители общественного авторитета. Обычно в документах речь идет только о «стариках», то есть мужчинах – но потому ли, что у женщин в этом обществе нет власти, или потому, что имперский архив их обычно не видит? Когда начинается официальное расследование истории об иконе Глуховой, которую яицкие казаки вынесли на расстрелянный властями митинг, выясняется, что у них есть не только старики-старейшины, но и старейшины-женщины. Глухова оказывается одной из *старух*, или *стариц*, не только имеющих авторитет в домашней сфере, но и планирующих в ходе яицких волнений 1772 года стратегию протеста, поначалу мирного, но быстро переходящего в вооруженный мятеж.

ПУГАЧЕВЩИНА: «ИСТОРИЯ СНИЗУ» ИЛИ «ИСТОРИЯ НИЗОВ»?

В момент восстания происходит вскрытие демократической границы: угнетенные группы договариваются между собой поверх проведенных феодальным и колониальным порядком линий противостояния.

На этом примере можно задаться вопросом о положении женщины в казачьих и крестьянских сообществах не только в 1770-е, когда происходит пугачевщина, но и в XIX веке. Какая роль отводилась женщине на сходке в русской крестьянской общине? Это вариант общего вопроса Спивак о том, могут ли угнетенные (женщины) говорить, могут ли крестьяне представлять сами себя. Ответ не может быть дан вне исторической динамики: в разных обстоятельствах бывает разное. Был страшный сельский патриархат, о котором в XIX веке нам рассказала народница и феминистка, этнограф Александра Ефименко, – но есть свидетельства и о равноправном участии женщин в крестьянских сходках. Я немного пишу о фольклоре казаков-некрасовцев, которые во главе с атаманом Игнатом Некрасовым ушли из России на османскую Кубань в начале XVIII века и сохраняли до начала XX века свой образ жизни и устную конституцию, известную как «Заветы Игната». Про

женщин «Заветы Игната» говорят: женщина – мать, ее защищает круг (то есть сходка). В фольклоре некрасовцев, собранном уже в XX веке, женщины играют важную роль как носительницы не только домашней морали, но и политического самосознания общины. Это не коммунизм и не феминизм XX века, но в той степени, в которой сообществам такого рода вообще были вняты идеи политического участия и равноправия, эти принципы могли, видимо, в одних случаях распространяться на женщин – а в других нет.

А.Н.: Не бывает такого консервативного патриархата, где женщина – просто раб. В патриархальных обществах роль старших женщин всегда велика. Но не о гендерной социологии спор, а скорее о том, кого можно рассматривать как субъекта низового сопротивления: тех, кто доблестно сражался и говорил о себе, или, может быть, тех, кто был ко всему этому равнодушен или не нашел выражения своей политической судьбы в республиканских терминах. У Кирилла Осповата проглядывает мысль, что всякая революция содержит в себе пустоту, недореализованность, «темную материю». И получается, что мы про это ничего не знаем и повествование проходит в области публичной рациональности. Я предполагаю, что большая часть этой практики не могла быть демократической именно в силу того, что это была практика сильных.

К.О.: Не совсем так. Я разбираю эпизод, когда пугачевцы пришли в деревню Карамзиных, которые сбежали вместе с малолетним Николаем. Пугачевские эмиссары объявили их крестьянам волю, и те послали гонцов к самозванцу понять, что происходит. Пугачев их спросил, не хотят ли они служить в его войске, но крестьяне отказались. Тогда Пугачев дал им указ о воле и отпустил со словами: «У меня невольников нет». Эта сцена происходит в сфере публичной жизни, из которой крестьяне возвращаются домой, но не исчезают в аграрной тьме: мы знаем, что дома освобожденные пугачевщиной крестьяне проводили сходки, перераспределяли произведенное их трудом барское имущество, в первую очередь зерно, выбирали старост. Сохранился небольшой архив сельской демократии эпохи пугачевщины – протоколы и патенты о выборах старшин, составленные и записанные самими якобы неграмотными крестьянами. Когда Пугачев упразднял помещичью и полицейскую власть, в селах не воцарялись стихия, анархия и разбой, как это может представить себе городское воображение, – но вступали в силу традиционные, хотя часто подавлявшиеся институты сельской, мирской прямой демократии и коллективного распоряжения собственностью. Свидетельства о выборах сохрани-

лись не только от крестьян, но и от башкир и казаков, так что свести эту сложную колониальную ситуацию к изолированным этнокультурным традициям не получится. Мне кажется, что в пугачевщине становится осязаемо видна политическая форма и социальный проект низовой демократии, в которой фигура вождя оказывается далеко не самой главной. Пугачев, хотя и именует себя Петром III, не абсолютный монарх, как мы его себе представляем, но скорее казацкий плебейский (голутвенный) походный атаман. Не затем идут за ним массы, чтобы поклоняться одному монарху вместо другого, но затем, чтобы жить коммунальной демократической жизнью.

ПУГАЧЕВЩИНА: «ИСТОРИЯ СНИЗУ» ИЛИ «ИСТОРИЯ НИЗОВ»?

К.К.: Обсуждаемая книга предлагает новый подход применимо к определенному событию – пугачевщине. Это тот случай, когда объект исследования буквально заставляет автора иначе использовать свой инструментарий, совмещать с другим, переизобретать в каком-то смысле. Но насколько этот подход применим к другим событиям российской истории, европейской или даже мировой?

Одним из моих «но» в отношении этой книги было соотнесение пугачевского восстания с английской революцией второй трети XVII века. Да, внешне оно относительно похоже, но главным нервом, сердцем, если угодно, английской революции был религиозный вопрос – и даже проблема равенства, поставленная левеллерами и диггерами, подавалась посредством вопроса о религии и церкви. Это исключительно важная вещь, без которой невозможно понять Кромвеля, индепендентов, противостояния с левеллерами и так далее.

Константин, насколько с вашей точки зрения этот подход и этот инструментарий применимы к другим событиям русской, российской истории?

К.Е.: Спасибо большое, Кирилл. Вопросы гораздо интереснее, чем то, что остается мне ответить, тем более, я не специалист настолько широкого профиля. Хочется надеяться, что перспективы, которые выстраиваются здесь из пугачевщины, можно каким-то образом встроить в ретроспективу, потому что есть очень сложный вопрос причин этого движения, его истоков, предыстории. Игорь Кобылин рассуждал о том, что книга Кирилла Осповата оставляет впечатление, как если бы существовала универсальная сила, которая в разных своих исторических проявлениях может то выступить, то затаиться. Народ в восстании Пугачева по стечению обстоятельств вдруг прорывает то, что является исторической закономерностью. Дискуссии внутри марксистского цеха мне кажутся несколько зауживающими проблематику и лишаящими нас очень многих ориентиров,

которые уже видны в книге Кирилла Осповата. В частности, та ирония, которая звучит в ряде тезисов, позволяет задаться вопросом, насколько мы из перспективы переименования движения или превращения его в универсалию способны к дальнейшему аналитическому выбору. Насколько мы лишаем себя или оставляем перед собой возможность быть честными перед лицом своих источников.

Мне очень понравились рассуждения Кирилла Осповата об Иоганне-Христиане фон Энгеле, который в год публикации «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева (1790) защитил диссертацию, где сопоставлял военный строй Спарты с Запорожской Сечью. Или перспектива, в которой Троцкий приписывает рождение республиканизма в России генералу-казаку Алексею Каледину. Это неожиданная оптика, в которой борьба за слова оказывается очень значимой, но затем по каким-то причинам отходит на второй план. Когда мы проводим эту археологию, она уводит все дальше и дальше от марксистских оптик и от революционных событий XX века. Перед нами выстраивается очень сложный исторический контекст, где справедливы замечания Давида Раскина, ссылаясь на которые, Кирилл Осповат говорит о том, что крестьяне опирались в подавляющем большинстве случаев не на проективное мышление и не на программную рефлексию, а на случайные факторы: законодательные своды, что-то где-то от кого-то услышанное – то есть вещи, которые, так сказать, не носят догматического, теоретического, доктринального характера. И когда мы этот характер пытаемся приписывать, мы чего-то лишаем само движение. И в этом смысле, мне кажется, книга у Кирилла Осповата получилась очень честной.

Марксистская оптика, широко представленная в книге, на мой взгляд, совершенно не работает, когда мы рассуждаем о сходстве пугачевцев с английскими крестьянами XVIII века, сжигающими нечистое имущество. «Моральная экономика» Эдварда Томпсона здесь неприменима. Кирилл Осповат пытается раскрыть ее через Пугачева, но крестьяне в России ведут себя совсем не так, как английские крестьяне. И так – вплоть до XX века, когда крестьянская проблематика оказалась в «слепом поле» марксистских оптик и у нее возник подтекст, который мы сегодня не обсуждали: как марксизм отнимал у крестьянского движения, народнического движения, эсеров революционный импульс и приписывал его пролетариату? В этом смысле книга также очень интересна, и к тому же ей предшествует целый ряд переосмыслений, касающихся событий XIX–XX веков. Здесь важен не только Пушкин с его парадигмой народных движений, но и народники, и движение 1905 года, во многом крестьянское, и революционно-крестьянские события 1917 года, и последу-

ющие события вплоть до коллективизации, когда пролетариат уже можно ставить в кавычки как форму идеологии. С помощью коллективизации идеологизированный «пролетариат» окончательно раздавил эту революционную потенцию, уничтожил ее просто физически.

Когда мы читаем в книге очень интересные рассуждения о крестьянской идеологии, они всякий раз показывают, что перспектива радикального Просвещения для крестьянских движений XVIII века могла возникнуть, в общем-то, случайно. Но это же заставляет задаться вопросом: насколько случайным оказывается само понимание Просвещения как монолитного движения, состоящего из монументальных фигур? Учитывая, что в интерпретации того же Монтескье Екатерина II практически ничем не отличается в своих базовых установках и идейных предпочтениях от Пугачева, какое развитие должна получить дискуссия о роли дворянства в восстании Пугачева? Мне кажется, что это в принципе не очень предметный спор. В своих прямых заявлениях Пугачев и его соратники не раз демонстрировали, что не были настроены против дворян как класса.

И вообще мне не понятна идея эксплуатации. Я увел бы ее глубже в историческую проблематику и задался вопросом: насколько корректно говорить о крестьянстве как о классе, как о военной силе, учитывая, что проведено уже немало деконструкций для разоблачения термина «крестьянская война» начиная с крестьянского движения в эпоху Реформации? Крестьяне хорошо вооружены, легко осваивают огнестрельное оружие и артиллерию, превращаются в боевую мощь, сопротивляются любому вооруженному классу. Пугачев говорит: «Мы этих дворян поставим на зарплату, снимем их с земли, переведем их на жалованье», – подразумевая абсолютную обратимость, даже в демографическом смысле, помещиков и крестьян. Для того, чтобы обратить помещика в крестьянина и наоборот, достаточно одного отправить на землю, а другому выдать ультрасовременное для того времени огнестрельное оружие. В этой оптике всякая классовая терминология кажется просто неуместной.

Кроме того, целый ряд совпадений образовался между народными республиканизмами. Может быть, пугачевщина была даже не одним движением, а разными несходными между собой республиканизмами, своего рода республиканской идеей в понимании Джона Покока применительно к радикальному Просвещению. Но постоянство в образовании подобных республиканских проектов не свидетельствует об универсальности народно-освободительного движения (о чем как раз говорят марксисты и, в частности, троцкисты), а свидетельствует скорее о том, что Пугачев был мастером своего дела, тонким

ПУГАЧЕВЩИНА: «ИСТОРИЯ СНИЗУ» ИЛИ «ИСТОРИЯ НИЗОВ»?

политиком и воином, который прекрасно понимал, как использовать конъюнктуру, как свести воедино популярные движения, акты делиберации и превратить их в ударный оплот для народного сопротивления. Поэтому совпадения с американской революцией очень важны, и я согласен с Кириллом Осповатом в том, что пугачевщина в большей мере сопоставима с крестьянской революцией и с антирабовладельческими движениями, чем с рабовладельческими освободительными революциями эпохи Просвещения.

Для того, чтобы обратить помещика в крестьянина и наоборот, достаточно одного отправить на землю, а другому выдать ультрасовременное для того времени огнестрельное оружие. В этой оптике всякая классовая терминология кажется просто неуместной.

Но, возвращаясь к заданному вопросу, мне кажется, что оптику, которая в книге неоднократно намечается, очень сложно применить к более ранним эпохам и попытаться в марксистской логике углубить в предыстории и вывести на крестьянское восстание в эпоху Реформации. Просто потому, что те термины, которые используются в крестьянском движении, в пугачевщине, в XVII веке часто значили еще совсем не то, на что рассчитывает Кирилл Осповат. Скажем, понятие «мир», которое благодаря Марине Громыко и исследователям ее круга, мне кажется, ошибочно интерпретируется как крестьянская община, в источниках, относящихся к началу XVII века, фигурирует в речах дворян, дворянского ополчения. В приговорах Первого ополчения дворяне под руководством Прокопия Ляпунова выступают как «мир», а ни о каком крестьянстве речи вообще не было. А когда этот термин перехватывают городские восстания с середины XVII века, то нужно учитывать, что участие в них принимали далеко не только крестьяне и простые мещане. Эти восстания были не «народными», не «низовыми» движениями – это частая ошибка, связанная с советско-марксистской историографией, с которой Кирилл Осповат убедительно спорит. Там нет приписываемых им антагонистических классов.

То же самое касается и казаческих движений. Я согласен, что важным является деление на «голутвенных» казаков и на «старшину». Но посмотрите: понятия «круга», «рады», «сечи», «товарищества» – все они тесно связаны с польской шляхетской демократией, так или иначе восходят к традициям Речи Посполитой и потому чужды для Московского государства, по-

сколько передавали ненавистный для него опыт, с которым на протяжении двухсот лет Россия вела в прямом смысле войну. Используя эту терминологию казаки часто дополняют ее своим свободным толкованием, что для Москвы было еще более неприемлемо. Здесь интересно, как Кирилл Осповат комментирует исторические понятия «борода», «порох», «крест», «свинец». Как только мы обращаемся к этим материям, оказывается, что старообрядческое движение и конфликт середины XVII века проступают в этом восстании гораздо более явно, и – соглашусь с Кириллом Кобриным – тут важна религиозная составляющая. Хотя она была не принципиальной для многих участников движения, но, о чем говорил Кирилл Осповат, там неожиданно появляются союзы: например, между крестьянами и местными народами – или же между восставшими крестьянами и старообрядцами!

ПУГАЧЕВЩИНА: «ИСТОРИЯ СНИЗУ» ИЛИ «ИСТОРИЯ НИЗОВ»?

К.К.: Мы почти не затронули исключительно важных вопросов, которые, как мне кажется, требуют отдельного обсуждения. Прежде всего это незаконченный разговор об используемых терминах: в частности, много говорилось о республиканизме, а я бы обратил внимание на понятие «демократия», поскольку важно посмотреть, как разные его прочтения могут быть применимы (или нет) к данному случаю. Но это касается и терминологии вообще.

Также важен вопрос о национальном элементе: пугачевщину можно прочитать как вторую за сто лет антиколониальную войну против российского государства между Волгой и Уралом. И в данном случае я предложил бы сменить перспективу: когда мы смотрим из центра, то там, где-то на окраинах, русские крестьяне объединяются с башкирами, а в некоторых случаях с калмыками. Но если посмотреть на все эти события с востока, с точки зрения калмыков и башкир, то не может ли оказаться, что движения этих народов используют русских крестьян, пусть и на взаимовыгодных началах, в своих политических целях? Эти мысли пришли мне в голову, когда я думал про булавинский бунт, где отсутствие центральной оптики особенно заметно: калмыки выступают там не против, а за центральную российскую власть. И либо они так любят русское государство, либо используют его для каких-то своих политических целей. Было бы здорово в будущем обсудить из этой перспективы и пугачевщину.

Ну а пока на этом закончим, огромное всем спасибо!

Афанасий Прокофьевич
Щапов (1831–1876) –
русский историк, этно-
граф, публицист.

Афанасий Щапов родился в селе Анга Верхотенского уезда Иркутской губернии в семье пономаря местной церкви Ильи Пророка и крестьянки-бурятки. Учился в духовной семинарии в Иркутске, продолжил образование в Казанской духовной академии. Во время Крымской войны в Казань было перевезено собрание рукописей Соловецкого монастыря, в описи которых Щапов принимал участие. Знакомство с этими документами стимулировало интерес к расколу, о котором Щапов написал магистерскую диссертацию и потом на ее основе книгу «Русский раскол старообрядства» (1859). Уже в этих ранних текстах Щапова раскольники выступали в роли действующих агентов народного недовольства и сопротивления нажиму официальной церкви, с одной стороны, и империи – с другой. В наиболее развернутом виде эти идеи были высказаны Щаповым в книге «Земство и раскол» (1861), написанной уже в Санкт-Петербурге. Здесь борьба старообрядцев с никонианами описывается как противостояние областного земства – демократически-общинного начала народной жизни – с имперско-бюрократической централизацией, несущей деспотизм и закрепощение. Раскольничий «разгул демократического азарта» проявил себя и в последующих казачьих мятежах – исторических сражениях за «земское народосветие» (термин, позаимствованный Щаповым у Ивана Посошкова), которое Щапов мыслил как наиболее желательное политическое устройство России. В 1861 году он присутствовал на панихиде по жителям села Бездна, убитым во время волнений в связи с обнародованием царских манифестов об освобождении крестьян. Произнесенная Щаповым речь содержала лозунг «Да здравствует демократическая конституция!». Неоднократно Щапов арестовывался и ссылся. Будучи профессором кафедры русской истории Казанского университета (1861), он прославился своими радикальными общественно-политическими взглядами. Последние десять с лишним лет жизни провел в Сибири, где активно занимался публицистикой и этнографией местных народов. **[Кирилл Осповат]**

¹ Фрагменты из работы Афанасия Щапова «Земство и раскол» (1861) печатаются по изданию: Щапов А.П. *Земство и раскол I* // Он же. *Сочинения*. СПб., 1906. Т. 1. С. 451–467.

Земская рознь великорусских областных общин в Смутное время по согласию всех местных земских советов кончилась общим решением их – *быть в любви, в совете и в соединении*; кончилась, следовательно, земско-областной федерацией. Результатом федерации областей и взаимного согласия всех областных земских советов был *сбор всей земли, сход всех городов* под Москву. Венцом, результатом общего согласия всех областных земских советов, схода всех городов, сбора всей земли под Москву, был *совет всей земли, земский собор* 1613 года. На этом соборе избран был царь *всею землею, по записи, какова уложена была по совету всей земли*. «И возрадовались – по словам государственной книги о земском соборе 1613 года – всяких чинов люди московского государства, и выборные, и не выборные, все земские люди, от мала до велика, что у всех Бог вложил в сердца одну мысль».

К прискорбию народному, недолго продолжалась эта радость земская. Через пять лет обнаружилась *скорбь конечная*. Общинно-областной челобитный голос народный скоро дошел до слуха новоизбранного царя и побудил его в 1619 году созвать собор для обсуждения различных вопросов *о земском устройении и о многих статьях, чтоб в государстве многие статьи поправить к покою и к строенью людям*. На этом соборе сам царь изобразил печальное состояние народа в таком виде:

«Судьбами Божиими, а за грех всего православного крестьянства, московское государство разорилось и запустело; а подати всякие и подмоги ямским охотникам берут с одних по писцовым книгам: одним тяжело, а другим легко; а дозорщики, которые после московского разоренья посланы были по городам, дозирали и писали по дружбе, за иными легко, а за другими, по недружбе, тяжело. *И от того всяким людям московского государства скорбь конечная...* Из некоторых заукрайных городов посадские и всякие люди бьют челом о льготе; а иные многие люди бьют челом на бояр и всяких чинов людей в насильстве и в обидах, чтоб их пожаловать велеть от сильных людей оборонить».

Таким образом, тяглые земские люди на первой же поре после избрания царя почувствовали скорбь и тяготу от тягла государевой казны, от злоупотреблений государевых чиновников, писцов и дозорщиков, от насилия бояр. На первой же поре они подали и голос свой об этом. Мощь, энергия юной, кипучей, свободной жизни народа не терпела насилия, произвола и сдержки. А избрание царя волей народа, всею землею, по записи совета всей земли жизненная народная потребность нового соединенно-областного *земского строения*, на свободных, излюбленных самим народом началах любви, совета и соединения, естественное, жизнью народною требуемое и вы-

работанное, право на местные земские советы и на общие земские соборы, наконец исстаринное, жизненно-народное право общинно-областной земской челобитной гласности перед правительством – все это, естественно, неотъемлемо уполномочивало областные общины смело вопиять к избранному народом царю, протестовать против произвола, насилия и стеснений; представлять различные интересы и потребности местной областной жизни; сообщать местно-областные, жизненно-народные материалы для законодательства; подавать местно-областные советы общему земскому совету и царю; требовать на живые, свободные, прямые вопросы жизни прямых, свободных, живых ответов царя, правительства.

Мощь, энергия юной, кипучей, свободной жизни народа не терпела насилия, произвола и сдержки. А избрание царя волей народа, всею землею неотъемлемо уполномочивало областные общины смело вопиять к избранному народом царю, протестовать против произвола, насилия и стеснений.

И вот, областные общины в течение всего XVII столетия неумолчно и смело вопияли к царю в своих общинных, земских челобитных. Смело и неумолчно высказывали оне все разнообразные, земско-областные неустройства, разладицы свободы земства с приказным произволом, свободы земских *животов и промыслов с запросами и прибылью государевой казны*, льготы с тяглом, свободы торговли с таможенными сборами и заставами и прочее. Все великорусские областные общины по исстаринному, выработанному общинною жизнью принципу земско-областной, общинной гласности и требовательности, смело и откровенно высказывали в своих земских, общинных челобитных все неудовольствия, страдания, протестации, нужды и просьбы, сообщали правительству местно-жизненные материалы для земского строения. По временам голос земства смело раздавался и на земских соборах.

При обилии и разнообразии вопросов нового соединенно-областного земского строения и самые земско-областные челобитные были почти бесчисленны и повсеместны и вопросы, ими поднимаемые, чрезвычайно разнообразны, как разнообразны были местные особенности и интересы областных общин. Повсюду в областях волостные и городские люди, тогда еще жившие земско-общинною жизнью, по исстаринной колонизационной связи, по нераздельности и свободной вы-

борности городского или сельского поселения и промысла, по общинности и тождественности быта и интересов – повсюду, говорим, в областях городские и волостные люди, посадские и крестьяне, вместе сходились на земские советы в города. Здесь они составляли общинно-областные челобитные, выбирали излюбленных, доверенных ходоков *во всех место* и посылали их с челобитными в Москву, к царю.

Акты XVII века наполнены этими общинно-областными челобитными так же, как ими наполнены были московские приказы и в особенности нарочно для того устроенный в XVII веке Челобитный Приказ. И сколько в этих земских челобитных высказалось энергии народной жизни, смелой протестации и требовательности, жизненной правды и прямоты народной думы, наконец, практической способности областных общин к представительству своих местных нужд и интересов, к подаче практических, жизненных советов правительству в деле земского устройства. Вот, например, ямские охотники, поселившиеся от Перми до Верхотурья для отправления государственной ямской гоньбы, для перевозки припасов, колонистов и приказных людей в Сибирь, беспрестанно шлют к царю челобитные *во всех место*. Они сильно протестуют против неправильного распределения ямов, пространства ямских разгонов, против несообразности их с местными топографическими условиями, откровенно выставляют правительству на вид его несообразительность с местными областными условиями и даже совершенное незнание этих местных особенностей; раскрывают правительству, как лучше, удобнее, сообразнее с местностью устроить отправление ямской гоньбы; чрезвычайно изобразительно описывают неисправность, неудобства дорог и мостов, жалуются на крайнюю обременительность и разорительность для них ямской гоньбы, вопиют, что она «не в мочь им и их лошадям, которые на дорогах издыхают», что просто им остается *только брести врознь*.

Вот земские люди древней вольной новгородской колонии, земли важской, шлют в Москву с земско-областной челобитной мирских посыльщиков *«во всех важан – шенкурской, кокшенской, подвинской и верховажской чети – крестьян место»*. Жалуются, протестуют они против того, что царские приказчики и их тиуны завели у них на Ваге никогда не бывалую прежде пошлину, не дают им свободно ездить в Холмогоры с хлебом, сермяжными сукнами, с овчинами и с маслом, а назад не дают свободного проезда с солью – берут с них, с хлеба, с скотины и со всех товаров пошлину на Ваге, во всех четвертях и по волостям, и оттого-де у них и промыслы стали; никто затем ниоткуда ни с какими товарами к ним не едет, и им остается только всем *брести врознь*.

А там другие областные общины шлют к царю челобитные на воевод и приказных людей, прямо протестуют против приказного управления во имя земского самоуправления и самосуда. Они, сожалея о старинном праве излюбленного самоуправления, требуя восстановить его, пишут царю, что у них в областях до московского разоренья приказных людей не бывало, а судили их мирские выборные судьи, и жалуются, что с тех пор, как стали у них быть приказные люди, им от тех приказчиков причиняются большие налоги, убытки в посулах и кормах продажи страшные – и от тех посулов, налогов и насильств от приказных людей они, посадские и крестьяне, оскудели, не имеют, чем платить царских податей, и *хотят брести врознь*. Областные общины готовы были ежегодно платить казне откупу от приказных властей рублей по 1000 и более; только требовали, чтоб царь освободил их от приказного начальства и предоставил им право излюбленного мирского выборного самоуправления и самосуда.

А вот еще областные общины шлют челобитные к царю, протестуют против приказно-правительственной писцовой отписи или приписи одной местной общины к другой для совокупного отправления государственных податей и повинностей, требуют земской территориальной и мирской, общинной особенности и самораспорядительности мирскими розметами и розрубам; выставляют правительству на вид местную географическую несообразность, неестественность, неудобность писцовой отписи или приписи; жалуются, что такая насильственная припись или отпись нарушала исстаринный, естественно-исторический жизненно-народный колонизационный строй областной общины. И бесчисленное множество подобных общинно-областных челобитных оглашало слух царя в XVII веке. Всего же чаще общинные областные челобитные были протестацией земства против воевод и других приказных властей и воплем местных хозяйственных интересов и нужд против централизующей, всепоглощающей прибыли государевой казны. Вопияли, вопияли таким образом земские общины и в конце каждой своей челобитной, как бы страшая государя, прибавляли: «и оттого земские люди *обнищали и оскудели до конца, дома свои бросают и бредут врознь*».

Вопия разнообразными областными челобитными, земские общины по временам – как мы сказали – выражали свои протестации и требования на земских соборах. Так на земском соборе 1642 года выборные от них громко, сильно вопияли против приказных царских дьяков, разбогатевших на счет посулов, взятков с народа, построивших на счет жалованных им земель и деревень «палаты каменные такие, что неудобь сказаемые»; вопияли против *лежащей домовою казны* патриархов, митропо-

литов, архиереев и монастырей; вопияли против царских дворовых приказчиков, разбогатевших в ущерб тяглым людям от жалованных вотчин, от приказных служб, от разных поборов с народа; вопияли против всех привилегированных чинов, разбогатевших и *отяжелевших* от богатства, на счет жалованных им земель и крестьянских деревень. Вопияли общинно-областные выборные на земском соборе против всех этих жалованных привилегированных властей и чинов и требовали, чтобы и на них на всех наложены были государственные сборы наравне с тяглым земством. Далее, земские выборные вопияли на соборе и против беспрестанных и разных приказных служб городских, отвлекавших торговых и промышленных людей от торгов и промыслов; вопияли против разных обременительных сборов и повинностей, против разных казенных работ и дел и почти отказывались от новых ратных сборов; вопияли против безотчетного употребления и расточения на месте народных податей и сборов и требовали местного контроля над казной выборными от тяглых земских людей.

АФАНАСИЙ ЩАПОВ

ЗЕМСТВО И РАСКОЛ

Областные общины готовы были ежегодно платить казне откупу от приказных властей рублей по 1000 и более; только требовали, чтоб царь освободил их от приказного начальства и предоставил им право излюбленного мирского выборного самоуправления и самосуда.

Наконец, особенно сильно вопияли на соборе гости всех сотен и торговые люди всех городов против воеводского управления в городах, против их вредного вмешательства в дела торговли и промыслов; прямо говорили царю:

«А в городах всякие люди обнищали и оскудали до конца от твоих государевых воевод; а торговые люди, которые ездят по городам для своих торговых промыслов, от их же воеводского задержанья и насильства в проездах, торгов своих отбыли».

Протестуя против воевод, выборные от городов напоминали царю про свое прежнее городское право самоуправления и самосуда, говорили: «а при прежних государях в городах ведали губные старосты; а посадские люди судились сами промеж себя, а воевод в городах не было». Вопияли, вопияли таким образом на земском соборе тяглые земские люди и в заключение своих речей опять говорили в слух царя:

«И от тех твоих государевых беспрестанных служб и сборов всякие тяглые люди *оскудели и обнищали* до конца, и от той большой бедности многие тяглые люди *разбрелися розно, и дворишки свои бросают*».

И действительно во второй половине XVII века беглых, гулящих людей, избылых от тягла, бродивших врознь, обнищалых, оскуделых до конца, в великорусской земле стало множество. Акты этого времени наполнены грамотами *о сыске беглых* так же, как ими наполнены были и приказ сыскных дел, и приказ разбойный.

На земском соборе 1648 года выборные от областных общин еще раз подали царю земскую челобитную. В челобитной этой они сильно протестовали против экономического неравенства, розни между тяглыми и льготными классами земства; требовали равенства государственно-экономических прав для всего земства; требовали, чтоб «всякие торговые и промышленные люди – и владычни, и боярские, и княженецкие, и кабацкие откупщики – все были в тягле и в свободах или льготах *вместе равно* с тяглыми черными общинами – чтоб *во всем народе мятежа и розни не было*».

На вопль земских общинно-областных челобитных, на голос земских соборов вторили тоже и частные люди, помышлявшие о земском устройении, о недостатках и потребностях земства. И они заступались за права и потребности массы народной. Так, например, в «Слове о правде», приписываемом духовнику царя Алексея Михайловича, протопопу Стефану Вонифатьеву, читаем:

«Если царь наш верую прав, то он должен неленостно изыскивать и рассматривать все, что относится к общему благополучию всех его подданных. Не о благе одних вельмож пещись, но и о всех до самого последнего. *Ибо вельможи нужны; но они никогда не удовольствуются одними своими трудами.* Прежде же всего нужны земледельцы: от их трудов производится хлеб; а хлеб главизна всех благ. Земледельцы беспрестанно переносят различные работные бремена: то дают денежные оброки, то ямские сборы, то другое что-либо. А эти люди (вельможи), если когда бывают посланы за царскими сборами, то сверх царского указа и себе много собирают с земледельцев; также и те, которые посылаются для прокорма коней; *на ямские расходы много серебра выходит.* Много также обиды бывает земледельцам и от того, что когда царские землемеры-писаря ездят по своему землемерному делу, то отмеривают царским воинам землю и всякому полагают землю врознь, и от того много медлят и много корму у крестьян съедают. О многих царствах мы читали, а такого злоупотребления не знаем. *Ямской порядок должно устроить весь подробно по расписанию от города до города. И тем, которые в городах торгуют, скупают и при-*

купами богатеют, и им должно носить этот ярем между всеми городами; ибо владеют большими прибытками. Кроме же этого ярма, никаким другим лишениям да не подвергаются, но пусть во всех городах без всяких воздаяний покупают и продают. Таким образом всякий мятеж земский умалится и писаря уменьшатся, сборы сократятся и взяток не будет».

АФАНАСИЙ ЩАПОВ

ЗЕМСТВО И РАСКОЛ

Известно также, в каком поучительном виде изобразил состояние Московского государства Котошихин. Известно равным образом и замечательное политико-экономическое сочинение «О Московском государстве» Юрия Крыжанича, в котором он подробно изобразил недостатки и потребности всего земства – торговцев, посадских и крестьян; смело говорит между прочим о *поправлении тиранства и злого владения*; указывает средства для этого в политической свободе, или, как он выражается, в *слободинах*, то есть в льготах и вольностях народных; сильно нападает на *лакомость* или *людодерство* приказного начальства, жившего – по его словам – *от продавания правды*.

И действительно нельзя было не вопиять земским людям в XVII веке, особенно со второй половины этого столетия. Московская централизация начинала сильно поглощать, сдавливать, стягивать областную жизнь. Повсюду в областях введено было воеводское управление вместо прежнего выборного самоуправления и самосуда. Вольнонародная колонизация и свободное самоустройство городских и сельских общин окончательно заменились приказно-правительственной, преимущественно военно-стратегической колонизацией, казенным городовым делом, указным устройством городов, острогов. Равноправное, свободное экономическое саморазвитие земства сильно подрывалось несправедливым, вопиющим разъединением земства на тяглые и льготные общины; неравные государственные условия экономического состояния общин и частных людей порождали вопиющее экономическое неравенство в народе: порождали множество *голутвенных, обнищалых, оскуделых до конца людей* рядом с *отяжелевшими* от богатства привилегированными людьми. Экономические интересы земства поглощались интересами и прибылью государевой казны; доходы народные стягивались тяглом, податями или тяглыми и разными сборами в государеву казну. Сильно развивалась монополия казны, например в кабацких откупках, во многих промыслах, особенно сибирских и поморских. Господствующим мотивом, принципом казны в распоряжении земскими доходами стало правило: *как бы государевой казне было прибыльнее*.

Истязательность, запросливість казны доходила до такого воззвания к земским людям: «хотя ныне промыслов своих убавьте, да дайте денег казне». Народ, недовольный кабац-

кими откупам и сборами в пользу казны, переставал иногда пить царское вино, так что кабацкие головы и целовальники по причине малых кабацких сборов доносили царю: «а в твоих, государь, царских кабаках питухов мало»; а царь строго упрекал воевод за недостаток кабацких сборов в таком, например, тоне: «вам бы где искать перед прежним прибыли, а вы кабаки хотите отставить, чего прежде не бывало».

Началась дальше сословно-записная, или сословно-разъединительная, систематизация и рассортировка земства. Вольные народоправные черные волости к концу XVII века окончательно разделены были на классы крестьян помещичьих, казенных и дворовых. Систематически совершалось сословное и хозяйственно-бытовое разделение; различие между горожанами и поселянами, между городами и селами, между городским торгово-ремесленным и сельским земледельческим трудом. Крестьяне окончательно прикреплялись к сельской государевой и помещичьей земле, посадские – к посадской, городской земле. Крестьянам запрещалось иметь оседлость в городах, на посадах, устраивать, покупать и нанимать лавки в рядах и позволялось только *наездом* продавать свои товары с возов и стругов, на гостином дворе. Крестьян, свободно, самовольно селившихся в городе, на посаде, для промысла или торгова, велено свозить в деревни; посадских, свободно, самохотно селившихся в селах и деревнях, велено *свозить на посады*, кто где жил.

Вместе с начатком постоянного, регулярного войска начало организоваться и военное сословие, солдатство. Вследствие признания преступлением прежнего свободного поставления в попы и дьяконы земских людей, крестьян и даже рабов, вследствие строгих указов о ставленниках и «записных книг новоставленным попам и дьяконам» совершалось сословное прикрепление духовенства к церкви, систематическое отделение, обособление его от земства как особой сословной касты. Вследствие разделения земского и церковного элемента духовенство теряло нравственную силу и влияние на земство, нравственно падало; земство отделялось, обособлялось от духовенства, предавалось больше умственному и религиозному влиянию своих народных грамотников, чем попам и монахам.

Наконец, образовалось особое сословие служилого и приказного городского дворянства. Бояре, дети боярские и приказные люди в приказных службах и в поместьях владычествовали над народом, обогащались на счет народа; боярство стремилось приобрести перевес над земством. Московские знатные бояре делались временщиками при дворе царя. «Царь молодой – говорили тогда некоторые земские люди – смотрел все изо рта бояр Морозова и Милославского». Таким образом, *земское устройство к покою людям*, обещанное царем Михаилом Федорови-

чем на соборе 1619 года, не ладилось или ладилось большею частью не в духе земства. Произошло даже разделение между *государевым, царственным и народным, земским делом* – разделение официальное, высказанное самим царем Алексеем Михайловичем. Этот царь не дал и той записи, каковая учинена была по совету всей земли на земском соборе 1613 года; по словам Котошихина, «государство свое правил по своей воле и того ради писался самодержцем; в его воле, чего хотел, то и мог сделать». Издав «Уложение», он дозволил выборным земским в числе 315 человек только выслушать его да подписать. В «Уложении» (скажем словами графа Завадовского) написаны были законы не для свободных граждан, а для рабов; кнут, избранное орудие во исправление судей и тяжущихся и ко извлечению по делам истины, полагаем, был действительнейшею принадлежностью суда. Для поддержания суеверия установлены там нелепые предписания, и для праздных людей и обитающих в печальных изуверства убежищах, узаконены за учиненную им самомалейшую обиду пени, часто приводившие в нищету неимущих и обогатившие отрекшихся от мира. Неудивительно после этого, что до 160 человек протестовали против «Уложения» и заточены были в Соловецкий монастырь.

АФАНАСИЙ ЩАПОВ

ЗЕМСТВО И РАСКОЛ

Вследствие разделения земского и церковного элемента духовенство теряло нравственную силу и влияние на земство, нравственно падало; земство отделялось, обособлялось от духовенства, предавалось больше умственному и религиозному влиянию своих народных грамотников, чем попам и монахам.

Вместо *земского строенья*, в духе народном, по воле, по общинно-областным, земским челобитным народным, царь Алексей Михайлович всякие дела, великие и малые – по словам Котошихина, – *по своей мысли учинял, как хотел*; первый, больше всех своих предшественников – московских государей, – стал вводить, как тогда говорили, *иноземские изменения, немецкие обычаи и поступки, немецкие чины иночиновны, немцев и прочие языки, яко благодеев, принимал и честию великою почитал*. Это учинение по мысли и воле царя Алексея Михайловича, без совета с земскими думными людьми, вопреки естественно-историческим, жизненно-народным, истаринным началам *земского строенья* – это учинение чинов и судов и обычаев иночиновных, немецких сильно возмущало земских людей. Они не были врагами собственно иностранцев, европейцев; на-

против, гости, торговые русские люди сами ездили в XVII веке за границу, в Голландию и Англию; немного спустя даже между расколо-учителями были ученые иноземцы, хорошо знавшие *люторскую веру*, французский и немецкий языки. Но русские земские люди возмущались этим *немецким учинением* русского *земского строенья*, не *сочинявшегося отвлеченно*, а создававшегося жизнью всего народа, целого земства, своеобразно развивавшегося из духа народного. Вот почему – по словам одного хронографа – в 1665 году к царю Алексею Михайловичу приходил какой-то *муж мудрый* и советовал ему:

«– Не вводить, не учинять в гражданстве иноземские обычаи, чины и суды иночиновны.

– Что будет в гражданстве? – спросил его царь.

– В гражданстве будут тайные похищения скипетров людей; вельможных будет постигать как естественная, так и напрасная смерть. Затем последуют великие молвы, смущение и различные постановления уряду городского, последуют ненавистные, в *поношение и укоризну учиненные, законоположения, добрых обычаев смущения и мерзких прозябения*. А из-за этого будут великие скопища, сходы многонародные *чувствительные*. Бог да избавит, чтоб не выскочило оттуда какое-нибудь зло определенное. Тогда вельможам, боярам, начальникам пагубно будет; где будет суд и правда, там и браням не будет конца! Подданные восстанут против правителей *за то, что сердца их сильно опечалены и тоскою наполнены*. Хотя некоторые вельможи и помыслят об упокоении уставительном и всяку жилу натянут, чем бы колеблемый народ мог успокоиться, но мало помогут. Притом будут сборища, казна истощится, и мучители, которые сильно воссвирепеют, погибнут».

Наконец, вдобавок к общим мотивам недовольства простой народ отягощен и раздражен был в начале царствования Алексея Михайловича повышением акцизной пошлины на самую жизненную потребность – на соль. Бессовестные чиновники, вроде главного судьи в Земском приказе Плещеева, и управляющего Пушкарским приказом Траханиотова, страшно обижали и притесняли простой народ до крайнего разоренья. Бояре задерживали народные челобитные. В приказах судебных не было правосудия, а к царю простой народ не допускали.

Все это вызывало громкий челобитный вопль земства, а за воплем недовольство, раздражение и восстание. Вопияли, вопияли таким образом земские люди и на земских соборах, и в общинно-областных, земских и в частных челобитных. Не услышали они жалованного слова; не получили успокоительного ответа на свои челобитные; не получили правильного, цельного и прочного земского строенья. И вот, вследствие разъединения, разделения *государева* и *земского* дела, вследствие нестройности, неладности земского устроенья в земстве

произошел разлад и раскол. Начались народные движения, бунты, ознаменовавшие царствование Алексея Михайловича и почти всю вторую половину XVII столетия.

АФАНАСИЙ ЩАПОВ

ЗЕМСТВО И РАСКОЛ

**Вследствие разделения *государева* и *земского* дела,
вследствие нестройности, неладности земского
устроенья в земстве произошел разлад и раскол.
Начались народные движения, бунты, ознаменовавшие почти всю вторую половину XVII столетия.**

Весьма многие земские люди с этого времени часто «государеву указу и повелению учинялись противны и, преступя его крестное государево целованье, про него, великого государя, износили непристойные речи, чего и помыслить страшно, и его государев указ ни в чем не слушали». А там, далее, уж глухо слышалось страшное слово: «Антихрист!». Взбунтовались сначала в Москве земские люди *всею землею*. В дворцовых разрядах сказано:

«1648 года месяца мая в 25-й день грех ради наших учинилося междоусобство от земских людей: просили у государя Земского приказа судью Леонтья Степановна сына Плещеева, и государь указал им Леонтья Плещеева по их по прошенью отдать, и они междоусобством учинялись быть в непослушанье, а Леонтья Плещеева убили, и Посольского приказа думного дьяка Назарья Чисте-го убили, и дома их разграбили, и иные многие боярские дома, и стольников, и гостиные разграбили. И на завтрея, мая в 26-й день учинилась большая смута, и учили *всею землею* просить у государя убить окольного Петра Траханиотова. И Петра Траханиотова велел государь им отдать, и они на площади Петра казнили».

Разъяренный народ останавливал самого государя на поезде, схватывал за узду его лошадь, держал царя за пуговицы и кричал: «На кого же нам надеяться, как не на тебя, царь!» От разъяренности массы – по словам Котошихина – «и царица, и царевичи, и царевны запершися сидели в хоромех в великом страхе и боязни».

Вслед за московским бунтом – бунт коломенский, бунт в Псковской земле, бунт в Новгородской земле, бунт в Устюге, бунт в Сольвычегодске... Словом, *мир весь закачался* – как говорил тогда один из бунтовщиков. Бунты произошли во многих городах. По словам одного акта, «учинилась на Москве и по городам брань междоусобная, и доныне по городам мятеж». По географической раздельности областей, по разрозненности мотивов разрозненные местные бунты не могли объединиться

в одну общую оппозицию недовольного земства. Потому они скоро, один за другим были прекращены... И, казалось, настало безмятежное, мирное время.

В это время в тиши на московском книгопечатном дворе возникает первый толк, первое согласие *раскола*. Никто тогда не думал не гадал, что это будет могучая, страшная общинная оппозиция податного земства, массы народной против всего государственного строя – церковного и гражданского. Никто тогда не думал, что этот раскол возник для объединения, для обобщения всех бывших дотолы и будущих разрозненных местно-областных народных движений в одно общее оппозиционное согласие недовольного земства, для обобщения всех неудовлетворенных, челобитных воплей, желаний, стремлений, недовольств, антипатий, протестаций и верований массы народной в одну оппозиционную *общинно-согласную*, церковно-и гражданско-народную доктрину, с подразделением только на разные частные толки и согласия. Тогда многие недовольны были только тем, что, например, Никон исправил по греческим церковным книгам своеобразные великорусские местно-областные разногласия, особенности в славяно-русских церковных книгах и в старинных народных религиозных обычаях. Равным образом многие негодовали на то, что царь Алексей Михайлович вводит в старинное великорусское земское строение *иноземное, немецкое учиненье, немецкие обычаи и чины*. Но никто тогда не знал, что с тех пор, со времени патриарха Никона и царя Алексея Михайловича, раскол будет вековым отрицаньем греко-восточной, никонианской церкви и государства, или империи Всероссийской, с ее иноземскими немецкими чинами и установлениями. Наконец, никто тогда не думал и не знал, что со времени разделения *государева* и *земского дела* раскол возьмет на себя *земское дело* продолжать, развивать, по мере возможности, помимо *государева дела*, великорусское *земское строенье* новых общин, согласий, сходов, советов, соборов, по исстаринным своенародным началам, путем новой колонизации, путем новой религиозной пропаганды. [...]

Из московской клерикально-иерархической *поповщины* проникнув в массы земства, в городские и сельские общины, сделавшись, помимо попов, *без попов*, толком грамотников народных, раскол скоро стал *беспоповщиной*. И это направление он выразил опять прежде всего там же, на севере, в Новгородско-Поморской области, где давно стали появляться беспоповщинские учения, где земские люди исстари привыкли жить без попов, ограничиваясь мирскою часовенною религиозностью, почему в писцовых книгах XVI и XVII века постоянно означались *дворы поповы пусты*. Притом поморские черные волости исстари имели псковско-новгородскую привычку к мирскому

общинному самораспоряжению церковными делами и, кроме того, с XVI века находились под влиянием протестантских идей шведских перебежчиков. Вместе с тем, сделавшись великорусским народным учением, раскол стал отрицанием *грецизма*, или того, что называется *византизмом*. Это потому, что с XV века, со времени падения Византии, в Великороссии стали ненавидеть, гнать греков. Известна печальная участь ученых греков начиная от Максима Грека и до Арсения Грека, против которого московские расколоначальники особенно вооружились, так же, как и против малороссийских киевских ученых, так что в имени Арсения Грека, вместе с именами Никона и царя Алексея Михайловича, находили число антихристово – 666. По словам одного раскольникского сочинения про греков в половине XVII века, даже простой народ с насмешкою говорил, что им же нужно учиться у русских, а не учить русских.

С того момента, как раскол стал толком, учением массы народной, во всех классах ее появились расколоучители. Богатые гости, купецкие и посадские люди не только сами распространяли раскол, но и своими капиталами поддерживали, усиливали и устраивали раскольникские общины, согласия. Таков, например, был великолуцкий купец Иван Дементьев, ученик главного расколоучителя псковского и новгородского, протопопа Варлаама. Разъезжая по торговым делам по Новгородскому краю, купец этот – по словам Денисова:

«Всебогатый, преизобильный плод усугубил не в тридесять токмо и шестьдесят, но и во сто прозябаемый, яко и во граде, и в селах, и в весях, и во всех пределах новгородских нелепостно слово простираше. Откуда убо пребогато показа подвижение свое. Колики убо утверди в древне-православном стояти благочестии! Колики научи новопреданных блюстися догмат! И не прости токмо люди, но и честные и благородные персоны, и фамильные и славные лица в древнем блгочестии всекрепко утверди быти».

Таков точно был новгородский купец Лаврентий, «иже – по словам Денисова – харчевыми припасами куплю деяше: аще и неучен баше книгам, но книги в дому имея, отовсюду собираше человеки на книгочтение и спасительные о словесех божиих беседы». Таков же был в Олонце богатый купец Александр Гуттоев, «имением – по словам Денисова – изобильный и многих утвердивший в благочестии, откуда слава о ревности одного происхождаше». И множество во всех городах явилось подобных купецких и посадских людей-расколоучителей.

Крестьяне, вроде восхваляемых Андреем Денисовым, Василья Лисицына из села Крестецкого, Евсевия Простого, каргопольского Леонтья и других:

«Свободным языком похваляли древнюю веру, еще в беседах, еще на торжищах, во граде, в селах или где случалось, ясно разглагольствовали, и прочих соседей и окрестножителей всежелательно и братолюбно, доброревностно научали новин и Никоновых новоправлений весьма отбегать».

Дошло до сельских грамотников сильно распространившееся тогда мнение:

«Яко бы по тысяще лет Рим отпаде, яко же книга о вере глаголетъ, а по 600 летех Малая Русь отступи к Риму, а по 60 летех и Великая Русь превратится в разные нечестия и пестроты многи; последнее отступление третьего Рима при Никоне подвижесе».

И вот сельские, крестьянские грамотники по-своему взяли это мнение в толк, будто «вера отпадала триста лет и, наконец, в их время, отпала». И стали они измышлять свою, новую, русскую *крестьянскую* веру, так как и греческая вера прежде в актах часто называлась *крестьянскою верою*. Христианства, в его подлинном, полном учении, в греко-восточных преданиях, крестьяне большею частью не знали, да и знать не могли, потому что они – по словам псковского архиепископа Маркелла – как «люди зело простые», от времен Владимира и до XVII века научились только именам: Христос, Богородица, в молитвах своих только и произносили эти имена и молились всяк по своему разуменью, «елико кто что умеюще». Притом самая большая часть великорусского народа была не что иное, как крещеная, обруселая чужь, финны; следовательно, эта половина крестьянского населения еще менее могла познакомиться с христианством по греко-российским церковным книгам. По этим причинам некоторые из раскольников при допросах на суде прямо сознавались: «прямого-де христианского ученья, как проповедует восточная церковь, и от рожденья своего они не слыхали». И вот, зная только имя Христа да слыша из апокрифических народных сказаний, будто Христос иногда ходит по земле, является людям даже на полях, некоторые крестьяне стали искать Христа, чтоб он показал им себя видимо.

Сияла вера много лет
И стала вера отпадать
И отпадала триста лет.
И из тех людей – были люди умные,
И, соединясь между собою тесно,
Послали людей на святое место.
И пришли те люди
Подымать стали руки на небо,
Сзывать Бога с неба на землю:
«Господи, Господи, явился нам.
В кресте или в образе

Было б чему нам молиться и верити».
И бысть им глас из-за облака:
«Послушайте, верные мои:
Сойду я к вам, Бог, с неба на землю,
Изберу я плоть пречистую и облечусь в нее,
Буду я по плоти человек, а по духу Бог.
Приму я распятый крест,
В рученьки и в ноженьки, гвоздильницы железные,
Пролью слезы горючие.
Станете ли ко мне в темницы приходить
И узы с меня снимать,
Десятую денежку подавать?»

АФАНАСИЙ ЩАПОВ

ЗЕМСТВО И РАСКОЛ

И вот как легко в XVII веке демократизм массы разыгрывался игрой в самозванцы-цари, так точно простой крестьянин Владимирской губернии Муромского уезда Стародубской волости Иван Тимофеич Суслов явился религиозным самозванцем, антропоморфически назвал себя господом-Христом. И с тех пор самозванцев-Христов явилось несколько.

Сошел господь с неба на землю
И рождение ему было в стародубской стороне,
А житие его было в белокаменной Москве,
Спознали про него Иудеи на земле,
Предали его на муку, на страданье².

Нельзя видеть в этом религиозном самозванце грубого богохульства. Скорее тут выразился мифологический антропоморфизм. В то время, когда вместе с прикреплением крестьян к земле помещиков и с появлением иночиновых званий, отличий и чинов, с усилением вельможества, боярства личность крестьянина теряла свободу и старинное юридическое равенство с высшими городскими классами земства, какое неотъемлемо принадлежало свободным крестьянам до XVI века, в то время раскол во имя религиозного и гражданского характера своего возвышал личность крестьян. Раскол прославлял, возвеличивал простых поселян, невежд в поселянах, вроде Евсевия Простого; возводил их в святые, так же, как до XVII века, дети крестьян, наравне с детьми князей и бояр, достигали самого высокого почета, прославлялись святыми, чего с XVII, и особенно с XVIII столетия, крестьяне не сподоблялись. Только раскол возводил личность крестьян до апотеозы. Впоследствии, когда личность крестьянская сильно была подавлена, порабощена крепостным правом, окончательно нарушено было старинное юридическое равенство крестьян с высшими городскими классами земства; когда народные учения назывались дурацким

2 Суслов был пойман, для расспросов и пыток привезен в Москву к патриарху Никону и князю Одоевскому и посажен в тюрьму. – Примеч. А.П. Щапова.

расколом, слово мужик и дурак стали синонимическими и образовалась поговорка: мужик-дурак; когда вообще простой народ назывался подлым народом – тогда это религиозное самозванство христами-искупителями, так называемые христовщины, выражало не что иное, как мифическую, религиозно-антропоморфическую персонификацию крестьянского народовластия, мифическое возвышение нравственного человеческого достоинства крестьянской личности, мифическое возведение ее до апотеозы. Эта мысль выражена в следующем народном стихе:

*Дураки вы, дураки,
Деревенски мужики.
Как и эти дураки,
Словно с медом бураки;
Как и в этих дураках
Сам Господь Бог пребывает.*

Раскол затронул, возбудил своеобразную русскую простонародную фантазию и мыслительность. Везде, по городам, селам и деревням, на улицах, на торжищах, в хоромаш купецких, в избах крестьянских, шли толки о *последнем времени*. Словно наступала новая эпоха в жизни, в судьбе масс. Сходились на пир, на беседу и здесь толковали о последнем времени. И было, впрочем, о чем толковать, когда началось страшное гонение на раскол.

Как у нас было на сем свету – во святой Руси,
Во славной матушке – каменной Москве,
Во мещанской третьей улице,
Не два солнышка сокатилися –
Туть два гостя ликовалися:
Гость Данило Филипович,
Гость Иван, сударь, Тимофеевич.
В одно они место съединилися,
Друг другу они поклонилися.
Поклоняется Иван Тимофеевич
Дорогому гостю богатому,
Даниле Филиповичу:
«Ты добро, сударь, пожаловать
В мою царскую палатушку!
У меня все, сударь, приготовлено,
И столы, сударь, расставлены,
На столах скатерти накрыты,
Изготовлены яствы сахарные
Со пивами со медвяными.
Добро, сударь, пожаловать,
Хлеба с солью покушати!
И я рад твоих глаголов слушати
Про твое время последнее
И про твой божий престрашный суд».

Начались гонения на раскол. Стали раскольников везде отыскивать и ловить.

АФАНАСИЙ ЩАПОВ

ЗЕМСТВО И РАСКОЛ

И когда то времячко пришло,
То до праведных дошло.
Стали праведных ловить,
В города возить стали и ковать,
Вязать, в земляны тюрьмы сажать,
Караулы приставлять.

Богатые гости, купцы не щадили денег на выкуп своих единомышленников из тюрем и темниц.

Уж как по морю, по морю, по синему морю,
По Хвалынскому и житейскому,
Плыли, выплывали гости корабельщики,
Из дальних городов – израильских родов.
Приплывали гости
К Ерусалиму граду – каменной Москве,
Приходили они к земляной тюрьме:
«Ай вы, гой еси, караульщики!
Что это у вас за темницы стоят?
Что в темницах за невольники сидят?
Про что вы их бьете, про что мучаете?
Что на них пытаете, чего спрашиваете?»
Тут ответ держат караульщики:
«Ах вы, братцы, корабельщики!
Их про веру бьют божью истинную,
На них спрашивают самого бога Христа».
Стали гости между собою оглядываться,
Выкупать стали, выручать
И на волю выпускать.

Между тем как в земстве усиливался раскол, то есть отпадение земских людей, как тогда говорилось, *от государева московского государства* и началась энергическая, решительная борьба раскола с силой правительственной на юге, в степях Донской Украйны, на Волге собирались народные борцы – казаки и все недовольные царствованием Алексея Михайловича. Собирались все те *обнищальные, оскуделые до конца и разбродившиеся врознь люди*, которые так долго, неумолчно и напрасно вопияли в своих земских общинно-областных челобитных против государственно-экономического неравенства земских общин и людей. Собирались те голутвенные, обнищальные люди, которые протестовали против исключительной привилегированности и льготы от тягла одних богачей, обогатевших от жалованных им вотчин, на счет тяглового земства; *отяжелевших* богатством многим от лежащей домовой казны и построивших на посулы, на счет жалованных крестьянских

деревень, на счет служебного приказного кормленья *каменные палаты, так что неудобь сказаемые*.

Собрались все эти *голутвенные люди* на Донскую Украину, выбрали атаманом Стеньку Разина и пошли с этим могучим предводителем вверх по Волге, против Москвы. И стали они избивать князей, бояр, воевод, всех приказных людей, всех богачей, разжившихся на счет льгот и привилегий. Стенька Разин объявил массам: «Я не хочу быть царем, а иду только избить всех князей, бояр, воевод и приказных людей и хочу сделать вас всех равными!». Тут, в бунте Стеньки Разина, раскол явился уж объединяющей силой, душой движения. Бунт Стеньки Разина был уже вместе и бунтом раскола, первым явным народным движением его, так как донское казачество тогда уже обратилось в раскольничью общину и возводило даже свои казачьи *рады, круги* до религиозной санкции в образе религиозных *рад* или *радений* и *святых кругов*. В честь своего вождя-освободителя от князей, бояр, воевод и приказных людей донские казаки в своем кругу воспевали песнь:

Ай у нас на Дону
Сам Спаситель во дому,
Ходит с нами
Во святом он во кругу.

Взбранный воевода, наш сударь, батюшка!
Плывет по Сладим-реке да царский корабль,
Вокруг царского корабля легки лодочки.
Во лодочках верны царски детушки,
Пловцы, бельцы, стрельцы, донские казаки!

Древнее астраханское царство Стенька Разин хотел сделать, в противоположность Москве, московскому государству, царством казачества и раскола, к чему и после, со второй половины XVIII столетия, стремились раскольники, особенно *бегуны*. В религиозно-общинном раскольничьем духе, Стенька Разин свирепо убил астраханского архиепископа и так же покушался поступить и с астраханским воеводой. Из Украины Донской, из царства казачества, расколо-казачье движение отозвалось в Северно-Поморской области, в средоточии религиозного и гражданского раскола. Там казаки-раскольники вместе с монахами соловецкими – по словам митрополита тобольского Игнатия – «начали быть во всем противны не только хулами св. церкви, но и благочестивого царя не захотели признать своим государем». «Воры-сотники – читаем далее в деле о соловецком бунте – про великого государя говорили такие слова, что не только написать, но и мыслить страшно». Соловецкий бунт был раскольничьим протестом, антагонизмом Поморской

области против Москвы. Потому он и изображается в одном раскольничьем стихе как борьба Поморья с Москвою, с московским государством.

Бунт Стеньки Разина, бунт соловецкий, так же как и поморские пудожские движения Емельяна Иванова, Власки «лихого вора» и других, были прекращены... Но раскол остался и живуч и силен. В бою казачьем, в бунтах народных он еще больше укрепился, закалился, так сказать, слился с кровью масс. [...]

Подготовка к публикации Кирилла Осовата

АФАНАСИЙ ЩАПОВ

ЗЕМСТВО И РАСКОЛ

ЭДВАРД
ПАЛМЕР
ТОМПСОН

Моральная экономика английского простонародья в XVIII веке¹

Кто удерживает у себя хлеб, того клянет народ; а на
голове продающего – благословение.

Притчи 11:26

Эдвард Палмер Томпсон (1924–1993) – британский историк и публицист, один из крупнейших представителей «новых левых», внесший существенный вклад в развитие западного марксизма, автор книг «Уильям Моррис» (1955), «Становление английского рабочего класса» (1963), «Уильям Блейк» (1993).

I

В последние годы Джордж Рюде и другие исследователи предостерегали нас от вольного употребления термина «чернь». В этой статье я хотел бы распространить это предостережение и на термин «бунт» (*riot*), особенно когда речь идет о продовольственных волнениях в Англии XVIII века.

За этим простым и коротким словом скрывается представление о народной истории как о «спазматическом» процессе. Согласно этому взгляду, вплоть до Французской революции простые люди едва ли обладали исторической агентностью и лишь изредка, «спазматически» проникали на историческую сцену во времена внезапных социальных потрясений. Эти проникновения были скорее компульсивными, нежели сознательными (*self-conscious*) или свободными (*self-activating*) актами: их можно описать просто как реакцию на экономические стимулы. Достаточно упомянуть плохой урожай или спад в торговле, как все требования исторического объяснения полагаются удовлетворенными.

К сожалению, даже среди немногих британских историков, расширивших наши представления о такой народной активности, нашлись те, кто поддержал это «спазматическое» представление. Они поверхностно осмыслили материалы, которые сами же и собрали. Макс Белофф следующим образом комментирует продовольственные волнения начала XVIII века:

«Это негодование, когда сочетание безработицы и высоких цен делали условия невыносимыми, находило выход в нападениях на торговцев зерном и мельников – нападениях, которые зачастую, должно быть, вырождались в простой предлог для совершения преступлений»².

¹ Сокращенный перевод выполнен по: THOMPSON E.P. *The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century* // Past & Present. 1971. Vol. 50. № 1. P. 76–136.

² BELOFF M. *Public Order and Popular Disturbances, 1660–1714*. London: Oxford University Press, 1938. P. 75.

Но тщетно будем мы искать у него доказательства частоты этого «вырождения». Роберт Уирмут в своей ценной хронике беспорядков допускает лишь одну объяснительную категорию: «нужда»³. Джозеф Сайкс и Томас Эштон прибегают к патерналистским аргументам в исследовании продовольственных бунтов среди угольщиков: «[их] следует объяснять чем-то более элементарным, нежели политика: это была инстинктивная реакция мужской натуры на голод»⁴. Волнения определяются в качестве «бунтов живота», и это предположение почему-то считается удовлетворительным объяснением. Линия анализа такова: элементарное – инстинктивное – голод. Чарльз Уилсон продолжает эту традицию: «Спазматические скачки цен на продовольствие спровоцировали лодочных перевозчиков угля на реке Тайн на бунт в 1709 году, шахтеров с оловянных рудников – на разграбление амбаров в Фалмуте в 1727-м». Один «спазм» вел к другому: исходом стало «разграбление»⁵.

На протяжении десятилетий и вплоть до сегодняшнего дня систематическая социальная история плелась в хвосте истории экономической – предполагается, что квалификация во второй дисциплине автоматически наделяет специалиста компетентностью в первой. Поэтому не приходится жаловаться, что современная наука имеет тенденцию к изощренной обработке и квантификации материала, который сам по себе плохо понят. Главой «спазматической» школы является Уолт Ростоу, предложивший в 1948 году достаточно грубый «график социальной напряженности»⁶. С его точки зрения нужно лишь сопоставить индекс безработицы и индекс цен на продовольствие, чтобы определить динамику социальных волнений. Подобный подход содержит самоочевидную истину (люди протестуют, когда они голодны): «график сексуальной напряженности» с тем же успехом показал бы, что увеличение сексуальной активности коррелирует с наступлением половой зрелости. Возражение заключается в том, что подобный график при неразумном ис-

3 WEARMOUTH R.F. *Methodism and the Common People of the Eighteenth Century*. London: Epworth Press, 1945. Ch. 1, 2.

4 ASHTON T.S., SYKES J. *The Coal Industry of the Eighteenth Century*. Manchester: Manchester University Press, 1929. P. 131.

5 WILSON C. *England's Apprenticeship, 1603–1763*. London: Longmans, 1965. P. 345. Верно, что фалмутские магистраты сообщили герцогу Ньюкаслу (16 ноября 1727 года), что «буйные оловянщики взломали и разграбили несколько погребов и амбаров с зерном». Их отчет завершается комментарием, свидетельствующим о том, что они не более, чем некоторые современные историки, были способны понять логику прямого действия оловянщиков: «поводом для этих бесчинств мятежники называли нехватку зерна в графстве, но это предположение, вероятно, ложно, так как большинство тех, кто уносил зерно, раздавали его или продавали за четверть цены» (Public Record Office (P.R.O.). S.P. 36/4/22).

6 ROSTOW W.W. *British Economy in the Nineteenth Century*. Oxford: Clarendon Press, 1948. P. 122–125. Среди наиболее интересных исследований, рассматривающими возможную связь между ценами, урожаями и народными беспорядками, см.: HOBBSWAM E.J. *Economic Fluctuations and Some Social Movements // Идем. Labouring Men*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1964; ASHTON T.S. *Economic Fluctuations in England, 1700–1800*. New York: Oxford University Press, 1959.

пользовании завершает исследование в тот момент, когда оно только начинает представлять серьезный социологический или культурный интерес: что делают люди, будучи голодными (или будучи сексуально активными)? Как их поведение модифицируется обычаем, культурой и разумом? И (допустим, что «нужда» в роли главного стимула здесь действительно присутствует) способствует ли их поведение выполнению какой-либо более сложной, культурно опосредованной функции, которая не может быть редуцирована – как бы долго ее ни томили на огне статистического анализа – обратно к одному лишь стимулу?

Что делают люди, будучи голодными? Как их поведение модифицируется обычаем, культурой и разумом? И способствует ли их поведение выполнению какой-либо более сложной, культурно опосредованной функции, которая не может быть редуцирована к одному лишь стимулу?

Слишком многие из наших историков хозяйства виновны в грубом экономическом редукционизме, выхолащивающем сложность мотивов, поведения и функций, – против такого редукционизма они сами стали бы протестовать, заметить его в работах своих коллег-марксистов. Слабостью, которую разделяют все эти объяснения, является узкое представление о *homo economicus*. Что, пожалуй, вызывает удивление, так это шизофренический интеллектуальный климат, который позволяет квантитативной историографии сосуществовать (в тех же самых местах, а иногда и в тех же головах) с социальной антропологией, берущей начало в работах Эмиля Дюркгейма, Макса Вебера или Бронислава Малиновского. Мы все знаем о тонкой ткани социальных норм и взаимных обменов, которые регулирует жизнь тробрианцев, о психических энергиях, вовлеченных в меланезийские культы карго; но в какой-то момент это бесконечно сложное социальное существо – меланезийский человек – превращается (в наших историях) в английского угольщика XVIII века, который спазматически хлопает себя рукой по животу и реагирует на элементарные экономические стимулы.

«Спазматическому» взгляду я противопоставлю собственный взгляд⁷. Почти в каждом действии простонародья в XVIII веке

7 Мне очень помогло следующее новаторское исследование: ROSE R.B. *Eighteenth Century Price Riots and Public Policy in England* // International Review of Social History. 1961. Vol. VI. № 2. P. 277–292; а также: RUDÉ G. *The Crowd in History: A Study of Popular Disturbances in France and England, 1730–1848*. New York: Wiley, 1964.

можно обнаружить некое представление о легитимации, под которым я имею в виду то, что мужчины и женщины, находящиеся в толпе, были движимы верой в то, что они защищают традиционные права или обычаи, – и в целом в то, что они опирались на широкий общинный консенсус. Иногда этот народный консенсус подкреплялся определенной долей попустительства со стороны властей, но чаще всего солидарность была настолько сильна, что пересиливала чувства страха или пиетета перед властью.

Продовольственный бунт в Англии XVIII века был крайне сложной формой прямого, дисциплинированного и имеющего четкие цели народного действия. Насколько эти цели достигались – то есть насколько продовольственный бунт был успешной формой действия, – вопрос слишком запутанный, чтобы рассматривать его в рамках одной статьи; но этот вопрос можно по крайней мере поставить (а не отмахиваться от него отрицательным ответом, как это принято), но сделать этого нельзя до тех пор, пока не будут определены собственные цели бунтующих. Верно, что бунты провоцировались резким ростом цен, махинациями торговцев или голодом. Но недовольство по этим поводам функционировало в рамках народного консенсуса относительно тех практик в торговле, помоле зерна, выпечке хлеба и так далее, которые полагались легитимными или нелегитимными. Этот консенсус в свою очередь имел основание в целостном традиционном взгляде на социальные нормы и обязательства, на надлежащие экономические функции различных сторон внутри общины, которые взятые вместе могут конституировать своеобразную «моральную экономику бедноты». Попраание подобных моральных установок становилось поводом для прямых действий столь же часто, как и реальная нужда и голод.

В то время как эту моральную экономику нельзя назвать «политической» в современном смысле, ее нельзя назвать и внеполитической, поскольку она предполагала строго определенные и страстно отстаиваемые представления об общем благе. Эти представления находили и некоторую поддержку в патерналистской традиции властей, поскольку, циркулируя в народе, они всякий раз возвращались многократно усиленными, так что власти оказывались в какой-то степени заложниками простонародья. Таким образом, моральная экономика оказывала повсеместное влияние на государственное управление и мышление XVIII века и проявлялась не только в моменты беспорядков. Слова «бунт» недостаточно для описания данного феномена.

Подобно тому, как мы говорим о денежной связи (*cash-nexus*⁸), возникшей в результате промышленной революции, в определенном смысле мы можем говорить и о «хлебной связи» (*bread-nexus*), существовавшей в XVIII веке. Конфликт между деревней и городом опосредовался ценой на хлеб. Конфликт между традиционализмом и новой политической экономией вращался вокруг Хлебных законов. Если экономический классовый конфликт в Англии XIX века находил свое выражение в вопросах, связанных с заработной платой, то в Англии XVIII века практика прямых действий трудящихся чаще провоцировалась именно растущими ценами.

Это сверхчувствительное потребительское сознание сосуществовало с великой эпохой аграрных инноваций в зерновом поясе Востока и Юга. Годы, в которые английское сельское хозяйство достигло новых высот, были отмечены бунтами – или, как их часто называли современники, «инсurreкциями» или «восстаниями бедноты» – в 1709-м, 1740-м, 1756–1757-м, 1766–1767-м, 1773-м, 1782-м и, прежде всего, в 1795-м и 1800–1801 годах. Капиталистическая индустрия пыталась преуспеть на крайне всплывчивом рынке, где покупатели в любой момент могли собраться в мародерствующие банды, которые рыскали по сельской местности, или устроить на городской площади беспорядки с требованием установить «справедливую народную цену» на провизию. Состояние наиболее энергичной части капиталистических слоев зависело в конечном счете от продажи зерновых, мяса, шерсти; кроме того, мясо и зерновые должны были продаваться и доходить до миллионов потребителей с минимальным участием посредников. Таким образом, несовершенная работа рынка стала центральным местом в жизни нации.

На протяжении всего столетия белый хлеб отвоевывал позиции у более темных сортов из цельнозерновой муки. Это отчасти объяснялось теми статусными ценностями, которые стали приписываться белому хлебу, но не только ими. Это многоуровневая проблема, но можно кратко упомянуть некоторые ее аспекты. Пекарям и мельникам было выгодно продавать белый хлеб или муку тонкого помола, так как прибыль от этого была, как правило, выше. (По иронии судьбы, такая ситуация отчасти стала следствием патерналистской политики защиты потребителей, поскольку Ассиза⁹ на хлеб была призвана помешать пекарям извлекать прибыль из продажи хлеба для бедняков; следовательно, пекарь был заинтересован в том, чтобы произ-

8 Термин Томаса Карлейля. – *Примеч. перев.*

9 В данном случае – законодательный акт. – *Примеч. ред.*

водить как можно меньше «домашнего» хлеба и чтобы качество этого хлеба было низким¹⁰). В городах, где внимательно относились к подобным фальсификациям, темный хлеб вызывал подозрения, поскольку в нем легко было скрыть вредные добавки. Попытки властей в периоды дефицита навязать производство более грубых сортов встречали многочисленные трудности и часто – сопротивление как мельников, так и пекарей¹¹.

К концу века чувство статуса играло важную роль везде, где преобладал пшеничный хлеб и где ему угрожала более грубая смесь. Существует предположение, что рабочие, привыкшие к пшеничному хлебу, на самом деле не могли работать – страдали от слабости, несварения желудка или тошноты, – если их заставляли переходить на более грубые смеси¹². Даже перед лицом заоблачных цен 1795-го и 1800–1801 годов сопротивление многих трудящихся было непоколебимым¹³.

ЭДВАРД ПАЛМЕР ТОМПСОН
МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
АНГЛИЙСКОГО ПРОСТО-
НАРОДЬЯ В XVIII ВЕКЕ

Капиталистическая индустрия пыталась преуспеть
на крайне вспльчивом рынке, где покупатели
в любой момент могли собраться в мародерствующие
банды или устроить на городской площади
беспорядки с требованием установить «справедливую
народную цену» на провизию.

Когда цены были высоки, более половины недельного бюджета семьи рабочего могло уходить на хлеб¹⁴. Как же эти злаки попадали с полей, где они росли, в дома рабочих? На первый взгляд этот вопрос не вызывает трудностей. Вот зерно: его

10 FORSTER N. *An Enquiry into the Cause of the High Price of Provisions*. London, 1767. P. 144–147.

11 Данная проблема со всей ясностью обсуждается в: [GOVERNOR] POWNALL. *Considerations on the Scarcity and High Prices of Bread-Corn and Bread*. Cambridge, 1795. P. 25–27; см. также: LORD JOHN SHEFFIELD. *Remarks on the Deficiency of Grain Occasioned by the Bad Harvest of 1799*. London, 1800. P. 105–106. Здесь приводятся доказательства того, что в 1795 году «в Лондоне не выпекается “домашний” хлеб». Корреспондент из Хонитона в 1766-м описывал «домашний» хлеб как «смесь из перемолотых и просеянных ферментированных отрубей, к которой добавлена мука самого худшего качества»: Historical Manuscripts Commission. City of Exeter. Series lxixiii. P. 255. По этому очень сложному вопросу см. далее: WEBB S., WEBB B. *The Assize of Bread* // *Economic Journal*. 1904. Vol. 14. № 54. P. 203–206.

12 См., например, письмо лорда Хоксбери герцогу Портлендскому от 19 мая 1797 года (P.R.O. H.O. 42/34).

13 См.: SALAMAN R.N. *The History and Social Influence of the Potato*. Cambridge: Cambridge University Press, 1949. P. 493–517. Сопротивление распространилось от пшеничного Юга и Мидлендса до овсяного Севера; корреспондент из Стокпорта в 1795 году отмечал, что «была открыта весьма щедрая подписка с целью распределения овсянки и других продуктов среди бедных по сниженным ценам – эта мера, к сожалению, едва ли помогает простым людям, которые все еще шумят и настаивают на получении пшеничного хлеба» (P.R.O. W.O. 1/1094). См. также: HAMMOND J.L., HAMMOND B. *The Village Labourer*. London: Longmans, 1966. P. 119–123.

14 См. особенно бюджеты в: DAVIES D. *The Case of Labourers in Husbandry*. Bath, 1795; SIR FREDERICK EDEN. *The State of the Poor*. London, 1797; JONES D.J.V. *The Corn Riots in Wales, 1793–1801* // *Welsh History Review*. 1965. Vol. II. № 4. P. 347.

убирают, обмолачивают, везут на рынок, мелют на мельнице, выпекают и съедают. Но каждый пункт этого процесса высвечивает свои сложности, возможности для поборов и «точки возгорания», вокруг которых могли вспыхнуть бунты. Едва ли возможно двигаться дальше, не набросав схематично патерналистскую модель рынка и производственного процесса – традиционный платонический идеал, к которому апеллировали в статутах, памфлетах или в ходе протестных движений и который находился в противоречии с суровыми реалиями коммерции и потребления.

Патерналистская модель существовала в рамках подвергнувшегося эрозии статутного права, а также общего права и обычая. Эта модель очень часто определяла действия правительства в периоды чрезвычайных ситуаций вплоть до 1770-х, и к ней продолжали апеллировать многие местные магистраты. Согласно патерналистской модели, торговля должна быть, насколько это возможно, прямой: от фермера к потребителю. Фермерам следует привозить свое зерно оптом на местный рынок; они не должны были продавать урожай на корню, пока он еще находится в поле, и не могли удерживать зерно в надежде на рост цен. Рынки должны были контролироваться; продажи не могли начинаться до установленных сроков, о которых возвещал звон колокола; бедняки должны были иметь возможность первыми купить зерно, муку или крупу небольшими порциями, с надлежащим контролем мер и весов. В конкретный час, когда потребности бедняков оказывались удовлетворенными, звучал второй колокол – и к закупкам могли приступить более крупные (обладающие лицензией) торговцы. Торговцы были стеснены множеством ограничений, начертанных на замшелых пергаментных законах, кодифицированных еще в правление Эдуарда VI и запрещавших покупку зерна до его поступления на рынок или на пути к нему, перепродажу зерна на том же или ближайших рынках (*regrating*), а также монопольную скупку зерна (*engrossing*). Торговцы не должны были покупать зерно по образцам¹⁵ (а фермеры не должны были продавать его таким образом). Торговцам было запрещено покупать урожай на корню, равно как и покупать его с целью перепродажи (в течение трех месяцев) с выгодой для себя на том же или соседних рынках. На протяжении большей части XVIII века фигура посредника оставалась юридически подозрительной, а его действия были, в теории, жестко ограничены¹⁶.

15 То есть покупать зерно у фермеров, скрывающих от рынка общий объем имеющегося зерна и предъявляющих в частном порядке лишь образцы продукции. – *Примеч. перев.*

16 Лучшим обобщающим исследованием зерновой торговли в XVIII веке остается: WESTERFIELD R.B. *Middlemen in English Business, 1660–1760*. New Haven, 1915. Ch. 2; см. также: GRAS N.S.B. *The Evolution of the English Corn Market from the Twelfth to the Eighteenth Century*. Cambridge: Harvard University Press, 1915;

От рыночного надзора мы переходим к защите потребителей. Мельники и – в еще большей степени – пекари считались слугами сообщества, работающими не ради прибыли, а за справедливое вознаграждение. Многие бедняки покупали зерно прямо на рынке (или получали его в качестве дополнения к заработку или при сборе урожая); они несли его на мельницу для помола, где мельник мог взимать пошлину, а затем сами выпекали хлеб. В Лондоне и в тех крупных городах, где подобная практика давно перестала быть правилом, надбавка или прибыль пекаря рассчитывались строго в соответствии с Ассизой на хлеб, согласно которой цена или вес буханки устанавливались в зависимости от текущей цены на пшеницу¹⁷.

Эта модель, конечно, во многих пунктах расходилась с реалиями XVIII века. Тем более удивительно отмечать, насколько отдельные ее части были еще действенны.

Часто полагают, что продажа зерна по образцам стала повсеместной к середине XVII века, когда Бест описывает эту практику в Восточном Йоркшире¹⁸, и уж точно к 1725 году, когда Дефо представил свой отчет о торговле зерном¹⁹. Но, хотя в большинстве графств многие крупные фермеры осуществляли продажу по образцам, старые рынки были все еще распространены и сохранялись даже в окрестностях Лондона. Более мелкие фермеры, как и прежде, продолжали выставлять там свое зерно; и старая модель оставалась в умах людей, подпитывая их возмущение новыми рыночными механизмами. Раз за разом новые рыночные процедуры оспаривались; патерналисты и беднота жаловались на распространение рыночных практик, которые мы, оглядываясь назад, склонны считать неизбежными и «естественными»²⁰. Но то, что сейчас может казаться неизбежным, в XVIII веке вовсе не обязательно встречало одобрение. Автор одного из характерных памфлетов (1768) с негодованием восставал против предполагаемой свободы каждого фермера делать со своим имуществом все что ему заблагорассудится. Это была бы «естественная», а не «гражданская» свобода:

BARNES D.G. *A History of the English Corn Laws*. London: George Routledge and Sons, 1930; FAY C.R. *The Corn Laws and Social England*. Cambridge: Cambridge University Press, 1932; LIPSON E. *Economic History of England*. London: Black, 1956. Vol. II. P. 419–448; MOFFITT L.W. *England on the Eve of the Industrial Revolution*. London: P.S. King & Son Ltd, 1925. Ch. 3; FUSSELL G.E., GOODMAN C. *Traffic in Farm Produce in Eighteenth Century England* // *Agricultural History*. 1938. Vol. XII. № 2; BLACKMAN J. *The Food Supply of an Industrial Town (Sheffield)* // *Business History*. 1963. № 5.

¹⁷ WEBB S., WEBB B. *Op. cit.*

¹⁸ *Rural Economy in Yorkshire in 1641*. Surtees Society, 1857. P. 99–105.

¹⁹ *The Complete English Tradesman*. London, 1727. Vol. II. P. 2.

²⁰ Многочисленные примеры могут быть найдены в: Gentleman's Magazine. 1756. № XXVI. P. 534; ANON. [RALPH COURTEVILLE]. *The Cries of the Public*. London, 1758. P. 25; ANON. [«C.L.».]. *A Letter to a Member of Parliament Proposing Amendments to the Laws against Forestallors, Ingrossers, and Regraters* London, 1757. P. 5–8; *Museum Rusticum et Commerciale*. 1765. Vol. IV. P. 199; FORSTER N. *Op. cit.* P. 97.

«Это нельзя счесть свободой гражданина или того, кто живет под защитой какого-либо сообщества; это скорее свобода дикаря; поэтому тот, кто пользуется ею, не заслуживает той защиты, которую дает общественная власть».

Присутствие фермера на рынке является «существенной частью его долга; ему нельзя позволять тайно хранить или распоряжаться своими товарами где-то еще»²¹.

Насколько власти осознавали, что их модель отрывается от реальности? Ответ меняется в зависимости от того, о каких властях идет речь, но в целом можно сказать, что патерналисты признавали большую часть рыночных изменений в обычной ситуации, но всякий раз, когда она становилась чрезвычайной, они возвращались к старой модели. В этом отношении отчасти патерналисты были пленниками народа, который принял части этой модели как свое право и наследие (старины). Складывается впечатление, что подобная неоднозначность даже приветствовалась: в голодные годы она давала магистратам в беспокойных округах определенное пространство для маневра, а также служила негласной санкцией на то, чтобы пытаться снизить цены. Так, магистраты смогли внушить «страх Божий» местным мельникам и дилерам, когда Тайный совет (как это было в 1709-м, 1740-м, 1756-м и 1766 годах) распространил прокламации, напечатанные нечитаемым готическим шрифтом и грозящие суровыми наказаниями перекупщикам и посредникам.

Патерналистская модель была идеалом, но также, пусть и фрагментарно, существовала в реальности. В годы хороших урожаев и умеренных цен власти впадали в забывчивость. Но, если цены росли и беднота становилась буйной, старая модель возрождалась по крайней мере ради символического эффекта.

III

Мало какие интеллектуальные победы были столь сокрушительными, как та, которую одержали защитники новой политической экономии в вопросе регулирования внутренней торговли зерном. Эта победа казалась некоторым историкам настолько абсолютной, что они едва могут скрыть свое презрение к побежденной стороне²². Хотя на «Богатство народов» можно смотреть не только как на отправную точку, но и как на своего рода «центральный вокзал», где сходятся все важные

²¹ ANON. *An Enquiry into the Price of Wheat, Malt, etc.* London, 1768. P. 119–123.

²² См., например: GRAS N.S.B. *Op. cit.* P. 241; OLSON M. *Economics of the Wartime Shortage*. Durham: Duke University Press, 1963. P. 53.

линии дискуссий середины XVIII века (некоторые из них, такие как «Tracts on the Corn Trade» Чарльза Смита (1758–1759), были специально созданы для демонтажа старого патерналистского рыночного регулирования), для удобства в качестве модели новой политической экономии можно рассматривать концепт, предложенный в работе Адама Смита. Победу принципа *laissez-faire* в этой области – за четыре года до публикации «Богатства народов» – ознаменовали дебаты 1767–1772 годов, кульминацией которых стала отмена законов, запрещавших скупку товаров до поступления на рынок.

Это означало не столько появление новой модели, сколько создание антимодели – прямой противоположности тюдоровской политики «обеспечения», которая начала распадаться. Требование «неограниченной, ничем не сдерживаемой свободы торговли зерном» было и у Адама Смита²³. Новая экономика влекла за собой «деморализацию» теории торговли и потребления, по своим масштабам ничуть не уступавшую более широко обсуждавшемуся снятию ограничений на ростовщичество²⁴. Под «деморализацией» подразумевается не аморальность Смита и его коллег²⁵ или отсутствие заботы об общественном благе²⁶, а скорее то, что новая политическая экономия изгоняла из теории навязчивые моральные императивы. Старые памфлетисты были в первую очередь моралистами – и лишь во вторую экономистами. В новую же экономическую теорию вопросам морального устройства рынка вход закрыт, разве что в качестве преамбулы или патетического финала.

На практике удовлетворение интересов всех сторон и установление общего блага должно было обеспечиваться в новой модели исключительно за счет естественной работы спроса и предложения на свободном рынке. Предоставленный сам себе, рынок регулировался бы лучше, чем в любых других случаях: в течение года цена на зерно подстраивалась бы сама посредством рыночного механизма. Вскоре после сбора урожая

23 «Отступление» Адама Смита, «касающееся зерновой торговли и зерновых законов», содержится в главе 5 книги IV «Богатства народов» (Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М., Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. Т. 2. С. 90–109. – *Примеч. перев.*).

24 Этот вопрос рассматривает Ричардом Генри Тоуни, но он не является центральным для его аргументации: TAWNEY R.H. *Religion and the Rise of Capitalism*. London: John Murray; New York: Harcourt, Brace and Company, 1926.

25 Такое предположение, однако, высказывалось некоторыми оппонентами Смита. Один памфлетист, утверждавший, что хорошо знал Адама Смита, заявлял, будто тот говорил ему, что «христианская религия унижает человеческий разум» и что «содомия сама по себе – вещь морально нейтральная». В этом контексте могли восприниматься и его взгляды на торговлю зерном: ANON. *Thoughts of an Old Man of Independent Mind though Dependent Fortune on the Present High Prices of Corn*. London, 1800. P. 4.

26 На уровне намерений я не вижу причин не соглашаться с точкой зрения, высказанной в: COATS A.W. *The Classical Economists and the Labourer* // JONES E.L., MINGAY G.E. (Eds.). *Land, Labour and Population*. London: Arnold, 1967. Но интенция – плохая мера для оценки идеологических интересов и исторических следствий.

мелкие фермеры и все, кто должен был выплачивать заработную плату за его уборку и арендную плату Михайлова дня, обмолачивали бы свое зерно и везли его на рынок или продавали бы то, что уже было законтрактовано ранее. С сентября по Рождество можно было ожидать низких цен. Средние фермеры придерживали бы свое зерно в надежде на рост рынка до ранней весны; параллельно самые богатые фермеры и джентри, занимающиеся фермерством, придерживали бы часть своего урожая еще дольше – до периода с мая по август, – чтобы поймать рынок на пике. Таким образом, без всякого вмешательства государства национальные запасы зерна были бы удобно распределены при помощи ценового механизма на все 52 недели. Вмешательство посредников, контрактовавших урожай заранее, сделало бы распределение еще более эффективным. В годы неурожая цена на зерно могла подниматься до крайне некомфортных для потребителя высот; однако данное обстоятельство оказывалось подлинным благом, поскольку (помимо того, что это служило стимулом для импортеров) такой рост цен выступал эффективной формой нормирования потребления. Без него все запасы были бы съедены за первые девять месяцев года и в оставшиеся три месяца на смену нехватке зерна пришел бы реальный голод.

Народные предрассудки и активное вмешательство государства оказывались единственными причинами, способными вывести эту саморегулирующуюся экономику из строя²⁷. Зерно должно свободно течь из районов избытка в районы дефицита, следовательно, фигура посредника играла необходимую, продуктивную и достойную похвалы роль. Вмешательство в естественную структуру торговли могло вызвать локальный голод или отбить у фермеров желание наращивать производство. Что касается мельников, мучников, торговцев, пекарей и других, кого толпа записывала в «виновников» продовольственных сложностей, здесь действовала та же логика. Их торговля была конкурентной. В крайнем случае краткосрочные искажения цен, к которым могли привести их действия, нанесли бы ущерб им самим. Когда в конце века цены начали стремительно расти, панацеей оказалось не возвращение к регулированию торговли, а усиление огораживаний, распашка пустошей и улучшения в сельскохозяйственном производстве.

Не стоит и доказывать, что модель естественной и саморегулирующейся экономики, провиденциальная работа которой обеспечивала бы общее благо, является таким же суеверием,

27 Смит видел их неразрывно связанными: «Законы относительно хлеба можно сравнить с законами, касающимися религии. Люди чувствуют себя столь заинтересованными в том, что касается их существования в здешней жизни или их блаженства в жизни будущей, что правительство бывает вынуждено уступать их предрассудкам» (Смит А. *Указ. соч.* С. 105).

как и представления, лежащие в основании патерналистской модели, – хотя, как ни странно, это суеверие для некоторых экономических историков оказалось последним в списке тех, от которых они стремились отказаться. В некоторых отношениях модель Смита более точно соответствовала реалиям XVIII века, чем патерналистская; а по равновесию и масштабу интеллектуальной конструкции определенно превосходило ее. Но не следует упускать из виду обманчивого ореола эмпирической обоснованности, который несет в себе модель Смита. Если патерналистская модель апеллирует к моральной норме – к тому, какими должны быть взаимные обязательства людей, – то новая модель, казалось бы, утверждает: «вот оно, истинное устройство вещей, или оно было бы таковым, если бы государство не вмешивалось». И все же, если рассмотреть соответствующие разделы «Богатства народов», они производят впечатление не столько эмпирического исследования, сколько превосходного, не требующего стороннего эмпирического подтверждения логического рассуждения.

ЭДВАРД ПАЛМЕР ТОМПСОН
МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
АНГЛИЙСКОГО ПРОСТО-
НАРОДЬЯ В XVIII ВЕКЕ

Не стоит и доказывать, что модель естественной и саморегулирующейся экономики, провиденциальная работа которой обеспечивала бы общее благо, является таким же суеверием, как и представления, лежащие в основании патерналистской модели.

Когда мы рассматриваем реальную организацию торговли зерном в XVIII веке, эмпирического подтверждения нет ни для одной из моделей. Не было проведено детального исследования торговли²⁸; нет ни одного крупного исследования такой ключевой фигуры, как мельник²⁹. Даже ключевое допущение Смита, что высокие цены являются эффективным механизмом распределения ресурсов, остается не более чем его утверждением. Известно, что спрос на зерно или хлеб крайне неэластичен и, когда хлеб дорог, бедняки (как однажды напомнили одному высокопоставленному наблюдателю) не переходят на пирожные. По мнению некоторых современников, по мере роста цен рабочие могли съедать то же количество хлеба, но исключать иные продукты из своего рациона; они могли даже есть *больше* хлеба, чтобы компенсировать потерю в другом

28 См., однако: EVERITT A. *The Marketing of Agricultural Produce // The Agrarian History of England and Wales. Vol. IV. 1500–1640.* New York: Cambridge University Press, 1967; BAKER D. *The Marketing of Corn in the First Half of the Eighteenth Century: North-East Kent // Agricultural History Review.* 1970. Vol. 18. № 2.

29 Некоторая полезная информация содержится в: BENNETT R., ELTON J. *History of Corn Milling.* Liverpool: Simpkin, Marshall, Limited, 1898.

продовольствии. Из одного шиллинга в обычный год шесть пенсов могли уходить на хлеб, а еще шесть – на «грубое мясо и обилие огородной зелени»; но в период высоких цен весь шиллинг уходил бы на хлеб³⁰.

Подобные комментарии предлагаются не в опровержение Адама Смита, а для указания на те моменты, где следует проявлять осторожность, пока объем наших знаний не возрастет. Нужно лишь отметить, что модель *laissez-faire* эмпирически не доказана, по своей сути маловероятна и что существуют доказательства противоположной точки зрения.

IV

Если можно реконструировать четкие альтернативные модели, стоящие за политикой традиционалистов и политэкономов, то можно ли выстроить такую же модель для моральной экономики простонародья? Подобное предприятие представляется гораздо более сложным. Здесь мы сталкиваемся со сложной сцепкой рационального анализа, предрассудков и традиционных реакций на нужду. Невозможно в какой-либо конкретный момент четко выделить группы, которые охватывались бы подобной теорией. В их состав входили как люди, способные ясно излагать свои мысли, так и те, кто совершенно не владел словом, включая образованных и обладающих весом в обществе представителей.

С середины XVIII века каждый неурожайный год сопровождался потоком памфлетов и писем в прессу. Общей жалобой сторонников свободной торговли было то, что заблуждающиеся джентри подливают масло в огонь народного недовольства. В этом есть доля правды. Свое чувство легитимности просто-народье черпало именно из патерналистской модели. Многие джентльмены все еще подозрительно относились к фигуре посредника.

Были и другие, не менее чувствительные области, где народные жалобы подпитывались жалобами традиционалистов или городских профессионалов. Действительно, можно пред-

30 COLLINS E. *Lying Detected*. Bristol, 1758. P. 66–67. Это, по-видимому, подтверждается и данными о семейных бюджетах, собранными Дэвидом Дэвисом и сэром Фредериком Иденом (см. сн. 14), а также наблюдениями авторов XIX века: THOMPSON E.P., YEO E. (Eds.). *The Unknown Mayhew*. London: Merlin Press, 1971. App. II; PHELPS BROWN E.H., HOPKINS S.V. *Seven Centuries of the Prices of Consumables Compared with Builders' Wage Rates* // *Economica*. 1956. Vol. 23. № 92. P. 297–298. Тут выделяют только 20% общего семейного бюджета на мучные продукты, хотя бюджеты Дэвиса и Идена (составленные в годы высоких цен) показывают в среднем 53%. Это вновь указывает на то, что в такие годы потребление хлеба оставалось стабильным, но другие статьи расходов сокращались. В Лондоне к 1790-м, возможно, уже наблюдалась широкая диверсификация рациона. П. Колкухоун писал герцогу Портлендскому 9 июля 1795 года, что на рынке Спиталфилдс в изобилии представлены овощи – морковь, репа, и в особенности картофель, «этот великий заменитель хлеба» (P.R.O. P.C. 1/27/A.54).

положить, что если бунтующая или «устанавливающая цену» толпа и действовала согласно какой-либо последовательной теоретической модели, то это была избирательная реконструкция патерналистской модели – из нее брались те черты, которые были наиболее выгодны бедноте и сулили дешевое зерно. Эта модель была, однако, менее абстрактной и обобщенной, чем взгляды патерналистов. В свидетельствах, оставленных беднотой, видна конкретика: негодование и прямые действия вызывают именно этот мельник, этот дилер, эти фермеры, удерживающие зерно. Подобная конкретика, однако, была пронизана общими представлениями о правах, которые наиболее ясно раскрываются только при рассмотрении действий толпы. В одном отношении моральная экономика простонародья решительно порывала с патерналистской: народная этика санкционировала политику прямого действия, тогда как ценности порядка, лежащие в основе патерналистской модели, – категорически нет.

ЭДВАРД ПАЛМЕР ТОМПСОН
МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
АНГЛИЙСКОГО ПРОСТО-
НАРОДЬЯ В XVIII ВЕКЕ

В одном отношении моральная экономика простонародья решительно порывала с патерналистской: народная этика санкционировала политику прямого действия, тогда как ценности порядка, лежащие в основе патерналистской модели, – категорически нет.

Экономика бедных все еще была локальной и региональной, производной от экономики самообеспечения. Зерно должно потребляться в том регионе, где оно выращено, особенно в периоды его нехватки. Глубокое чувство возмущения на протяжении нескольких веков вызывал экспорт зерна во времена дефицита. За исключением Вестминстера, горных регионов или крупных овцеводческих районов, люди никогда не жили вдали от зерна. Мануфактурная промышленность была рассредоточена по сельской местности: угольщики шли на работу мимо зерновых полей; домашние работники оставляли свои станки и мастерские ради жатвы. Однако сильнейшее негодование в середине XVIII века вызывал именно экспорт за границу, который был субсидирован. Создавалось впечатление, что иностранцы получают зерно по ценам часто ниже английского рынка благодаря субсидиям, выплачиваемым из английских налогов. Отсюда та крайняя горечь, которая порой обрушивалась на экспортера: в нем видели человека, ищущего личную и бесчестную выгоду за счет собственного народа.

Негодование могло также вспыхнуть против дилера, чьи обязательства перед внешним рынком нарушали привычное

снабжение местного сообщества. Эти обиды связаны с уже отмеченными выше сетованиями на изъятие товаров из свободного рыночного оборота. По мере того, как торговцы отдалялись от Лондона и все активнее осваивали провинциальные рынки, они начали предлагать такие цены и закупать зерно в таких объемах, что фермеры уже не желали размениваться на скромные запросы бедноты. Дэвид Дэвис писал в 1795 году, касаясь в том числе тех случаев, когда бедняки переключали свои потребности с зерна на муку:

«Дела теперь не делаются таким образом, что фермер продает зерно в розницу по бушелю тому или иному бедняку; за исключением продажи в некоторых особых местах или в качестве одолжения собственным рабочим. [...] Ни мельник, ни мучной торговец не продадут рабочему меньше мешка муки ниже розничной цены в лавках; а кошелек бедняка редко позволяет ему купить целый мешок сразу»³¹.

Следовательно, рабочий был вынужден идти в мелкую розничную лавку, где цены были завышены³². Старые рынки приходили в упадок, а там, где они сохранялись, меняли свои функции.

То, что бедняки к концу века стали покупать меньше зерна на свободном рынке, также указывало на возросшую важность мельника, занимавшего в народном фольклоре на протяжении многих веков одновременно завидное и незавидное положение. С одной стороны, он слыл баснословно успешным распутником, чье мастерство, вероятно, увековечено в просторечном значении слова «помол» (*grinding*³³). Возможно, удобство деревянной мельницы, спрятанной в уединенном уголке у ручья, куда деревенские жены и девы приносили свое зерно для помола, а также его власть над жизненно важным ресурсом и статус в деревне, делавший мельника выгодной партией, – все это могло способствовать возникновению легенды вокруг данной фигуры. С другой стороны, это также сказывалось на его репутации. «Любить!» – восклицает Нелли Дин в «Грозовом перевале» – «Любить! Слыхано ли такое? С тем же успехом я могла бы говорить о любви к мельнику, который приходит раз в год покупать наше зерно». Если верить всему, что писалось о мельнике в те годы, его образ мало изменился со времен «Рассказа мажордома» Чосера. Но если мелкого сельского

31 DAVIES D. *Op. cit.* P. 33–34.

32 «Первое правило, которым руководствуется пекарь, появившись в приходе, состоит в том, чтобы опутать всех бедняков долгами; после чего он волен печь для них хлеб того веса и качества, какого ему заблагорассудится» (*Gentleman's Magazine*. 1756. № XXVI. P. 557).

33 Томпсон имеет в виду сленговое употребление слова *grinding* в значении «половой акт». – *Примеч. перев.*

мельника обвиняли в следовании причудливым средневековым обычаям – слишком больших мисках для сбора пошлины; муке, накапливавшейся в деревянном коробе жерновов, и так далее, – то его более крупного коллегу обвиняли в новых и гораздо более изощренных махинациях.

На одном полюсе мы все еще имеем маленькие сельские мельницы, взимающие пошлину по собственному обычаю, вокруг которых (даже там, где пошлина была заменена денежными выплатами) множились скандалы и предпринимались спорадические попытки их регулирования³⁴. Поскольку мельники начинали все чаще вести собственную торговлю и молоть зерно для нужд пекарей, у них оставалось мало времени для мелких клиентов с несколькими мешками зерна. Это обстоятельство вызывало бесконечные задержки, а также приводило к тому, что, когда муку, наконец, выдавали на руки, она могла оказаться смолотой из другого, гораздо более низкосортного зерна. (Можно встретить жалобы на мельников, которые покупали испорченное зерно за полцены и смешивали его с зерном своих клиентов³⁵.) В течение XVIII века переход многих мельниц на обслуживание промышленных нужд сделал положение оставшихся небольших мельниц более выгодным. Но эти мельники были, конечно, мелкой сошкой XVIII века. Предпринимателями иного порядка становились крупные мельники долины Темзы и крупных городов, которые вели активную торговлю мукой и солодом. Мельники не попадали под Ассизу на хлеб и могли в любой момент переложить на потребителя рост цен на зерно.

На первый взгляд может показаться странным, что деятельность и торговцев, и мельников оставалась среди поводов для волнений даже в конце века – когда во многих частях Мидлендса и Юга (и уж точно в городских районах) рабочие привыкли покупать хлеб в лавках пекарей, а не зерно или муку на рынке. Наши знания недостаточно глубоки, чтобы оценить динамику подобного перехода, хотя домашнее хлебопечение, конечно, сохранялось³⁶. Но даже там, где переход завершился, не следует недооценивать сложность ситуации и упрощать

ЭДВАРД ПАЛМЕР ТОМПСОН

МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
АНГЛИЙСКОГО ПРОСТО-
НАРОДЬЯ В XVIII ВЕКЕ

34 См.: MARKHAM P. *Syhoroc*. London, 1758. Vol. II. P. 15; BENNETT R., ELTON J. *Op. cit.* Vol. III. P. 150–165; показания Джона Спайри против мельника Миллбриг (1740) за взимание иногда 1/16, иногда 1/12, а иногда 1/8 части в качестве платы за помол: *West Riding Sessions papers, County Hall, Wakefield*.

35 GIRDLER J.S. *Observations on the Pernicious Consequences of Forestalling, Regrating and Ingrossing*. London, 1800. P. 102–106, 312.

36 См., например, ответы городов на запрос Тайного совета в 1796 году (P.R.O. P.C. 1/33/A.88): мэр Йорка: «бедняки могут выпекать свой хлеб в общих печах» (16 апреля); мэр Ланкастера: «каждая семья покупает свою муку и сама печет свой хлеб» (10 апреля); мэр Лидса: «[принято] покупать зерно или муку, замешивать свой хлеб и печь его самим или отдавать в пекарню за плату» (4 апреля). Обследование пекарей в районе Корби (Нортгемптоншир) в 1757 году показывает, что из 31 прихода в одном (Wilbarston) были четыре пекаря, в одном – три, в трех – два, в восьми – один, а в четырнадцати – ни одного постоянного пекаря (четыре не дали ответа) (Northamptonshire Rights and Equality Council. H(K) 170).

цели, которые ставило перед собой простонародье. Разумеется, случались десятки мелких бунтов у хлебных лавок, и толпа часто практиковала «установку цен» на хлеб. Но пекарь был единственным из всех (будь то лендлорд, фермер, торговый агент, перевозчик или мельник), кто напрямую имел дело с насущной нуждой в хлебе, кто находился в ежедневном контакте с потребителем. И он был больше, чем кто-либо другой, защищен зримыми атрибутами патернализма. Ассиза на хлеб четко и публично ограничивала законную прибыль пекарей (способствуя также тому, что торговля хлебом оставалась в руках многочисленных мелких торговцев с небольшим капиталом) и, таким образом, до некоторой степени оберегала их от народного гнева.

Психологический эффект Ассизы был значительным. Пекарь мог увеличить свою прибыль сверх надбавки, рассчитанной в Ассизе, только путем мелких уловок, часть из которых – вроде недовеса хлеба, подмешивания дешевой и испорченной муки – подлежала либо судебному преследованию, либо немедленному возмездию со стороны толпы. Пекарю иногда приходилось заботиться о собственных связях с общественностью, вплоть до привлечения толпы на свою сторону: когда Ханна Пейн из Кеттеринга пожаловалась судьям на недовес хлеба, пекарь «поднял против нее толпу... и сказал, что она заслуживает порки»³⁷. Без сомнения, пекари, знавшие своих покупателей, иногда жаловались на невозможность снизить цены и перенаправляли негодование на мельницу или зерновой рынок. Но в этот момент становится ясно, что мы имеем дело с гораздо более сложным паттерном действия, чем тот, который можно удовлетворительно объяснить личной встречей населения с конкретными мельниками, дилерами или пекарями. Необходимо выработать более широкий взгляд на действия толпы.

V

Было высказано предположение, что термин «бунт» является слишком грубым инструментом анализа стольких поводов для возмущения и конкретных инцидентов. Этот термин также не точен для описания народных действий. Если мы ищем характерную форму прямого действия, нам следует рассматривать не перепалки у лондонских пекарен и даже не большие столкновения, вызванные недовольством крупными мельниками, а «народные восстания» – наиболее заметные в 1740-м, 1756-м,

37 Допрос Ханны Пейн, 12 августа 1757 года (Ibid. H(K) 167(1)).

1766-м, 1795-м и 1800 годах, – в которых видную роль играли угольщики, оловянщики, ткачи и чулочники. Что примечательно в этих «инсurreкциях», так это, во-первых, их дисциплинированность и, во-вторых, тот факт, что они демонстрируют модель поведения, истоки которой следует искать столетиями ранее. Данная модель в XVIII веке усложняется, становится более изощренной и проявляет себя, казалось бы, спонтанно в разных частях страны и после большого количества спокойных лет. Центральным действием здесь является не разграбление амбаров и не расхищение зерна или муки, а акт «установления цены».

Эта модель воспроизводит – иногда с большой точностью – экстренные меры, предусмотренные на случай дефицита, которые в 1580–1630-х были кодифицированы в «Книге распоряжений». Они применялись в последние годы правления Елизаветы и в несколько пересмотренном виде вводились в действие Карлом I в 1630 году. Во время Елизаветы магистраты были обязаны посещать местные рынки:

«Если вы обнаружите, что завезено недостаточно продовольствия для обеспечения нужд упомянутых рынков, и в особенности нужд бедноты, вам надлежит отправиться в дома фермеров и прочих земледельцев... дабы осмотреть, какие запасы зерна – как обмолоченного, так и необмолоченного – у них остаются».

Затем они могли приказать фермерам прислать «надлежащее количество» зерна на рынок для продажи «по разумной цене». Судьи были уполномочены «устанавливать определенную цену за бушель любого вида зерна»³⁸.

«Книга распоряжений» наделяла магистратов (с помощью местных присяжных) полномочиями обследовать запасы зерна в амбарах и складах³⁹, отдавать приказы о поставке определенных количеств зерна на рынок и обеспечивать соблюдение законодательства о торговле, лицензировании и перекупке. Зерно не должно было продаваться нигде, кроме открытого рынка, «если только оно не предназначается для бедных ремесленников или поденщиков из вашего прихода, не имеющих возможности беспрепятственно добраться до торговых городов». Распоряжения 1630 года не давали судьям прямого права устанавливать цену, но предписывали им присутствовать на рынке и следить за тем, чтобы бедняки были «обеспечены необходимым зерном... по максимально льготным ценам, которых судьи только смогут добиться посредством убеждения». В чрезвычайных ситуациях власть устанавливать цену на зер-

38 *A Coppie of the Councells Her[e] for Graine Delyv'd at Bodmyn the Xith of May 1586*: Bodleian Library, Rawlinson MS. B 285. Fos. 66–67.

39 Пример см.: PAGE W. (Ed.). *Victoria County History*, Oxfordshire. London, 1907. Vol. II. P. 193–194.

но или муку находилась где-то посередине между принуждением и убеждением⁴⁰.

Это чрезвычайное законодательство пришло в упадок во время гражданских войн⁴¹. Но народная память, особенно в письменном обществе, является необычайно долгой. Едва ли можно сомневаться, что действия рабочих-текстильщиков Восточной Англии и Запада в XVIII века связаны прямой традицией с «Книгой распоряжений» 1630 года. Память грамотных людей была такой же долгой: сама «Книга распоряжений» неофициально переиздавалась в 1662-м и снова в 1758-м с предисловием, упоминающим нынешнее «нечестивое соглашение с целью создания дефицита»⁴².

Во многих акциях, особенно в старых мануфактурных регионах Востока и Запада, толпа заявляла, что, раз власти отказываются обеспечивать соблюдение «законов», она должна самостоятельно обеспечить их соблюдение. Во время широких волнений на Западе в 1766 году шериф Глостершира, джентльмен-суконщик, не скрывал своего уважения к бунтовщикам:

«[Они] направились к фермерскому дому и учтиво попросили хозяев обмолотить свою пшеницу, вывезти ее на рынок и продавать по пять шиллингов за бушель; получив подобное обещание, а вдобавок и немного провизии, о которой они даже не просили, бунтовщики удалились, не причинив ни малейшего насилия и не нанеся никакого оскорбления».

В других отчетах шерифа, мы встретим в основном похожие действия:

«В прошлую пятницу в этих краях по сигналу рожков поднялась толпа... состоящая исключительно из низших народных слоев,

- 40** Актом 1534 года Тайный совет был наделен правом устанавливать цены на зерно в чрезвычайных ситуациях. В несколько вводящем в заблуждение примечании Норман Грас (GRAS N.S.B. *Op. cit.* P. 132–133) утверждает, что после 1550-го это право не использовалось. Но в любом случае о нем не забыли: прокламация 1603 года, по-видимому, устанавливает цены (Columbia University Libraries. Seligman Collection. Proclamations, James I, 1603); «Книга распоряжений» (1630) завершается предупреждением, что, «если владельцы зерна... не будут охотно выполнять эти распоряжения», Его Величество «даст приказ об установлении приемлемых цен»; Тайный совет пытался сдерживать цены прокламацией в 1709-м (British Museum. Liverpool Papers. Additional Manuscript 38353. F. 195); и этот вопрос активно обсуждался в 1757-м (SMITH C. *Three Tracts on the Corn-Trade and Corn-Laws*. London, 1766. P. 29, 35). Помимо Ассизы на хлеб, сохранялись и другие возможности по установлению цен. В 1681 году на рынке в Оксфорде, контролируемом университетом, были установлены цены на масло, сыр, птицу, мясо, бекон, свечи, овес и бобы (*The Oxford Market // Collectanea*. Oxford, 1890. P. 127–128). Похоже, что Ассиза на эль в Мидлсексе прекратила действие в 1692 году (LIPSON E. *Op. cit.* Vol. II. P. 501), а в 1762-м пивовары получили право повышать цену «разумным образом»; но, когда в 1773-м было предложено повысить цену на полпенса за четверть, сэр Джон Филдинг написал графу Саффолку, что повышение «не может считаться разумным и подданные не подчинятся ему» (*Calendar of Home Office Papers*. 1773. P. 9–14; MATTHIAS P. *The Brewing Industry in England, 1700–1830*. New York: Cambridge University Press, 1959. P. 360).
- 41** См.: RAMSAY G.D. *Industrial Laissez-Faire and the Policy of Cromwell* // *The Economic History Review*. 1946. Vol. 16. № 2. P. 103–104; JAMES M. *Social Problems and Policy during the Puritan Revolution*. London: G. Routledge & Sons, 1930. P. 264–271.
- 42** *Seasonable Orders Offered from Former Precedents Whereby the Price of Corn*. London, 1662; перепечатку распоряжений Елизаветы см. в: MASSIE J. *Orders Appointed by His Majesty King Charles I*. London, 1758.

таких как ткачи, мастеровые, рабочие, подмастерья, мальчишки. [...] Они направились к мукомольной мельнице близ города... после чего начали разрезать мешки с мукой, раздавать и уносить ее, уничтожать зерно».

ЭДВАРД ПАЛМЕР ТОМПСОН

МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
АНГЛИЙСКОГО ПРОСТО-
НАРОДЬЯ В XVIII ВЕКЕ

Затем они посетили главные рынки, устанавливая цену на зерно. Три дня спустя шериф пишет:

«Они посетили фермеров, мельников, пекарей и лавки перекупщиков, продавая зерно, муку, хлеб, сыр, масло и бекон по своим собственным ценам. Они, как правило, возвращали выручку [то есть деньги] владельцам, а в их отсутствие оставляли для них деньги; они проявили большую дисциплинированность и пристойность там, где им не оказывали сопротивления, и отвечали гневом и насилием там, где им противостояли; при этом за ними почти не было замечено воровства, и, чтобы не допустить его в дальнейшем, они больше не позволяют женщинам и мальчишкам ходить вместе с ними».

После посещения мельниц и рынков вокруг Глостера, Страунда и Сайренсестера толпа разделилась на группы по 50–100 человек, которые разошлись по деревням и фермам, вскрывая амбары и требуя, чтобы зерно поставлялось на рынок по справедливым ценам. Одна из больших групп явилась к самому шерифу, сложила свои дубинки в тот момент, когда он обратился к ним по поводу их проступков, выслушала его с терпением, «радостно прокричала “Боже, храни короля!”», а затем снова подобрала дубинки и возобновила благое дело установления цены. Движение носило характер всеобщей забастовки целого суконного района: «бунтовщики заходят в наши мастерские... и заставляют всех мужчин, желают они того или нет, присоединиться к ним»⁴³.

Это была необычайно масштабная и дисциплинированная акция с неоднократно повторяющимися чертами. Так, движение толпы от рыночной площади к мельницам, а оттуда (как в «Книге распоряжений») к фермам, где проверялись запасы, после чего фермерам приказывали отправить зерно на рынок по цене, продиктованной толпой, – все это встречается повсеместно.

В 1766 году бродячая толпа в долине Темзы называла себя «Регуляторами». Перепуганный фермер позволил им спать в соломе у себя во дворе и «мог слышать из своей комнаты, как они рассказывали друг другу, кого больше всего напугали и где добились наибольшего успеха». Подобная модель сохраняется и в 1790-х: в Элсмире (Шропшир) толпа останавливала зерно по пути к мельницам и угрожала фермерам; в Форест-оф-Дин шахтеры обходили дома мельников и фермеров, вымогали день-

43 Письма У. Дэллоуэя, Бримскомб, 17-е и 20 сентября 1766 года (P.R.O. P.C. 1/8/41).

ги «у людей, которых они встречали на дороге»; в Западном Корнуолле оловянщики посещали фермы с петлей в одной руке и соглашением о поставке зерна на рынок по сниженным ценам в другой⁴⁴.

Именно самоконтроль, а не беспорядок представляется здесь удивительным. Действия подобного рода, без сомнения, опирались на широчайший народный консенсус по поводу того, что цены должны регулироваться во времена дефицита и что наживающийся на дефиците человек ставит себя вне общества. Иногда толпа пыталась привлечь – убеждением или силой – магистрата, приходского констебля или другую авторитетную фигуру, чтобы те контролировали «народную таксацию».

Было бы глупо предполагать, что при столь масштабном прорыве традиционных бастионов сословной почтительности многие не воспользовались бы возможностью украсть товары. Но существуют многочисленные доказательства обратного поведения, некоторые из них поразительны. Кружевницы из Хонитона в 1766 году, отобрав зерно у фермеров и продав его по «народной» цене на рынке, вернули фермерам не только деньги, но и сами мешки. Толпа в Олдеме в 1800-м установила ограничение для каждого покупателя в два пека на человека. Во многих случаях, когда повозки останавливали на дорогах, их содержимое продавали, но вырученные деньги отдавали возчику⁴⁵.

В самом деле, чтобы поставить под сомнение линейный и «спазматический» взгляд на продовольственные волнения, достаточно указать на этот сохраняющийся мотив: мужчины и женщины, находясь на грани голода, нападали на мельницы и амбары не для того, чтобы украсть еду, но чтобы наказать владельцев. Зерно или муку неоднократно рассыпали по дорогам и канавам, сбрасывали в реку, разрушали оборудование мельниц и мельничные плотины. Подобное поведение вызывало у власти одновременно чувства негодования и изумления: оно казалось им симптомом неистового и замутненного нрава народа, чей мозг был воспален голодом.

Но были ли бедняки на самом деле такими глупыми? Можно предположить, что торговцы и мельники, одним глазом опасно следившие за народом, а другим – за максимизацией собственной прибыли, понимали суть дела значительно луч-

⁴⁴ См. описание подобных случаев в Норидже (1740) (Ipswich Journal. 1740. July 26), Дьюсбери (1740), Уэйкфилде (30 апреля 1740 года) (P.R.O. S.P. 36/50), долине Темзы (2 октября 1766 года) – в показаниях Бартоломью Фримена с фермы Бишем (P.R.O. T.S. 11/995/3707), Элсмире (1795) (P.R.O. W.O. 1/1089 fo. 359), Форесте-оф-Дин (24 июня 1795 года) – в свидетельстве Джона Тёрнер, мэра Глостера (P.R.O. W.O. 1/1087), Корнуолле (RULE J.G. *Some Social Aspects of the Cornish Industrial Revolution* // BURT R. (Ed.). *Industry and Society in the South-West*. Exeter: University of Exeter, 1970. P. 90–91).

⁴⁵ См.: ROSE R.B. *Op. cit.* P. 435; BUTTERWORTH E. *Historical Sketches of Oldham*. Oldham: J. Hirst, 1856. P. 137–139, 144–145.

ше, чем кабинетные теоретики. У бедноты были собственные источники информации. Эти люди работали в доках, водили баржи по каналам, управляли телегами и дежурили на заставах. Они трудились в зернохранилищах и на мельницах. Зачастую бедноте были известны такие местные реалии, о которых джентри не имели ни малейшего представления. Во многих случаях толпа безошибочно находила припрятанный хлеб, существование которого магистраты с чистой совестью отрицали. Даже если слухи порой были в высшей степени оторваны от фактического положения дел, они всегда опирались на какие-то реальные факты. Бедняки знали, что выкрутить богачам руки – единственный способ заставить последних уступить.

ЭДВАРД ПАЛМЕР ТОМПСОН
МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
АНГЛИЙСКОГО ПРОСТО-
НАРОДЬЯ В XVIII ВЕКЕ

Чтобы поставить под сомнение линейный и «спазматический» взгляд на продовольственные волнения, достаточно указать на сохраняющийся мотив: мужчины и женщины, находясь на грани голода, нападали на мельницы и амбары не для того, чтобы украсть еду, но чтобы наказать владельцев.

VI

Инициаторами беспорядков очень часто выступали женщины, являвшие собой, по-видимому, какой-то образчик первобытной представительницы своего пола, еще не столкнувшейся с грехопадением и не подозревавшей, что сможет встретить свое «освобождение» лишь через пару сотен лет. Роберт Саути писал про это:

«Женщины более склонны к мятежу. Они меньше боятся закона – отчасти из-за невежества, отчасти потому, что полагаются на привилегии своего пола, – и по этой причине во всех публичных беспорядках они первыми начинают свирепствовать и провоцируют насилие»⁴⁶.

Женщины также были сильнее вовлечены в непосредственную рыночную торговлю, наиболее чутко реагировали на колебания цен и быстрее остальных обнаруживали махинации с весом или качеством товаров.

Мелкие спонтанные волнения могли быть спровоцированы ритуализированным улюлюканьем или стенаниями под окна-

⁴⁶ *Letters from England*. London, 1814. Vol. II. P. 47. Женщины, помимо свирепости, обладали и другими средствами: полковник добровольческих отрядов сетовал, что «Дьявол в образе женщин теперь использует все свое влияние, чтобы склонить рядовых к предательству своих офицеров» (P.R.O. W.O. 1/1086).

ми лавок торговцев⁴⁷, перехватом повозки с зерном или мукой, проезжающей через людный центр, или простым скоплением грозной толпы. В ходе таких волнений очень быстро возникала ситуация торга: владелец провизии прекрасно знал, что при отказе добровольно принять цену, навязанную толпой (а его согласие делало любое последующее судебное преследование очень трудным), он рискует потерять весь свой товар.

В ходе более масштабных беспорядков все начиналось с формирования ядра, после чего остальные часто созывались рожком или барабанами. «В прошлый понедельник, – так начинает свое письмо шропширский магистрат в 1756 году, – угольщики из Броузли и др. населенных пунктов собрались, трубя в рожки, после чего направились к рынку Уэнлок». Структура толпы репрезентировала виды деятельности «низших слоев» в охваченных беспорядками районах. В Уитни (Оксфордшир) мы находим сведения о ткаче одеял, портном, жене трактирщика и слуге; в Сафрон-Уолден (Эссекс) – обвинения против двух воротниковых мастеров, сапожника, каменщика, плотника, пыльщика, чесальщика шерсти и девяти рабочих; в нескольких деревнях Девоншира – одну старую деву, двух ткачей, чесальщика шерсти, сапожника, кровельщика и десять рабочих; в деле Хэндборо упоминались плотник, каменщик, пыльщик и семь рабочих⁴⁸.

Важным отличием от Франции была относительная пассивность английских сельскохозяйственных рабочих в сравнении с активностью французских виноградарей и мелкого крестьянства. Сельские рабочие участвовали в бунтах, только когда какая-то другая группа (например угольщики) формировала первоначальное ядро или когда их собиралось вместе достаточное количество по какому-либо другому поводу.

По правде говоря, продовольственные волнения не требовали высокой степени организации, но нуждались в широком общинном консенсусе и унаследованном паттерне действия с его собственными целями и ограничениями. Устойчивость подобной формы действия заставляет задаться вопросом: насколько она была в каком-либо смысле успешной? Могла ли

47 Корреспондент с Розмари-Лейн (Лондон) 2 июля 1795 года жаловался, что его разбудили в 5 утра «самыми ужасными Стенаниями (как называет это толпа), но я бы назвал это Визгом» (P.R.O. W.O. 1/1089 fo. 719).

48 Уитни – информация Томаса Хадсона, 10 августа 1795 года (P.R.O. Assizes 5/116); Сафрон-Уолден – обвинительные акты за правонарушения 27 июля 1795 года (P.R.O. Assizes 35/236); Девоншир – календарь летнего выезда судей, 1795 год (P.R.O. Assizes 24/43; Хэндборо), информация Джеймса Стивенса, сборщика десятины, 6 августа 1795 года (P.R.O. Assizes 5/116). Все тринадцать беркширских бунтовщиков, судимых Специальной комиссией (1766), были описаны как «рабочие»; из 66 человек, представших перед Специальной комиссией в Глостере (1766), 51 был описан как «рабочий», 10 – как «жены рабочих», три – как «старые девы»; данные описания мало что раскрывают (G.B. *Deputy Keeper of Public Records, 5th Report (1844)*. App. ii. P. 198–199, 202–204). О Уэльсе (1793–1801) см.: JONES D.J.V. *Op. cit.* App. iii. P. 350. О Данди (1772) см.: LYTNE S.G.E. *The Tayside Meal Mobs* // *The Scottish Historical Review*. 1967. № XLVI. P. 34; под судом оказались носильщик, каменотес, три ткача и матрос.

она существовать на протяжении стольких десятилетий или даже столетий, если бы неизменно терпела неудачу в достижении собственных целей и не оставляла бы после себя ничего, кроме жертв на виселице и нескольких разрушенных мельниц? На этот вопрос крайне трудно ответить, но его необходимо поставить.

ЭДВАРД ПАЛМЕР ТОМПСОН
МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
АНГЛИЙСКОГО ПРОСТО-
НАРОДЬЯ В XVIII ВЕКЕ

**Продовольственные волнения не требовали
высокой степени организации, но нуждались
в широком общинном консенсусе и унаследованном
паттерне действия с его собственными целями и
ограничениями.**

VII

Может показаться, что в краткосрочной перспективе бунт и установление цен достигали целей, противоположных намеренным. Фермеры, будучи запуганными, отказывались иногда в течение нескольких недель привозить товары на рынок. Дефицит в других регионах, вероятно, усугублялся запретом на перемещение зерна внутри страны. Хотя можно найти примеры, когда бунты, казалось бы, приводили к падению цен, и примеры обратного, а также примеры, когда, по-видимому, не было существенной разницы между колебаниями цен в бунтующих и спокойных регионах, — но ни один из этих случаев, каким бы образом данные ни усреднялись или агрегировались, не отражает влияния фактора ожидания бунта на общую рыночную ситуацию⁴⁹.

Мы можем провести аналогию с войной. Непосредственная выгода от войны редко бывает значительной как для победителя, так и для побежденного. Но выгода, извлекаемая из угрозы войны, может быть весьма существенной; и все же угроза перестает быть таковой, если к самой войне так и не прибегают. Если рыночная площадь была такой же аренной классовой войны, какой стали фабрика и шахта в период промышленной революции, то угроза бунта влияла на торговую ситуацию не только в неурожайные годы, но и в годы умеренного урожая, не только в городах, известных своей склонностью к бунтам,

49 Детальное изучение краткосрочной динамики цен в связи с бунтами, предпринимаемое в настоящее время некоторыми исследователями с помощью компьютеров, поможет прояснить этот вопрос. Однако переменных здесь слишком много и часть из них (ожидание бунта, давление, оказываемое на арендаторов и торговцев, благотворительные подписки, использование средств из налога на бедных и тому подобное) с трудом квантифицируема, или данные по ним отсутствуют.

но и там, где власти традиционно стремились сохранить спокойствие. Как бы тщательно мы ни подвергали количественному анализу имеющиеся данные, он не сможет продемонстрировать, до какого уровня поднялись бы цены, если бы угроза бунта была полностью устранена.

Власти в районах, склонных к бунтам, часто проявляли хладнокровие и компетентность при обуздании беспорядков. Кому-то это позволит забыть, что бунт был бедствием, приводившим к глубокому нарушению социальных отношений в сообществе, последствия которого могли ощущаться годами. Магистраты в провинциях часто находилось в крайней изоляции. Войскам, если за ними посылали, могло потребоваться более двух-трех дней, чтобы прибыть – и толпа была прекрасно осведомлена об этом обстоятельстве.

Вопрос обеспечения порядка был отнюдь не прост. Недостаточность гражданских сил сочеталась с нежеланием использовать военную силу. Свойственная офицерам гуманность, а также правовая неопределенность ставили их в двусмысленное положение: военные полномочия должны были применяться в ситуации гражданских беспорядков. В итоге офицеры отнюдь не проявляли энтузиазма при выполнении этой «гнусной службы»⁵⁰. Если местные магистраты вызывали войска или санкционировали применение оружия, то им предстояло столкнуться с последствиями этого в виде гнева и ненависти местного населения – ведь они продолжали жить в этом округе и после ухода солдат. Магистраты могли получать письма с угрозами, им могли разбить окна или даже поджечь дом. Войска, расквартированные в городе, быстро становились непопулярными даже у тех, кто сперва вызвал их.

Бунт был бедствием. «Порядок», который устанавливался за бунтом, мог стать еще большим бедствием. Отсюда и тревога властей: требовалось либо предвосхитить событие, либо личным присутствием, уговорами и уступками пресечь его на ранней стадии. В письме от 1773 года мэр Пенрина, осажденный разгневанными оловянщиками, пишет, что город посетили триста человек «бандитов, с которыми мы были вынуждены вступить в переговоры и прийти к соглашению – отдать им зерно на одну треть дешевле его первоначальной стоимости»⁵¹. Такого рода торги на начальных этапах бунта часто сопровождалась уступками толпе.

Именно в таком контексте раскрывается функция бунта. В краткосрочной перспективе – хотя и это еще необходимо

50 «Самая гнусная служба, которую может оправдать только необходимость», виконт Баррингтон – Уэймуту, 18 апреля 1768 года (P.R.O. W.O. 4/83, fos. 316–317).

51 Пенрин (P.R.O. W.O. 40/17); Уорикшир (Wood H.C. *The Diaries of Sir Richard Newdigate, 1751–1806* // *Transactions of the Birmingham Archaeological Society*. 1962. № LXXVIII. P. 43).

доказать – он мог быть контрпродуктивным, но и поскольку являлся социальным бедствием, его следовало избегать любой ценой. Этой ценой могло быть достижение компромисса между взлетевшей рыночной ценой и традиционной «моральной» ценой, которую диктовала толпа. Такой компромисс находили благодаря вмешательству патерналистски настроенных властей, благоразумной сдержанности фермеров и торговцев или же благодаря прямому «откупу» от части бунтующих усилиями благотворительности и субсидий.

ЭДВАРД ПАЛМЕР ТОМПСОН

МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
АНГЛИЙСКОГО ПРОСТО-
НАРОДЬЯ В XVIII ВЕКЕ

VIII

Мы исследовали модель социального протеста, которая проистекает из консенсуса относительно моральной экономики общего блага во времена дефицита. Изучать ее на предмет открытых, четко артикулированных политических намерений, как правило, бесполезно, хотя они иногда возникали в силу случайных совпадений. Можно встретить бунтарские фразы, предназначенные, предположительно, для запугивания богачей производимым ими театральным эффектом.

Наиболее распространены были «уравнительные» угрозы и проклятия в адрес богатых. Так, авторы письма в Уитни (1767) уверяли судебных чиновников города в том, что народ не потерпит того, «как эти проклятые задыхающиеся от жира толстопузые мошенники адскими способами морят бедных голодом только ради того, чтобы они могли предаваться охоте, скачкам... и содержать свои семьи в гордыне и расточительстве». В основном это риторика, хотя это тот тип риторики, который сокрушительным образом корректирует представления историков о сословной почтительности и социальной солидарности в георгианской Англии⁵².

Впечатление подлинной осознанной политической мотивации возникает у нас только в 1795-м и 1800–1801 годах, когда в таких письмах и листовках часто считается якобинский отзвук. Но эти кризисный военный период (1800–1801) требует отдельного рассмотрения. Мы подходим к концу одной традиции, тогда как новая едва только наметилась. В эти годы альтернативная форма экономического давления – давление на заработную плату – становится более интенсивной. За языком подстрекательства мы находим нечто большее, чем риторику: подпольные профсоюзные организации, клятвы, призрачное общество «Объединенных англичан». Старая форма действия сохраняется в 1840-е и даже позже – она особенно глубоко

52 Уитни (London Gazette. 1767. № 10779); Бирмингем (P.R.O. W.O. 1/873); Колчестер (London Gazette. 1772. № 11304); Фэрем (London Gazette. 1767. № 10690); Херефорд (London Gazette. 1767. № 10717).

укоренилась на Юго-Западе⁵³. Но на территориях, охваченных промышленной революцией, старая форма действия поэтапно переросла в иные способы борьбы.

Была и другая причина, по которой 1795-й и 1800–1801 годы переносят нас на иную историческую территорию. Формы действия, которые мы рассматривали, зависели от определенного набора социальных отношений, определенного равновесия между патерналистскими властями и толпой. По двум причинам это равновесие было нарушено в годы войн. Во-первых, резкие антиякобинские взгляды джентри привели к новому страху перед любой формой народной самоорганизации. Магистраты были готовы видеть признаки мятежа в акциях по установлению цен даже там, где никакого мятежа не было. Страх вторжения породил отряды «волонтеров», что дало гражданским властям возможность разбираться с толпой гораздо более оперативно – не переговорами и уступками, а репрессиями⁵⁴. Во-вторых, легитимность таким репрессиям придавал триумф в умах центральных и местных властей идеологии новой политической экономии.

Земным провозвестником этого «небесного триумфа» стал министр внутренних дел, герцог Портлендский. В 1800–1801 годах он проявил невиданную ранее твердость не только в подавлении беспорядков, но и в порицании и наставлении тех местных чиновников, которые все еще придерживались старого патернализма. Средством против беспорядков были военные или добровольческие отряды; пресекать следовало даже щедрые сборы пожертвований на закупку дешевого зерна, поскольку это вело к истощению запасов. Уговоры фермеров или торговцев снизить цены оказывались преступлением против политической экономии. В апреле 1801 года герцог писал графу Маунт-Эджкамбу в связи полученными им сведениями о том, что власти графства оказали на фермеров давление:

«Ваша Милость должна извинить мне вольность, с которой я не оставляю незамеченным упомянутое вами соглашение, якобы добровольно заключенное фермерами Корнуолла, о поставках на рынки зерна и прочих продуктов питания по сниженным ценам. [...] Весь мой опыт... обязывает меня заявить, что любое подобное начинание не может быть оправдано естественным экономическим порядком и неминуемо, в самом скором времени, лишь усугубит ту самую нужду, которую это начинание призвано облегчить. Осмелюсь также утверждать, что, чем более общий и массовый харак-

53 См.: ROWE A. *The Food Riots of the Forties in Cornwall* // *Report of Royal Cornwall Polytechnic Society*. 1942. P. 51–67. Продовольственные бунты были в Шотландском высокогорье в 1847 году; в Тейнмуте и Эксетере в ноябре 1867-го; в Норидже в 1886-м («The Battle of Ham Run»).

54 WESTERN J.R. *The Volunteer Movement as an Anti-Revolutionary Force, 1793–1801* // *The English Historical Review*. 1956. Vol. LXXI. № 281.

тер оно приобретет, тем более пагубными окажутся его неизбежные последствия, поскольку подобное начинание неотвратимо препятствует Применению Капитала в Сельском хозяйстве»⁵⁵.

ЭДВАРД ПАЛМЕР ТОМПСОН
МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
АНГЛИЙСКОГО ПРОСТО-
НАРОДЬЯ В XVIII ВЕКЕ

«Естественный экономический порядок», который когда-то, во времена дефицита, обеспечивал хотя бы символическую солидарность между классом управленцев и беднотой, теперь диктовал солидарность между этим классом и «Применением Капитала». Весьма закономерно, что именно тот идеолог, который соединил истеричный антиякобинизм с новой политической экономией, подписал смертный приговор тому самому патернализму, верным жрецом которого он выступал в своих наиболее показных риторических пассажах. «Трудящиеся бедняки!» – восклицал Бёрк:

«Пусть сострадание будет проявлено в делах, [...] но давайте обойдемся без скорби по поводу их положения. Это никак не поможет преодолеть тех жалких обстоятельств, в которых они оказались. Она нанесет лишь оскорбление их жалкому рассудку... Терпение, труд, трезвость, бережливость и религия должны быть рекомендованы им, все остальное – наглый обман»⁵⁶.

IX

Я надеюсь, что это повествование позволило сформировать несколько иную картину, отличную от привычной. Я попытался описать не произвольный «спазм», а такую модель поведения, которой не устыдился бы и житель Тробрианских островов.

Весьма трудно вообразить моральные предпосылки социальной конфигурации, отличной от нашей. Нам непросто представить, что было время, когда внутри меньшего по размеру и более интегрированного сообщества казалось «неестественным» наживаться на нуждах других и считалось само собой разумеющимся, что в неурожайные годы цены на жизненно необходимые товары должны оставаться на обычном уровне, даже если повсюду их количество уменьшилось.

«В экономике средневекового города, – писал Ричард Генри Тоуни, – общественное сознание приписывало потреблению

55 Герцог Портлендский, 25 апреля 1801 года (P.R.O. H.O. 43/13. P. 24–27). 4 октября 1800 года он писал вице-канцлеру Оксфордского университета (доктору Марлоу) об опасности того, что народ «поддается заблуждению, будто причиной его лишений служит алчность и хищническое поведение тех, кого – вместо того, чтобы клеймить скупщиками, – правильнее было бы назвать поставщиками и предусмотрительными управителями Общества» (University of Nottingham. The Portland Manuscripts. PwV 111).

56 БУРКЕ Е. *Thoughts and Details on Scarcity, Originally Presented to the Rt. Hon. William Pitt in ... November, 1795*. London, 1800. P. 4. Этот памфлет повлиял как на премьер-министра Уильяма Питта-младшего, так и на герцога Портлендского и, возможно, способствовал более жесткой политике 1800 года.

примерно те же свойства решающего арбитра любых экономических усилий, какие XIX век приписывал прибыли»⁵⁷. Подобные установки, конечно, начали сталкиваться с серьезными испытаниями задолго до XVIII столетия. Однако в наших исторических трудах мы слишком часто искусственно сжимаем эти великие переходные эпохи. Мы оставляем перекупщиков и доктрину «справедливой цены» в XVII веке, после чего подхватываем историю рыночной экономики в веке XIX. Однако смерть старой моральной экономики снабжения была столь же затяжной, как и смерть патерналистской практики вмешательства в промышленность и торговлю. Потребитель отстаивал свои старые представления о праве с тем же упрямством, с каким (возможно, тот же самый человек, но в другой роли) защищал свой ремесленный статус.

Эти представления о праве были четко сформулированы. Долгое время они несли на себе печать церковного благословения. «Книга распоряжений» 1630 года предусматривала моральное наставление и пример как интегральную часть чрезвычайных мер:

«Чтобы Судьи в своих округах пускали в ход все благие средства и уговоры, а в церквях звучали наставления и увещевания в проповедях... чтобы Бедные могли снабжаться Зерном по приемлемым и милосердным Ценам. И дабы способствовать этому, пусть Христианское Милосердие искренне побуждает Состоятельных людей продавать свой Хлеб неимущим ниже обычных Рыночных Цен: это милосердный поступок, который, несомненно, будет вознагражден Всемогущим Богом».

Сегодня мы не обращаем внимания на грабительские механизмы нерегулируемой рыночной экономики, поскольку они причиняют большинству из нас лишь неудобства и незначительные трудности. В XVIII веке все было иначе. Нехватка продовольствия была истинной нехваткой. Высокие цены сопровождались вздутыми животами и больными детьми, чьей едой был грубый хлеб из некачественной муки. Пока не опубликовано свидетельств, указывающих на присутствие в Англии XVIII века чего-то подобного классическому *crise des subsistances*: смертность в 1795-м определенно не приближалась к французским показателям того же года⁵⁸. Однако существовал феномен, который джентри описывали как «по-настоящему мучительную» нужду: растущие цены «сняли одежду с их [бедняков] спин, сорвали башмаки и чулки с их ног и вырвали пищу из их уст»⁵⁹.

57 TAWNEY R.H. *Op. cit.* P. 33.

58 Это обстоятельство не означает, что такие свидетельства не могут вскоре появиться в отношении локальных или региональных демографических кризисов.

59 *Annals of Agriculture*. 1795. Vol. XXIV. P. 159 (свидетельство из Данмоу, Эссекс).

Но насколько рынок был местом, где трудящиеся чаще всего ощущали влияние эксплуатации, то настолько же он был местом – особенно в сельских или рассредоточенных мануфактурных районах, – где им было легче всего самоорганизоваться. Рыночные отношения в зрелом индустриальном обществе становятся все более безличными. В Британии или Франции XVIII века (как и в частях Южной Италии, на Гаити, в сельской Индии или Африке сегодня) рынок был не только экономическим, но и социальным узлом, местом, где совершались сотни общественных и личных взаимодействий, где распространялись новости, ходили слухи и сплетни. Политика если и обсуждалась, то в трактирах или винных лавках вокруг рыночной площади. Рынок был местом, где люди, благодаря своей многочисленности, чувствовали на мгновение, что они сильны⁶⁰.

ЭДВАРД ПАЛМЕР ТОМПСОН
МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
АНГЛИЙСКОГО ПРОСТО-
НАРОДЬЯ В XVIII ВЕКЕ

Непросто представить, что было время, когда
внутри меньшего по размеру и более интегриро-
ванного сообщества казалось «неестественным»
наживаться на нуждах других и считалось само собой
разумеющимся, что в неурожайные годы цены на
жизненно необходимые товары должны оставаться
на обычном уровне.

«Не заграждай рта волу, когда он молотит». Прорыв новой политической экономии свободного рынка был одновременно и крахом старой моральной экономики снабжения. Все, что от нее осталось после войн, – это благотворительность и Спинхемлендская система⁶¹. Моральная экономика простонародья умирала дольше: ее подхватили первые кооперативные мельницы, некоторые оуэнисты, после чего она годами теплилась где-то в недрах Кооперативного оптового общества. То, что мы так долго позволяли себе принимать урезанную «экономистскую» картину продовольственного бунта как прямого, «спазматического», иррационального ответа на голод, является одним из симптомов ее окончательной кончины. Картину, которая сама по себе является продуктом политической эко-

⁶⁰ См.: MINTZ S. *Internal Market Systems as Mechanisms of Social Articulation // Intermediate Societies, Social Mobility and Communication*. Seattle: University of Washington Press, 1959; IDEM. *Peasant Markets // Scientific American*. 1960. Vol. 203, № 2. P. 112–122.

⁶¹ Система социальной поддержки бедняков в случае, если их заработок оказывался ниже прожиточного минимума. Принята в 1795 году в английском городе Спинхемленде, отменена в 1834-м из-за упреков в многочисленных махинациях, связанных с занижением зарплаты работников работодателями для получения денег из городского бюджета. Считается прообразом так называемого «безусловного базового дохода». – *Примеч. перев.*

номии, умаляющей представления о человеческой реципрокности до «денежной связи» через заработную плату. Более благородной и авторитетной можно считать оценку шерифа Глостершира в 1766 году. Бунтующие толпы черни, как он писал, совершили много насилия, «порой из бездумной жестокости и склонности к крайностям, но в других случаях это были акты мужества, мудрости и справедливости, весьма последовательные в своих намерениях достичь того, на что они открыто претендовали»⁶².

Перевод с английского Вадима Салиева

62 Дэллоуэй, 20 сентября 1766 года (P.R.O. P.C. 1/8/41).

Отовсюду и куда угодно: как писать историю грамотности и письменности в России раннего Нового времени

АНДРЕЙ
КОСТИН

«**W**orauf sich erhebt»¹ – абсолютно техническая, проходная и автоматическая конструкция, на которой дыбится несущий каркас, центральный механизм теории Маркса – резюмирующий пассаж из предисловия к «К критике политической экономии» (1859):

«Вся совокупность производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором воздвигается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»².

Намеренно индустриальная метафора фундамента и возведенной над ним постройки преследовала у Маркса эмансипаторные и даже открыто более революционные цели: доказать, что идеальные, непосредственно нематериальные произведения правящих классов буржуазного общества – лишь производная от реального материального труда подлинно трудящихся; и, обосновав диспозицию сторон в этом споре о причинах и следствиях, произвести глобальный социальный переворот, который обеспечил бы в людских сообществах справедливое распределение ценностей и результатов труда. Вместе с тем, чтобы выстроить эту революционную теорию, Маркс вынужден опереться на – как самоочевидный, аксиоматичный, бесспорный – оборот (способ говорить, *Redensart*), вполне определенно фиксирующий «верх» и «низ» и наделение их метафорическими (социальными) значениями.

Это вполне техническое решение проецирует все разнообразие социальных позиций на градиент, располагающийся на одномерном векторе, соответствующем вектору земного притяжения. Писать «историю снизу» – значит оставаться в рамках той же одномерной векторной проекции.

Андрей Костин
(р. 1978) – историк литературы, ассоциированный исследователь лаборатории ILCEA4 Университета Гренобль-Альпы.

¹ На чем поднимается, растет, взмывает, вздымается (нем).

² MARX K. *Zur Kritik der Politischen Ökonomie*. Berlin: Franz Duncker, 1859. S. V. Здесь и далее перевод, если не оговорено иное, мой. – А. К.

Интересно заметить, что вполне материальная и даже индустриальная реальность мира конца 1850-х, в котором Маркс формулировал свою теорию базиса и надстройки, располагала явлениями, для описания которых вектор пришлось бы откладывать в обратном направлении. Отведенные слугам верхние этажи роскошных зданий на проложенных бароном Османом парижских бульварах, где магазины, рестораны и лучшие апартаменты располагались внизу. Концентрация рабочего и бедного населения в сравнительно труднодоступных, плохо интегрированных в транспортную, санитарную и энергетическую инфраструктуру возвышенных городских районах (от парижского Монмартра в десятилетия вокруг Парижской коммуны до фавел Рио). Развитие архитектуры мостов – каркасных и подвесных, – в которых надежность основного полотна все более начинала зависеть не столько от *опор*, сколько от *несущих конструкций*, располагавшихся *над* поверхностью, по которой передвигались транспорт и люди. Специфичная североамериканская языковая разметка растущих индустриальных городов на «верхнюю» и «нижнюю» части (*up/downtown*), где центр коммерческой и административной жизни сосредотачивался «внизу». В эту игру можно играть бесконечно.

Ассоциация «угнетенных», «субалтернов» (оба понятия пропитаны до краев все той же метафорикой гравитационно детерминированных верха и низа) с определенным набором позиций на векторе земного притяжения совершенно условна, как и с любой другой позицией в любом другом *n*-мерном пространстве. Возьмем, например, так важную для ядерного века, русского формализма или социолингвистических моделей Пале-Рояля (французского двора Людовика XIV) метафору центра/ядра и периферии. Конечно, индустриальный город склонен обрести кольцо фабрик, транспортных узлов и рабочих жилых кварталов – но за ними может расположиться другое кольцо, вполне буржуазных или аристократических дач и усадеб. Что из них более «маргинально»? «Деревня» может быть увидена не только как локус аграрного производства, но и (как это было тысячами и остается до сих пор) как пространство, куда удаляется городской/дворцовый житель, чтобы переизобрести себя и свой созданный городом/двором мир. Империя не знает границ и проявляется на колониальном фронтире, возможно, более явно, чем в метрополии. Писать «историю снизу» – значит накладывать на любое пространство и время единую гомогенную систему координат, единую масштабную линейку, предполагать за ними единую геометрию и физику. Все это вполне продуктивно, и у такой истории есть свои достоинства. Стоит, однако, помнить, что подобный детерминизм ограничен, что существует разнообразие позиций,

проекций и способов представления пространства и времени. «История отовсюду и куда угодно» может оказаться не менее продуктивной и полезной, чем «история снизу».

АНДРЕЙ КОСТИН

ОТОВСЮДУ И КУДА УГОДНО:
КАК ПИСАТЬ ИСТОРИЮ...

* * *

Например, для истории грамотности, которая – на горизонте нескольких последних столетий – может быть увидена в глобальном масштабе как «история всего», проекция всех, или во всяком случае основных, социальных процессов на поддающийся относительно простой и надежной формализации и квантификации параметр, изменения которого возможно проследить на обширных пространственных и временных сериях. Дьявол, естественно, кроется в деталях. Историки грамотности, работающие с полевым материалом, хорошо знают, что относительность простоты и надежности их метрик – фильтр, скрывающий данные, не соответствующие и прямо опровергающие основные тенденции; «малые» и «незначительные» статистические колебания, вырисовывающие жизнь, очень существенно отличающуюся от той, что видна через красивые ровные графики, отрисованные на массовых данных. В хороших работах по истории грамотности методические разделы, описывающие эти несоответствия и частности, настолько разрастаются, что становятся едва ли не их основным содержанием³.

Иными словами, ответ на вопрос о «грамотности» популярный прошлого напрямую зависит от идеологически не нейтрального решения в интерпретации самого понятия «грамотности», его объема – от выбора точки отсчета, системы измерения, масштаба.

Грамотность в Российской империи XVIII века – в период, около которого здесь начала складываться централизованная система учебных заведений, – с этой точки зрения достаточно показательна. Мы знаем об этом предмете достаточно, чтобы осознавать, что простой истории о нем написано не будет. Речь идет о культуре, где грамотность (умение читать и писать) наделялась иной ценностью и понятийно размечалась в иных, чем у нынешних горожан/академиков, координатах. Эта разметка предполагала многомерное разнообразие навыков и состояний там, где мы склонны видеть одномерный градиент между «полной неграмотностью» (невозможностью узнать содержание зафиксированного письменностью текста), и тем, что современная школьная методика называет «полной функ-

3 Особенно показательно см. в: FURET J., OZOUF J. *Lire et écrire: l'alphabétisation des français de Calvin à Jules Ferry*. Paris: Minuit, 1977; Tóth I.G. *Literacy and Written Culture in Early Modern Central Europe*. Budapest, 2000.

циональной грамотностью» (умение понять, письменно создать сложный и объемный аргументированный текст, оперирующий и конкретными, и абстрактными понятиями). В этом разнообразии грамотностей были важны и формы коллективного чтения и пересказа, и делегирования чтения и письма, механизмы которых мы все еще плохо понимаем.

Достаточно принять в качестве рабочего инструмента готовую систему координат, зафиксировать «грамотность» в определенной точке – и все эти знания о многомерности и разнообразии взаимодействия людей с их и чужими письменностями как бы отходят на задний план, размываются, а на передний выступает тот самый одномерный градиент, стремящийся к варианту поляризованной бинарной оппозиции: «грамотные/безграмотные». Так тончайший знаток своего предмета в наиболее актуальном проблемном обзоре истории грамотности и чтения в России долгого XVIII века резюмирует ее, по сути, одним емким эпитетом: «свидетельства – и старые, и новые – склоняются с огромным перевесом в сторону “пессимистичного взгляда”». Трюк – именно в установлении точки отсчета и системы координат. Взгляд «пессимистичен», потому что «общий уровень грамотности (как бы его ни определять) в Московии и Российской империи был поразительно низким»⁴. Достаточно определить «грамотность» – и вопрос о ней располагается на шкале, где возможны «оптимизм» и «пессимизм», причем положительными качествами наделяется именно обладание грамотностью.

Вместе с тем возможно, как кажется, подойти к вопросу с позиций, которые исключали бы эту строгую, клонящуюся в том числе к эмоциональной вовлеченности, детерминированность. Прежде всего – признать себе, что в истории российской грамотности предпозапрошлого столетия мы сталкиваемся с аномалиями, «серыми зонами», трудно объяснимыми, если исходить из стандартов нашего современного взгляда. Можно, например, вполне уверенно говорить, что во многих сообществах не только не существовало прямой связи между социальным статусом ее члена и его грамотностью, но что эта связь была обратной. То есть не просто выборные должности могли заниматься людьми, предположительно не умеющими ни читать, ни писать, но более того – эти люди с наибольшей вероятностью могли избираться к исполнению наиболее ответственных, требующих максимального коллективного доверия функций, между тем как «грамотным» отводились технические, вспомогательные позиции. Или – во многих семьях умеющим писать фиксируется только один человек, причем скорее кто-

⁴ MARKER G. *The Eighteenth Century: From Reading Communities to the Reading Public // Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*. Milano: Ledizioni, 2020. P. 88–89.

то из младших, чем старших, братьев⁵. Или – одну из ключевых позиций в управлении наращивающим бюрократическую машину государством занимает человек, о котором полагают, что он не умеет ни читать, ни писать (вариант – минимально способен к этому)⁶. Или – в обширном однородном комплексе источников обнаруживается, что самые длинные и синтаксически сложно устроенные подписи оставляют женщины из самых непривилегированных групп (дочери крепостных), между тем как самые короткие, ограничивающиеся именем и фамилией, – женщины из самых влиятельных семей (титованная знать; жены, дочери и вдовы мужчин с чинами не ниже полковничьего или гвардейских офицеров), о которых надежно известно, что они вполне функционально грамотны⁷. И так далее.

АНДРЕЙ КОСТИН

ОТОВСКОДУ И КУДА УГОДНО:
КАК ПИСАТЬ ИСТОРИЮ...

Достаточно принять в качестве рабочего инструмента готовую систему координат – и все знания о многомерности и разнообразии взаимодействия людей с их и чужими письменностями как бы отходят на задний план, а на передний выступает одномерный градиент, стремящийся к варианту поляризованной бинарной оппозиции: «грамотные/безграмотные».

На мой взгляд, использовать для всего этого разнообразия раздражающей нас «серой зоны» зонтичные термины вроде «полуграмотность», «минимальная грамотность» или даже «полунеграмотность» – значит пытаться замаскировать пропасть

- 5 Критическую проблематизацию вопроса о крестьянской грамотности в России раннего Нового времени см.: Голубинский А.А. *Грамотность крестьянства Европейской России по материалам полевых записок генерального межевания*. Дисс. [...] к.и.н. М., 2011; Парфеня М.И. *Об уровне и роли грамотности в мирском самоуправлении иркутского и верхотурского уездов в последней четверти XVII века* // *Quaestio Rossica*. 2025. Т. 13. № 2. С. 612–632.
- 6 См. спор о грамотности Александра Меншикова – ведущийся, несмотря на данные, достаточные для того, чтобы признать его умеющим читать и писать: Беспятых Ю.Н. *Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность*. СПб., 2005. С. 14–46; Павленко Н. *Был ли А.Д. Меншиков грамотным?* // *Наука и жизнь*. 2006. № 3. С. 69–75; Беспятых Ю.Н. *О терминах «дворяне» и «шляхта» в России при Петре I (К полемике по поводу грамотности и происхождения А.Д. Меншикова)* // *Петербургский исторический журнал*. 2015. № 2. С. 263–284; Marker G. *The Eighteenth Century...* Р. 93, 96. Подробнее о контексте, в котором в источниках появляются всегда не нейтральные свидетельства о неграмотности Меншикова, см.: Filipova H. *«On the Portrait of His Human-Turd Serene Highness»: Villainous Myth of Alexander Menshikov and the Early Modern Tradition of Othering* // *Karolinska förbundets årsbok*. 2026 (forthcoming).
- 7 Упомянутый комплекс женских подписей – рукоприкладства в брачных обысках и документах Москвы 1770-х – начала 1800-х см. в: Центральный государственный архив Москвы. Ф. 2121–2126. Оп. 3. Ср.: «ксему обыску фступающая / възаконное супружество отпущенная вечно наволю / сотпускнуо отгоспожи вдовы аграфены федоровны / савеловой крепостная ее дворовая девка аграфена / васильева дочь ерохина что всилу обыска кбраку / сочетанию препятствующих причинь неимею фтомъ / употписуюсь» (Ф. 2123. Оп. 3. № 1. Л. 17); «елизавета папова» (Ф. 2121. Оп. 3. № 184. Л. 59; записано вдовой полковника; вариант ее же развернутого рукоприкладства – Там же. Л. 51).

собственного незнания или грубость нашего исследовательского аппарата. Аналитический язык – продукт исследования и определяет исследование зачастую вне интенций автора. Так, «полуграмотность» (*semiliteracy*) – в целом вполне валидный механизм, не раз позволявший относительно нюансированно анализировать эмпирические данные, введшийся именно в целях этой нюансировки как подчеркнуто технический, нейтральный термин⁸. Проблема, однако, в том, что самой своей конструкцией он делает именно «грамотность» положительным вариантом нормы со всеми последующими эффектами (см. выше). Можно между тем говорить о разнообразии письменных культур (*graphodiversity*, по аналогии с *biodiversity*) прошлого без опоры на эту норму. Таким был, например, взгляд Стивена Джастиса на английское восстание 1381 года как на форму взаимодействия крестьян с письмом – в книге, обходящейся вовсе без «полуграмотности»⁹. Или – не менее показательно – в работе Фюре и Озуфа о грамотности и школе во Франции XVI–XIX веков, где «полуобучение грамоте» (*demi-alphabétisation, demi-instruction*) поминается только для описания обучающих институтов, но не учеников, или же термин «полунеграмотные» (*semi-illettrés*) вводится только для оценки статистики, в противном случае игнорировавшей бы принципиальную разницу между (а) не умеющими читать и писать вовсе и (б) все же обучившимися чтению¹⁰. Опыт английского перевода этой книги, где для передачи намеренно инклюзивного разнообразия терминов¹¹ использована гомогенизирующая «полуграмотность»¹², показывает, что тонкая нюансировка сбивается при автоматизированном чтении и мешает критической работе.

Именно из-за несоответствия «грамотностей» прошлого нашим критериям нет смысла надеяться, что когда-либо мы сможем получить квантифицированные данные о «грамотности» в России раннего Нового времени, которые выстроились бы в стройные однородные статистические серии на долгих временных отрезках и с репрезентативным региональным разнообразием. Внимание к конкретным кейсам, индивидуальным и коллективным (если это различие здесь вообще имеет смысл), не только честнее, но и продуктивнее. Доступ к тексту

8 CLANCHY M.T. *From Memory to Written Record: England, 1066–1307*. Cambridge, 1979; STOCK B. *The Implications of Literacy: Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries*. Princeton, 1983; MARKER G. *Literacy and Literacy Texts in Muscovy: A Reconsideration* // *Slavic Review*. Vol. 49. № 1. P. 74–89; ГОЛУБИНСКИЙ А.А. Указ. соч.

9 JUSTICE S. *Writing and Rebellion: England in 1381*. Berkeley; Los Angeles; London, 1994.

10 FURET J., OZOUF J. *Lire et écrire...*

11 Методические замечания о проблеме нейтрального языка применительно к истории грамотности см. в: Ibid. P. 24–25.

12 IDEM. *Reading and Writing: Literacy in France from Calvin to Jules Ferry*. New York: Cambridge University Press, 1982.

и письму в России XVIII века был шире и разнообразнее, чем любая общая оценка «грамотности», стремящаяся к единому коэффициенту или к кривой графика, которую дадут нам не только гипотетические экстраполяции позднейших данных¹³, но и самый тщательный обсчет отдельных – сколь угодно обширных – комплексов рукоприкладств или авторизованных записей в книгах. Без признания этого обстоятельства нам грозит – в духе политического языка второй половины XVIII века – воспринимать «безгласными» крепостных крестьян и вообще крестьян, детей, стариков, женщин, ограниченно дееспособных, иноверцев и иностранцев, башкирских сотников и хантыйских или эвенкийских князей и князцов.

АНДРЕЙ КОСТИН

ОТОВСКОДУ И КУДА УГОДНО:
КАК ПИСАТЬ ИСТОРИЮ...

* * *

Что в России долгого XVIII века значило быть «полностью функционально грамотными»? Сочинять стихи? Торжественные речи? Составлять тексты, определяющие настоящее и будущее империи или решающие проблемы и обеспечивающие жизнь и выживание (лучшую жизнь и лучшее выживание) – собственное, своей семьи, своей общины? Можно ли в целом отграничить «чисто утилитарное письмо» от «полностью функционального»? Как многое останется между ними после того, как мы проведем эти границы?

Один из подходов к ответам на эти вопросы мне видится в том, чтобы не только увидеть чрезвычайную размытость границ и взаимную зависимость между «поэзией» и юридическим, административным, деловым письмом¹⁴, но и максимально расширить репертуар письменных обиходов, тексты которых не наделялись бы характеристиками «безграмотных».

По меньшей мере до 1750–1760-х из всех русских изданий гражданской печати именно законы были тем типом текстов, обращение с которыми создавало в империи русское «воображаемое сообщество». Дело не только в том, что именно им с 1714 года была обеспечена наиболее широкая сеть распространения. В конце концов, сама по себе рассылка печатных указов по присутственным местам всей страны (многим – во всяком случае в первой половине XVIII века – все равно приходилось довольствоваться рукописными списками)¹⁵ вовсе не

13 См. не теряющую актуальности работу: МИРОНОВ Б. Н. *Развитие грамотности в России и СССР за 1000 лет: X–XX вв.* // *Studia Humanistica* 1996. Исследования по истории и филологии. СПб., 1996. С. 24–46.

14 Костин А. А. *Вымыслы поэтические и преступные: литература среди других институций письма* // *Институты литературы в Российской империи*. М.: Высшая школа экономики, 2023. С. 74–97.

15 О фронтальном отношении печатного и письменного бюрократического текста в России раннего Нового и Нового времени, в том числе об официальных рукописных списках печатных указов см.: FRANKLIN S. *The Russian Graphosphere, 1450–1850*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 148–149, 178–179, 230–234.

гарантировала, что их будут читать, перечитывать, помнить и использовать все или почти все. Более показательным мне видится следующее обстоятельство. Данные крестьянских челобитных 1740–1760-х показывают¹⁶, что в центре их законодательной аргументации оказывались или относительно недавние (2–4 года) указы, или указы позднего Петровского времени, 1713–1725 годов. Это явление пытались объяснить тем, что крестьяне списывали в канцеляриях нужные им указы или покупали отдельные листовые издания (что случалось и было обычным не только для крестьян). Полагаю, однако, что нет оснований искать для крестьян и грамотных крепостных путей знакомства с текстами законов, существенно отличных от других социальных групп. Петровские «указная книга» (1739) и «уложение с регламентом» (1737)¹⁷, впоследствии многократно переиздававшиеся и остававшиеся основными печатными сводами российского законодательства вплоть до начала XIX века, были центральными (далеко впереди всех остальных) «хитами» академической типографии в 1740-е и главным результатом коллективных трудов Российского собрания¹⁸. Книгами, кото-

16 Раскин Д.И. *Использование законодательных актов в крестьянских челобитных середины XVIII в. (материалы к изучению общественного сознания русского крестьянства)* // История СССР. 1979. № 4. С. 179–192; ср.: Алефиренко П.К. *Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII в.* М., 1958. С. 296–297; Иванов П.В. *Социально-политические представления помещичьих крестьян в России 40–60-х гг. XVIII в.* // Ученые записки Курского государственного педагогического института. 1967. Вып. 37. Ч. 1. С. 3–62; Он же. *Социально-политические представления монастырских крестьян в России 40–60-х гг. XVIII в.* // Там же. 1967. Вып. 43. Ч. 1. С. 3–57; Покровский Н.Н. *Жалоба уральских заводских крестьян 1790 г.* // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979. С. 155–182.

17 «Уложение по которому суд и росправа во всяких делах в Российском государстве производится, сочиненное и напечатанное при владении его величества государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея России самодержца в лето от сотворения мира 7156», включавшее в том числе и Генеральный регламент (первое академическое издание – 1737; академические переиздания – 1748, 1759, 1776, 1778(?), 1780, 1788, 1790, 1792, 1796, а также сенатские – 1779, 1804, 1820). «Указы блаженные и вечнодостоинные памяти государя императора Петра Великого самодержца всероссийского, состоявшиеся с 1714, по кончину его императорского величества, генваря по 28 число, 1725 году. Напечатаны по указу всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Анны Иоанновны самодержицы всероссийской» (первое издание – 1739; впоследствии – 1751(?), 1777, 1780, после 1793, 1799); собраны с использованием печатавшихся ранее, в 1737–1738 годах, погодных «копий указов». В 1743 году были изданы также (на основе свода, изданного после смерти Екатерины I) «Указы блаженные и вечнодостоинные памяти великой государыни императрицы Екатерины Алексиевны и государя императора Петра Второго, состоявшиеся с 1725 генваря с 28 числа по 1730 год. Напечатаны по указу всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийской» (первое издание – 1743; впоследствии – 1753(?), 1777, 1780, после 1793).

18 В Петербурге рубежа 1730–1740-х никакие другие издания Академии наук по читательскому спросу нельзя было сопоставить с выходившими здесь сборниками законов. Вербальное мастерство гражданского закона (и его непосредственная связь с жизнью читателей) занимало центр в структуре чтения изданий гражданской печати. Стихотворство жалось на периферии, в конце «длинного хвоста» (Костин А.А. *Открытость поля поэзии, или Поэзия как товар* // *Институты литературы в Российской империи*. М.: Высшая школа экономики, 2023. С. 63–72). Основным занятием Российского собрания – официального органа, отвечавшего в конце 1730-х за экспертизу в области чистоты русского языка, – была подготовка к печати базового законодательного кодекса, Соборного уложения 1649 года. После 1742 года, когда один из членов триумvirата, возглавлявшего Российское собрание (Василий Адодуров), станет руководить Герольдмейстерской канторой, а другой (Федор Эмме) возглавит Юстиц-коллегию лифляндских и эстляндских дел,

рые с равным интересом, вниманием и пользой не только *использовали*, но и собственно *читали*, создавая на их основе собственные конструкции политической и правовой реальности и новые отстаивающие их тексты, представители всех социальных групп, имеющих доступ к русскому письму.

Последнее обстоятельство нужно подчеркнуть особо. Крестьяне (текстуальные сообщества крестьян, организованные делегированной грамотностью)¹⁹ указы именно читали – что предполагало нетривиальные интерпретативные и герменевтические процедуры, конструирование картины мира и создание собственных, отстаивающих групповые и индивидуальные права текстов, а также ответного официального законодательства, исключающего выявляемые низовыми движениями многозначности интерпретации²⁰.

В качестве аргументов крестьянские челобитные использовали не только «утилитарные», предписывающие норму, резолютивные разделы указов, но также их преамбулы, предлагающие контекстуализацию конкретных норм через генерализованный дискурс общественной пользы, солидарности и защиты²¹. Подобная работа с преамбулами могла при этом принимать, например, такие формы, когда полномочия по защите угнетенных, делегировавшиеся в исходном указе сенаторам как «сынам отечества», присваивались челобитчиком себе и *любому* подданному императрицы²².

Искусное и неожиданное прочтение указа грамотным интерпретатором – как в целом, так и его фрагмента, обособленного от контекста, – привлекало публику и могло становиться

АНДРЕЙ КОСТИН

ОТОВСКОДУ И КУДА УГОДНО:
КАК ПИСАТЬ ИСТОРИЮ...

это сообщество распадётся. Комментарии Василия Татищева к «Судебнику Иоанна Васильевича», работа над которыми начиналась в связи с трудами Собрания 1730-х, будут напечатаны лишь в 1768 году. Другие комментарии Татищева к законам останутся лишь в рукописи. О важных здесь обстоятельствах истории Российского собрания см.: Костин А.А., Костина Т.В. «Русский автор» в 1739 году: Г.З. Байер, И.И. Тауберт и формирование русского школьного канона // *Словѣне = Slovène*. 2019. № 2. С. 184–192.

19 Сток В. *Op. cit.* P. 88–92; JUSTICE S. *Op. cit.* P. 33–35.

20 КАФЕНГАУЗ Б.Б. *История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: опыт исследования по истории уральской металлургии*. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 374–386; Алефиренко П.К. *Указ. соч.* С. 296–297; Бернадский В.Н. *Очерки из истории классовой борьбы и общественно-политической мысли России в третьей четверти XVIII века // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А.И. Герцена*. Л., 1962. Т. 229. С. 41, 53–60; Иванов П.В. *Социально-политические представления помещичьих крестьян...; Он же. Социально-политические представления монастырских крестьян...; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века*. М., 1972. С. 351–352; Покровский Н.Н. *Указ. соч.*; Раскин Д.И. *Использование законодательных актов...; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма*. Новосибирск, 1982. С. 453–454; Пихоя Р.Г. *Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII–XVIII вв.)*. Свердловск, 1987. С. 32–33, 36–37, 39–52, 64–69, 74–78, 96–98, 100–108, 124–173, 221–224; Громыко М.М. *Мир русской деревни*. М., 1991. С. 240–243; Львов А.Л. «Первое учение отроком» Феофана Прокоповича и генезис русского сектантства // *Русская литература*. 2008. № 1. С. 159–170; Он же. *Русские иудействующие как текстуальное сообщество: о границах применимости этноконфессиональных категорий // Этнографическое обозрение*. 2009. № 6. С. 73–86.

21 Иванов П.В. *Социально-политические представления помещичьих крестьян... С. 26–27, 38–40, 57–60; Он же. Социально-политические представления монастырских крестьян... С. 38–39, 48–51; ср. также работы Александра Преображенского и Давида Раскина из предыдущей сноски.*

22 Он же. *Социально-политические представления помещичьих крестьян... С. 38–39.*

источником протестного движения. Человек, сообщавший, что нашел способ толковать указы о размежевании так, «якобы все монастырские вотчины отписаны на Ея императорское величество» (то есть крестьяне из крепостных монастырских сделаны государственными), был способен, как крестьянин Троице-Сергиевой лавры Давид Кононов в 1758 году, собрать на ярмарке аудиторию в полторы тысячи человек²³, что соответствует большому городскому театру.

Искусное и неожиданное прочтение указа грамотным интерпретатором – как в целом, так и его фрагмента, обособленного от контекста, – привлекало публику и могло становиться источником протестного движения.

Работа и перформанс подобного толкователя указа гомологичны тому, что предлагал своим последователям учитель новой «хорошей веры» – ср., например, сведения о действовавшем в Люберцах и Москве Павле Петрове, наставления которого в конце 1760-х оказались импульсом для возникновения скопческой веры. Отодворец Степан Сопов – единственный из всех ее последователей, допрошенных в рамках следствия о них в Орловском духовном правлении в 1772 году, кому было разрешено совершить паломничество к этому Христу, – так описывал начало встречи:

«ево Петрова в тот [...] дом привезли, где, кланяясь ему, целовали ево Петрова руку, где он Петров протолковал им всем: когда де в церкви поют *тело Христово примите*, это де надобно петь *дело Христово примите*, а не *тело*, источника *безсмертнаго в сердцах закуситя* [а не “безсмертнаго вкусите”. – А.К.], и многия штуки толковал»²⁴.

Искусное чтение указа, как и священного текста, предполагало подобные же «штуки» (термин, равным образом употребляемый для описания искусства акробата, фокусника или ювелира). Не стоит полагать при этом, что такое фрагментирующее чтение «наивно» или имеет «народный» характер. Рассматривая эти практики, стоит обратить внимание не только на то, что в зависимости от ситуации и задач крестьяне могли переходить мнимую (выражающуюся в терминологическом различии

23 Алефиренко П.К. Указ. соч. С. 207–208; Иванов П.В. Социально-политические представления монастырских крестьян... С. 42. Чтение Кононова было основано на пунктах 3, 5 и 6 главы 9 Инструкции о межевании 1754 года и на указе об управлении монастырскими именными 6 октября 1757 года (Полное собрание законов Российской империи. № 10237, 10765).

24 Высоцкий Н.Г. Первый скопческий процесс. Материалы, относящиеся к начальной истории скопческой секты. М., 1915. С. 58.

нии «полуграмотных» и «образованных») черту между чтением «выхваченных из контекста слов и выражений» и чтением, сверяющимся «с достаточно крупными фрагментами и даже с главными темами услышанного/прочитанного текста»²⁵, но и на то, что «фрагментирующее», «выхватывающее из контекста» чтение и связанные с ним параноидальные интерпретативные режимы (*cavillatio*, *subtilitas*, *sophisticatio*, *fictio legis* – способы обращения с законом, одновременно, со времен по меньшей мере римского права, подвергающиеся гонению и запрету и определяющие мастерство юриста-эксперта)²⁶ на протяжении всего XVIII века, обнаруживаются в самом центре русской элитарной культуры – будь то практика обращения с мелкими цитатами от Стефана Яворского и Феофана Прокоповича до Карамзина, или монструозные переводы Сумарокова, или режим интерпретативного сомнения, установленный сатирическими журналами 1769 года, или изощренные интерпретации администрациями Академии наук и Московского университета их уставов для введения образовательных форм, не предусмотренных или прямо противоречащих полному тексту указа, или использование законодателями и судами «филологических ошибок» для закрепощения крестьян и ограничения им возможностей защиты прав на основе указов, не предполагавших расширяющего правоприменения²⁷. Различие «верного» и «наивного» толкования схоже с разницей – по Макс Вайнрайху – между языком и диалектом: на стороне одного из них оказываются армия, флот (и суд), и любые другие их отличия мнимы.

АНДРЕЙ КОСТИН

ОТОВСКОДУ И КУДА УГОДНО:
КАК ПИСАТЬ ИСТОРИЮ...

* * *

Правление императрицы Елизаветы вместе с новыми моделями публичности, построенными на «литературных» моделях,

25 Львов А.Л. «Первое учение отроком»... С. 169; ср.: CHARTIER R. *Culture as Appropriation: Popular Cultural Uses in Early Modern France // Understanding Popular Culture: Europe from the Middle Ages to the Nineteenth Century*. Berlin; New York; Amsterdam, 1984. P. 234.

26 MACLEAN I. *Interpretation and Meaning in the Renaissance: The Case of Law*. Cambridge, 1992. P. 135–158.

27 Живов В.М. *Из церковной истории времен Петра Великого: исследования и материалы*. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 77–114; Ларионов О.А. А.М. Кутузов в 1790 году: чтение, авторство, публичность // *Slavica Revalensia*. 2023. № 10. С. 71–83; Костин А. Монструозные варианты Сумарокова: замечания к истории чтения, образования и перевода в России XVIII века // *Language and Education in Petrine Russia: Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*. Firenze, 2024. P. 307–342; Он же. Крестик, черточка, точка: учебные пособия Академии наук 1730-х годов и их прусские контексты // *Русско-немецкие контакты в детской литературе XVIII–XX вв.* СПб.: Росток, 2020. С. 56–58; Костина Т.В. Преподавание в российских университетах XVIII в.: не «только на латинском и русском» // *Cahiers du Monde russe*. 2022. Vol. 63. № 2. P. 527–542; Ключевский В. *Курс русской истории*. Ч. 5. М., 1937. С. 133–137; БЕРНАДСКИЙ В.Н. Указ. соч. С. 33–34; ИВАНОВ П.В. *Социально-политические представления помещичьих крестьян*... С. 32–37; Он же. *Социально-политические представления монастырских крестьян*... С. 34–36; КАМКИН А.В. *Правосознание государственных крестьян второй половины XVIII в. (на материалах Европейского Севера)* // *История СССР*. 1987. № 2.

создающихся публичными «профессиональными» литераторами²⁸, создавало условия для того, чтобы сделать мастерство судебного или канцелярского языков невидимым. Между тем еще в 1760-е именно юридический язык мог мыслиться основой, из которой должен собираться язык национальный, главным образцом²⁹. В «Наказе» 1767 года (статья 158) Екатерина II настаивает на том, что в России законодательные книги должны занять в практике обучения (и в целом, и мастерству языка в частности) место рядом с церковными книгами и букварем. С законодательным текстом связано неожиданное для «Наказа» упоминание эстетического читательского опыта императрицы: «Слог Уложения блаженной памяти Царя Алексея Михайловича по большей части ясен, прост и краток; с удовольствием слушаешь, где бывают из оного выписи» (статья 457; курсив мой. – А. К.)³⁰. Екатерину русскому языку учил готовивший прежде «Уложение» к изданию Василий Адоодуров – не имеем ли мы здесь свидетельство в том числе о том, как было устроено обучение? Судя хотя бы по тому, что даже

28 Осповат К. *Придворная словесность. Институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века*. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

29 Полагаю, что для оценки изменений в отношении к печатному слову и словесной экспертизе в России середины XVIII века, основные векторы которых были связаны с маргинализацией церковного печатного узуса, с ограничением доступа к легальной защите прав для «непросвещенных» групп населения и с инструментальным, «гувернаментальным» использованием «литературы» «просвещенными» элитами (процессы, отразившиеся в том числе в прекращении традиции церковной азбуки-восьмилистки к концу 1760-х, в переходе в качестве стандарта от церковных к гражданским букварям и во введении в элементарные учебные пособия фрагментов из новых «авторов»), следует всерьез отнестись к свидетельствуемому у самых разных социальных групп этого времени отношению к печатному закону как к буквально сакральной сущности. Дело не только в метафорическом политическом аппарате элит или в фундированных аргументах крепостных челобитных (Покровский Н. Н. *Указ. соч.* С. 160), но и во вполне материальном отношении к церковным практикам, стирающим различие между религиозными священными текстами и законодательством, проявившемся в серии наказов депутатам 1767 года. «Просим при всех церквях быть ученым священником для проповеди и утверждения во исповедание веры закона Божия, а во отвращение злых дел, також и в знании законов ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, от чего будет в том всенародная полза [...] а дьячкам и понамарям обучать крестьянских мужеска полу детей от семи лет грамоте и писать на содержании отцов их, от чего впредь, упователно, подлой народ просвещенной разум иметь будет»; «Вкоренить в сердца наши страх, чтоб помнили Бога и закон ево, а зависить оное не от иного чего, ежели бы мы имели священников достойных [...] просим, ис какова б звания священники ни были, указать посвещать знающих ученых людей, от коих бы народ, видя их достоинство и хорошее поучение, почювствовать о своей жизни могли, и чрез то б доказали установленной закон ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА» (*Культура и быт дворянства в провинциальной России XVIII века* / Науч. ред. О. Глаголева, И. Ширлє. М., 2021. Т. 3 («Провинциальное дворянство второй половины XVIII века по материалам Уложенной комиссии 1767–1774 годов: документы и материалы»). С. 327, 203).

30 Ср. исходную черновую запись, добавленную к первоначальному конспекту «Наказа»: «le stile de l'уложение la plupart du tems est clair, net, concis, [j] on l'ecoute toujours avec plaisir [qu] quand [j'en] on en entend citer ses passage persone n'est trompé au sens de ce qu'il entend [et elle es] [simple pl] [comprend aisement] [la plus] les termes en sont a la porté du plus simple» (*Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения Екатерины II. Первоначальный конспект наказа. Источники. Переводы. Тексты* / Изд. подг. Н. Ю. Плавинской. М., 2018. С. 125). О «ясности» языка законов в представлении Екатерины II и о ее представлениях о том, как законодательные тексты должны встраиваться в процесс обучения, см.: Бабкова Г. О. *Понятия «криминальный» и «уголовный» в проектах по обновлению уголовного права и процесса Екатерины II // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского*. М., 2014. С. 161–206.

в 1780-е в комплексе учебных пособий Янковича де Мириево актуальная русскоязычная литература не играла заметной роли (в отличие от находящегося на стыке паремии и законодательства свода «О должностях человека и гражданина»), процесс съедания канцелярского/судебного мастерства «литературным» был долгим.

В 1747–1748 годы Академия наук заказала Тредиаковскому перевод «Аргениды» Баркляя, издала «Телемака» Фенелона в переводе казенного вместе с Вольнским Андрея Хрущева, «Две эпистолы» и трагедии Сумарокова, «Басни Эзоповы» в переводе Сергея Волчкова и ломоносовскую «Риторику», теоретически обосновывавшую допустимость и значимость всех этих поэтических вымыслов. Русская словесность начала приобретать черты привычной нам «литературы». К началу 1760-х сочинения Ломоносова и Сумарокова заняли место среди самых ценных изданий Академии наук (мало на какие другие академические книги устанавливались сопоставимые наценки относительно себестоимости издания)³¹. Это не значило, однако, что в диспозиции образцовых языков канцелярия уступила место кабинету поэта. Как было сказано, в «Наказе» (статья 158) Екатерина II проявляла заботу не о все еще маргинальной «литературе», а о доступности – за счет низкой отпускной цены – букварей и сборников законов (того типа изданий, которые находились в центре читательского интереса в 1740-е). То же требование было повторено в наказе в Уложенную Комиссию от «Главной полиции»³². Замечу, что Екатерина II (здесь – ученица Монтескьё) предлагает в обоснование такой модели вербального мастерства вполне республиканскую озабоченность:

«Когда гражданин не может сам собою узнать следствий, сопряженных с собственными своими делами и касающихся до его особы и вольности, то будет он зависеть от некоторого числа людей, взявших к себе в хранение законы и толкующих оные. Преступления не столь часты будут, чем большее число людей уложение читать и разуметь станут» (статья 158).

Взаимодействие «народа» («публики») с публичным словом пошло, однако, по другим путям. Следствием развития «литературы» (образования в вербальном мастерстве, все менее заин-

АНДРЕЙ КОСТИН

ОТОВСКОДУ И КУДА УГОДНО:
КАК ПИСАТЬ ИСТОРИЮ...

31 Костин А.А. *Открытость поля поэзии...* С. 70–72.

32 «373. Церковных и учебных книг, також и законов военных и гражданских дорогою ценою продавать запретить, и единственно такую ценою, чтоб только типография в напечатании убытку иметь не могла, дабы каждый за дешевую цену мог те необходимо нужные книги иметь.

374. Гражданских и военных законов по книгам учить при словесных науках, обще с законами о вере, дабы с младенчества каждому умеющему грамоте все права известны были» (*Наказы депутатам от присутственных мест в Комиссию о сочинении проекта Нового уложения // Сборник Российского исторического общества*. 1885. Т. 43. С. 357; наказ подписан Н. Чичериным, И. Молчановым, С. Щербаковым, М. Шварцем и Ф. Студенским).

тересованного в юридическом и канцелярском языке) оказалось отделение большинства читающих и пишущих и от «взявших к себе в хранение законы», и от профессиональных литераторов. Вторая половина XVIII века видела лишь начало этого процесса.

Эксперты рубежа XVII–XVIII веков, имевшие дело прежде всего с оформлением текущей, изменяющейся, всегда индивидуальной реальности в слова, вариативные и ситуативные при всей своей формульности – мастер «площадного письма» (*écrivain publique*, «ябедник», «сутяга»), боярский «человек, который за делами ходит», монастырский стряпчий, работник³³ канцелярии (приказа, избы; частной, общественной или казенной) – профессионалы не только регистрирующего «письма», но и вербального, и перформативного «вымысла» – к концу XVIII века оказались вытеснены (по меньшей мере в тех мирах, где ощущалась аура государственного авторитета) профессионалами иного рода. Русская «литература» конца XVIII столетия монополизировала звание «писателя» за умеющими предоставить книжному рынку определенный товар: печатные книги гражданской печати, предлагающие в словах универсальные формулы нравственных истин, социально одобряемых аффектов и соответствующие им воображаемые миры.

Эта пересборка поля вербальной экспертизы – подносившаяся на эмансипаторной риторике всеобщего разума и равенства – оказалась на деле чрезвычайно элитаристской и эксклюзивной. Уже к концу XIX века представления о «народе» как феномене, сущностно отделенном от мира пишущих, стали воздухом, которым эти пишущие, мало об этом задумываясь, дышали³⁴. Век советских авангардных проектов 1920-х по созданию из массово обученных грамоте новых пролетариев «органической» интеллигенции – не столько «писателей», сколько пишущих в непосредственной связи со своей (производственной) реальностью³⁵ – оказался недолог. Они провалились, как кажется, не в последнюю очередь оттого, что и сами активисты этих проектов, и принимавшие рядом с ними административ-

33 Использую это привычное для современного языка слово, несмотря на то, что в русском языке конца XVII – начала XVIII века использование слова «работник» для разговора об интеллектуальном труде было по меньшей мере не нейтральным (Жуковская А. В. *Служить бы рад, работать тошно: к истории бюрократии Московского государства и ранней Российской империи (из «картотеки мотивов») // Памяти А. М. Пескова*. М.: РГГУ, 2013. С. 94–108).

34 Вдовин А. *Загадка народа-сфинкса Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права*. М.: Новое литературное обозрение, 2024.

35 Пособия по писательскому мастерству 1920-х в основном воспроизводили старые модели, предполагающие навязывание «белому листу» писателя-пролетария готовых форм «литературы», хотя левая критика требовала отказа от этой модели и обращения к «органическому» письму (Калинин И. *Между фабрикой и музеем: риторика для пролетариата // Новое литературное обозрение*. 2023. № 4. С. 23–45). Между тем существовали и методики, прямо направленные на выработку письменного мастерства из минимальной повседневной практики (см., например: ПАЛЕЙ И. Р. *От станка к книге. Вып. 1. Год лабораторной работы по родному языку (толковое чтение, наблюдение над языком, правописание и развитие речи) /* Ред. грамматич. части и предисл. А. М. Пешковского. М.: Мир, 1925).

ные решения не до конца верили в то, что различие «писателей» и «народа» сконструировано (в том числе историей классового угнетения и борьбы). Я полагаю, что любая работа по истории Российской империи возможна только при условии деконструкции этого различия и внимание к русскому письму XVIII столетия за границами «литературы» – инструмент, который может быть здесь использован наиболее эффективно.

АНДРЕЙ КОСТИН

ОТОВСЮДУ И КУДА УГОДНО:
КАК ПИСАТЬ ИСТОРИЮ...

* * *

В предложенных соображениях о том, как может писаться ранненоввременная и нововременная история российской письменности, есть одна опасность. Они могут быть увидены как призыв к старому доброму «миру наизнанку», замене «истории сверху» «историей снизу». Как любой обоснованный исследовательский прием, этот ход не был бы нерезультативным, однако он оставил бы слишком многое в стороне.

Дело не в том, чтобы заменить внимание к «привилегированным группам» вниманием к «угнетенным». «История отовсюду» видит на месте этого поляризованного контраста детализированное полихромное разнообразие, где подобная оппозиция оказывается лишь одним из измерений и возможных инструментов. Социальное разнообразие популяций прошлого было слишком большим, чтобы довольствоваться в работе с ним простыми оппозициями.

Дело не в том, чтобы заменить внимание к «привилегированным группам» вниманием к «угнетенным». «История отовсюду» видит на месте этого поляризованного контраста детализированное полихромное разнообразие, где подобная оппозиция оказывается лишь одним из измерений и возможных инструментов.

Было бы неверно, например, не только не различать российских крестьян и крепостных долгого XVIII века по имущественным критериям (много-, мало- и безземельные крестьяне читали законы по-разному и формулировали в челобитных и наказах разные требования)³⁶, но и по семейной, и социальной истории, и по хозяйственным функциям³⁷. Идентичности смешивались, накладывались и разбегались. Люди, писавшие че-

36 Камкин А.В. *Правосознание государственных крестьян...* С. 163–173.

37 Боярченко В. *Социальные стратегии дворовых людей в зеркале судебных дел Екатерининской эпохи* // Cahiers d'histoire russe, est-européenne, caucasienne et centrasiatique. 2024. Vol. 65. № 3-4. P. 559–592.

лобитные от имени крестьянского общества и руководившие их движением по инстанциям, не обязательно должны были быть заняты в физическом аграрном или промышленном труде, даже если они входили в то же общество. Для многих общин по меньшей мере некоторых регионов (Заонежье, Нижний Новгород, Поморье) в XVII – начале XVIII века складывалась система, в которой ключевые позиции в выборном управлении волостью занимали представители семей священно- и церковнослужителей³⁸. В 1740-х в северных деревнях (конкретный пример – объединявшая 25 деревень Дмитриевская волость на реке Устье, притоке Ваги) крестьянское общество («соцкий со товарищи») могло нанимать из своей среды для «юстицких дел» («писать с указов копии и ответствовать против указов и поставшую ведомость и всякие юстицкие дела»; «ручити всякие юстицкие и мирские дела») профессионалов письма – «пищика» и «ручника» с такой сословной историей: «Павел Аверкиев Попов был сыном местного пономаря, записанный при очередной ревизии в государственные крестьяне [...] после заключения [...] порядного письма [на должность пищика] он исполнял эту должность 40 лет»³⁹. Схожее происхождение было у Леонтия Травина – потомственного крепостного работника большой частновладельческой канцелярии, благодаря своим письменным и административно-хозяйственным трудам сумевшего получить вольную, ставшего личным дворянином-чиновником в Опочке и записавшего сыновей в гвардейские полки. Несмотря на то, что в своей рассказывающей эту фантастическую историю автобиографии Травин последовательно отрицает участие в составлении крестьянских челобитных, окружавшие его люди столь же последовательно сомневались и обвиняли его в этом; не вполне понятно, насколько можно доверять той или другой стороне, но текст Травина определенно показывает солидарность с крестьянскими требованиями⁴⁰. Челобитные, находившиеся в центре крестьянских волнений на калужских заводах Николая Демидова в начале 1750-х, составлялись в том числе потомственным крепостным, управляющим имениями князей Ромодановских Иваном Петровым Блиновым, и 17-летним «писцом» Моисеем Прокофьевым, упоминаемым документами в том числе как «помещика их человек» и «калмык»⁴¹, – в последнем

38 Соколова Н.В. *Сельская община и церковный приход в Нижегородской монастырской вотчине XVII – первой половины XVIII вв.* // Мининские чтения: материалы научной конференции. Нижний Новгород, 2003. С. 126–138; Суслова Е.Д. «Волостной нобилитет» Заонежских погостов во второй половине XVII в.: к вопросу о родственных связях и социальном происхождении // Научный диалог. 2015. № 12(48). С. 339–351.

39 Камкин А.В. *Крестьянский мир на Русском Севере*. Вологда: Русь, 1995. № 8–11.

40 *Записки Л.А. Травина* [Публ. Л. Софийского] // Труды Псковского археологического общества. Вып. 10. 1913–1914 г. Псков, 1914. С. 37–129.

41 *Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII веке* / Ред. Б.Д. Греков. М.; Л., 1937.

случае речь идет о грамотном придворном человеке Демидова, «чужом» по отношению к крестьянскому миру, с которым он работал, о калмыцком рабе, купленном в Сибири, «ясыре»⁴². Об экспертизе, предлагавшейся подобными профессионалами письма, можно судить по письмам Михаила Мирзина – бывшего (до 1744 года) старообрядца, избранного в 1753 году монастырскими крестьянами Шацкого уезда для «суда и расправы». После составления челобитной на высочайшее имя в том же году Мирзин руководил отправившимися с ней в Петербург ходоками, давая им наставления как по корректировке текста, так и по выбору тактики подачи. Ближайший аналог этих наставлений – советы отца к сыну, содержащиеся в семейной переписке стряпчих суздальского Покровского девичьего монастыря Белиных 1673–1674 годов⁴³.

Говоря обо всех этих мастерах письма и людях, прибегавших к их помощи, услугам и посредничеству, стоит учитывать, что, да, возможно, их мастерство часто лучше всего видно нам в критических ситуациях острого и открытого конфликта или применения насилия. Между тем в «нормальной» ситуации их навыки применялись скорее всего в зоне, более спокойной⁴⁴. И все же практика использования письма могла создавать ситуации, одной стороной воспринимавшиеся как вполне бесконфликтные и нейтральные или эмансипаторные, но одновременно они могли приводить к неожиданным эффектам угнетения на другой стороне. «История отовсюду» должна быть равно внимательна к любой из этих ситуаций.

В том числе стоит помнить, например, что административное письмо – инструмент угнетения. Сколь бы ни было письмо продуктом и инструментом (по определению Сильвии Феррары) «неизбывного стремления остаться; связей, объединяющих нас с другими; беседы, что мы ведем сами с собой»⁴⁵, за ним все равно – и в самом далеком историческом прошлом, и в настоящем – можно (и стоит) углядывать те мрачные тона, какие открывает в приходе бюрократической цивилизации Джеймс Скотт в книге «Против зерна»⁴⁶. Людям, прожившим развитие интернета в 1990–2020-х, метаморфозы информационной технологии от свободы к тоталитарному контролю, от

АНДРЕЙ КОСТИН

ОТОВСЮДУ И КУДА УГОДНО:
КАК ПИСАТЬ ИСТОРИЮ...

⁴² О позднейшем приобретении Демидовыми калмыцких рабов-детей см.: Смирнова Т.В. *Приобретение малолетних «инородцев» Н.Н. Демидовым в начале XIX века* // *Тринадцатые Татищевские чтения*. Екатеринбург, 2023. С. 199–204.

⁴³ Раскин Д.И. *Источники по истории общественного сознания русского крестьянства XVIII в.* // Советские архивы. 1983. № 1. С. 48–52; BERELOWITCH A. *Au service du couvent: La correspondance Belin* // *Cahiers du monde Russe*. 2016. Vol. 57. № 2-3. P. 343–369.

⁴⁴ Образец внимательного чтения документов, позволяющий увидеть разные уровни вербального мастерства и письменной экспертизы в том числе на примере самых обыденных документов см.: Швейковская Е.Н. *Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века*. М., 2012.

⁴⁵ FERRARA S. *The Greatest Invention: A History of the World in Nine Mysterious Scripts*. New York, 2019.

⁴⁶ SCOTT J.C. *Against the Grain: A Deep History of the Earliest Agrarian States*. New Haven, 2017.

АНДРЕЙ КОСТИН

ОТОВСЮДУ И КУДА УГОДНО:
КАК ПИСАТЬ ИСТОРИЮ...

творчества к вяжущей рутине известны на собственном опыте. Как бы то ни было, информационная технология остается таковой, и в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации может становиться инструментом эмансипации. В том числе, например, потому что «администрация» или «бюрократия» не монолитная и гомогенная сущность, но гетерогенная структура со своими акторами и механизмами ценностей, внутреннего подчинения, адаптации и сопротивления. Как любой социальный инструмент, информационная технология может использоваться для борьбы, придания сил и персональной ценности, создания групповой идентичности, для чего угодно.

Письмо – технология, лишь ситуативно обретающая социальные смыслы. И «история отовсюду» сможет увидеть, например, в классной комнате среди людей, которые обучаются письму, и тех, кто осознанно стремится к выгодам индоктринации, и тех, кому учеба ломает волю, идентичности и ценности. Равно интересны и те, и те, – и остающиеся к процессу безразличными, больше думая о происходящем за окном, и стремящиеся к новым экспериментам, и задумывающиеся о применении полученного навыка не по назначению, не для укрепления основ, а для их подрыва. Надо быть внимательными к любым текстам и подходить к ним с соответствующими именно им координатами – ведь идеологическая функция языка разлита повсюду, надо только увидеть. Отовсюду и куда угодно.

ТАТЬЯНА
ВОРОЖЕЙКИНА

Венесуэла: от диктатуры к протекторату

Военное вторжение США в Венесуэлу, похищение президента Николаса Мадуро и его жены Силии Флорес поставили многих политиков, гражданских активистов, исследователей в Латинской Америке и за ее пределами перед тяжелой моральной и политической дилеммой. С одной стороны, речь идет об авторитарном режиме, глава которого проиграл президентские выборы 2024 года, но отказался уйти от власти, обрушив тотальные репрессии на тех, кто пытался мирным путем ему противостоять:

«На протяжении двенадцати лет Мадуро терроризировал Венесуэлу. Он украл выборы, а когда люди возмутились этим, его приспешники начали убивать, насиловать и пытать недовольных, надевая им на голову пластиковые пакеты. Его соратники настолько бездарно управляли экономикой и

**ПРЕВРАТНОСТИ
МЕТОДА**

так безжалостно грабили ее, что ВВП страны сократился на 69%. Четверть населения бежала за границу. И экономический коллапс, и исход населения превзошли по масштабу последствия самых кровопролитных гражданских войн»¹.

С другой стороны, мы имеем дело с актом неприкрытого неоколониального вмешательства, за которым стоит убежденность администрации Дональда Трампа в своем праве бомбить, убивать и похищать тех, кого она сочтет угрозой национальной безопасности США. В Венесуэле с предельной последовательностью реализуется принцип «Сила рождает право», и венесуэльский журналист и писатель Борис Муньос формулирует эту дилемму так:

«Мало кто опечалится, увидев Мадуро за решеткой. Однако испытываемое многими облегчение не отменяет того бесспорного факта, что произошедшее также является фактом агрессии против суверенного государства»².

Какой в этой безвыигрышной ситуации должна быть позиция тех, для кого неприемлемы ни деспотизм незаконного и репрессивного режима, провозгласившего себя вершителем «боливарианской революции», ни произвол великой державы, преследующей свои интересы безо всякой оглядки на международное право? Еще более серьезный вопрос касается перспектив Венесуэлы:

начнет ли она после минувших потрясений двигаться к демократии или же ей уготовано будущее сырьевой колонии США, где продолжит править все та же, хотя и отбросившая прежние лозунги олигархия, которая находится у власти последние 27 лет?

Венесуэльская операция 3 января 2026 года стала важнейшей вехой в распаде послевоенного мирового порядка и переходе от силы права к праву силы. Впервые после военной операции в Панаме, состоявшейся в декабре 1989-го – январе 1990 года, Соединенные Штаты осуществили прямое вторжение в латиноамериканскую страну. Тогда казалось, что захват генерала Мануэля Норьегги станет последним актом применения печально знаменитой «доктрины Монро» и что политика наведения вооруженной рукой порядка на центральноамериканском и карибском «заднем дворе» США ушла в прошлое. Еще менее предстанным нечто подобное виделось в отношении Венесуэлы, которая никогда не была объектом таких вторжений.

Однако XIX век торжественно вернулся. Автор новой американской стратегии безопасности, так называемой «доктрины Донро»³, чрезвычайно горд ее первым применением в Западном полушарии. «По моему мнению, то, что мы сделали в Венесуэле, есть идеальный, просто идеальный сценарий», – заявил Трамп в интервью «The New York Times»⁴.

1 *In Donald Trump's World, the Strong Take What They Can* // The Economist. 2026. January 8 (www.economist.com/leaders/2026/01/08/in-donald-trumps-world-the-strong-take-what-they-can).

2 Muñoz B. *Cayó Maduro, pero la democracia aún no llegará a Venezuela* // El País. 2026. 4 de enero (<https://elpais.com/america/2026-01-04/cayo-maduro-pero-la-democracia-aun-no-llegara-a-venezuela.html>).

3 «Поправка Трампа к доктрине Монро» («Trump corollary to the Monroe doctrine»), или, как сам Трамп ее называет, «доктрина Донро» (*Donroe doctrine*), отсылает к принципу, провозглашенному в 1823 году президентом Джеймсом Монро. Его суть состояла в утверждении исключительного права США на политический и экономический контроль в Западном полушарии («Америка для американцев»). Основные положения этой доктрины были повторены и усилены в Стратегии национальной безопасности, принятой администрацией Трампа в декабре 2025 года.

4 Kanno-Youngs Z., Sanger D., Pager T. *Trump Says War Could Last Weeks and Offers Contradictory Visions of New Regime* // The New York Times. 2026. March 1 (www.nytimes.com/2026/03/01/us/politics/trump-iran-war-interview.html).

Обосновывая необходимость вторжения, он полностью отбросил аргументы о защите прав человека и восстановлении демократии, к которым в последние десятилетия не раз прибегали его предшественники на президентском посту. В обращении к нации, прозвучавшем 3 января, Трамп прямо говорит, что военная операция была предпринята для того, чтобы отстоять американские интересы и восстановить исключительный политический и экономический контроль США в регионе:

«Америка больше не позволит иностранным государствам грабить наш народ и вытеснять нас из нашего полушария. [...] В рамках нашей новой Стратегии национальной безопасности американское доминирование в Западном полушарии больше никогда не будет подвергаться сомнению».

Помимо руководства наркокартелями и засылки преступников в Соединенные Штаты, свергнутому Мадуро вменяется в вину то, что «Венесуэла все шире предоставляла свою территорию иностранным противникам в нашем регионе и приобретала наступательные вооружения, которые могли угрожать американским интересам и жизням»⁵. Важнейший из этих интересов – нефть. На протяжении своего выступления Трамп упомянул слово «нефть» пятнадцать раз; при этом слово «демократия» не было произнесено ни разу:

«Венесуэла в одностороннем порядке захватила американскую нефть, американские активы и американские платформы, которые обошлись нам в миллионы и миллионы долларов, и распорядилась ими. [...] Они забрали всю нашу собственность. Это была наша собственность, мы ее создали. Мы создали нефтяную промышленность Венесуэлы благодаря талантам, целеустремленности и мастерству американцев, а социалистический режим украл ее у нас во время правления предыдущих [американских] администраций, применив при этом силу. [...] Отныне] нефтяные компании США, крупнейшие в мире, придут туда, вложат миллиарды долларов, чтобы отремонтировать сильно поврежденную нефтяную инфраструктуру и позволить ей приносить стране деньги»⁶.

Под «страной» Трамп понимает в первую очередь США, хотя и Венесуэлу тоже – партнерство с Соединенными Штатами, «с которыми каждый хочет сотрудничать», сделает ее богатой, независимой и безопасной. США «сами будут управлять Венесуэлой до тех пор, пока не смогут обеспечить безопасный, правильный и разумный транзит».

Иначе говоря, американский президент устанавливает прямую опеку над суверенной страной и объявляет, что готов терпеть новые власти лишь до тех пор, пока они выполняют указания США. При этом Трамп дал понять, что в дальнейшем распространит этот подход на все Западное полушарие, будущее

5 Цит. по: *Transcript: President Trump Discusses the Capture of Nicolás Maduro in Venezuela, Washington, 2026, January 3* (www.democrats.senate.gov/newsroom/trump-transcripts/transcript-president-trump-discusses-the-capture-of-nicolas-maduro-in-venezuela-10326).

6 Ibid. Нефтяная промышленность Венесуэлы, включая объекты добычи, переработки и транспортировки нефтепродуктов, была национализирована в 1976 году при президенте Карлосе Андресе Пересе (1974–1979). Тогда же была создана государственная нефтяная компания «Petróleos de Venezuela» (PDVSA). В середине 1990-х президент Рафаэль Кальдера разрешил американским «ExxonMobil», «ConocoPhillips», «Chevron» участвовать в разведке и добыче тяжелой нефти в бассейне Ориноко при обязательном миноритарном участии PDVSA. В 2007 году правительство Уго Чавеса поставило все иностранные концессии под свой контроль, доведя обязательную долю PDVSA до 60%, вынудив иностранные компании передать ей часть своих долей (и лишиться тем самым права принимать ключевые операционные решения). Активы отказавшихся следовать новым правилам «ExxonMobil» и «ConocoPhillips» были полностью национализированы без компенсации. Именно это имеет в виду Трамп, рассуждая о захвате и грабеже американской нефти.

которого «будет определяться [нашей] способностью защитить торговлю, территорию и ресурсы, являющиеся ядром национальной безопасности»⁷. Вполне недвусмысленно, без демократических и правовых обиняков провозгласив неоколониальную стратегию, Трамп, как показали последующие события в Венесуэле и за ее пределами, собирается неуклонно ее выполнять. По сути дела он отстаивает безусловное право Соединенных Штатов вторгаться в любую страну континента и менять в ней власть, если та будет сочтена угрозой для национальной безопасности и государственных интересов США. Эта стратегия ставит всю Латинскую Америку в совершенно новую и крайне опасную ситуацию, но одновременно это тревожный знак и в отношении самих США:

«Когда гегемон отказывается от легитимности, остается только сила. Подобное, как предупреждал Фукидид, не является символом власти – это симптом упадка. Трамп считает, что он продемонстрировал силу. На самом деле он подтвердил нечто гораздо более серьезное: США уже не предлагают нормы, легитимность и перспективу – они предъявляют лишь способность причинять вред. И когда это все, что им остается, упадок уже не гипотеза, а свершившийся факт»⁸.

Военное вторжение стало кульминацией политического и экономического давления, которое оказывалось американцами на венесуэльский режим в течение последнего десятилетия. В 2015 году, после жестокого подавления Мадуро протестных выступлений, Барак Обама объявил Венесуэлу «угрозой национальной безопасности» США и поручил ми-

нистерству финансов заморозить собственность и активы семи руководителей органов безопасности режима, ответственных за нарушения прав человека и убийства демонстрантов.

Придя к власти в 2017 году, Трамп резко ужесточил эту политику: на следующий день после выборов в Конституционную ассамблею Венесуэлы⁹, результатов которых США, как и большинство западных стран, не признали, против Мадуро были введены персональные санкции. В 2018-м министерство финансов США наложило санкции на все высшее руководство Венесуэлы, включая первую леди и депутата Национальной ассамблеи Силию Флорес, министра обороны Владимира Падрино Лопеса, вице-президента Делси Родригес, ее брата Хорхе Родригеса – ныне председателя Национальной ассамблеи, а в то время министра коммуникации и информации. Второе лицо режима, Дьосдадо Кабельо, в 2018 году возглавлявший Конституционную ассамблею, попал под американские санкции за коррупцию и отмывание денег через государственную нефтяную компанию PDVSA. В январе–феврале 2019-го администрация Трампа, добиваясь отставки Мадуро в пользу Хуана Гуайдо, провозглашенного оппозиционным составом Национальной ассамблеи президентом страны, заморозила американские активы PDVSA и запретила американским компаниям осуществлять какие бы то ни было операции с венесуэльской нефтью, газом, золотом и другими полезными ископаемыми.

В марте 2020 года государственный департамент США назначил вознаграждение в 15 миллионов долларов за ин-

7 Ibid.

8 MARTÍNEZ-BASCUÑÁN M. *Lo que muere en Caracas* // El País. 2026. 3 de enero (<https://elpais.com/opinion/2026-01-03/lo-que-muere-en-caracas.html>).

9 Подробнее см.: ВОРОЖЕЙКИНА Т. *Венесуэльская беда* // Неприкосновенный запас. 2024. № 4(156). С. 195–208.

формацию, касающуюся местопребывания Николаса Мадуро. Кроме того, по 10 миллионов долларов было обещано за сведения о Дьосдадо Кабельо и Тареке Эль-Ассами, занимавшем пост министра промышленности и национального производства Венесуэлы, а также о двух отставных генералах, один из которых ранее возглавлял военную контрразведку DGCIM. «Занимая ключевые должности режима Мадуро, эти лица нарушили общественное доверие, содействуя поставкам наркотиков из Венесуэлы, включая как контроль над самолетами, которые взлетали с венесуэльской авиабазы, так и обеспечение маршрутов наркоторговли, проходящих через венесуэльские порты», – говорилось в официальном заявлении государственного департамента¹⁰. Таким образом, на протяжении своего первого срока администрация Трампа, сохраняя санкции за нарушение демократических процедур и прав человека, наращивала обвинения верхушки режима в наркоторговле и «наркотерроризме».

Администрация Джо Байдена начала постепенно ослаблять экономическое давление, выдав в 2023 году «Chevron» и еще нескольким международным компаниям лицензии на добычу, переработку и продажу венесуэльской нефти в обмен на договоренность правительства с оппозицией о проведении в 2024-м честных выборов. Поскольку Мадуро, как было ему свойственно, своих обязательств не выполнил и остался у власти, несмотря на колоссальный и очевидный электо-

ральный подлог¹¹, США отказались от временной отмены нефтяных санкций («Chevron», впрочем, продолжила работу в Венесуэле). В январе 2025 года, после того как Мадуро в третий раз вступил на пост президента, Байден повысил вознаграждение за информацию о нем до 25 миллионов долларов. Трамп, снова оказавшись в президентском кресле, увеличил сумму вдвое, доведя ее до 50 миллионов долларов. На этот раз Мадуро был предъявлены обвинения в том, что «уже больше десяти лет он является лидером “Cartel de los Soles”, ответственного за ввоз наркотиков в Соединенные Штаты». 25 июля 2025 года министерство финансов объявило эту организацию «особо опасным глобальным террористом»¹².

3 января 2026 года, после того как Трамп объявил о захвате Мадуро, генеральный прокурор США Памела Бонди обнародовала официальные обвинения. Кроме Мадуро и Флорес, в число обвиняемых по этому делу попали министр внутренних дел Дьосдадо Кабельо, бывший министр внутренних дел Рамон Родригес Часин, сын Мадуро, Николас Мадуро Герра, а также Эктор Герреро Флорес, предполагаемый глава наркокартеля «Tren de Aragua». Все они обвиняются в содействии незаконному обороту наркотиков, получении выгоды от связанной с наркоторговлей коррупции, незаконном владении оружием, а также сотрудничестве с наркотеррористическими группами по всей Латинской Америке¹³.

10 *Press Statement by Michael R. Pompeo, Secretary of State. Department of State Offers Rewards for Information to Bring Venezuelan Drug Traffickers to Justice.* 2020. March 26 (<https://2017-2021.state.gov/department-of-state-offers-rewards-for-information-to-bring-venezuelan-drug-traffickers-to-justice/>).

11 См.: Ворожейкина Т. *Венесуэльская беда – 2* // Неприкосновенный запас. 2024. № 5(157). С. 170–181.

12 *Press Statement by Marco Rubio, Secretary of State. Reward Offer Increase of Up to \$50 Million for Information Leading to Arrest and/or Conviction of Nicolás Maduro.* 2025. August 7 (www.state.gov/reward-offer-increase-of-up-to-50-million-for-information-leading-to-arrest-and-or-conviction-of-nicolas-maduro).

13 *United States District Court Southern District of New York. United States of America v. Nicolas Maduro Moros, Diosdado Cabello Rondon, Ramon Rodriguez Chacin, Ciliz Adela Flores de Maduro, Nicolas Ernesto Maduro Guerra,*

Характерно, что вместо «Cartel de los Soles», в чьем существовании сомневаются не только исследователи данного явления, но и американские разведывательные агентства, в официальном обвинении появился вполне реальный «Tren de Aragua», с которым американское правосудие стремится связать Мадуро. Операция по захвату президента Венесуэлы юридически была представлена как «правовое принуждение» и формально осуществлялась управлением по борьбе с наркотиками – без санкции Конгресса США, для подобных случаев необязательной.

Операции по захвату Мадуро предшествовало сосредоточение военно-морских сил США в Карибском море и на входе в восточную часть Тихого океана. С августа по октябрь 2025 года американское южное командование разместило здесь эсминцы, атомные ударные подводные лодки, 150 истребителей морского базирования и ударных вертолетов, десантные суда на воздушной подушке, беспилотные летательные аппараты и около 10 тысяч личного состава. Главной силой группировки стал авианосец «Джеральд Форд», появившийся у побережья Венесуэлы в начале ноября. Вся эта военная мощь была предназначена, согласно официальным заявлениям, для пресечения наркоторговли. В рамках операции было уничтожено 41 плавсредство, включая катера и миниподлодки, убито более полутора сотен человек, которые *a priori* были объявлены наркоторговцами, хотя в на-

стоящее время уже известно, что среди погибших были и рыбаки из Колумбии, Эквадора, Тринидада-и-Тобаго¹⁴.

Крупнейшая с 1989 года демонстрация силы, предпринятая США в Карибском море, должна была вынудить Мадуро добровольно уйти в отставку. Американцы требовали этого и напрямую, и через посредников. 21 ноября 2025 года Трамп и Мадуро поговорили по телефону. Американский президент, согласно источникам «The New York Times», «сердечно общался» со своим собеседником на протяжении пятидесяти минут. В результате Мадуро решил, что у него есть время для переговоров, а наращивание американской военной мощи в Карибском море – лишь тактика давления, призванная принудить его к сделке.

Дальнейшие события показали, что он неверно интерпретировал разговор с Трампом и, как следствие, переоценил свои силы. Через несколько дней Мадуро получил однозначное предупреждение: уходить нужно немедленно. Оно было доставлено бразильским бизнесменом Жосли Батистой, накануне встречавшимся с государственным секретарем США Марко Рубио, который дал ясно понять, что Соединенные Штаты хотят, чтобы венесуэльский лидер заключил с ними сделку и покинул страну. Мадуро воспринял это как ультиматум, крайне резко отреагировал на саму мысль об отставке и опять отмахнулся от американской угрозы:

a/k/a “Nicolásito”, a/k/a “The Prince”, and Hector Rusthenford Guerrero Flores, a/k/a “Niño Guerrero” (www.justice.gov/opa/media/1422326/dl).

- 14** См.: MARTÍN M. *Uno de los dos supervivientes de los bombardeos de Trump en el Caribe: «Papi, para esto mejor haberse muerto»* // El País. 28 de febrero (<https://elpais.com/america-colombia/2026-02-28/uno-de-los-dos-supervivientes-de-los-bombardeos-de-trump-en-el-caribe-papi-para-esto-mejor-haberse-muerto.html>); VIDAL LYI M. *Dos familias de Trinidad y Tobago demandan a Estados Unidos por las muertes de sus familiares en ataques a narcolanchas* // El País. 28 de enero (elpais.com/america/2026-01-28/dos-familias-de-trinidad-y-tobago-demandan-a-estados-unidos-por-las-muertes-de-sus-familiares-en-ataques-a-narcolanchas.html).

«Это был просчет, удивительный для автократа, который неоднократно обыгрывал своих противников, удерживаясь у власти вопреки проигранным выборам, массовым протестам, военным заговорам и покушениям»¹⁵.

Вместо ожидаемой американцами капитуляции Мадуро вышел на улицу, желая продемонстрировать собственную власть. Он начал практически ежедневно появляться на специально организованных публичных мероприятиях, развлекая собравшихся песнями и танцами, скандируя лозунги на преувеличенно ломаном английском языке. Решение США назначить Мадуро «наркотеррористом», лично возглавляющим два картеля, озадачило венесуэльского президента. Он увидел в нем намеренное преувеличение, которое, по его мнению, скрывало более прагматичные мотивы¹⁶.

Когда Трампу показали видео с пляшущим Мадуро, президент США, по свидетельству очевидцев, был явно раздражен: он воспринял это как насмешку, что еще больше склонило его к военному вмешательству. Мадуро со своей стороны не мог даже вообразить масштабной атаки на Каракас. Он был уверен, что его армия, оснащенная дорогостоящим китайским и российским оружием, сможет нанести американцам такие безвозвратные потери, которые сделают политическую цену нападения неприемлемой. Ведь даже операция 1989 года по захвату Мануэля Норьеги – главы несоизмеримо меньшей, чем Венесуэла, страны – обошлась США в 26 погибших. Мадуро, как говорили близкие к нему люди, понимал, что американцы постараются завербовать союзников среди

чиновников и военных, но в лояльности ближнего круга и структур безопасности он не сомневался. Он со все большим подозрением относился к прагматичной Делси Родригес, которая в последние годы усиливала контроль над государственными финансами, оттесняла конкурентов и добивалась увеличения иностранных инвестиций. К моменту падения Мадуро она совмещала посты вице-президента, министра углеводородов, а также министра экономики, финансов и внешней торговли – иначе говоря, *de facto* стала всесильным премьер-министром при слабеющем президенте. И тем не менее Мадуро никогда всерьез не рассматривал возможность своей отставки, игнорируя растущее давление США, советы посредников (Турции и Омана), завуалированные обращения некоторых его приближенных и родственников. До самого конца он отказывался поверить, что Трамп именно в нем видел главную проблему; венесуэльскому президенту казалось, что на самом деле Трампу нужна какая-то экономическая уступка¹⁷. (В последнем Мадуро, как выяснилось позже, не ошибся.)

23 декабря 2025 года Белый дом сделал лидеру Венесуэлы последнее предложение. По просьбе Вашингтона турецкое правительство сообщило Мадуро, что в случае его отъезда из страны Соединенные Штаты не станут преследовать его самого, ни накладывать арест на его активы и имущество. (При этом Турция как место возможного изгнания не обсуждалась.) Надо признать, что это было весьма странное условие, учитывая серьезность обвинений, предъявленных Мадуро. Человеку,

15 KURMANAEV A., MARTINEZ M., PAGER T. *The Fall of a Strongman: Inside Maduro's Last Days in Power* // The New York Times. 2026. February 25 (www.nytimes.com/2026/02/25/world/americas/maduro-venezuela-us-capture-trump.html).

16 Ibid.

17 Ibid.

который, по словам Трампа, возглавлял сразу два наркокартеля и лично руководил множеством наркотеррористов, засылаемых на территорию США, предлагалось покинуть страну, сохранив при этом все полученные преступным путем богатства. Одно из двух: либо американская администрация сама не верила в обоснованность собственных обвинений, которые при всех связях чавистского режима с наркоторговлей выглядят фантастическими, либо это была очередная попытка договориться, реализовав главный принцип, положенный Трампом в основу внешней политики США.

Отказ Мадуро от американского предложения запустил непосредственную подготовку к его захвату. 30 декабря Делси Родригес встретила с Мадуро и попыталась донести до него масштаб грозящего стране экономического коллапса, спровоцированного блокадой США. К тому времени администрация Трампа уже рассматривала вице-президента в качестве потенциального партнера, хотя никаких свидетельств того, что она была в курсе плана Пентагона, нет. Мадуро же был полон решимости противостоять давлению Вашингтона, но времени для этого уже не оставалось. На рассвете 3 января 2026 года американские военные самолеты и вертолеты атаковали четыре венесуэльские военные базы и на территории одной из них, Форта Тиуна, преодолев сопротивление президентской охраны, состоявшей из кубинцев и венесуэльцев¹⁸, захватили

Мадуро и его жену. Характерно, что ближайшему окружению Мадуро нападение США казалось настолько маловероятным, что обстрел Форта Тиуна был воспринят как начало военного переворота, а не интервенции.

Родригес в это время, как и многие другие высшие венесуэльские чиновники, проводила новогодние каникулы на курортном острове Маргарита в Карибском море. Через несколько минут после захвата ей позвонили по телефону и сообщили, что, если она откажется сотрудничать, Пентагон немедленно начнет новую серию ударов по Венесуэле. Потребовав и, по-видимому, получив доказательства того, что Мадуро жив, Родригес согласилась и на частном самолете вылетела в Каракас, где объявила, что принимает на себя обязанности временного президента страны. Спустя два дня Мадуро предстал перед федеральным судьей в Нью-Йорке на предварительных слушаниях по обвинению в наркоторговле. «Я президент Венесуэлы, – сказал он, – и считаю себя военнопленным»¹⁹.

Бравада Мадуро накануне и после его захвата выглядит жалко на фоне колоссального военного и политического поражения чавизма в противостоянии США. В течение нескольких месяцев США наращивали военное присутствие в Карибском море, но венесуэльская армия в момент вторжения обнаружила полную неготовность отразить его. В чем же причина столь легкой победы американцев, которым удалось без единой потери²⁰

18 Кубинское правительство признало гибель 32 своих граждан, входивших в президентскую гвардию Мадуро. Кабелью объявил о 100 погибших в результате американского вторжения, включая военных и гражданских. По данным правозащитных организаций, число погибших 3 января венесуэльцев составляет 42 военных и 2 гражданских. См.: ALONSO J.F. *“No me dieron ninguna explicación de cómo murió”: qué se sabe de los militares y los civiles venezolanos muertos durante los ataques de EE.UU* // BBC News Mundo. 2026. 7 de enero (www.bbc.com/mundo/articles/cqj2v8507kdo).

19 KURMANAEV A., MARTINEZ M., PAGER T. *Op. cit.*

20 Выступая на канале «Fox News» утром 3 января, Трамп сообщил об одном американском вертолете, который получил серьезные повреждения, но смог вернуться на базу, и семи раненых американских военнослужащих: BARNES J., PAGER T., SCHMITT E. *Inside “Operation Absolute Resolve”: The U.S. Effort to Capture*

за два с половиной часа захватить президента Венесуэлы и главнокомандующего ее вооруженными силами? (Даже в Панаме Норьега сопротивлялся две недели.) Почему бездействовала венесуэльская система ПВО, которой так гордились Чавес и Мадуро? Почему так быстро было подавлено сопротивление – если оно вообще оказывалось – со стороны личной охраны Мадуро (операция американского спецназа по пленению Мадуро после того, как была взорвана дверь в его убежище в Форте Тиуна, заняла пять минут)?²¹

Исчерпывающие ответы на эти вопросы будут, наверное, получены позже, когда эти события станут историей. Пока же объяснительные схемы варьируют между военными и политическими аспектами поражения. 22 января Трамп объявил, что в Венесуэле применялось «секретное звуковое оружие»²². Его пресс-секретарь Кэролайн Ливитт опубликовала в своей соцсети высказывание неназванного президентского гвардейца, охранявшего Мадуро:

«Это было похоже на очень сильную звуковую волну. Внезапно я почувствовал, что моя голова взрывается изнутри. У всех нас пошла носом кровь. Некоторых рвало кровью. Мы упали на землю и не могли пошевелиться»²³.

Поскольку независимых доказательств применения такого оружия в Венесуэле предъявлено не было, не исключено, что подобные заявления носят пропагандистский характер и обнародованы главным образом ради

вывода, к которому приходит цитируемый венесуэльский офицер:

«Я посылаю предупреждение всем, кто думает, что может воевать с Соединенными Штатами. Они не представляют себе, на что американцы способны. После того, что довелось увидеть, я больше не хочу оказаться на другой стороне. С ними нельзя связываться»²⁴.

Вопрос о причинах бездействия венесуэльской системы ПВО представляется не менее важным. По мнению специалистов, опрошенных «The New York Times», Венесуэла оказалась неспособной поддерживать и использовать как С-300 – одну из самых передовых систем ПВО в мире, – так и зенитные ракетные комплексы «Бук». Все это вооружение было закуплено еще Чавесом в 2009 году, но для его поддержания в рабочем состоянии требовалось постоянное обслуживание, которое не осуществлялось в течение многих лет. Некоторые компоненты ПВО на момент американского нападения находились в хранилищах и не были приведены в боевую готовность. Многолетняя коррупция, плохая логистика, американские санкции привели к деградации противовоздушной обороны Венесуэлы. «То была цепочка ошибок, которая позволила Соединенным Штатам действовать с легкостью, столкнувшись с очень низкой угрозой со стороны венесуэльской системы ПВО». Попытки отдельных венесуэльских военных использовать против американских вертолетов переносные зенитные комплексы «Игла» были быстро пресечены. «Некомпетентность вене-

Maduro // The New York Times. 2026. January 3 (www.nytimes.com/2026/01/03/us/politics/trump-capture-maduro-venezuela.html).

21 Ibid.

22 *Trump Reveals "Secret Sonic Weapons" Used to Capture Maduro During Raid* // Firstpost America. 2026. January 22 (www.youtube.com/watch?v=HcBpBNevMcs).

23 См.: <https://x.com/PressSec/status/2009997866425897308>.

24 Ibid.

суэльской военной, по всей видимости, сыграла большую роль в успехе США», – подытоживает газета²⁵.

Столь прозаические причины катастрофы, как коррупция и расхлябанность, не были восприняты общественным мнением ни в Венесуэле, ни за ее пределами. Поэтому главной версией сокрушительного провала венесуэльской армии, главнокомандующего которой удалось захватить практически без сопротивления, стало предательство. Под подозрение попала вся верхушка чавистского режима: вице-президент Делси Родригес, ее брат, спикер парламента Хорхе Родригес, министр внутренних дел Дьосдадо Кабельо, министр обороны Владимир Падрино Лопес. Делси Родригес, которую Верховный суд Венесуэлы 3 января назначил исполняющей обязанности президента, была главным контрагентом администрации Трампа. В своем выступлении Трамп заявил:

«Марко [Рубио] непосредственно с ней работает. Он только что с ней говорил, и она, по существу, согласна сделать все, что мы считаем необходимым, чтобы Венесуэла снова стала великой [*make Venezuela great again*]. Очень просто»²⁶.

Первое официальное обращение Делси Родригес в новом качестве в целом носило примирительный по отношению к США характер. В нем не было упоминаний об агрессии американского импе-

риализма, нарушении международного права или разграблении природных ресурсов, характерных для чавистских лидеров в течение четырех месяцев предшествующего противостояния с США:

«Мы приглашаем правительство Соединенных Штатов к совместной работе над программой сотрудничества, ориентированной на совместное развитие в рамках международного права и укрепление прочного взаимного сосуществования»²⁷.

Вместе с тем, принося присягу в Национальной ассамблее, Родригес говорила о Мадуро как о законном президенте страны:

«Меня наполняет боль за те страдания, которые принесла народу Венесуэлы агрессия против нашей родины, за похищение двух наших героев – президента Николаса Мадуро и нашего бойца Силии Флорес»²⁸.

В первые дни и недели после вторжения Родригес старалась пройти по тонкой грани: объявляя о своей готовности сотрудничать с американской администрацией и не называя агрессора по имени, она в то же время подчеркивала свою преемственность по отношению к похищенному лидеру боливарианской революции. Ее контроль над чавистским движением был отнюдь не гарантирован, особенно после многократных заявлений Трампа о том, что она готова выполнять его указания. В середине января была опубликована видеозапись

25 ABI-HABIB M., SCHMITT E., TRIEBERT C., BARNES J. *Russia's Fearsome Arsenal Fizzled in Venezuela. Here's Why* // The New York Times. 2026. January 12 (www.nytimes.com/2026/01/12/world/americas/venezuela-russian-weapons-fail.html).

26 *Transcript: President Trump Discusses the Capture of Nicolás Maduro in Venezuela...*

27 MARTÍN M., VIDAL LIY M. *Delcy Rodríguez llama a la cooperación con Estados Unidos mientras Trump exige "acceso a todo" en Venezuela* // El País. 2026. 5 de enero (<https://elpais.com/america/2026-01-05/delcy-rodriguez-llama-a-la-cooperacion-con-estados-unidos-mientras-trump-exige-acceso-a-todo-en-venezuela.html>).

28 Официальный титул жены венесуэльского президента – *primera combatiente* («первый боец» в женском роде). MARTÍN M., SINGER F. *Delcy Rodríguez se instala en el poder en una Venezuela sin Maduro y a la sombra de Trump* // El País. 2026. 5 de enero (<https://elpais.com/america/2026-01-05/delcy-rodriguez-se-instala-en-el-poder-en-una-venezuela-sin-maduro-y-a-la-sombra-de-trump.html>).

встречи тогдашнего министра коммуникаций с активом правящей Единой социалистической партии Венесуэлы (Partido Socialista Unido de Venezuela), на которой ведущий подносит телефон к микрофону, и слышен голос Родригес, призывающей собравшихся сохранять единство и говорящей о том, как тяжело ей брать на себя ответственность в таких обстоятельствах.

«Угрозы начались с той минуты, когда они похитили президента. Они дали Дьосдадо, Хорхе и мне пятнадцать минут, чтобы ответить, или они убьют нас. [...] Сначала они сказали нам, что Николас Мадуро и его жена убиты, а не похищены, и мы ответили, что готовы разделить ту же судьбу. [...] Мы придерживаемся этого заявления и по сей день, потому что угрозы и шантаж не прекращаются, и мы должны действовать терпеливо и стратегически осмотрительно, с очень четкими целями, братья и сестры».

Также Родригес назвала три основных цели нового руководства: сохранить мир, освободить взятых американцами заложников, сохранить политическую власть²⁹.

Желание любой ценой удержать власть, которое со времен Чавеса лежало в основе политики венесуэльского режима, – важнейший фактор, определявший курс и поведение его руководителей как до, так и после устранения Мадуро. Родригес, которая на встрече с депутатами Национальной ассамблеи заявила, что обвинения в наркоторговле и нарушении права человека были лишь предлогом для вторжения, поскольку

«реальный мотив – это венесуэльская нефть»³⁰, тем не менее еще до захвата Мадуро обещала, что будет сотрудничать с американской администрацией в случае его устранения. Ее общение с американскими должностными лицами началось в октябре 2025 года и продолжилось после телефонного разговора Трампа с Мадуро, в ходе которого последний отказался покинуть Венесуэлу. «Я буду работать независимо от того, какими будут последствия [отстранения Мадуро]», – так, по свидетельству источников «The Guardian», сформулировала Родригес свою позицию в переговорах с американцами.

Госсекретарь и помощник президента США по национальной безопасности Рубио, первоначально скептически относившийся к сотрудничеству с деятелями режима, в итоге пришел к выводу, что обещания Родригес – лучший способ предотвратить хаос после ухода Мадуро. При этом все собеседники «The Guardian» подчеркивали, что, хотя Делси и ее брат Хорхе обещали помочь США после свержения Мадуро, они не соглашались принимать в его отстранении активного участия. Иначе говоря, произошедшее не было государственным переворотом, организованным семьей Родригес³¹. По сообщениям агентства «Reuters», министр внутренних дел Кабельо, который контролирует полицию и спецслужбы, тоже был вовлечен в дискуссии с США за несколько месяцев до отстранения Мадуро³².

Была ли позиция Родригес предательством в полном смысле слова или же

29 ROGERO T. *Leaked Video Shows Venezuela Regime's Desperate Struggle to Control Message* // The Guardian. 2026. January 23 (www.theguardian.com/world/2026/jan/23/venezuela-leaked-video-delcy-rodriguez-maduro).

30 SINGER F., GARCÍA J. *Rodríguez: "El narcotráfico y los derechos humanos eran la excusa, el motivo era el petróleo"* // El País. 2026. 8 de enero (<https://elpais.com/america/2026-01-08/delcy-rodriguez-el-narcotrafico-y-los-derechos-humanos-eran-la-excusa-el-motivo-era-el-petroleo.html>).

31 ROSTON A. *Venezuela's Delcy Rodríguez Assured US of Cooperation before Maduro's Capture* // The Guardian. 2026. January 22 (www.theguardian.com/world/2026/jan/22/delcy-rodriguez-capture-maduro-venezuela).

32 Ibid.

речь шла о «политическом реализме», стремлении найти практический выход из безнадежной ситуации и смягчить последствия американского вторжения, казавшегося все более неотвратимым? Готовность пожертвовать Мадуро, так или иначе проявленная всей верхушкой чавистского режима, стала важнейшим фактором успеха американской операции. После 3 января ни один из видных чавистов не выступил против временного президента, легитимность которого обеспечивается администрацией Трампа. Не было и массовых выступлений в поддержку свергнутого Мадуро, за исключением нескольких акций в первые дни, собранных Кабелью из подопечных ему *colectivos* – полувоенных формирований, которые были созданы в поселках бедноты и использовались властью для нападений на оппозицию.

Родригес умело перехватила требование возвращения Мадуро, тем самым предотвратив использование этого лозунга для формирования протестного движения среди того меньшинства населения, которое все еще сохраняло верность чавизму. (По данным оппозиции, на выборах 28 июля 2024 года Мадуро получил голоса 30% избирателей.) Не было, впрочем, и массового выхода на улицу ликующих противников свергнутого диктатора, придавленных тотальными репрессиями, которые режим обрушил на них после избирательно-го подлога 2024 года. Страна замерла в ожидании дальнейших событий. Убедившись, что дезориентированные сторонники режима не представляют для нее опасности, Родригес быстро начала отказываться от старых идеологем, все реже вспоминая о Мадуро и демонстри-

руя все большую готовность выполнять указания американской администрации.

Главный стратег операции в Венесуэле, госсекретарь Рубио, объявил об американском плане трансформации страны, включающем три этапа: «стабилизацию, восстановление и переход» (*«stabilization, recovery and transition»*). Цель первого этапа – избежать сползания страны к хаосу; главным шагом на этом пути выступает установление контроля над венесуэльской нефтью:

«Мы намерены заключить сделку с тем, чтобы забрать всю нефть. [...] Мы собираемся забрать от 30 до 50 миллионов баррелей нефти, которые продадим на рынке по рыночным ценам, без дисконта, предоставлявшегося Венесуэлой. Мы будем управлять этими деньгами таким образом, чтобы контролировать их расходование: они должны идти на благо венесуэльского народа, а не на коррупцию и не на нужды режима»³³.

Президент Трамп изложил эти цели с еще большей прямотой:

«[Венесуэльская нефть] будет продана на рынке, и эти деньги буду контролировать я как президент Соединенных Штатов Америки с тем, чтобы обеспечить их использование на благо народа Венесуэлы и Соединенных Штатов!»³⁴

Вторым этапом станет восстановление государства после более чем десятилетнего правления Мадуро. Часть этих усилий, по словам Рубио, будет финансироваться за счет «обеспечения американским, западным и другим компаниям справедливого доступа на венесуэльский рынок». Задача третьей фазы – возрождение гражданского общества и переход к более репрезентативным

33 JIMISON R. *Rubio Lays Out Long-Term U.S. Involvement in Venezuela* // The New York Times. 2026. January 7 (www.nytimes.com/2026/01/07/us/politics/us-venezuela-plan-rubio.html). Непонятно, замечает газета, на каком юридическом основании администрация будет распределять нефтяные деньги по своему усмотрению.

34 Ibid.

формам правления. Это будет достигнуто путем «национального примирения в Венесуэле», предполагающего амнистию и освобождение оппозиционеров³⁵.

«Три этапа Трампа–Рубио» за прошедшее с 3 января время превратились в своего рода скрижали, постоянная отсылка к которым призвана подтверждать верность принятой линии со стороны всех участников процесса: американской администрации, правительства Родригес, оппозиции. При этом содержание и результат этих этапов каждая сторона понимает по-своему – как и то, на каком из них сегодня находится Венесуэла. По сути это программа превращения страны в протекторат – государство с ограниченным суверенитетом, находящееся под внешним управлением, где администрации США принадлежит решающее слово в формировании экономической, внешней и внутренней политики. Первым американским чиновником высокого ранга, посетившим Венесуэлу через две недели после похищения Мадуро, стал директор ЦРУ Джон Ратклиф. В его задачу входило подтвердить, что администрация Трампа видит во временном правительстве Венесуэлы «лучший вариант достижения стабильности в краткосрочном плане»³⁶. За Ратклифом последовали министр энергетики Крис Райт, возглавляющий Южное командование США генерал Франсис Донован, заместитель военного министра Джозеф Хумире, министр внутренних дел Дуглас Бёргем. Центральным вопросом, который они обсуждали с Делси Родригес, были меры по обеспечению

контроля США над венесуэльской нефтяной промышленностью.

Уже в январе американское министерство энергетики приступило к реализации около 50 миллионов баррелей нефти, которые скопились в Венесуэле в результате установленной Трампом блокады. Средства, полученные от продажи, должны направляться на специальный счет в одном из банков Катар, с которого американское министерство финансов собирается выделять их венесуэльскому правительству для удовлетворения тех нужд, которые США сочтут обоснованными³⁷. 20 января Родригес объявила, что из первых 500 миллионов долларов, вырученных в результате этой сделки, 300 миллионов уже получены Венесуэлой и будут направлены на поддержание доходов трудящихся³⁸. Одновременно американская администрация начала ослаблять санкции против нефтяной промышленности Венесуэлы, полностью сняв их с государственной PDVSA 18 марта – в разгар войны в Иране, повлекшей резкий рост мировых цен на нефть.

29 января депутаты Национальной ассамблеи под руководством Хорхе Родригеса единогласно приняли поправки в действующий закон об углеводородах, обеспечив юридические основания для фактической передачи нефтяного сектора американским компаниям. (Первое чтение состоялось 22 января, и текст закона перед этим не был представлен законодателям. Лишь немногие депутаты от оппозиции выразили возмущение данным обстоятельством, но и они в ито-

35 Ibid.

36 BARNES J.E. *C.I.A. Director Meets with Venezuela's Interim President in Caracas* // The New York Times. 2026. January 16 (www.nytimes.com/2026/01/16/us/politics/cia-director-ratcliffe-venezuela.html).

37 KURMANAEV A. *U.S. Races to Sell Venezuelan Oil, Transforming Ties with Former Foe* // The New York Times. 2026. January 14 (www.nytimes.com/2026/01/14/world/americas/venezuela-oil-us-deal.html).

38 MARTÍN M. *Venezuela anuncia los primeros ingresos petroleros pactados con Trump* // El País. 2026. 21 de enero (<https://elpais.com/america/2026-01-21/venezuela-anuncia-los-primeros-ingresos-petroleros-pactados-con-trump.html>).

ге поддержали законопроект.) Принятые поправки ознаменовали собой полный разрыв с политикой национализации нефтяных ресурсов, которую Чавес считал основным содержанием «боливарианской революции».

Изменения касаются, во-первых, доступа частного иностранного капитала. Если ранее иностранные компании могли участвовать в разведке и добыче нефти только в качестве миноритарных партнеров государственной PDVSA, то сейчас их права были существенно расширены, включая возможность продавать сырую нефть и свободно распоряжаться получаемыми от этого доходами. Кроме того, новые правила разрешают зачислять платежи от продажи нефти на счета за пределами Венесуэлы, минуя ее Центральный банк, что ранее было запрещено. Во-вторых, реформа направлена на повышение рентабельности частных капиталовложений путем снижения налогов и роялти (доли стоимости добытой нефти, которую компании должны уплачивать государству). Налоги и сборы могут быть снижены по договоренности между компанией и исполнительной властью – без права вмешательства со стороны парламента, что потенциально может грозить значительным сокращением доходов, которые Венесуэла получает от нефтедобычи. В-третьих, деятельность иностранных компаний фактически выводится из-под национальной юрисдикции за счет возможности обращения к международным механизмам арбитража и посредничества, которые позволяют разрешать споры, минуя венесуэльские суды.

Таким образом, запущенная реформа открывает путь для денационализации и приватизации нефтяной промышлен-

ности. PDVSA перестает быть компанией, осуществляющей добычу, переработку и продажу нефти, и оставляет за собой по преимуществу надзорную функцию, в то время как производственная деятельность переходит в частные руки. Предназначение нового закона в том, чтобы обеспечить условия, максимально благоприятные для иностранных компаний, и мотивировать их вкладываться в венесуэльскую нефтяную промышленность. Вместе с тем сами нефтяные месторождения остаются собственностью Венесуэлы³⁹.

Буквально через несколько минут после принятия Национальной ассамблеей нового закона об углеводородах министерство финансов США выдало генеральную лицензию № 46, которая отменила действовавший до тех пор запрет американским компаниям участвовать в экспорте, продаже, транспортировке, коммерциализации и переработке венесуэльской нефти. Лицензия разрешает прямые операции с PDVSA и венесуэльским правительством при условии, что контракты будут подконтрольны юрисдикции США, а платежи подсанкционным организациям будут осуществляться через счета, указанные министерством финансов. Лицензия также предусматривает жесткий контроль Вашингтона над финансовыми потоками и запрещает проведение операций с Ираном, Кубой, Россией и Северной Кореей⁴⁰. 18 марта, полностью сняв санкции с PDVSA, министерство финансов США добавило в этот список Китай, на долю которого в последние годы приходилось около 80% экспорта венесуэльской нефти. По мнению аргентинского экономиста Хосе Луиса Вилы, изменение заключается в том,

39 SINGER F. *Venezuela se olvida de Chávez y abre el petróleo al sector privado* // El País. 3 de febrero (<https://elpais.com/america/2026-02-03/venezuela-se-olvida-de-chavez-y-abre-el-petroleo-al-sector-privado.html>).

40 Ibid.

что раньше Венесуэла продавала нефть Китаю за юани, а теперь американские компании будут экспортировать венесуэльскую нефть в Китай за доллары⁴¹.

Нефть – главное, но не единственное богатство Венесуэлы, на которое претендует Трамп:

«Нам нужен доступ ко всему, о чем мы просим: к нефти и другим ресурсам, необходимым для восстановления страны, к дорогам и мостам, чтобы их отстроить заново»⁴².

В начале марта к практической реализации этого подключилось американское министерство внутренних дел⁴³, глава которого, Бёргем, по результатам визита в Венесуэлу заявил следующее:

«Венесуэла располагает запасами золота на сумму в 500 миллиардов долларов, у нее также есть другие важные полезные ископаемые, такие как бокситы для производства алюминия, который нам необходим для оборонной промышленности и производства потребительских товаров. У них также есть запасы угля, которые можно использовать для выработки энергии»⁴⁴.

Венесуэльский парламент немедленно начал обсуждение нового закона о горнодобывающей промышленности, который должен изменить правила участия иностранного капитала в разработке недр, до сих пор остававшейся государственной монополией. Закон был принят Национальной ассамблеей 9 апреля 2026 года, но на сей раз даже не дожидаясь этого, министерство финансов США выдало лицензию № 51, разрешившую американским предприятиям заключать

сделки с государственной золотодобывающей компанией «Minerven». Как и случае с нефтью, эта лицензия запрещает «Minerven» взаимодействовать с физическими и юридическими лицами из России, Ирана, Северной Кореи и Кубы. В скором времени в Соединенные Штаты прибыл первый груз венесуэльского золота стоимостью 100 миллионов долларов, которое, как сообщил Бёргем, будет использоваться и в промышленных, и в коммерческих целях⁴⁵.

Ситуация, однако, осложняется тем, что богатые золотом, редкоземельными и другими металлами южные районы Венесуэлы по большей части контролируются колумбийскими партизанскими группами, отказавшимися подчиниться соглашению о мире 2016 года, а также различного рода криминальными группировками, связанными как с наркоторговлей, так и с нелегальной добычей полезных ископаемых. Эта зона, так называемая «горнорудная дуга Ориноко» (Arco Minero de Orinoco), охватывающая 12% территории страны, за последнее десятилетие превратилась в «черную дыру», где переплелись интересы преступного мира, военных и гражданских коррупционеров, контрабандистов. Там происходит хаотичная и бесконтрольная добыча золота, подстегиваемая ростом мировых цен на него и сопровождающаяся попранием прав местного населения, а также разрушением уникальных природных заповедников в штатах Боливар и Амасонас. Венесуэльская неправительственная организация «S.O.S. Orinoco» уже выступила с предостережением:

41 *Las nuevas tecnologías en la guerra: José Luis Vila en Odisea Argentina* // La Nación. 2026. 10 de marzo (www.youtube.com/watch?v=jGHDDxRjVEY).

42 MARTÍN M., VIDAL LIY M. *Op. cit.*

43 В США несколько управлений, контролирующих горнодобывающую промышленность, входят в структуру МВД.

44 SINGER F. *Venezuela abre a Estados Unidos su subsuelo lleno de oro y de gas* // El País. 2026. 11 de marzo (<https://elpais.com/america/2026-03-11/venezuela-abre-a-estados-unidos-su-subsuelo-lleno-de-oro-y-de-gas.html>).

45 Ibid.

«США становятся соучастником разграбления природного наследия Венесуэлы, поддерживая режим, который продолжает нарушать права человека и разрушает окружающую среду. Американское правительство наивно полагает, что лицензия, выданная им “Minerven”, уменьшит коррупцию и нелегальную добычу золота»⁴⁶.

Описанный процесс превращения Венесуэлы в опекаемое государство за-

трагивает только экономическую сторону «колониализма XXI века»⁴⁷. Гораздо более важными представляются политические условия, которые формируются в Венесуэле под руководством США. В конечном счете именно политические изменения (или их отсутствие) определят, будет ли реализован американский «дисциплинарный» проект не только в Венесуэле, но и на всем латиноамериканском континенте.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ REYES I. M. *Venezuela: ¿Colonialismo del siglo XXI?* // El País. 2026. 28 de marzo (<https://elpais.com/america/2026-03-28/venezuela-colonialismo-del-siglo-xxi.html>).

Непрошенный гость: актуальное кино и история

ИГОРЬ
СМИРНОВ

ВИДЕНИЕ КАК ПРЕДВИДЕНИЕ

В отличие от прочих искусств, фильм как производственный процесс двойствен, разыгрываясь и непосредственно на съемочной площадке, и опосредованно на носителях изображения, подвергаемого той или иной обработке (отбору отснятых кадров, монтажу и так далее). Медиальное опосредование актерских действий запускается в ход уже на месте съемки, где те попадают в распоряжение кинокамеры, навязывающей будущим зрителям занятую ею позицию. Двойственность внутренней истории кинопродукта оставляет свой след в его отношении к внешней истории, на которую он откликается. К какому бы отрезку исторического времени ни отсылала нас кинокартина, она отчуждена от той – прошлой, актуальной или предстоящей наступить – современности, с которой знакомит нас. Фильм конструирует собственную современность, входящую в схватку со взятой им за данную. Такая развилка истории может притягивать внимание любого повествования: фильм раскалывает протекающее в нем время по-особому. То настоящее, которое он маркирует как свое неотъемлемое достояние, принимает форму видения самого видения, взгляда на зрительное восприятие мира человеком. Когда монарх во второй серии эйзенштейновского «Ивана

Игорь Павлович Смирнов (р. 1941) – автор многочисленных статей и книг гуманитарного профиля; основной научный интерес сосредоточен на теории истории. Живет в Констанце (Германия) и Санкт-Петербурге.

**КУЛЬТУРА
МОДЕРНОСТИ
REVISITED**

Грозного» (1944–1945) облачает слабовольного претендента на трон князя Владимира Старицкого в одежды со своего плеча, он предугадывает зрительную ошибку Петра Волынца, закаляющего вместо царя его соперника.

Искомая в фильме современность обычно триумфально вытесняет отправную, но может и терпеть крах или оцениваться как победа зла, если произведение выступает орудием самокритики киноискусства. Как бы то ни было, видеть, как видит Другой, значит *предвосхищать* чужую перцепцию, заведомо быть осведомленным об ее результатах. Две темпоральные действительности, сталкивающиеся в кинонарративе, наделяются признаками отстающей и опережающей (экранная погоня – одна из многих, но особенно разительная иллюстрация данному утверждению). В проекции на большую историю кино пытается – закономерно вытекающим из имманентной ему организации образом – упредить движение общества в будущее, наметить горизонт наших групповых ожиданий. Как никакое иное искусство, кино покушается на то, чтобы обладать прогностической функцией. В известном смысле оно сверхмодерно.

Исследовавший кинопрогнозы Зигфрид Кракауэр связал чуткую отзывчивость кинематографии на динамику социальной жизни с коллективной авторской работой над созданием фильма и с его адресацией «анонимной массе» зрителей¹. Главным примером, доказывающим способность фильма предвещать грядущие события, послужил в пионерском труде Кракауэра «Кабинет доктора Калигари» (1920), рассмотренный как предчувствие гитлеровской тирании с ее гипнотическим манипулированием волей подданных². Не приходится сомневаться, что лента Роберта Вине предупреждала общество об опасности, которой грозит ему преступная власть. Но разве театральная постановка не плод все тех же коллективных усилий, какие порождают и кинокартину? Объяснение, которое Кракауэр подвел под специфическое для кинотворчества антиципирование социального развития, страдает недостаточностью.

Что до «Кабинета доктора Калигари», то в этом фильме зрелище, устроенное главным персонажем в ярмарочном балагане, где демонстрируется предсказывающий судьбы сомнамбула Чезаре, конфронтирует с разоблачением обмана, предприни-

1 KRAKAUER S. *Von Caligari zu Hitler. Eine psychologische Geschichte des deutschen Films* [1947]. Berlin: Suhrkamp, 2012. S. 13–15. Работа Кракауэра – исключение в ряду исследований на тему «фильм и история», как правило, трактующих отражение в киноискусстве уже произошедших социокультурных событий, – ср. хотя бы обсуждение Томасом Эльзессером реакции немецкого кино на Холокост и леворадикальный террор: ELSAESSER TH. *Terror und Trauma. Zur Gewalt des Vergangenen in der BRD*. Berlin: Kulturverlag Kadmos, 2006–2007.

2 KRAKAUER S. *Op. cit.* S. 76–95.

маемым противником зловещего шарлатана Францем, который обнаруживает подмену – куклу, обеспечивающую алиби мнимому ясновидцу, пока тот совершает убийства по заданию своего хозяина. Инсценировка, осуществляемая доктором Калигари, явно ассоциирована с киноискусством (Чезаре и кукла соположены друг другу так же, как живой актер и его фотоподобие), тогда как Франц воплощает собой зрительную норму, восстанавливающую адекватное мировосприятие, которое демистифицирует фикции. Вине как будто опровергает экранное искусство на экране же. Но в концовке «Кабинета...» выясняется, что Франц безумен и что вся история, выставленная кинематограф как подлог и расправу над человеческими телами, не более чем следствие больной фантазии.

ИГОРЬ СМЕРНОВ

НЕПРОШЕННЫЙ ГОСТЬ:
АКТУАЛЬНОЕ КИНО
И ИСТОРИЯ

**В проекции на большую историю кино пытается
упредить движение общества в будущее, наметить
горизонт наших групповых ожиданий. Как никакое
иное искусство, кино покушается на то, чтобы
обладать прогностической функцией.**

Кинемедиум берет свое, отвоевывает себе право на заключительную истину, защищает себя от ложных нападок, от навивной рецепции, фетишизирующей факт и подозревающей в творческих начинаниях его затуманивание. И все же, несмотря на успокаивающий публику финал фильма, то обстоятельство, что кинематография может быть понята как противовласть, соперничающая с государственной (первая жертва Калигари – городской чиновник), должно вызывать тревогу и заставлять задуматься над тем, в чем состоит политическое значение набирающего влияние техномедиума. Задним числом, учитывая приход в Германии к власти нацистов, «Кабинет...» читается как предостережение от катастрофической «кинофикации» общества – от той «эстетизации политики», о которой будет писать применительно к гитлеризму Вальтер Беньямин в статье «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1936).

Что предсказывает нынешнее кино, концептуализируя историю? Для ответа на этот вопрос я обращусь к трем выдающимся, по моему мнению, фильмам последнего времени. Это «Солт-берн» (2023) Эмиральд Феннел, «Эдем» (2024) Рона Ховарда и «Бруталист» (2024) Брэди Корбета.

ИСТОРИЯ *CONTRA* РИТУАЛ

Все названные фильмы рассказывают о вторжении чужеродных тел в некий устоявшийся жизненный уклад. В «Солтберне» он представлен именем аристократического семейства Кэттонов, соблюдающих строгий бытовой регламент даже когда умирает Феликс – сын владельца поместья. В «Эдеме» действие локализовано на одном из островов Галапагосского архипелага, Флореане, где обосновался со своей последовательницей и женой Дорой доктор Фридрих Риттер, занятый в уединении методичной работой над сочинением, призванным наставить человечество на путь спасения от самого себя. Смешивающий в своей философии нищезанятие и штейнерианство, Риттер неукоснительно придерживается придуманных им правил – вплоть до того, что требует от Доры следить во время полового акта за регулярностью ритма дыхания. «Бруталист» знакомит нас с американским предпринимателем Харрисоном Ли Ван Бюреном, не терпящим изменений в заведенном им порядке и учиняющим скандал, узнав, что его сын затеял в отсутствие отца переделку кабинета, к обстановке которого привык глава дома.

Размеренную повседневность в «Солтберне» нарушает приглашенный в имение Феликсом его оксфордский приятель Оливер (чью роль с большой убедительностью исполняет Барри Кеоган). На Флореану прибывают Хайнц, поначалу поверивший в учение Риттера, с женой Маргарет (Сидни Суини) и сыном от первого брака Гарри, а затем баронесса Элоиза Верборн де Вагнер-Боске с двумя любовниками, Руди и Робертом, – она собирается выстроить здесь отель для богачей. Возмутитель спокойствия в «Бруталисте» – Ласло Тот (Эдриен Броуди), венгерский еврей, прошедший концлагерь, эмигрировавший в США и пробующий продолжить здесь карьеру архитектора – на первых порах неудачно, накликав на себя гнев Харрисона перестройкой его кабинета.

Каждый из фильмов прослеживает конфликт, вспыхивающий между жизнью по этикету и новизной, привносимой неожиданно появившимися в стабильной среде персонажами. «Солтберн», «Эдем» и «Бруталист» моделируют применительно к Новейшему времени (действие первого происходит в наши дни; второго – в 1930-е; третьего – в период «холодной войны») самое начало истории в ее противостоянии ритуальному повтору. Три кинонарратива объединяет совершаемая в них попытка выяснить, в чем состоит смысл поворота от обрядовой цикличности к разовым событиям, формирующим линейно-поступательное время. Мы имеем дело с аллегорической назидательностью, которой было предназначено на от-

дельных примерах вмешательства иносущного в рутину дать знать зрителям, к чему они должны быть готовы, бытуя в истории, оказываясь перед лицом небывалого.

ИГОРЬ СМЕРНОВ
НЕПРОШЕННЫЙ ГОСТЬ:
АКТУАЛЬНОЕ КИНО
И ИСТОРИЯ

ЭРОС НЕКРОФИЛА

Эмиральд Феннел однозначно истолковала в своем фильме продвигающуюся вперед историю как зло, насаждаемое лже-творцом. Оливер, гостящий у Кэттонов в родовом замке Солтберн, отравляет Феликса, потворствует самоубийству его сестры Венеции (не явилось ли и оно убийством?) и, женившись на Элспет, их матери, ускоряет ее кончину, становясь собственником величественного поместья. Желание Оливера попасть в Солтберн объясняется стремлением снискать ответную любовь аристократа и красавца Феликса. Чтобы завоевать внимание, Оливер тайком выводит из строя велосипед Феликса, спешащего на занятия, и якобы от доброты душевной предлагает взамен свой. Сблизившись с Феликсом, Оливер выдает себя за бедняка из неблагополучной семьи и рассказывает, что его отец погиб из-за злоупотребления наркотиками. Притвора хочет вызвать сострадание своего кумира, чего и добивается.

Но в Солтберне Оливера уличают во лжи: перед тем, как отпраздновать день его рождения, Феликс посещает семью своего друга, которая, как выясняется, принадлежит к среднему классу и возглавляется здоровым и невредимым отцом. Обманщик должен покинуть имение и, чтобы избежать этой кары, убивает Феликса, а заодно предает его кузена, кокаиниста Фарли, которого и постигает участь изгнанника. Отец Феликса, подозревая неладное после самоубийства Венеции, с помощью денег избавляется от того, кто навел пагубу на его вотчину. Спустя годы после этих происшествий Оливер узнает, что овдовевшая Элспет сняла квартиру неподалеку от Солтберна, подкарауливает ее в кафе и восстанавливает с ней отношения. Он связывает наследницу владений узами брака, а когда та оказывается при смерти, вырывает из ее рта дыхательную трубку, не отказывая себе в удовольствии до корня истребить благодетелей, приютивших его.

Один из многих киноисточников «Солтберна» (я затрону только часть из них) о перераспределении власти – «Слуга» (1963) Джозефа Лоузи, с которым Феннел полемизирует. Если Лоузи переносил на экран гегелевскую схему, когда Кнехт завоевывает место Господина, то у Феннел мажордом Дункан предан своим хозяевам и взирает на Оливера с пренебрежением (подает ему на завтрак недожаренную яичницу). Лоузи оценивал владычество слуги (его сыграл Дирк Богарт), подчи-

нившего себе главу дома, негативно, но вместе с тем убеждал зрителей в том, что оно неизбежно. В трактовке Феннел история разворачивается не за счет захвата угнетенными контроля, а в силу перепада эротической энергии в танатологическую³. Объятый сексуальной страстью Оливер на поверку – некрофил: он совершает половой акт на могиле (точнее: с землей на могиле) убитого им Феликса. (Читала ли Феннел сорокинский роман «Голубое сало» (1999), в котором фигурирует секта, практикующая обряд соития с землей? Отзывается ли она на идею смертоносного Эроса в текстах Жоржа Батая?) Более того, в какой-то момент Оливер предстает с экрана настоящим вампиром с окровавленными губами – после сцены орального секса с Венецией, у которой начались месячные.

Еще один претекст «Солтберна» – фильм Джозефа Лео Манкевича о закулисной изнанке театра «Всё о Еве» (1950), откуда Феннел заимствовала мотив разоблачения вымышленной бездомности Оливера. Мечтающая о театральной славе Ева Харрингтон у Манкевича втирается в доверие к бродвейской звезде Марго Ченнинг и принимается выполнять ее мелкие поручения. Еве удается заполучить роль, предназначавшуюся для Марго, и достигнуть ошеломительного успеха, но она сама становится добычей театрального критика Эдисона ДеВитта, обеспечившего ей признание публики. ДеВитту, шантажирующему Еву, известно, что ее бесприютность – всего лишь легенда авантюристки, необходимая, чтобы вызвать сочувствие к своему якобы плачевному положению. Узурпаторские намерения героини не исключают, по замыслу Манкевича, наличия у нее творческого дара. В сопоставительно-противительном (контрарном) расхождении с этим узурпатор у Феннел если и разыгрывает спектакль, то только для того, чтобы уничтожить жизнь и присвоить себе чужую недвижимость. В истории, как она интерпретируется в «Солтберне», креативность неотторжима от деструктивности, так что лицо, жаждущее нового, но сеющее вокруг себя смерть, само по себе не продуктивно и делается собственником того, что как памятник принадлежит прошлому. Ритуал, сообразно такой логике, нельзя преодолеть, он допускает не более чем смену исполнителя.

Слияние гомо- и некрофилии в «Солтберне» отсылает нас к «Отчаянию» (1932) Владимира Набокова и в еще большей степени к экранизации этого романа Райнером Вернером Фас-

3 Феннел отказывает в релевантности и мотиву приживальщика-тирана, поставленного Достоевским (опять же с кивком в сторону Гегеля) во главу угла сюжета в «Селе Степанчикове и его обитателях» (1859). Памела, приживальщица в семье Эттонов, состоящая далеко не случайно в любовной связи с неким русским олигархом, – дисфункциональная фигура в киноповествовании. Как будто неизвестно зачем введенная туда, Памела быстро исчезает с экрана и объявляется умершей. Тирания исходит в «Солтберне» не от приживальщицы, а от носителя эротического начала.

сбиндером (1978). Имя бродяги Феликса (от лат. *felix*, счастливый), застреленного владельцем шоколадной фабрики Германом, передается в фильме Феннел отпрыску аристократического семейства. Лишь слабо намеченное у Набокова гомозротическое влечение убийцы к жертве подчеркивается Фассбиндером в нарочито затемненной сцене, происходящей в гостинице, где Герман (сыгранный все тем же, что и в «Слуге», Дирком Богартом) пристально и долго изучает обнаженное тело Феликса, ошибочно принятого им за своего двойника. В «Солтберне» Оливер также лицезреет оголенного Феликса, когда выходит из замка на лужайку, где загорает молодежь, и когда подсматривает как тот мастурбирует, принимая ванну.

ИГОРЬ СМЕРНОВ
НЕПРОШЕННЫЙ ГОСТЬ:
АКТУАЛЬНОЕ КИНО
И ИСТОРИЯ

В истории креативность неотторжима от деструктивности, так что лицо, жаждущее нового, но сеющее вокруг себя смерть, само по себе не продуктивно и делается собственником того, что как памятник принадлежит прошлому. Ритуал нельзя преодолеть, он допускает не более чем смену исполнителя.

В англоязычную версию «Отчаяния» Набоков ввел эпизод раздвоения главного героя, наблюдающего со стороны за собой в постели вместе с женой Лидой. Фассбиндер воспроизвел эту ситуацию на экране с помощью монтажа, перемежая кадры с Германом, сидящим в кресле, и с ним же, лежащим рядом с Лидой (монтаж тем самым исподтишка дискредитировался режиссером как результат оптической иллюзии и расстройства психики). Феннел распределила расщепление Оливера, наследующее диссоциации у Набокова–Фассбиндера, по двум разным отрезкам своей ленты. Во вступительной оксфордской части фильма Оливер сокрушенно следит через распахнутое окно за Феликсом, предающимся плотским утехам с Аннабель, а затем и сам получает шанс овладеть ею, но упускает эту возможность, что перекликается с мнимым сексом, который только зрительно представлял себе Герман. В дальнейшем течении сюжета разъединение, переживаемое Оливером, то наблюдателем, то субъектом одного и того же действия, рисуется вновь и модифицируется. Подобно фассбиндеровскому Герману, разглядывающему себя в зеркале, когда впервые встречает Феликса, еще до назначения ему свидания в гостинице, Оливер смотрит на свое отражение перед тем, как соблазнить Фарли. Оливер разбивает зеркало кулаком, но оно оказывается впоследствии целым. Ненависть героя, подменяющего объект страсти сурро-

гатов, к собственному образу оказывается напускной, фальшивой. Оливер видит себя иначе, чем он есть на самом деле, – так же, как видит себя заблуждающийся в самовосприятии Герман в романе Набокова и в фильме Фассбиндера.

И Герману, и Оливеру свойственно двойное видение, конститутивное для кинематографии, но в обоих случаях оно ошибочно. Преобразование Эроса в Танатос в поведении Оливера увязывается с ложным киновидением. Испытанные визуальные средства фильма делаются у Феннел его осмыслемым и оцениваемым на экране предметом. На многое из того, что происходит в фильме, мы взираем глазами Оливера (к примеру мы узнаем о расположении дворцовых комнат, когда он впервые проходит по ним). Он заместитель съемочного аппарата и при этом воздвигает вокруг себя фальсификации, подрывающие авторитет киноискусства. Феннел далеко не случайно перевела в своем чрезвычайно насыщенном смысле фильме единовременное у Фассбиндера присутствие Германа в кресле и в постели в разновременные подглядывание Оливера за Аннабель и его попытку овладеть ею. Феннел интересуется не синхронией, а диахронией – историей, которая впадает в «Солтберне» в кризис не только как *res gestae*, но и как породившая на одном из своих этапов киноискусство, в котором орудие созерцания возводится в ранг действующего.

Наконец, касаясь источников «Солтберна», нельзя не упомянуть «Контракт рисовальщика» (1982) Питера Гринуэя. В обоих произведениях одна и та же сценография: пространство изображаемых в них главных событий – замок и регулярный английский парк, украшенный скульптурами. Тема Гринуэя – ослепление и убийство художника Нэвилла, которому поручается запечатлеть на двенадцати графических листах владения миссис Херберт, и сжигание его творений. Работа Нэвилла подается Гринуэем как родственная производству фильма: художник зарисовывает строения и их садовое окружение, ставя перед собой на штативе рамку, сходную в своей функции с киноэкраном. Художественное творчество, по Гринуэю, падает жертвой непродуктивного сознания (убийц возглавляет бесплодный Луи Тальманн, чья жена, дочь миссис Херберт, забеременела от Нэвилла, чтобы не оставить имя без наследника).

В «Контракте рисовальщика» наряду с дотошным наблюдателем Нэвиллом есть и согладатель разыгрывающихся происшествий – *genius loci*, некий голый человек, движущийся днем и ночью по парку и занимающий места скульптур. Этому существу в концовке фильма достается ананас, подаренный Нэвиллу. Фильм о созидательной деятельности, подобной киносъемкам, сохраняет за собой право на последнее слово в конфликте художника с заурядностью, выводя на сцену не-

дремлющего и зоркого свидетеля преступления против искусства видеть. («Контракт рисовальщика» вступает в спор с «Blow Up» (1966) Микеланджело Антониони, сведшего на нет способность фотографии раскрыть убийство.) В финале «Солтберна» обнаженный Оливер проходит в ликующем танце по анфиладе дворцовых покоев, отныне принадлежащих ему, и затем рассматривает кукольный домик с подвижными фигурками. Нагой, как и *genius loci* у Грингуэя, и в *pendant* к этому персонажу соотносящий себя с искусственными телами, Оливер, однако, не очевидец насилия, а душегуб (илл. 1, 2). У захлебнувшейся истории более нет креативного ресурса.

ИГОРЬ СМЕРНОВ

НЕПРОШЕННЫЙ ГОСТЬ:
АКТУАЛЬНОЕ КИНО
И ИСТОРИЯ

Илл. 1, 2. *Genius loci* в «Контракте рисовальщика» (1982) и новый хозяин замка в «Солтберне» (2023).

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ

Социокультурная история, которую имеет в виду Рон Ховард в «Эдеме», не менее гибельна, чем в «Солтберне». Намеревающийся избавить человечество от скверны, доктор Риттер холодно принимает первых гостей убежища, в котором он затворился. Он поселяет Хайнца и Маргарет в труднодоступной части острова в надежде, что они скоро сбегут с Флореаны, сопровождая свой шаг цитатами из Ницше о любви не к ближнему, а к дальнему. Новоприбывшим удастся все же справиться с трудностями. Раздор в наладившуюся совместную жизнь островитян вносит самозванка-баронесса Элоиза Верборн де Вагнер-Боске, получившая у эквадорских властей право на строительство на Флореане гостиницы. В жажде единолично господствовать над островом Элоиза пытается сравить семейства Риттера и Хайнца (она велит одному из своих любовников, Руди, увести осла Бурро, любимца Доры, в заросли, где его в сумерках случайно пристрелил Хайнц). Руди бунтует против Элоизы и уплывает с Флореаны. Риттер и Хайнц разгадывают злоумышление баронессы и объединяются против нее. В ходе решительного объяснения Риттер убивает баронессу выстрелом в голову, а Хайнц смертельно ранит ножом в поединке ее второго любовника Роберта. Возмущенная тем, что Риттер отступился от своего учения о спасении человечества и принял участие в дарвинистской борьбе за существование, Дора отправляет своего мужа на тот свет, накормив его испорченным куриным мясом. В предсмертном письме Риттер клеветает на Хайнца, возлагая на него вину за гибель Элоизы. Но Маргарет удается вызвать у ведущего дознание губернатора сомнения в состоятельности этого обвинения. Дора покидает Флореану, и на острове не остается никого, кроме Хайнца с семьей. *Story* в «Эдеме» подразумевает, что *history* не обходится без Гоббсовой войны всех против всех.

Самосуд, учиняемый Дорой, восходит к сюжету ленты Льва Кулешова «По закону» (1926), в которой Эдит Нельсон (Александра Хохлова), жена золотоискателя Ганса, настаивает на приведение в исполнение ею же вместе с мужем вынесенного смертного приговора ирландцу Майклу Деннину, убившему двух компаньонов-добытчиков за то, что они издевались над ним. Взять на себя ответственность за судопроизводство, следующее букве британского закона, героев фильма вынуждают обстоятельства, сходные с теми, в каких находятся и персонажи «Эдема»: разлив Юкона, отрезавший прииск от остального мира. Ховард на роль Доры выбрал английскую актрису Ванессу Кирби, внешне похожую на Хохлову (илл. 3, 4). В «По закону» Эдит готовит Деннину перед казнью последний ужин; Риттер умирает, вкусив поданного ему Дорой испорченного мяса.

ИГОРЬ СМЕРНОВ

НЕПРОШЕННЫЙ ГОСТЬ:
АКТУАЛЬНОЕ КИНО
И ИСТОРИЯ

Илл. 3, 4. Перевоплощение Александры Хохловой («По закону», 1926) в Ванессу Кирби («Эдем», 2024).

Концовку «Эдема» Ховард составил из документальных беззвучных черно-белых кадров – эти киносвидетельства о жизни на Флореане в 1930-х отбрасывают нас в эпоху немого кино, когда был поставлен фильм Кулешова, претендовавший (к примеру в детальном воспроизведении похорон) на правдоподобие отснятого материала. Кулешов и его соавтор по сценарию Виктор Шкловский переделали новеллу Джека Лондона «Неожиданное» (1906) так, чтобы отнять смысл у самочинной

юстиции. Спустя девять лет после октябрьской революции с ее стихийными расправами над неугодными наказание Деннина завершается в фильме – вразрез с новеллой – тем, что веревка, на которой он был повешен, рвется. Тот выживает и бросает веревочную петлю в окно Эдит и Гансу «на счастье». В «Эдеме» же жертва самоуправства не вознаграждается (предсмертное письмо Риттера не достигает своей цели: не снимает вины за преступление с доктора). И Дора, и Риттер – убийцы, их эквивалентность закрепляется тем, что первая подтверждает клевету второго на Хайнца. В истории, по идее режиссера, суд, каким бы он ни был – легитимным или нет, – не добивается справедливости: губернатор в своем расследовании теряется, не зная, показаниям какой стороны верить, а Дора не менее лжива, чем ее муж-философ, которого она покарала за отступление от собственных принципов.

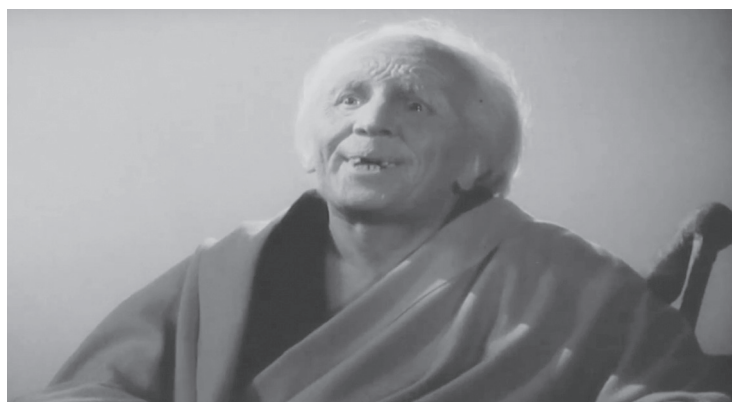
Элоиза, как и Дора, имеет прототипом героиню немого фильма – Лулу (Луиза Брукс) из «Ящика Пандоры» (1928) Георга Вильгельма Пабста. Элоиза никакая не баронесса, в прошлом она была певицей в варьете – там же выступает Лулу. Обе разжигают распри: Лулу среди прочего втягивает в соперничество влюбленных в нее солидного и влиятельного Людвиг Шёна и его сына Альву. После разнообразных злоключений голод заставляет героиню Пабста заняться в Лондоне проституцией, первым же клиентом оказывается Джек Потрошитель, который убивает ее. У Элоизы на Флореане подходят к концу съестные запасы, поэтому она крадет консервы у семейства Хайнца, а затем – во время затеянного ею пиршества, в котором все персонажи фильма поедают похищенные припасы, – вызывает ссору с Риттером, что, в конце концов, приведет ее к гибели. В добавку к уже имеющимся у нее двум молодым любовникам Элоиза норовит соблазнить богатого Алана Хэнкока, посетившего остров, чтобы снять фильм о нем и его обитателях, но терпит фиаско. Ее сопоставимость с Лулу, содержанкой Людвиг Шёна, неполна. Лулу невинна, ее выстрел в старшего Шёна случаен, она предмет всеобщего обожания (со стороны не только мужчин, но и женщин) и жертва обстоятельств, в которых красота становится источником неурядиц и в итоге истребляется в недостойном ее обществе. В противоположность героине Пабста, обвороженного Достоевским, баронессе лишь хочется убедить себя и окружающих в том, что она есть воплощение «совершенства». Она гонится за «признанием», в чем считает себя равной Риттеру, ищущему, по ее словам, того же (из-за этой роковой фразы, произнесенной во время совместного поедания похищенного продовольствия, философ, не знающий, как парировать, и исполнился ненавистью к авантюристке). Элоиза стремится к *Anerkennung* – ею руководит то желание, которое, согласно Ге-

гелю, движет историческим человеком. Как внушает нам Ховард, направленная в «Феноменологии духа» (1807) к безупречной законченности самосознания история сочетает в себе на самом деле самозванство, манипулятивность и криминальность.

В амплу Спасителя, обитающего на изолированном от цивилизации уголке земли и призванного повернуть ход истории, Риттер параллелен Верховному Ламе в «Потерянном горизонте» (1937) Фрэнка Капры. В фильме Капры, вышедшем на экраны во время гражданской войны в Китае, некий политический деятель Роберт Конвей добирается после – как потом выяснится, подстроенного – крушения самолета до расположенной в Гималаях страны Шангри-Ла. Конвей, вынашивающий планы по предотвращению мировой катастрофы, оказывается в обществе, где царят всеобщее согласие и довольство, а жизнь граждан длится много дольше положенного человеку срока. Конвей знакомится с готовящимся покинуть наш мир основателем этого обособленного чудо-общества. Одна из портретных деталей, предназначенных сделать заметным возраст более чем двухсотлетнего Верховного Ламы, – отсутствие у него зубов. В «Эдеме» доктор Риттер удалил зубы, чтобы избежать инфекции, и пользуется во время еды вставными (илл. 5, б).

ИГОРЬ СМИРНОВ

НЕПРОШЕННЫЙ ГОСТЬ:
АКТУАЛЬНОЕ КИНО
И ИСТОРИЯ

Илл. 5, 6. Потерявший зубы Верховный Лама («Потерянный горизонт», 1937) и занятый своей вставной челюстью Фридрих Риттер («Эдем», 2024).

В Шангри-Ла «Потерянного горизонта» нет врачей – в «Эдеме» Риттер отказывается принимать роды у Маргарет, объясняя это тем, что сменил свою изначальную профессию, озабоченный исправлением всего рода людского (впоследствии он все же прооперирует ее после родов). Конвея заманили в Тибет, чтобы он занял место главы утопического государства. После бегства из Шангри-Ла он возвращается туда и восстанавливает прерванное было правление в краю изобилия и любви. В «Потерянном горизонте» кризис утопии преодолевается, в «Эдеме» – напротив: мессианские амбиции Риттера не выдерживают проверки бытом, переродившимся в борьбу за выживание на вовсе не утопическом острове. Флореана похожа на земной рай лишь недолго, когда туда приезжает киноэкспедиция (Риттер называет ее «богом из машины») во главе с Хэнкоком, который устраивает поселенцам обильное угощение и праздничный концерт. Фильм как бы вспоминает, что киноискусство бывало проникнуто идиллической надеждой, и тут же берет реминисценцию назад. Но крах Спасителя не означает, что фильм Ховарда окончательно теряет утопизм. Время-к-упадку замедляет Маргарет: ее реальному прототипу предстоит дожить до 96 лет.

Маргарет видит скрытое от глаз: она проверяет двустволку мужа, находит в ней оба патрона и понимает, что это не он застрелил Элоизу. Еще одно свойство видения этой героини заключается в том, что она владеет искусством имитации чужого взгляда. Когда в отсутствие Хайнца у Маргарет начинаются родовые схватки, перед ней, застывшей на пороге хижины, угрожающе выстраивается в боевой ряд свора одичавших на острове собак, которых привлек запах крови, струящейся по ее ногам. Единственное, чем Маргарет может защититься от бешено лающих, хищно глазающих на нее животных, – ее ответный взгляд, полный агрессии, в придачу она скалит зубы⁴ (в эту сцену монтажно вставляются кадры скрытой от взоров кражи съестных припасов: антитеза видимого рождения – невидимое лишение семьи Хайнца средств к поддержанию жизни). Маргарет не только объект для киномедиума, но и подобие его инструмента – камеры, репродуцирующей данную организм от природы зрительную способность. Аналогично фильмическому зрению с его флэшбэками и флэшфорвардами Маргарет проникает взглядом в прошлое (в обстоятельства преступления) и в будущее: она растолковывает Доре, что испортившаяся курятина содержит в себе токсины. Отравление

4 Гегельянскому подходу к истории, на который намекают суждения баронессы, и выходу за пределы исторического времени, воображаемому захваченным нищезанятием Риттером, фильм Ховарда противопоставляет учение Жан-Поля Сартра о парировании опасного чужого взгляда встречным взглядом («Бытие и ничто», 1943).

Риттера Дорой спланировано Маргарет, которая оказывается тем самым сразу и персонажем, и сценаристом демонстрируемого нам фильма.

Маргрет – квинтэссенция кинопроизводства и коррелятивно этому несет в себе главную идею «Эдема». В модели Ховарда, соизмеряющей три робинзонады, историю нельзя начать заново, чего хотелось бы спекулятивно мыслящему Риттеру, как ею нельзя распорядиться и посредством авантюрного предпринимательства, олицетворенного баронессой. И головное проектирование, и обещающий барыши практицизм одинаково выявляют у Хорварда свою историческую непригодность. Благоотворно не делание и переделывание истории (и не метемпсихоз, как в «Потерянном горизонте»), а отдача себя родовой жизни, вытягиваемой в *longue durée* с появлением на свет потомков (для Маргарет и Хайнца семья – это «всё»)⁵. Между тем как сотериологизм Риттера выливается в несчастье, исполнение подлинного спасения берет на себя Маргарет. Кормя ребенка грудью, то есть воссоздавая образ Мадонны с младенцем, она выгораживает на допросе мужа, избавляя его от подозрения в убийстве баронессы.

ИГОРЬ СМЕРНОВ

НЕПРОШЕННЫЙ ГОСТЬ:
АКТУАЛЬНОЕ КИНО
И ИСТОРИЯ

Можно ли покинуть концлагерь?

Каждый из фильмов, о которых идет речь, означает творческий порыв, запускающий в ход историю в архитектурных образах – в ее памятниках. Какой бы оборот ни принимала в трех кинопроизведениях сюжетная динамика, она указывает, что в истории непременно наличествует тот ее наглядно-материальный аспект, какой Ницше именовал в «Несвоевременных размышлениях» (1873–1876) «монументальным». В «Солтберне» памятник, знаменующий историческую созидательность, давно возведен и только переходит из одних рук в другие. В «Эдеме» Хайнц и его жена оборудуют жилой участок на

- 5 Во всех своих проявлениях история в «Эдеме» направлена в будущее, что разительно отличает этот фильм от «Повелителя мух» (1963) Питера Брука, экранизации одноименного романа Уильяма Голдинга (1954). В фильме Брука и в романе группа детей, очутившихся на тропическом острове в результате авиакатастрофы, регрессирует в первобытное состояние и распадается на две враждующие фратрии (по схеме, намеченной в этнологическом труде Рут Бенедикт «Модели культуры» (1934), где были разграничены «аполлонический» и «дионисийский» типы организации ранних обществ). В «Повелителе мух» выпавшие из цивилизации дети восстанавливают архаическую инициацию; в «Эдеме», наоборот, присутствует потребность решения как раз цивилизационных проблем даже на необитаемом острове. Было бы заманчиво подозревать внутреннюю связь между картинами Ховарда и Брука, но по смыслу они разобщены. Значительно, что Ховард вводит в «Эдем» деталь, информирующую зрителей о пустом семантическом пересечении двух фильмов. «Дионисийская» фратрия у Брука устанавливает тотемический культ и посвящает ему водружение на шесте свиной головы. В «Эдеме» Риттер покупает у Хайнца свиную голову, но по сугубо прагматической нужде – доктор страдает от голода. «Эдем» и «Повелитель мух» образуют то, что можно было бы назвать минус-интертекстом.

острове и строят дом из камней (символизирующая изготовление фильма, Маргарет, таким образом, еще и сооружает его декорации). Последняя из подлежащих анализу кинокартин, «Бруталист», целиком посвящена деятельности архитектора.

Приверженец позднего конструктивизма Ласло Тот напоминает его фактических представителей. Архитектор в фильме Брэди Корбета проектирует тот же стул, каким прославился в Баухаузе Марсель Лайош Брёйер, эмигрировавший из Германии в 1933 году в Англию и затем переехавший в Нью-Йорк. Венгерский еврей Тот схож не только с Брёйером, но также с Эрнэ Голдфингером, экспериментировавшим с необработанным бетоном в Великобритании. Однако в качестве жертвы нацизма прошедший через Бухенвальд герой Корбета не совпадает ни с одним из своих реальных прототипов. Перед нами не байопик и даже не рассказ об истории зодчества, а притча о воскрешении исторически авангардного творческого дара, после того как он подвергся уничтожению.

Ступив на борт корабля, везущего эмигрантов из Европы в США, Ласло переживает второе рождение, переданное в фильме с помощью ручной камеры, следующей за героем, который с трудом проталкивается сквозь толпу отъезжающих из темноты к свету – из утробы в большой мир. В Америке беженец устраивается на работу в мебельном бизнесе своего кузена Аттилы, но стул, который создает искусный мастер, не удовлетворяет заказчиков, а за обновление дизайна в кабинете Харрисона он не получает ни гроша от разгневанного обитателя этого помещения. К тому же американская жена Аттилы оговаривает Ласло, несправедливо обвиняя его в сексуальных домогательствах. Изгнанный из семьи кузена, Ласло находит вместе со своим постоянным спутником (так сказать, тенью), Гордоном, приют в ночлежке, впадает в наркозависимость и зарабатывает на хлеб насущный физическим трудом. Опустившегося на социальное дно героя находит Харрисон, узнавший из журнальной статьи, что убранство его кабинета получило высшую оценку у знатоков. Нажившийся во время войны предприниматель предлагает архитектору заняться постройкой на холме в своих земельных владениях общественного центра в память об умершей матери. К Ласло после долгой разлуки присоединяется вместе с его племянницей Зофией вырвавшаяся из Европы жена Эржбет, у которой отнялись во время ее заключений ноги (она, как и муж, побывала в концлагере).

Крушение поезда, перевозившего стройматериалы, надолго прерывает возведение мемориального комплекса, но спустя несколько лет его автор получает возможность завершить начатое. Во время поездки в Италию для выбора мрамора в Карраре пьяный Харрисон насилует одурманенного героинем Лас-

ло (возможно, завидуя успеху того у женщин на вечеринке, устроенной в честь гостей). Прикованная к инвалидной коляске, Эржбет публично обвиняет вернувшегося в Америку Харрисона в содеянном – он пропадает с экрана (вероятнее всего, кончает самоубийством) в заполненном водой подвале общественного центра, где расположены дренажные насосы. В 1980 году Зофия рассказывает на архитектурной биеннале в Венеции о доведенном до воплощения проекте Ласло Тота, которому хотелось бы отобразить в своем сооружении (его алтарную часть метит крестами через проемы в крыше движение солнца по небосводу) испытанный им лагерный опыт.

Важная составляющая интерфильмического фона, на котором следует интерпретировать «Бруталиста», – биографический фильм Герберта Майша «Андреас Шлютер» (1942) о зодчем позднего барокко, создателе конной статуи прусского курфюрста Фридриха Вильгельма. Кульминационное событие в фильме Майша – обрушение возводимой в Берлине Шлютером Монетной башни (она и впрямь обвалилась в 1706 году). Крах амбициозного проекта (башня должна была достичь высоты в 91 метр), возможно, был предупреждением Майша о неосуществимости задуманной Гитлером и Альбертом Шпеером реконструкции Берлина, который должен был стать мировой столицей под именем «Germania», если не о тщете всей национал-социалистической аферы с ее манией величия. В «Бруталисте» также происходит обрушение: из-за неловкости такелажников падает на землю стеклянно-металлический купол, которому надлежало увенчать кабинет Харрисона. Позднее тот упрекает Ласло в недостаточном владении английским и почему-то бросает в собеседника монету. И этот жест, и неудача с куполом выставляют Ласло в слабой позиции при том, что монета соотносит нас с именем перестраиваемой Шлютером башни – *Münzturm*. Пусть Харрисон и признал свою ошибку с неприятием переоборудования кабинета, он не доверяет чужаку с недостаточным английским, опасаясь, что Ласло постигнет тот же провал, что и Шлютера с Монетной башней. После железнодорожной аварии и прекращения строительных работ Ласло ломает макет своего детища – он повторяет фактическую катастрофу, легшую в основу фильма о Шлютере, лишь применительно к искусственному подобию мемориала, который в развязке повествования – в кинореальности – принимает законченный вид вопреки всем напастям.

Второй фильмический претекст «Бруталиста» – «Чрево архитектора» (1987) Питера Гринуэя. Американский архитектор Сторли Крэклайт возглавляет в этом фильме организацию римской выставки, воздающей должное забытому зодчему XVIII века Этьену-Луи Булле. Крэклайт партиципирует Булле

ИГОРЬ СМЕРНОВ

НЕПРОШЕННЫЙ ГОСТЬ:
АКТУАЛЬНОЕ КИНО
И ИСТОРИЯ

настолько, что даже отправляет давно почившему коллеге по цеху письма по почте. Младший партнер Крэклайта по устройению выставки Каспазиан прикарманивает деньги, отпущенные на нее, и становится главой оставшегося без кредитования проекта, вытесняя из него прежнего руководителя, а заодно и уводя у того беременную жену. Крэклайт, внезапно узнавший, что у него рак желудка, выбрасывается из окна Витториано – мавзолея Виктора Эммануила. Точка соприкосновения «Бруталиста» с фильмом Гринуэя – мотив связанного с финансированием строительства коварного вмешательства в замысел Ласло. Инспектирующий по заданию Харрисона работы по сооружению мемориального ансамбля архитектор Джим Симпсон распоряжается ради экономии денежных средств уменьшить высоту потолков в помещениях общественного центра (избыток пространства по вертикали должен был, по идее Ласло, напоминать о тоске узников концлагеря по свободе). Чтобы исправить решение Симпсона, возмущенный Ласло вкладывает в расходы на строительство собственный гонорар, воспроизводя тем самым готовность Крэклайта возместить за свой счет нехватку денег, необходимых для подготовки выставки. Назидание Гринуэя предостерегает от отождествления живого с мертвым и настоящего с минувшим, которое ведет Крэклайта, вжившегося в образ Булле, к потере всего, чем он обладает (жены, ребенка, места службы, здоровья). В отличие от Гринуэя, Корбет трактует идентификацию героя фильма с жертвами Холокоста как победу зигдительства и жизни (сильно постаревший Ласло Тот присутствует при презентации его творения в Венеции). Весьма возможное самоубийство у Корбета совершает в подвалах мемориала (в каком-то смысле аналога мавзолея Виктора Эммануила) Харрисон, разжегший соперничество двух архитекторов.

В чем смысл подхватывания в фильме об архитектуре мотивов из кинопродукции с той же тематикой? Надо думать, в уравнивании кинематографии с зодчеством. Архитектура в кино (в «Бруталисте») есть кино об архитектуре (комбинация и модификация уже попавших на экран сюжетных ходов, сопряженных со строительным искусством). Кино соположено архитектуре так же, как оно соположено самому себе (в преемственной цепи). Ласло эквивалентен кинорежиссеру, оперируя зрительными образами и командуя на строительной площадке, как тот верховодил бы на съемочной. Неспроста противник архитектора Харрисон – страстный любитель чтения, в чьем кабинете-библиотеке собрано множество книг. Читатель *par excellence*, он не в состоянии адекватно воспринять новый облик своей рабочей комнаты, его зрение дефицитарно. Наркоману Ласло, погруженному в фантомные виде-

ния, в наглядный и вместе с тем измененный мир, оппонирует алкоголик (в обычае Харрисона выпивать каждый вечер бутылку крепкого вина), не контролирующий своих действий (совершающий в пьяном дурмане сексуальное насилие). Племяннице Ласло назначено в «Бруталисте» служить намеком на эволюцию кино от немного к звуковому: Зофия замкнулась в глухом молчании после перенесенных ею бедствий и начинает говорить в фильме только тогда, когда объявляет о своем намерении переехать из США в Израиль, убеждая дядю поступить тем же образом. Он так и делает, обретая, наконец, дом и убежище. Второе рождение по ту сторону Атлантики не состоялось. Чужеродному повсюду – в Европе ли, в Америке – телу, испытывающему на себе насилие и там, в концлагере (оно продублировано в Италии Харрисоном), и здесь, где Аттила лишает Ласло крова и где отверженный талантливый человек вынужден стать чернорабочим, страстотерпцем физического труда, дана лишь одна возможность перестать быть посторонним в мире сем – удалиться на отчужденную землю, присоединиться к кровной и конфессиональной родне. Нарушения индивидуальной суверенности тех, кто стоит в авангарде социокультурного развития, неотъемлемы от истории, которую способно гармонизировать только ее свертывание к бытованию людей в родовой общине, – такова идея фильма, выраженная лицом, в каком неявно инкарнируется киноискусство.

ИГОРЬ СМЕРНОВ

НЕПРОШЕННЫЙ ГОСТЬ:
АКТУАЛЬНОЕ КИНО
И ИСТОРИЯ

Нарушения индивидуальной суверенности тех, кто стоит в авангарде социокультурного развития, неотъемлемы от истории, которую способно гармонизировать только ее свертывание к бытованию людей в родовой общине.

КОНЕЦ ВЕРНУВШЕЙСЯ НА ЭКРАН ИСТОРИИ

В «Бруталисте», как и в остальных рассмотренных произведениях, критика в адрес истории перекодируется в образы недоступного и уродливого секса, который не просто теряет прокреативную силу, но являет собой упадок Эроса вообще, становящегося ущербным. В «Солтберне» вождество Оливера не находит полноценной реализации: терзаемый страстью герой довольствуется тем, что жадно пьет воду из ванны, в которой мастурбировал его знатный друг Феликс. В «Эдеме» Дора пытается поцеловать Риттера, но доктор, впавший в отчаяние

из-за вынужденного отречения от своих философских убеждений, оставляет любовный жест без равнозначного ответа, вместо которого, распознав, что у его жены воспалился зуб, тут же вырывает его мало подходящими для такой операции щипцами, оказавшимися под рукой. Ласло Тот совершает и в публичном доме по прибытии в США, и в постели с парализованной Эржеб половые акты без пенетрации (он не проникает в эротическую плоть так же, как не осваивается в непривычном для него обществе). История, таким образом, метафорически концептуализируется (перекодировки суть не что иное, как самотолкование художественного произведения) в качестве свергающей человека в недостаточное положение – она потому и устремляется постоянно к иному, что данное в ней есть нехватка.

Сколь отрицательным, однако, ни было бы осмысление истории в актуальном кино, именно она заполняет воображение его создателей. Этим современный фильм отличается от до того захвативших экран картин, то рассчитанных на покорение зрителей оптическими и другими внутрифильмическими эффектами, то приобщающих нас вероятностным фантастическим мирам, то попросту далеких от обращения к большой истории или ограничивающих себя отсылками к ее частно-определенным фрагментам. Новейшее экранное искусство возвращает нас к кинофилософии истории, которая сложилась в авангардистской художественной культуре на заключительном этапе ее становления, к примеру – в «Иване Грозном» (1944–1945) Сергея Эйзенштейна, «Гражданине Кейне» (1941) Орсона Уэллса, «Великой иллюзии» (1937) Жана Ренуара, «Саботаже» (1936) Альфреда Хичкока и в прочих фильмах из того же ряда. Кино сегодня начало восстанавливать⁶ свое сложное смысловое строение, бывшее присущим ему во времена, когда оно претендовало на то, чтобы выяснить, что такое история. *History* всегда превосходит по объему и содержанию значения *story*. Стараясь схватить сущность социокультурного времени, фильм преодолевал обычный в нем легко расшифровываемый схематизм, свою смысловую бедность, повышал приходящуюся на него семантическую нагрузку – так и теперь он набирается информационного изобилия (каковое моя статья реконструирует лишь отчасти). Кино снова становится думающей машиной, какой оно было раньше.

И «Солтберн», и «Эдем», и «Бруталист» предсказывают – даже открыто не ставя себе целью быть пророчествами – финализацию исторического процесса. Он сохраняет свой след только в надгробиях – искусственного происхождения в «Солтберне» и «Бруталисте» или естественного в «Эдеме», где дей-

6 Полемизируя с популярными зрелищными жанрами: «Эдем» контрафактурен относительно *reality shows*, часто разыгрывающихся в обстановке дикой природы

ствие, истребляющее исторического человека, локализовано в природном заповеднике, тоже усыпальнице своего рода. Не-прошено-катахрестическая часть, исключая целое, всегда являвшаяся тем самым, что история предлагает в настоящем взамен всего, что уже было, перестает быть двигающейся вперед. В «Солтберне» обрыв и завершение преемства обрисованы как приход во власть убийственного и лицемерного демонизма (голова Оливера украшена на карнавале дьявольскими рогами, тогда как у Феликса на этом празднестве за плечами ангельские крылья). История здесь захлестывается петлей в силу того, что новое в ней не подлинно, оно лишь меняет владельца, а не *modus vivendi* объекта, который остается самим собой, так что будущее оборачивается уже бывшим. Исчерпанная история не имеет в «Солтберне» никакого перспективного выхода из своего вырожденного состояния. «Эдем» и «Бруталист» намечают, напротив, путь бегства из истории в неисторию, в генезис, воспроизводимый в континуальной жизни семьи *resp.* религиозно-этнической общины. Зло в этих двух фильмах сосредоточено не в безбудущности, а в самой истории – в идейной, с одной стороны, и деятельной, с другой, у Ховарда; в подавляющей создателя ценностей у Корбета. Оба произведения предрекают полное торжество идентитарной политики, маркирующей теперь тупик, в который заходит в своем поступательном движении эпоха, начавшаяся в 1960–1970-х⁷. Погибнет ли взаправду *homo historicus*? Что ждет нас – исполнение кинопроорочаний или их опровержение?

ИГОРЬ СМЕРНОВ

НЕПРОШЕННЫЙ ГОСТЬ:
АКТУАЛЬНОЕ КИНО
И ИСТОРИЯ

- 7 Знаменательно, что и сегодняшняя литература, оборачиваясь на историю, фокусирует свой взгляд на проблеме сохранения/потери идентичности. Ставший сенсацией в США роман австро-германского писателя Даниэля Кельмана «Lichtspiel» (2023; русский перевод заглавия этого текста – «Светотень» – отклоняется от подлинника, как, впрочем, и английский – «The Director»; пожалуй, лучше всего было бы перевести название буквально – «Кино») прямо противоположен по замыслу «Эдему» и – особенно – «Бруталисту». Жидущийся на биографии Георга Вильгельма Пабста, роман повествует, как и фильм Корбета, о трудностях, испытываемых героем-эмигрантом, который тщится заново начинать жизнь по ту сторону Атлантики. Вернувшийся по воле обстоятельств в «третий рейх», Пабст приспосабливается – несмотря на свое леволиберальное прошлое – к существованию в условиях нацистской диктатуры и успешно продолжает карьеру кинорежиссера. Но это возобновление национальной и профессиональной идентичности ведет к ее опустошению, к творческому краху мастера. Снятый в Праге по роману заурядного нацистского автора фильм Пабста «Дело Мольнера», в котором в качестве статистов были заняты узники концлагеря, затерялся в хаосе последних дней войны. С этой утратой Пабст – в изображении Кельмана – не в состоянии справиться, он деградирует как художник. Восстановление самоидентичности означает для Кельмана, томящегося по историческому, меняющемуся человеку, гибель суверенного в своем саморазвитии «я». В отличие от искусства фильма, литература ратует за жизнь-в-истории, но скорее ностальгически, не предлагая нам никакой позитивной программы, по которой могла бы осуществляться такого рода жизнь. В своей ностальгии по истории Кельман выстроил повествование по образцу кинороманов, бывших в моде в 1910–1950-е (сцены его текста имитируют работу субъективной камеры – в каждой из них господствует аудиовизуальное восприятие событий отдельным выделенным персонажем).

Табу на трансцендентность и его политические последствия

Анатолий Рясков
(р. 1978) – независимый
исследователь.

Предположение Мишеля Фуко о том, что XX век когда-нибудь «будет известен как век Делёза»¹, оказалось неверным. Точнее, Фуко ошибся с датировкой: несмотря на смерть Жюль Делёза в конце XX столетия, подлинное значение его философской деятельности раскрывается в первой половине XXI. Причем дело не столько во влиянии на интеллектуальные течения², сколько в том, что именно тексты Делёза концептуализировали появление реальности, неотъемлемыми составляющими которой выступают интернет, потоки *big data* и нейросети. Однако куда менее очевидной проблемой оказывается следующая: в какой степени манифест множеств и различий, задуманный как сопротивление любым иерархиям, содержал потенциал для поворота в сторону нео-реакции?

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЗАПРЕДЕЛЬНОМУ

Книгу «Различие и повторение», написанную Делёзом на основе докторской диссертации, с равным успехом можно назвать завершающей ранний этап его философской деятельности или, наоборот, открывающей тот стиль, с которым ассоциируется сегодня его мысль. Здесь еще нет открытой атаки на трансцендентность, объявленной в «Анти-Эдипе» и других книгах, написанных в соавторстве с Феликсом Гваттари, но тем не менее именно в «Различии и повторении» разворачивается проблема, которая обусловит последующие шаги.

В рамках полемики с Гегелем здесь выстраивается система, в которой негативность лишена привилегированного статуса. Дело не только в том, что столкновения сборок, интенсивностей и симулякров не укладываются в бинарную оппозицию тезиса и антитезиса – не принимается сама логика отрицания:

1 Фуко М. *Theatrum philosophicum* // Делёз Ж. *Логика смысла*; Фуко М. *Theatrum philosophicum*. М.: Паритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. С. 441.

2 Характерным примером этой популярности и востребованности является выпускаемая издательством Эдинбургского университета книжная серия «Плато», посвященная исключительно делёзианским студиям и насчитывающая десятки томов: https://edinburghuniversitypress.com/series-plateaus-new-directions-in-deleuze-studies?product_list_limit=100.

эти переплетения характеризуются избытком, а не нехваткой – сложением, а не вычитанием. Вполне закономерно, что одним из главных объектов критики выступает «долгая история искажения диалектики, завершенная Гегелем; она состоит в подмене игры различия и дифференциальной работой негативно-го»³. В «Различии и повторении» отрицание предстает не как самостоятельная сила, а как «иллюзия», «тень задачи», «по преимуществу лжезадача»⁴: это вовсе не след небытия, а нереализованные бытийные ресурсы. Иными словами, вместо того, чтобы противопоставлять миру нечто, находящееся за его пределами, нужно, наконец, лишить проблему ореола неприсутности и рассмотреть ее как внутрисистемную (а в качестве главных союзников избираются Спиноза, Лейбниц и Ницше). Примечательно, что уже на этом этапе полемика с линейной моделью сменяющих друг друга тезисов и антитезисов получила политическое измерение: «Противоречие скорее не оружие пролетариата, но способ, которым буржуазия защищает и сохраняет себя; тень, за которой прячутся ее претензии на решение задач»⁵.

По существу, в «Анти-Эдипе» догматика психоанализа иллюстрирует все те же попытки вынести основополагающую проблему за пределы существующей системы и придать ей теологический ореол. Этому конструкту, первоначальным виновником которого провозглашается Платон, Делёз противопоставляет так называемый план имманентности – концепт, который он будет разрабатывать до конца жизни. И, несмотря на обилие изощренных терминов, речь здесь с самого начала не шла лишь о теоретических абстракциях.

Истоки стеснения имманентности коренятся в теологии и религиозной власти. Катастрофа реального заключается в том, что «имманентное единство земли как неподвижного двигателя уступает место трансцендентному единству совсем иной природы, единству Государства; полное тело – это уже не тело земли, а тело Деспота»⁶. Поэтому на смену стержневому корню должна прийти ризома, горожанина должен сменить кочевник, застывшую статую – тело без органов, а строгость перекрестка свержается непредсказуемостью инфлексии. Любые унарные и бинарные философские модели объявляются тяготеющими к реакционной тенденции, а революционность, напротив, характеризуется многозначностью системы и готовностью к расширению цепочки аргументов. Неудивительно, что Фуко в своем предисловии к «Анти-Эдипу» сконцентриро-

3 Делёз Ж. *Различие и повторение*. СПб.: Петрополис, 1998. С. 323.

4 Там же. С. 248, 256.

5 Там же. С. 324.

6 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 230.

вался именно на политических смыслах: «Это искусство жизни, противоположное всем формам фашизма – будь они уже состоявшимися или только нарождающимися»⁷.

Итак, именно ставка на имманентность должна определить леворадикальное противостояние всем иерархиям: платонизму, божественной трансцендентности, стволу-генералу, любым проявлениям теологии и авторитаризма. Но трансцендентность необходимо не просто изгнать, нужно сжечь все мосты, лишить ее всякой возможности возврата, восстановив тем самым исконную чистоту имманентного. От этой цели Делёз уже никогда не отступал. Символично, что последнюю прижизненную публикацию он озаглавил «Имманентность. Некая жизнь»⁸.

То, что для Делёза являлось проблематизацией понятия границы, у его последователей зачастую превращается в декларацию стирания всех рубежей. Разбирательство с запредельным оборачивается борьбой с квазитрансцендентным, которая рискует превратиться в погоню за собственной тенью.

ЗАЧАТИЕ УРОДА

Сегодня следы табу на трансцендентность, представляющие собой прямое или опосредованное влияние Делёза и Гваттари, можно обнаружить в самых разных сферах: у радикальных феминисток, у так называемых постгуманистов, даже у звуковых исследователей. То, что для Делёза являлось проблематизацией понятия границы, у его последователей зачастую превращается в декларацию стирания всех рубежей. Разбирательство с запредельным оборачивается борьбой с квазитрансцендентным, которая рискует превратиться в погоню за собственной тенью. В этом смысле нагромождающиеся друг на друга номадологические исследования скорее являются не свидетельством триумфа делёзианства, а приметами кризиса соответствующей стратегии. Здесь впору вспомнить высказывание кумира:

«Я воображал, что подкрадываюсь к какому-то автору сзади и что мы зачинаем с ним ребенка, который был бы похож на него и вместе с тем родился бы монстром. Очень важно, чтобы это был именно

7 Фуко М. Предисловие к американскому изданию «Анти-Эдипа» // Делёз Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип...* С. 9.

8 Делёз Ж. *Имманентность. Некая жизнь* // EINAudi: Философия. Религия. Культура. 2021. Т. 10. № 1(19). С. 229–235.

его ребенок, ибо автор реально должен был сказать все то, о чем я его заставлял говорить. Но было также необходимо, чтобы ребенок был монстром, потому что нужно было пройти все виды смещений, скольжений, изломов, тайных выделений, которые доставляли мне огромное удовольствие»⁹.

Есть основания считать, что настал тот момент, когда можно говорить об использовании этой креативной методики в отношении самого Делёза. Разве что – в сугубо фарсовом виде. И, пожалуй, самой примечательной иллюстрацией здесь оказываются тексты Ника Ланда. Автор, которым тридцать лет назад зачитывались леваки, в 2020-х внезапно выступил в роли идеолога неореакционизма. Как же это могло произойти? Заглянув в работы Ланда, написанные в середине 1990-х, сложно не наткнуться на слово «имманентность». Это без всяких преувеличений центральное понятие:

«Может показаться, что чтение Делёза и Гваттари требует больших усилий, хотя на самом деле они требуют очень малого. Неустанно мыслить имманентность – этого хватит, чтобы следовать за ними там, где оно того стоит (а капитал учит нас этому). В каждой точке блокировки необходимо забраковать некоторое убеждение, расстроить отложения трансцендентности»¹⁰.

Отдельного внимания заслуживает еще более бесцеремонное, чем у шизоаналитиков, присвоение образа Антонена Арто «тело без органов», интерпретируемого как имманентная субстанция: «материя тела без органов и материя Спинозы суть одно»¹¹. Надо вспомнить, что если в «Капитализме и шизофрении» тело без органов стало непосредственным участником политического действия, то для самого Арто новая телесность сохраняла утилитарный потенциал и пафос субъективности. Существеннее, однако, что представление Арто в качестве поборника имманентности является грубым искажением его философии, в которой «искусство не подражает жизни, а жизнь подражает трансцендентному принципу, с которым нас связывает искусство»¹².

Далее. Уже в ранних работах Ланда можно обнаружить панегирики в отношении машинного обучения, методологическую основу которых составляют знакомые концепты:

«В делёзианской критике синтеза считаются не просто имманентными в своем функционировании, но также имманентно конституированными, то есть самовоспроизводящимися»¹³.

9 Он же. *Переговоры*. СПб.: Наука, 2004. С. 17.

10 Ланд Н. *Машинное желание* // Он же. *Сочинения: В 6 т.* Пермь: Гиле Пресс, 2018. Т. 2 («Киберготика»). С. 60.

11 Он же. *Вытворяя это со смертью: заметки о Танатосе и желающем производстве* // Там же. С. 15.

12 ARTAUD A. *Dossier du théâtre et son double* // IDEM. *Œuvres complètes*. Paris: Gallimard, 1964. Т. IV. Р. 310.

13 Ланд Н. *Машинное желание*. С. 59.

Кстати, здесь можно кратко пояснить, почему Ланд не хайдеггерианец. Вопреки тому, что философской задачей Хайдеггера (а в этом стремлении он совпадает с Делёзом) стал поиск радикальной альтернативы теологическим аргументам, Ланда беспокоит приток «неогуманистических тем, идущих от Хайдеггера через Кьеркегора с Гуссерлем и ожесточающих квазитеологический компромисс»¹⁴. Едва ли будет ошибкой предположить, что к неогуманизму в этой системе координат оказываются отнесены и хайдеггеровские взгляды на технику. Один из поздних докладов Хайдеггера сегодня действительно может быть прочитан как полемика с темным просвещением:

«Не надо дара пророчества, чтобы понять, что с недавних пор устанавливающиеся науки определяются и направляются новой фундаментальной наукой, называемой кибернетикой. [...] Теперь “теория” значит: суппозиция категорий, от которых требуется только кибернетическая функция и которым отказано во всяком онтологическом смысле»¹⁵.

Только ленивый не занимался выявлением в работах Хайдеггера следов правой идеологии. При этом его философия никоим образом не соотносится с технооптимизмом Ланда, по злой иронии рифмующимся с национал-социалистическим воодушевлением в отношении машин. В качестве методологического фундамента им избирается антифашист Делёз, ведь дело вовсе не в политических убеждениях философов, а в выстраиваемой ими логике. Впрочем, именно здесь появляются и ресурсы для выхолащивания из «Капитализма и шизофрении» левого радикализма: «то, что Делёз и Гваттари отдают кибернетику на милость ее модернистскому определению, видно в “Анти-Эдипе” из их замечаний о капитале»¹⁶. Но в какой же момент гимн имманентности приводит к темному просвещению? Ответить на этот вопрос неожиданным образом помогают тексты Жан-Люка Нанси на тему сообщества.

ИММАНЕНТНОСТЬ. НЕКАЯ СМЕРТЬ

Несмотря на то, что Нанси написал весьма комплиментарную статью о концепте складки¹⁷, сборник «Непроизводимое общество» может быть прочитан как полемика с Делёзом, и тем интереснее – если она не намеренная. Дело в том, что одной из центральных проблем здесь оказывается связка между

¹⁴ Он же. *Вытворяя это со смертью...* С. 9.

¹⁵ Хайдеггер М. *Конец философии и задача мышления* // Тамыр. 2006. № 17 (<https://tamyr.org/?p=1322>).

¹⁶ Ланд Н. *Сцепления* // Он же. *Сочинения...* Т. 2. С. 37.

¹⁷ Нанси Ж.-Л. *Складка мысли Делёза* // *Vita cogitans*. 2007. № 5. С. 149–156.

ставкой на имманентность и правым политическим спектром. Логика этой сцепки у Нанси убедительно разъясняется через воссоединение двух значений слова «миф», которые обычно принято отделять друг от друга.

Как правило, словари требуют различать миф как древний способ бытия в мире, идеальное совпадение нарратива и истины, и вымысел, идеологию – то, что воплощается в словосочетании «политический миф». Однако дело не в том, что второе значение наследует первому, превращая его в метафору – оба они оказываются прочно связаны на другом уровне: «миф репрезентирует имманентность множественных сущих своему собственному уникальному вымыслу, собирающему и создающему их общий образ в слове и в виде этого слова»¹⁸. В свою очередь ставка на имманентность, предполагающая интеграцию посюсторонним всего внеположного, ставит вопрос о месте смерти в пространстве, формирующемся по этим законам. Делёз и Гваттари писали на эту тему:

«Опыт смерти – это для бессознательного самое обычное дело: как раз потому, что он осуществляется в жизни и ради жизни, в любом переходе или любом становлении, в любой интенсивности как переходе и становлении. [...] Инстинкт смерти – это чистое молчание, чистая трансценденция, не данная и не обнаружимая в опыте. Этот пункт также весьма примечателен – именно потому, что смерть, по Фрейду, не имеет ни образца, ни опыта, он сделал из нее трансцендентный принцип. [...] Мы же говорим следующее: не существует инстинкта смерти потому, что существует образец и опыт смерти в бессознательном. Смерть в этом случае является одной деталью желających машин, и она должна оцениваться и описываться только в связи с функционированием машины и с системой энергетических преобразований, а не как абстрактный принцип»¹⁹.

Если в ранних работах Делёза отношение к инстинкту смерти в психоанализе еще оставалось двусмысленным, то теперь в его адрес раздаются громогласные инвективы. Однако перед нами не что иное, как продолжение разбирательства с гегелевской негативностью: из опасной внешней инстанции радикальное отрицание должно превратиться в элемент взаимодействия атомов. Ничто провозглашается разновидностью бытия.

Довольно любопытным в этой связи оказывается эссе Делёза, посвященное Беккету. В нем, в частности, предлагается интерпретация прозаической миниатюры «Bing», безличное повествование которой перемежают междометия *bing* («бах») и *hop* («оп»). Эти повторы создают характерное для позднего Беккета настроение падающих капель, отсчитывающих приближе-

АНАТОЛИЙ РЯСОВ

ТАБУ НА ТРАНСЦЕНДЕНТ-
НОСТЬ И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ

¹⁸ Он же. *Непроизводимое сообщество*. М.: Водолей, 2011. С. 111.

¹⁹ Делёз Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип...* С. 519, 523.

ние к небытию. В прочтении Делёза мотив негации полностью исчезает, напротив: «к Бингам, которые создают образы, добавляются теперь Хопы, которые начинают странные движения в самых разных направлениях»²⁰. Однако правомерность этой интерпретации нарушает авторский перевод «Bing» на английский: «оп» в нем вообще отсутствует; во всех случаях его дублирует «бах» (который на английском записывается как *ping*). В соответствии с логикой вычитания Беккет решил оставить в новой версии лишь одно междометие, что усилило эффект близости к ничто: «ping silence ping over»²¹. Делёз же навязывает этому тексту логику сложения, представляя его не как диалог с приближающейся смертью, а как имманентное бурление жизни. Здесь можно вспомнить и о биологических иллюстрациях, нередко задействовавшихся Делёзом в качестве дополнительных аргументов в свою пользу: «Когда организм умирает, он все же не исчезает, но инволюирует и, стремительно перескакивая через этапы, свертывается во вновь уснувшем зародыше»²².

Для Ланда необходимость интеграции смерти в план имманентности также является принципиальной, и именно здесь можно обнаружить основания для последующего правого поворота:

«Делёз начисто отделяет себя от социалистического гуманизма подобного рода, поскольку в программе шизоанализа смерть представляется безличным субъектом критики, а вовсе не проклятой ценностью на службе у порицания»²³.

И все же пока еще не очевидно, почему на ранние работы Ланда следует взглянуть как на уверенные шаги к новой фазе социал-дарвинизма – гиперрасизму, оду которому он публикует через четверть века²⁴. Вернемся за ответом к эссе Нанси: если смерть наравне с любыми другими проявлениями трансцендентности должна лишиться своего привилегированного статуса, то весьма подходящей моделью для выстраиваемого пространства выступает концентрационный лагерь.

«Логика нацистской Германии была не только логикой уничтожения других, людей второго сорта, внеположенных по отношению к общности крови и земли, но, кроме того, логикой жертвоприношения всех, не отвечающих в “арийском” сообществе критериям чистой имманентности»²⁵.

20 Делёз Ж. *Опустошенный* // Беккет С. *В ожидании Годо*. М.: ГИТИС, 1998. С. 262.

21 БЕСКЕТТ S. *The Complete Short Prose, 1929–1989*. New York: Grove Press, 1996. P. 196.

22 Делёз Ж. *Складка. Лейбниц и барокко*. М.: Логос, 1997. С. 17.

23 Ланд Н. *Выворачивая это со смертью...* С. 13.

24 LAND N. *Hyper-racism* (<https://affirmativeright.blogspot.com/2014/10/hyper-racism.html>).

25 Нанси Ж.-Л. *Непроизводимое сообщество*. С. 40.

Более того, эта модель вполне способна децентрализовать саму себя, потому что – как в истории про мальчика в полосатой пижаме – газовая камера готова распахивать двери для каждого: это и есть подлинный итог интеграции смерти в политическую систему. Нанси даже предлагает термин «имманентизм» как альтернативу тоталитаризму, потому что «произведение смерти осуществлялось всегда в доминировании, угнетении, истреблении и эксплуатации, к чему, в конце концов, и привели все социополитические системы, в которых трансцендентность была представлена (инсценирована) и реализована в имманентном»²⁶.

АНАТОЛИЙ РЯСОВ

ТАБУ НА ТРАНСЦЕНДЕНТ-
НОСТЬ И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ

МАШИНА ВОЙНЫ

На этом этапе призыв Делёза и Гваттари «не отменить смерть, а редуцировать ее или превратить в саму вариацию»²⁷ начинает приобретать зловещие коннотации. Не меньшие сомнения вызывает и, например, их теория рассеивания войны, противопоставляющая кочевые завоевания государственному террору. В XXI веке номадологическая машина войны ассоциируется отнюдь не с революциями, а с промышленным производством дронов-бомбардировщиков, частными военными компаниями, маскировкой боевых действий как повстанческих восстаний или специальных операций. Иными словами, война оказывается неумовимо интегрирована в реальность, отвечая за производство смерти. Ставка на кочевой способ ведения боевых действий, якобы способный не превращать войну в свою непосредственную цель, сегодня выглядит малоубедительной, зато начинает раскрываться необозримый потенциал для взаимодействия свободного рынка, реакционизма и номадизма.

Едва ли найдется повод сомневаться в том, что сам Делёз не согласился бы с неореакционным прочтением его книг. Более того, многие пассажи «Тысячи плато» вполне можно считать предостережениями от подобного рода толкований. Однако речь идет о другом: предложенная логика не позволяет называть эту идейную метаморфозу абсолютно противоестественной. Увы, план имманентности изначально содержал внутри себя многочисленные лазейки для присвоения правыми.

В этом смысле нет ничего удивительного, что Нанси предлагает двигаться в противоположном направлении: сообщество для него – «это “трансцендентность”, лишенная “священного” значения, означающая не что иное, как сопротивление имма-

²⁶ Там же. С. 48.

²⁷ Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 182.

нентности»²⁸. Образ сообщества может возникнуть только за пределами «теолого-политического» пространства²⁹, однако вера в незыблемость связки между трансцендентностью и теологией отнюдь не застраховывает имманентность от вторжения мифа³⁰. Злободневность этих выводов не просто сохраняется до сих пор – в эпоху гибридных войн она стала даже более актуальной.

Одна из насущных политических проблем заключается вовсе не в фанатичных призывах вернуться к архаичным («вертикальным») формам правления, а в том, что так называемые традиционные ценности оправдываются логикой инновации. Такие идеологемы, как «народ», «церковь», «суверенитет», способны обретать второе дыхание, причудливо сплетаясь с технологическими означающими («искусственный интеллект», «дополненная реальность», «БПЛА»), и внезапно эти скрещения делают возможной, например, легитимацию милитаризма.

«В любом случае вопрос не в том, имело ли место данное сражение или данная битва, каковы бы ни были их происхождение или формы. Удивительно то, что сама идея войны обрела среди нас право гражданства»³¹.

* * *

Итак, главная сложность состоит не в том, чтобы отменить трансцендентность, а в том, чтобы помыслить ее вне привязки к теологии и незыблемому образцу. Возможно, парадокс философии Делёза заключается в том, что она способна сохранить работоспособность только в случае кардинального пересмотра собственных оснований, связанных со ставкой на имманентность. В противном случае догматичный отказ от трансцендентности раз за разом будет обречен скатываться к вульгарному делёзианству, оборачиваясь отрицанием радикального различия. Но в этом случае номадология утратит революционные смыслы и превратится в стирание границы между войной и миром, что слишком часто означает выбор в пользу войны.

28 Нанси Ж.-Л. *Непроизводимое сообщество*. С. 75.

29 Он же. *Бытие единичное множественное*. Минск: Логвинов, 2004. С. 81.

30 Позднее Нанси неоднократно вопрошал и о том, возможно ли «мыслить за рамками всякого противопоставления или диалектики» трансцендентности и имманентности (Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.-Л. *Нацистский миф*. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 21), и даже предлагал монструозные определения вроде «транс-имманентность» (NANCY J.-L. *Les Muses*. Paris: Galilée, 1994. P. 36, 63). Однако эта стратегия вызывает значительно больше вопросов, чем страницы «Непроизводимого сообщества», посвященные проблеме мифологизации трансцендентного.

31 Нанси Ж.-Л. *Бытие единичное множественное*. С. 161.

Отцы и дети: Русская Стрелковая Генерала Врангеля Дружина в 1930–1941 годах

ОЛЕГ БЭЙДА,
ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-
ТАНДИЛЬ

«Хотите ли, — он с гневом отвечивал, — хотите ли, чтобы я венец Мономаха положил к ногам мятежников?..» И суровые муромцы, жители темных лесов, усердные владимирцы спешили к нему на вспоможение. Три раза обновлялась дружина княжеская, из храбрых дворян состоящая, и знамена ее (на которых изображались слова: «С нами Бог и государь!») дымились кровию.

Николай КАРАМЗИН. *«Марфа-посадница, или Покорение Новгорода»* (1803)

XX столетие продемонстрировало яростную конфликтность национальных проектов, сталкивавшихся не только между собой, но и внутри себя. Пребывая в суперпозиции состояний, нации способны генерировать сразу несколько трактовок собственного предназначения и места в мире. Именно поэтому в противовес существующему государству (например за его пределами) порой может создаваться национальная, но не автохтонная, новая форма, своего рода «малая нация». Для осуществления такой пересборки

Олег Игоревич Бэйда (р. 1990) — историк, преподаватель Университета Мельбурна (Австралия).

Екатерина Олеговна Николаева-Тандиль (р. 1989) — историк-искусствовед, докторант Университета Сорбонны (Франция).

CASE STUDY 2

обычно требуются вооруженные силы, чаще всего оплачиваемые страной, которая принимает оппозиционеров, поскольку для нее внутренний конфликт между «большой» и «малой» нациями может оказаться откровенно выгодным.

В этом месте, возможно, советский по рождению читатель вспомнит высадку в Заливе Свиней – результат конвергенции идей, рожденных аналитиками Центрального разведывательного управления США и горячими головами из полумиллионной кубинской эмиграции, не принявшей режима Фиделя Кастро. Кубинцы были не одиноки в своих попытках вернуться домой на иностранных штыках: в 1950-е, да и потом схожий путь пробовали китайские антикоммунисты¹. Позже, с падением Сайгона в 1975 году, в Калифорнии обосновалась значительная южновьетнамская диаспора. Попытки принадлежавших к ней активистов Хоанга Ко Миня и Ле Хонга, которые в 1980-е пытались с оружием пробиться на родину через лаосскую границу, были ярко описаны в недавно экранизированном романе².

И, конечно же, было русское изгнание – еще одно длящееся доказательство национальной неоднородности. Белые не рассматривали эмиграцию как константу. В их среде нормальным считалось «чемоданное настроение», но если сегодня это выражение означает ожидание чаемого отъезда за пределы родной страны, то в «первой волне» под ним понимали предчувствие скорого возврата на освобожденную родину. Следует помнить, что, несмотря на глупые ошибки, несуразные склоки, комичные эскапады, белая русская диаспора оставалась глубоко патриотичной, тоскующей и страдающей. По большей части она не отделяла себя от судьбы страны, которая ее породила³.

Из всех стран русского рассеяния первая попытка создать зарубежное русское войско была предпринята в Бельгии. Кто-то может задать вопрос: почему не во Франции, не в Югославии, Болгарии или Германии, каждая из которых тоже располагала солидной русской общиной? Почему начало было положено именно в Брюсселе? Все дело в связях между почившей Российской империей и Королевством Бельгия, которые были обширнее, чем может показаться на первый взгляд. Несмотря на представление о Бельгии времен Интербеллума как о «несущественной» державе шоколада и вафель, к концу 1920-х в ней обрели пристанище от восьми до десяти тысяч

1 JEANS R.B. *The CIA and Third Force Movements in China during the Early Cold War: The Great American Dream*. Lanham: Lexington Books, 2018; IGARASHI T. *When Did the ROC Abandon “Retaking the Mainland”? The Transformation of Military Strategy in Taiwan* // *Journal of Contemporary East Asia Studies*. 2021. Vol. 10. № 1. P. 136–155.

2 НГУЕН В.Т. *Сочувствующий*. М.: АСТ; CORPUS, 2019; NGUYEN P.T. *Becoming Refugee American: The Politics of Rescue in Little Saigon*. Urbana: University of Illinois Press, 2017. P. 86–96.

3 С подобной оценкой согласны и другие специалисты, см., в частности: БАЗАНОВ П.Н. *Защита единства России: жизнь и творчество историка Николая Ульянова*. СПб.: Росток, 2025. С. 5.

русских эмигрантов. Изрядное количество собравшихся здесь «бывших» начиная с главнокомандующего Петра Врангеля⁴ предопределило и градус местного активизма.

Именно в последнем кристаллизовалась организация, об истории которой пойдет речь ниже. Заинтересовавшая нас Дружина уже попадала в поле зрения специалистов, но сложившиеся версии ее истории, за единственным исключением⁵, остаются беглыми и эскизными, а в кульминационной части и вовсе ошибочными. Нам же хотелось очеловечить эту быль, хотя бы немного распутав нити судеб ее участников, сплетавшиеся иногда в самые невероятные комбинации.

ОЛЕГ БЭЙДА, ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ОТЦЫ И ДЕТИ: РУССКАЯ
СТРЕЛКОВАЯ ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ ДРУЖИНА...

Белые не рассматривали эмиграцию как константу. В их среде нормальным считалось «чемоданное настроение», но если сегодня это выражение означает ожидание чаемого отъезда за пределы родной страны, то в «первой волне» под ним понимали предчувствие скорого возврата на освобожденную родину.

Молодость в папaxe

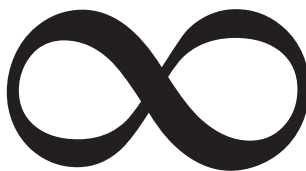
Зимой 1930 года в русском зарубежье царили переполох и замешательство. Среди бела дня на январской парижской улице большевистские агенты похитили генерала Александра Кутепова, начальника Русского общевоинского союза (РОВС), являвшегося центральным нервом военного зарубежья. Теперь белая Россия силилась пережить нанесенный красной Москвой удар, что давалось ей с немалым трудом.

Даже самый горячий патриотизм не мог подсластить горечь неумолимой данности⁶: с эвакуации из Крыма минуло уже столько лет, а коммунистический режим упрямо отказывался рушиться – напротив, он упрочивал свои международные по-

⁴ КРОНЕР Э. *Белая армия, Черный барон: жизнь генерала Петра Врангеля*. М.: РОССПЭН, 2011. С. 392–433.

⁵ Наиболее фундированной публикацией на обозначенную тему является: BIELIAVSKY N., KHARKEVITCH S. *La Drougina et la Belgique* // SOCIÉTÉ ROYALE DES AMIS DU MUSÉE DE L'ARMÉE A.S.B.L. (Ed.). *Militaria Belgica. Annales d'uniformologie et d'histoire militaire*. 2005. P. 17–60. См. также иные попытки, менее подробные: Куденис В. *Жизнь после царя: русские эмигранты в Бельгии, 1917–1945*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 243–247; О कोरोков А.В. *Русская эмиграция в наградах и знаках*. М.: Институт Наследия, 2020. С. 139–143; Семенов К.К. *Русская стрелковая генерала Врангеля Дружина: униформа и нагрудный знак* // Габеевские чтения. Сборник материалов военно-исторической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2022. С. 188–193.

⁶ См. оценку современника: *Записка генерала П.Н. Шатилова, 10 апреля 1932 г.* Hoover Institution Archives (HIA). Aleksei Petrovich Arkhangel'skii Papers (далее – HIA/Arkhangel'skii). Unsorted acquisition. October 2022.

зации. Москва наводнила эмиграцию своими провокаторами, платными и добровольными, и, что значительно хуже, присвоила себе право говорить от имени России. Многосложные речи политиков-эмигрантов больше не вызывали ни доверия, ни энтузиазма. Офицерская каста зарубежья дряхлая и истончалась. Два года назад в Брюсселе безвременно скончался Врангель, а вскоре за ним ушел Великий князь Николай Николаевич⁷. Один за другим гасли символы надежды на то, что непосильная ноша изгнания – оторванность от близких, будь то живых или мертвых, и родного языка, перекасти-поле постоянных переездов, унизительно черная работа, неизбывная нищета с ее убогими съемными комнатухами – не навсегда. Одним из способов совладать с этой тоской для эмигрантов постарше стали адресуемые молодежи призывы включаться в борьбу и постигать военную науку. Старшим требовалось срочно передать знамена следующему поколению – полагаясь на то, что, возможно, хотя бы ему удастся помочь России стряхнуть морок революции. На гербе Бельгии и по сей день запечатлен девиз «В единении сила». Местные русские внутри себя искали того же.

Ранней весной 1930 года Аркадий Арианов, уполномоченный брюссельского Клуба дворянской молодежи при Союзе русских дворян, проявив инициативу, вступил в переписку с главным печатным органом военной эмиграции – журналом «Часовой». Это вылилось в учреждение в марте того же года Военно-учебной группы русской дворянской молодежи, состоявшей из восемнадцати человек⁸. Группа обратилась в брюссельское Объединение гвардейской пехоты с просьбой взять над ней шефство и помочь в подготовке молодых эмигрантов к сдаче экзамена на первый офицерский чин⁹. Заявка была удовлетворена, и 27 апреля состоялся первый сбор объединения, которое теперь называлось «Русской спортивной дружиной» (РСД)¹⁰.

7 Несмотря на известность и важную историческую роль Николая Николаевича, к настоящему моменту имеется лишь единственная его биография, написанная канадским специалистом: ROBINSON P. *Grand Duke Nikolai Nikolaevich: Supreme Commander of the Russian Army*. DeKalb.: Northern Illinois University Press, 2014.

8 Тарусский Е. *Справка о Русской Стрелковой Генерала Врангеля Дружине* // Часовой. 1938. 1 октября. № 220. С. 21.

9 *Молодежь под знамена! «Русская Спортивная Дружина»* // Часовой. 1930. 15 мая. № 31. С. 17; *Русская Стрелковая Дружина в Бельгии* // Часовой. 1932. 1 августа. № 85. С. 4; *Отчет № 1 о Русской Стрелковой Дружине от основания по 1 июня 1932 г.* Columbia University. Rare Book and Manuscript Library. Bakhmeteff Archive. Russkii Obshche-Voinskii Soiuz (ROVS) Papers (далее – BAR/ROVS). Box 141. Folder «ROVS. Organizational Records. V Otdel, 1930–1936». С. 1–2.

10 Название менялось несколько раз, и полное финальное – «Русская Стрелковая Генерала Врангеля Дружина» – было получено лишь в декабре 1937 года. До отъезда в США в августе 1939-го в РСД служил и сын Врангеля, Алексей, а мать генерала Мария Дмитриевна состояла в Обществе Дружины (о нем речь пойдет ниже). См.: *Русская Стрелковая имени Генерала Врангеля Дружина* // Часовой. 1938. 10 января. № 204. С. 28.

В Дружину принимали патриотическую молодежь начиная с шестнадцати лет, имеющую за плечами не менее четырех классов среднего учебного заведения¹¹. По свидетельству подпоручика Дружины Кирилла Харкевича, обязательными условиями для вступления были также «знание языка (русского), вера в будущее России и согласие на подчинение абсолютной дисциплине»¹². Поначалу принимали исключительно мужчин, но позже появилась и женская секция¹³. Целью инициативы была не только передача традиций русского офицерства, но и противостояние естественной дерусификации, которая все более зримо затрагивала взрослеющих на чужбине молодых людей.

5 июня 1930 года РСД была официально принята в состав V бельгийского отдела РОВС¹⁴, и поскольку Союз был кровно заинтересован в воздействии на молодые умы, он пристально следил за своим проектом¹⁵. После перетасовки командных структур у кормила встал полковник Анатолий Левашов (Левашев) – человек, к которому его будущие питомцы отнеслись с большим пиететом и трепетом. Он без промедления и повоенному четко принялся за разработку учебной программы¹⁶.

На протяжении отмеренных ей десяти лет РСД наращивала свою численность. К концу 1932-го в ее рядах состояли 111 человек, а через два года – 143. В конце 1935 года подводился промежуточный итог: всего с момента основания через Дружину прошли 307 человек (включая и тех, кто был исключен или покинул группу сам), из них 60 составляли офицеры. Дружинники освоили 3500 часов строевых и теоретических занятий, 1121 час полевых занятий и 70 часов верховой езды¹⁷.

Илл. 1. «Дядя Толя» – командир Дружины, полковник Анатолий Левашов. После 1937 года (частное собрание, Париж).

- 11** Весной 1937 года была предпринята попытка начать прием мальчиков и девочек 10–14 лет, но уже в ноябре от идеи отказались, хотя и понизили возраст приема до 15 лет.
- 12** *Texte de l'interview de Monsieur Cyrille Kharkevitch, au sujet de la Drougina, réalisé l'été de 2002 à son domicile à Overijse (Belgique). Introduction et commentaire de Nicolas Bieliavsky // Patrimoine Russe. Revue Scientifique de la Fondation pour la Préservation du Patrimoine Russe dans l'Union Européenne. 2008. № 3. P. 104.*
- 13** *В Русской Стрелковой Генерала Врангеля Дружине // Часовой. 1939. 5 октября. № 244. С. 5.*
- 14** *Приказ РОВС № 23, 5 июня 1930 г. // Часовой. 1930. 30 июня. № 34. С. 2; Приказ по Брюссельской стрелковой роте РСД № 10, 18 октября 1930 г. НИА. Baroness Mariia Dmitrievna Vrangeli' Collection (далее – НИА/Vrangeli'). Box 50. Folder 5.*
- 15** Так, начальник РОВС генерал-лейтенант Евгений Миллер временами присутствовал на занятиях РСД; визит наносил и светлейший князь Сергей Романовский, 8-й герцог Лейхтенбергский. См.: *Е.В. Князь С.Г. Романовский Герцог Лейхтенбергский в Брюсселе // Часовой. 1939. 5 июля. № 238–239. С. 1, 9; Приказ по РСД № 14, 14 ноября 1931 г. НИА/Vrangeli'. Box 50. Folder 5 [микрофильмированная копия].*
- 16** Первым командиром Дружины был генерал-лейтенант Алексей Архангельский. См.: *Карточка чина РОВС № 22, выданная 1 августа 1930 г. НИА/Arkhangelskii. Box 1; Приказ по РОВС № 30, 2 июля 1931 г. // Часовой. 1931. 15 июля. № 59. С. 1; Задачи Русской Спортивной Дружины в Бельгии и их осуществление, лето–осень 1930 г. Musée Royal de l'Armée à Bruxelles. Archives de la Drougina des Tirailleurs du général Wrangel (далее – МРА/Drougina). NNR 652/2. Farde 1–2/2; Н.Н. Стогов – Б.Г. Гартману, 17 июня 1931 г. BAR/ROVS. Box 65. Folder «ROVS. Correspondence. 1931. V Otdel to Central Office».*
- 17** *Русская Стрелковая Дружина в Бельгии // Часовой. 1935. № 146–147 (Пасхальный номер). С. 30; Отчет № 2 – Приложение 1. Статистические сведения о Дружине за период с 1 июня 1932 г. по 1 января 1933 г.; Отчет № 5. Статистические сведения о Дружине за 1934 г.; Отчет № 6. Статистические сведения о Дружине за 1935 г. НИА/Vrangeli'. Box 50. Folder 5.*

**ОЛЕГ БЭЙДА, ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ**

ОТЦЫ И ДЕТИ: РУССКАЯ
СТРЕЛКОВАЯ ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ ДРУЖИНА...

*Илл. 2. Первая годовщина
на РСД. Детский пансион
Анастасии Кузьминой-
Караваевой. Брюссель,
26 апреля 1931 года
(частное собрание семьи
Цыбульских).*

*Илл. 3. Брюссельская
рота РСД с родственни-
ками и друзьями. Брюс-
сель, зал «Ла Лояль»
(рю Боденброек, дом 7),
9 января 1932 года
(частное собрание
Кирилла Харкевича).*

Средняя численность в течение года держалась на уровне 100–120 человек¹⁸. Общее количество выпускников остается неизвестным, но можно предположить, что это около четырехсот человек¹⁹. Таким образом, к деятельности Дружины непосредственно были причастны от 3,5% до 5% русской диаспоры в Бельгии, а если присовокупить к этому числу родственников, друзей и сочувствующих, то и того больше.

18 Список чинов РСД, 30 ноября 1937 г. MRA/Drougina. NNR 652. Farde 1.

19 Минимальная оценка по состоянию на август 1936 года – 292, среди которых: старшие офицеры и классные чины, участвовавшие в разное время в строевой подготовке и деятельности – 33; участвовавшие в учебной подготовке – 14; окончившие Учебную команду и Военное училище с производством в подпоручики – 12; окончившие Учебную команду – 21; получившие начальную военную подготовку – 210. Цифру в 400 человек называл Харкевич.

Дружина вобрала две неравные группы русского офицерства. Малую часть составляли наставники, родившиеся на стыке веков²⁰. Они участвовали в Первой мировой войне, на полях которой получали офицерские чины, ранения, награды и боевой опыт. Те из них, кто начал боевую службу, выйдя из военных корпусов и училищ, успели сформироваться, пока старый мир еще не рухнул, а куски его не поглотил водоворот гражданской войны. Их объединяли участие в регулярном (и идеализируемом) военном насилии, понимание жизни как арены борьбы, русский патриотизм и православная вера, усиленные офицерской спайкой. В эмиграции люди этого типа составили стержень активизма. За редкими исключениями, они никогда не рассматривали изгнание в качестве нормы. Наиболее ярким примером служит биография командира РСД Левашова, писавшего:

«Вся моя жизнь – прямая линия, проходящая через [2-й кадетский] корпус, [Михайловское артиллерийское] училище, Великую и Гражданскую войну, [лагерь в] Галлиполи и РОВС. Естественно поэтому, что в данный момент, раз я служу в РОВС-е, на нем и сосредоточился весь мой интерес, определяемый указанным прошлым»²¹.

К концу 1920-х вызревает вторая и более крупная группа – ученики²². Они лишь малыми детьми застали последние годы Российской империи либо же родились в период гражданской войны, а иные – и в ранние годы эмиграции. Они не обладали боевым опытом и, за исключением выпускников эмигрантских корпусов, не имели систематических военных знаний, которые замещались эмоциональными переживаниями: яркими и горькими воспоминаниями о лишениях времен гражданской войны, эвакуации, лагерей; вторичным опытом родителей, поначалу подкрепляемым рассказами о «нормальной жизни» на покинутой родине; позже, уже в подростковом возрасте – тяготами бесприютности, бедности, кочевничества. Этих детей сплачивала вера в русское будущее, ибо вместе выживать было легче²³. Подпоручик Харкевич в этой связи вспоминал: «Подобно нашим родителям, мы жили всю жизнь с неуывающей надеждой возврата в Россию, и мы готовились вернуться туда с оружием в руках»²⁴.

ОЛЕГ БЭЙДА, ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ОТЦЫ И ДЕТИ: РУССКАЯ
СТРЕЛКОВАЯ ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ ДРУЖИНА...

20 В работе РСД принимали участие 47 генералов, штаб- и обер-офицеров: *Приложение к отчету № 5 об РСД за 1934 г.* НИА/Vrangel'. Box 50. Folder 5.

21 А.Н. Левашов – А.П. Архангельскому, 23 июня 1938 г. НИА/Arkhangel'skii. Unsorted acquisition. October 2022.

22 В чем-то схожие рассуждения см.: BIELIAVSKY N., KHARKEVITCH C. *Op. cit.* P. 39.

23 См. мнения по этому поводу некоторых участников: Н.Н. Мазараки – А.В. Балашову, 1 июня 1932 г. НИА. Andrei Balashov Papers (далее – НИА/Balashov). Unsorted acquisition. July 2024; *Заявление Р.В. Завадского на продолжение образования в высших учебных заведениях за границей, 8 июля 1930 г.* Архив Дома русского зарубежья (Москва). Ф. 13. Оп. 2. Д. 4549. Л. 9.

24 KHARKEVITCH C. *L'Union Générale des Combattants russes (ROVS) et la Drougina* // Patrimoine Russe. Revue Scientifique de la Fondation pour la Préservation du Patrimoine Russe dans l'Union Européenne. 2018. № 7. P. 74.

И в то же время у детей успело сформироваться мировоззрение, делавшее их непохожими на старших. В отличие от родителей, вторую половину их персонального опыта составляла вовлеченность в жизнь новых стран. Они поступали в нерусские школы и университеты, гораздо лучше изъяснялись на местных языках и четче понимали реалии здешнего трудоустройства; заводя местных друзей, а позже и супругов, они овладевали хитросплетениями чужой культуры. Если отцы горели тем единственным, что помнили и знали, то дети имели выбор, кем быть и чему в своей сложносоставной идентичности приписывать основополагающую роль.

СПОРТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Весной и летом 1930 года по выходным добровольцы встречались в черте города, а потом выбирались за его пределы, где и проводили занятия; иногда же малыми группами тренировались прямо в глубине городского парка. Те, кто обладал соответствующим разрешением, стреляли в тире. Категорически запрещалось разглашать место занятий, которые делились на обязательные и необязательные; не допускались также опоздания²⁵. К середине декабря 1930 года брюссельская группа – их именовали «ротами», численность каждой составляла от 7 до 23 человек – обзавелась знаменем²⁶. Карты столичных активистов немного спутал фальстарт по соседству. Осенью 1930-го первые дружинники привлекли русских студентов Лувенского университета, однако в последующие двенадцать месяцев многие из записавшихся покинули стены своего учебного заведения, став для РСД «мертвыми душами». Тем не менее, несмотря на недобор в Лувене, в феврале 1931 года в Льеже тоже сформировалась группа дружинников, а к ноябрю 1931-го рот стало три: добавилась еще одна в Генте²⁷.

Организация понемногу вставала на ноги. В 1932 году в Дружине имелись уже пять рот, разбросанных по четырем городам

25 Приказ № 5, 29 июня 1930 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1; Записка полковника Левашова, 4 июня 1930 г. НИА/Врангел'. Box 50. Folder 5.

26 Это было полотнище защитного зеленого цвета с малиновой каймой, по краям располагались четыре квадрата (черно-желто-оранжевые) с российскими двуглавыми орлами; четыре луча в цветах российского триколора из углов устремлены к середине знамени. В центре находится малиновый щит с изображением Георгия Победоносца. Стяги Дружины хранятся в Королевском музее армии и военной истории Бельгии в Брюсселе. См.: STEVENS D. *La Vitrine de l'Emigration au Musée de l'Armée de Bruxelles: un exemple de notre action* // Patrimoine Russe. Revue Scientifique de la Fondation pour la Préservation du Patrimoine Russe dans l'Union Européenne. 2002. № 1. P. 8–10.

27 Генерал Е.К. Миллер в Бельгии // Часовой. 1931. 15 декабря. № 70. С. 24–25; Письмо в редакцию // Часовой. 1932. 1 февраля. № 73. С. 30; Приказ № 1 по РД в Льеже, 22 февраля 1931 г. MRA/Drougina. NNR 652/2. Farde 1–2/1; Приказ по РСД № 16, 31 декабря 1931 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

(две в Брюсселе, по одной в Генте, Льеже, Лувене)²⁸. Формальная регистрация под скромным названием «L'Union Sportive Russe» (позже добавилось «de la Jeunesse Russe») не могла замаскировать сути. Уже в первых версиях расписания мы находим стрельбы, ружейные приемы, чистку оружия, фехтование, топографию, строевую подготовку. Совсем скоро к ним добавятся караулы, езда верхом, метание гранат, а также расширятся теоретические курсы²⁹.

**ОЛЕГ БЭЙДА, ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ**

ОТЦЫ И ДЕТИ: РУССКАЯ
СТРЕЛКОВАЯ ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ ДРУЖИНА...

Структура РСД была трехступенчатой: сначала Школа молодых солдат (от трех до шести месяцев, в обязательном порядке проходила всеми, ибо служила основой всего начинания), потом Учебная команда (от года до полутора лет, по факту унтер-офицерские курсы), а в конце Военное училище (открылось в июле 1932 года, готовило кадры зарубежного офицерства)³⁰. Полноценный военный курс занимал более пяти лет интенсивного обучения. Большинство слушателей, впрочем, не добиралось до третьей ступени: не позволяли тяготы эмигрантского существования. Львиная доля активистской деятельности приходилась на время, свободное от учебы или работы; по большей части то были поздние вечера с четверга по воскресенье³¹.

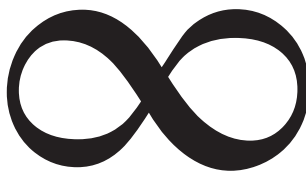
Илл. 4. Лагерь РСД под
Лувеном, 14–16 мая
1932 года (частное
собрание Кирилла
Харкевича).

28 *Русская Стрелковая Дружина в Бельгии* // Часовой. 1932. 1 августа. № 85. С. 4; Койсин В. *Православная церковь в Лёвене, 1923–2013*. 2013. С. 20.

29 Преподаваемые в РСД дисциплины включали тактику, артиллерию, боевую химию, военную историю, военное администрирование, государственное право, фортификацию.

30 Позже добавились отряд разведчиков, рота егерей и Отдельный Сараевский взвод, прикрепленный к РСД. См.: *Военно-училищные курсы в Брюсселе* // Часовой. 1932. 15 июля. № 84. С. 21; *Памятник Генералу Врангелю* // Часовой. 1938. 1 июня. № 213. С. 21; *Приказ по РСД № 11, 24 мая 1938 г.* MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1; *Отряд разведчиков-велосипедистов при РСД в Брюсселе* // Галлиполийский вестник. 1937. 15 сентября. № 51. С. 30.

31 *Приказ по РСД № 2, 16 февраля 1931 г.* MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1; *Расписание занятий, 1930–1937 гг.* MRA/Drougina. NNR 652/2. Farde 1–2/1.

Левашов вынужденно делал основной упор на первый, «школьный», этап, и только это помогло запустить качественную кадровую эстафету³². Выпускники экзаменовались, после чего пополняли Учебную команду, воспитывая новобранцев. Стремясь не отставать от предполагаемого противника, с весны 1934 года руководство санкционировало тщательное изучение красноармейских пехотных наставлений³³. Немногие отличники, выдержавшие полный военный курс, сдавали серию сложных экзаменов, после чего им присваивался чин подпоручика РСД³⁴. Таких людей уважали: «дружинный» стаж шел в зачет даже в других военных объединениях³⁵.

Большое значение придавалось поддержанию престижа организации. Особо метким дружинникам полагался значок «За отличную стрельбу», а с августа 1932 года в РСД был принят свой знак: железный мальтийский крест с накладным бронзовым изображением Георгия Победоносца, разящего змия³⁶. В десятках документов раз за разом проговаривались строгие и конкретные требования к внешнему виду дружинников, причем как на службе, так и на «гражданке». Но занавешивать в повседневной носке штатский костюм было нельзя, ибо мало кто мог позволить себе справиться с новым³⁷. Кроме очень скромных отчислений из парижской казны РОВС, в первую пару лет шедших на нужды всего подразделения, жалование добровольцам не назначали³⁸. Из-за стесненности средств до 1936 года у дружинников наблюдались проблемы с единообразием униформы³⁹, хотя именно одинаковая форма сплачивает организацию. Ту

32 Приказ по РСД № 12, 17 июня 1933 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

33 Приказ по РСД № 1, 3 января 1932 г.; Приказ по РСД № 9, 7 апреля 1934 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1; Военное училище: старший курс. «Организация управления Р.К.К. Армии». MRA/Drougina. NNR 652/2. Farde 1–2/4–2.

34 В 1935 году таковых было лишь одиннадцать человек. См.: *Русская Стрелковая Дружина в Бельгии. Выпускной праздник военного училища* // Часовой. 1935. Сентябрь. № 154–155. С. 18; *Бельгия* // Обзорение. Русская национально-политическая общественная газета. 1935. 20 сентября. № 16. С. 3.

35 Показателен пример Михаила Каратеева (князя Карачевского): *От редакции* // Кадетская переписка. Периодический журнал Объединения кадет российских кадетских корпусов за рубежом (Нью-Йорк). 1973. № 7. С. 41.

36 Приказ по РСД № 20, 19 августа 1932 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1; Окоороков А.В. *Знаки русской эмиграции 1920–1990*. Collector's Book, 2005. С. 120–121; Семенов К.К. *Русская армия на чужбине. Драма военной эмиграции 1920–1945 гг.* М.: Вече, 2019. С. 157.

37 Любопытно, что дружинникам полюбились форменные рубашки «Lacoste», которые официально рекомендовалось носить: *Приказ по РСД № 15, 26 июля 1934 г.; Приказ по РСД № 7, 25 июня 1935 г.* MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

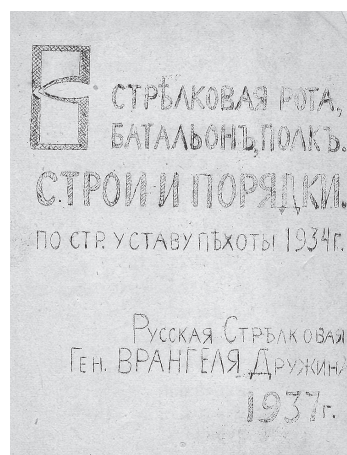
38 *Репорт командира РСД № 51, 31 августа 1931 г.* BAR/ROVS. Box 65. Folder «ROVS. Correspondence. 1931. V Otdel to Central Office»; *Приказ по РСД № 9, 20 августа 1931 г.; Приказ по РСД № 12, 7 ноября 1931 г.* HIA/Vrangel'. Box 50. Folder 5; *Приказ по РСД № 16, 31 декабря 1931 г.* MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1; *Полковник А.Н. Левашев* // Возрождение Азии. Орган борьбы с коммунизмом. 1938. 9 октября. № 1962. С. 19.

39 Обмундирование составляли: черная барашковая шапка с темно-зеленым верхом и золотым орлом, гимнастерка защитного цвета с отложным воротником, карманами на груди и погонами, серые шаровары, высокие сапоги (при неимении таковых допускались ботинки с чулками). См.: *Приказ по РСД № 18, 21 сентября 1933 г.; Приказ по РСД № 19, 12 октября 1933 г.; Приказ по РСД № 3, 17 октября 1935 г.; Приказ по РСД № 3, 31 марта 1936 г.; Приказ по РСД № 32, 14 декабря 1937 г.* MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

**ОЛЕГ БЭЙДА, ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ**

ОТЦЫ И ДЕТИ: РУССКАЯ
СТРЕЛКОВАЯ ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ ДРУЖИНА...

*Илл. 5. Учебный процесс.
Дата не установлена
(частное собрание
Кирилла Харкевича).*

*Илл. 6. Учебное пособие
РСД, анализирующее
Строевой устав пехоты
РККА 1934 года. 1937 год
(частное собрание,
Москва).*

*Илл. 7. Старший курс
Военного училища РСД
с командирами и настав-
никами. Второй справа
(сидит) – Кирилл Хар-
кевич. Лето 1935 года
(частное собрание семьи
Цыбульских).*

же функцию выполняли и совместные мероприятия. Раз в год летом организовывался общий лагерь, на который съезжались дружинники со всей Бельгии; помимо этого, регулярно проводились балы, обеды, званые вечера⁴⁰. Поскольку на бельгийских улицах в иностранной форме появляться было запрещено, даже в лагерях погоны надевали очень аккуратно – в основном

⁴⁰ Приказ по РСД № 8, 5 мая 1932 г.; Приказ по РСД № 12, 1 июня 1933 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1; Приказ по РСД № 14, 23 июня 1932 г. HIA/Vrangel'. Box 50. Folder 5; Работа с молодежью // Галлиполийский вестник. 1938. 1 июля. № 61. С. 31. Левашов приглашал на эти мероприятия и послов иностранных держав; см., например, полученный им ответ японского посланника в Бельгии (и позже во Франции) Минеичиро Адачи: Adachi – Monsieur le Colonel Levachoff, Président de l'Union des Gallipoliens, Bruxelles, 20 mars 1929. Archive of the Mineichirō Adachi Memorial Foundation, Tokyo. Red File. № 3. Item 420. Embassy-related correspondence during the France posting.

«под фотосъемку». Дружинников изрядно выручали друзья: в первые годы парады и смотры РСД проводили «на Турели» – в саду русского детского приюта, занимавшего два здания на улице Турель в брюссельском районе Эттербек⁴¹.

Огромное внимание уделялось воспитательным вопросам. Помимо православной веры и дружинной семейственности, молодежи неустанно прививалось понятие об офицерской чести. Неблаговидные поступки решительно пресекались, а перед приемом в РСД о кандидате в обязательном порядке наводились справки⁴². Вылететь из обоймы было довольно легко: исключали за непосещение, утерю связи, небрежение службой, неподобающее поведение, а также по личной просьбе – если человек уезжал или вступал в национальную армию; кроме того, известен случай, когда исключение состоялось из-за противодействия родителей⁴³. Правила, кстати, относились и к самим основателям РСД. Так, стоявший у истоков организации Аркадий Арианов был смещен с должности командира отделения, а в самом конце 1933 года вообще со скандалом изгнан за некий проступок, который «с точки зрения военных законов [Российской Империи] карается каторгой». Судя по туманной оговорке, согласно которой при обсуждении офицерских взаимоотношений «не только действие, но и грубое слово недопустимо», упомянутый проступок скорее всего заключался в драке со старшим по чину. Только после прямого указания начальника РОВС, переданного Левашову, Арианов осенью 1939 года был вновь прикреплен к РСД. Тем не менее его повторное зачисление в личный состав прошло лишь весной 1940-го⁴⁴.

Помимо непосредственно занятий, календарь дружинника был насыщен светскими мероприятиями: в него включались и панихида по государю Николаю II, и годовщина основания Добровольческой армии, и лекция авторитетного генерала, и посещение захоронений русских воинов на кладбище коммуны Иксель, и день святого великомученика и Победоносца Георгия – по сути, главный праздник РСД⁴⁵. Многие отмечаемые даты черпались из православного календаря и почти неизменно означали церковную службу в начале дня.

Впрочем, никто и не обещал обучающимся, что будет легко. Пусть на период сдачи дипломных работ их и отправляли в от-

41 Койсин В., протоиерей Недосекин П. *История храма святого великомученика Пантелеимона и святителя Николая Чудотворца в Брюсселе // Русское Православие в Бельгии: В 2 т. М.*; Брюссель: Conférence Sainte Trinité du Patriarcat de Moscou; Екатеринбургский мужской монастырь, 2013. Т. 1 («Статьи и очерки»). С. 227.

42 Приказ по РСД № 2, 31 января 1932 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

43 Приказ по РСД № 1, 12 января 1931 г.; Приказ по РСД № 6, 9 июля 1931 г.; Приказ по РСД № 4, 23 января 1934 г.; Приказ по РСД № 5, 26 января 1940 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

44 Приказ по РСД № 3, 9 мая 1931 г.; Приказ по РСД № 2, 2 января 1934 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

45 Приказ по РСД № 5, 11 июля 1931 г.; Приказ по РСД № 7, 29 июля 1931 г. HIA/Vrangel'. Box 50. Folder 5; Приказ по РСД № 6, 7 сентября 1931 г.; Приказ по РСД № 17, 5 сентября 1933 г.; Приказ по РСД № 8, 1 декабря 1931 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

пуск, но все же принципом организации непоколебимо оставалась триада «воля, исполнительность, инициатива», а вся деятельность именовалась не иначе как «добровольный долг»⁴⁶. Даже бланк удостоверения напоминал новобранцу о главном:

«На крови наших предков создалась Россия, кровью, а не словами, и возродится. Дружина будет гордиться каждым своим питомцем, использовавшим приобретенные в ней знания в борьбе за воссоздание Великой Российской Империи»⁴⁷.

Эту Россию дружинникам еще предстояло «добыть»⁴⁸.

ОЛЕГ БЭЙДА, ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ОТЦЫ И ДЕТИ: РУССКАЯ
СТРЕЛКОВАЯ ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ ДРУЖИНА...

КОРОЛЕВСКАЯ МИЛОСТЬ

«Принятые в подданство иностранцы тренируются с боевым оружием прямо у нас под носом!» – не исключено, что такие (или похожие) мысли заставляли нервничать не одного бельгийского чиновника. Конечно, молебны, праздники, курсы существовали и в других странах. Трудно, однако, себе представить, чтобы где-нибудь молчаливая благосклонность принимающей стороны распространялась бы на *такую* комбинацию винтовок, револьверов, гранат и палаточных лагерей⁴⁹. Царское ополчение, разворачивавшееся в зарубежье, не могло не привлечь внимания спецслужб бельгийского королевства. Впрочем, отчасти тревогу унимали былые связи двух монархий: ведь в предыдущем столетии король Леопольд I стал генералом русской службы и отличился в сражениях с Наполеоном, а несколько сотен чинов Бельгийского экспедиционного корпуса в Первую мировую воевали добровольцами в армии Николая II⁵⁰. Вплоть до самой революции их броневики действовали в Галиции; только летом 1918 года бельгийцы смогли покинуть ставшую враждебной Россию, отправившись в США через Транссибирскую магистраль и Китай⁵¹.

Судя по надзорному делу, хранящемуся в бельгийском архиве, принимающее государство было в курсе начинаний Левашова; при этом из документов следует, что власти колеба-

⁴⁶ Приказ по РСД № 15, 26 июля 1932 г.; Приказ по РСД № 19, 5 декабря 1935 г. НИА/Vrangel'. Box 50. Folder 5.

⁴⁷ Бланк удостоверения участника Дружины. НИА/Vrangel'. Box 50. Folder 5.

⁴⁸ ОРЕХОВ В. Мысли белогвардейца // Часовой. 1935. Август. № 152–153. С. 3.

⁴⁹ В Югославии школьную молодежь с боевым оружием знакомил полковник Михаил Гордеев-Зарецкий. См.: Columbia University. Rare Book and Manuscript Library. Bakhmeteff Archive. Evgenii Eduardovich Messner Papers (далее – BAR/Messner). Box 4. Folder «Moi vospominaniia – Na chuzhbine». С. VI–225.

⁵⁰ Бельгийский броневой автомобильный дивизион в составе русской армии: сборник документов, 1915–1917 гг. / Сост. А.А. ВАСИЛЬЕВ. М.: Фонд «Русские Витязи», 2020; Бельгийский броневой автомобильный дивизион в составе русской армии: сборник документов, 1915–1918. Ч. 2 / Сост. А.А. ВАСИЛЬЕВ. М.: Фонд «Русские Витязи», 2021.

⁵¹ ТІРІ А. Пілігрими Великої війни. Одиссея бельгійського бронедивізіону у 1915–1918 роках. Київ: Темпора, 2010. С. 208–222.

лись между подозрительностью, тягой остудить эмигрантский пыл и нежеланием полного воспрещения⁵². Имелась и своего рода охранная грамота: РСД поддерживала связи с некоторыми бельгийскими генералами; кроме того, организация приносила пользу бельгийской разведке, при случае наводившей у белых справки о неизвестных ей русских, прибывавших в страну. Особую роль в налаживании этого патронажа сыграли ветераны Бельгийского экспедиционного корпуса: их общественная репутация считалась безупречной, а отблеск этого уважения падал и на их русских друзей⁵³. Вице-президент этого фронтового объединения – «скромный, но чрезвычайно отзывчивый к нуждам Дружины» – присутствовал на открытии военно-училищных курсов в июле 1932 года⁵⁴. Помимо этого, РСД поддерживала сношения с брюссельским отделом Бельгийского национального легиона (Légion Nationale) – старейшей организацией ультраправых роялистов⁵⁵.

Левашов заверял бельгийских чиновников, что «русской молодежи, брошенной за рубежом», необходима спортивно-физическая подготовка⁵⁶. И где же еще ее было получать, как не на стрельбище? Благодаря полезным связям дружинники получили разрешение использовать брюссельский армейский тир. Аналогичные разрешения удалось получить в Льеже, Генте и Лувене. На особом счету у органов правопорядка были лишь отдельные лица русского происхождения, связанные с Дружиной: среди них Леонид Остророг, угодивший в тюрьму за то, что в пьяном виде оскорблял полицейских; его товарищ Анатолий Третьяков, осужденный за вандализм; Владимир Васильев, в 1929 году привлекавшийся за ношение оружия⁵⁷. В общем, препятствий для деятельности РСД не чинилось; более того, на нее скорее вообще закрывали глаза. Согласно Харкевичу, информация о группе дошла до короля Альберта I, и тот решил отнестись к начинанию не только терпимо, но и с симпатией. «Я думаю, можно сказать, что к нам относились именно так, сквозь пальцы, – вспоминал подпоручик, – пока мы не устраивали скандалов или чего-то подобного»⁵⁸.

В 1932 году Лувенский университет облюбовала группа вооруженных, промышлявших велосипедами. Со временем похитители,

52 Archives générales du Royaume Bruxelles. OE, 1422971. Ministère de la Justice. Levachoff ou Levacheff Anatole (далее – AGRB/Levachoff); *Отчет № 4 о РСД за 1933 год*. HIA/Vrangel'. Box 50. Folder 5.

53 BIELIAVSKY N., WILMOTTE W. *Les Auto-Canons-Mitrailleuses et la Drougina, histoire belgo-russe* // Rousski dom. lg – La Maison Russe (Liège). 2015. № 1(6). P. 6, 9.

54 *Военно-училищные курсы в Брюсселе*. С. 21.

55 *Отчет № 1 о Русской Стрелковой Дружине от основания по 1 июня 1932 г.* С. 9. BAR/ROVS. Box 141. Folder «ROVS. Organizational Records. V Otdel, 1930–1936».

56 *Rapport du Vernimmen, 28 mai 1932*. AGRB/Levachoff.

57 CARELS S. *De wereld in zakformaat. Buitenlandse studenten in de Gentse ingenieursopleiding tijdens het interbellum*. MA Thesis. Universiteit Gent, 2014. P. 134.

58 *Texte de l'interview de Monsieur Cyrille Kharkevitch...* P. 106.

впав в раж, начали даже переправлять украденные в Лувене велосипеды в Брюссель, а взамен получать на реализацию добычу столичных жуликов. После раскрытия этой сети выяснилось, что среди ее участников были исключенные из РСД бывшие дружинники, а зачинщиком всей криминальной комбинации оказался действительный юнкер Дружины Андрей Колышкин – получавший ватиканскую стипендию прилежный студент, на которого возлагались немалые академические (и военные) надежды. Благодаря связям с аббатами, покрывавшими ослабившегося *protégé russe*, скандал удалось скрыть от прессы⁵⁹. Тем не менее из РСД Колышкин с треском вылетел, заставив старших товарищей недоуменно сокрушаться, как же столь одаренный молодой человек умудрился так опозориться⁶⁰.

Дружинники не забыли доброты его величества и в феврале 1934 года присутствовали на похоронах короля, который скорее всего так и не узнал о недостойных проделках некоторых их соратников⁶¹.

ПАРАГВАЙСКИЕ СТРАСТИ

Чем дольше тянулись годы изгнания, тем мучительнее становился вопрос о будущем. Без четких видов на возобновление борьбы с большевиками трудно было поддерживать эмигрантский актив в мобилизованном состоянии. Проведенный в Париже в 1932 году съезд представителей национальных группировок не мог обойти вниманием эту тему; ездивший туда Левашов выступил с докладом «Борьба с денационализацией русской молодежи» – обозначив проблему, которая страшила РСД⁶². Пусть молодые и отличались от старшего поколения, а работать с ними нелегко, иного ключа к будущему Левашов не усматривал, о чем и информировал соратников⁶³. Все пути вели к дружинной молодежи – «[источнику], из которого должна выйти моральная и боевая мощь будущей Великой России»⁶⁴.

59 Об этой программе помощи см.: НАМАЗОВА А.С. *Католическая церковь и православие в Бельгии. Помощь кардинала Мерсье русским студентам* // *Россия и Ватикан. Вып. 3: Русская эмиграция в Европе и Католическая церковь между двумя мировыми войнами* / Под ред. Е.С. Токаревой, А.В. Юдина. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 223–225.

60 А.П. Архангельский – П.А. Кусонскому, 19 января 1933 г., Б.Г. Гарпман – Н.Н. Стогову, 9 февраля 1933 г. BAR/ROVS. Box 65. Folder «ROVS. Correspondence. 1933. V Otdel to Central Office».

61 Приказ по РСД № 6, 20 февраля 1934 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

62 Приказ по РСД № 22, 5 ноября 1932 г.; Приказ № 10, 24 апреля 1934 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1; Доклад А.Н. Левашова, 30 сентября 1932 г. HIA/Vrangel'. Box 50. Folder 5.

63 Полковник Левашев. [Статья без названия] // Вестник Общества галлиполийцев. 1933. 15 декабря. № 6. С. 3; Он же. *Работа здесь* // Вестник Общества галлиполийцев. 1934. 15 апреля. № 10. С. 3.

64 Георгиевский день в Брюсселе // Часовой. 1935. 1 февраля. № 143. С. 30; Праздник Русской Дружины // Часовой. 1935. Май. № 148–149. С. 30.

ОЛЕГ БЭЙДА, ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ОТЦЫ И ДЕТИ: РУССКАЯ
СТРЕЛКОВАЯ ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ ДРУЖИНА...

Некоторым не терпелось ринуться в бой прямо сейчас – где угодно и за кого угодно. Весной 1933 года командир 1-й брянской роты РСД, преподаватель военной химии, доктор-инженер Михаил Каратеев отправился добровольцем на Чакскую войну, столкнувшую Парагвай и Боливию. Новости о том, что русских там принимают с распростертыми объятиями, европейскими эмигрантами были восприняты неоднозначно. Редактор одного из пражских журналов, капитан Стефан Костецкий, оскорбил волонтеров, назвав проливаемую ими в Латинской Америке кровь «продажной» и расходуемой на чуждые России интересы. Каратеев не только резко парировал этот выпад публично, но и, заручившись поддержкой оскорбленного вместе с ним Левашова, подал рапорт начальству РОВС с просьбой разъяснить, какой же линии держаться русскому офицеру на тринадцатом году изгнания. Излагая свой «символ веры», Каратеев фактически набросал контуры коллективной биографии пошедших в Дружину молодых русских людей:

«Я вступил в ряды Русской Армии будучи 14-летним мальчиком. Оставался на войне до конца. Моя рана и Георгиевский крест – лучшие свидетели тому, что я не жалел своей крови для Родины, когда Она того требовала. [...] Я всеми мерами проповедовал среди молодежи [...] идею жертвенного служения Родине, любви к нашей несчастной Матери России. [...] Я мыл полы, мыл в ресторане посуду, выступал в качестве временного швейцара, но все эти работы носили случайный характер и были недостаточны для пропитания жены и ребенка, каждый вечер повторяющего свои первые сознательные слова: “Боженька, спаси Россию!”. Наконец, меня согласился взять на службу Парагвай. Я не продаюсь ему – я буду получать там меньше, чем получает любой инженер, и смешно говорить, что эти жалкие гроши могут быть платой за Русскую кровь. Нет, эта страна предлагает мне применение моих знаний, не запрещая мне оставаться Русским и не требуя от меня даже подданства»⁶⁵.

Живший в Париже начальник РОВС генерал-лейтенант Евгений Миллер ответил примирительно, но без поощрения службы нерусским интересам. Каратеев, однако, вскоре отбыл в Южную Америку, где впоследствии стал именитым писателем. (Его романы издаются в России и по сей день.) Тем не менее вопрос о том, как быть, висел в воздухе.

РСД считалась успешной группой; о ней знали даже на Дальнем Востоке, где Левашов пытался в 1937 году помочь в создании похожей организации. Но – что с сожалением признавалось современниками – в среде русских изгнанников Дружина

65 Подпоручик М. Каратеев – Е.К. Миллеру, 14 апреля 1933 г. BAR/ROVS. Box 65. Folder «ROVS. Correspondence. 1933. V Otdel to Central Office».

так и осталась единственным начинанием подобного рода⁶⁶. Одни эмигранты с головой уходили в частную жизнь, становясь абсолютно бездеятельными в социальном смысле. Другие иногда и пробовали создавать кружки военного самообразования, но не обладали системностью и упорством РСД даже при наличии помощи⁶⁷. Все это осложнялось всегдашним атрибутом беженства – хронической бедностью, с которой справлялись как могли посредством «вечеров для усиления средств» или печатанием марок⁶⁸. Никаких сведений об ассигнованиях со стороны бельгийских патронов нам обнаружить не удалось.

ОЛЕГ БЭЙДА, ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ОТЦЫ И ДЕТИ: РУССКАЯ
СТРЕЛКОВАЯ ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ ДРУЖИНА...

К тем, кто стремился обрести счастье внутри личного пространства, в РСД относились с недоверием: эгоизм, полагали дружинники, вел к неизбежной дерусификации.

Боль изгнания сквозит даже в сухих строчках приказов⁶⁹. «Наше прошлое и будущее только на Родине, настоящее же не жизнь, но существование, имеющее смысл лишь тогда, когда мы работаем на пользу России», – говорилось в одном из них⁷⁰. Держаться помогали вера, семья, энтузиазм молодежи, завет Врангеля, жертвенность⁷¹. Убежденность в судьбоносном предназначении позволяла видеть в рутинных горестях испытания ради благой цели. В такой оптике трудности закаляли, а успехи подтверждали верность выбранной стратегии: «наше Великое Отечество заслуживает нескольких затраченных для Него часов». К тем же, кто стремился обрести счастье внутри личного пространства, в РСД относились с недоверием: эгоизм, полагали дружинники, вел к неизбежной дерусификации⁷². По словам Левашова, «было бы несправедливо, чтобы РОДИНА не оцени-

66 *Русская Стрелковая Дружина в Бельгии* // Часовой. 1935. Июнь. № 150. С. 6; *Программа военной подготовки* // Дальневосточник. Орган российской национальной молодежи. 1937. 25 октября. № 5. С. 4; Солоневич Б. *О молодежи и винтовках* // Голос России. 1937. 7 декабря. № 76. С. 6; *Русские в Бельгии* // Новое слово. 1939. 22 января. № 4(228). С. 4; *Письмо А.Н. Левашова – В.В. Орехову* // Часовой. 1939. 1 февраля. № 228–229. С. 32.

67 *Военная молодежь* // Голос России. 1937. 2 мая. № 45. С. 7; А.Н. Левашов – А.П. Архангельскому, 4 июля 1938 г.; *Приказ по V Отделу РОВС, 30 июля 1938 г.* НИА/Arkhangel'skii. Unsorted acquisition. October 2022.

68 *Приказ по РСД № 3, 30 апреля 1935 г.; Приказ по РСД № 26, 3 ноября 1937 г.* MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1; *Нашим друзьям* // Часовой. 1937. 20 октября. № 198. С. 1; *В фонд «Русской Дружины»* // Голос России. 1937. 14 декабря. № 77. С. 7; *В фонд «Русской Дружины»* // Голос России. 1938. 1 февраля. № 84. С. 7; *От редакции* // Часовой. 1938. 20 апреля. № 211. С. 3. Подспорьем выступало Общество Дружины, члены которого с конца 1937 года ежемесячно платили небольшие членские взносы, что, впрочем, не могло радикально улучшить ситуацию.

69 *Приказ по РСД № 24, 26 декабря 1935 г.; Приказ по РСД № 19, 27 апреля 1936 г.; Приказ по РСД № 8, 3 мая 1938 г.* MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

70 *Приказ по РСД № 1, 1 января 1934 г.* MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

71 *Приказ по РСД № 8, 23 марта 1937 г.* MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

72 *Приказ по РСД № 14, 14 ноября 1931 г.; Приказ по РСД № 22, 5 ноября 1932 г.; Приказ по РСД № 10, 27 апреля 1937 г.* MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

ОЛЕГ БЭЙДА, ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ОТЦЫ И ДЕТИ: РУССКАЯ
СТРЕЛКОВАЯ ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ ДРУЖИНА...

ла наши усилия, поэтому с твердой верой в противоположное» требовалось продолжать трудиться⁷³.

В августе 1935 года состоялся первый выпуск Военного училища РСД. Если Дружина стала первой «молодой» строевой частью РОВС за рубежом, то теперь у Союза появились первые офицеры, получившие погоны в изгнании⁷⁴. Поскольку все производства в чин парафировались РОВС, начальник бельгийского V отдела, генерал-майор Борис Гартман, подал руководству прошение на этот счет. Он искренне восхищался новоиспеченным воинством:

«Они пять с половиною лет [и целых] 960 часов проработали, и, откровенно скажу, это готовый младший командный состав, может быть, куда выше стоящий в смысле балласта знаний, чем те, которых производили в прапорщики в Великую войну, а тем паче на добровольческих фронтах»⁷⁵.

Илл. 8. Первый офицерский выпуск РСД. Август 1935 года (частное собрание Кирилла Харкевича).

73 Приказ по РСД № 10, 27 апреля 1933 г.; Приказ по РСД № 20, 31 декабря 1934 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

74 Н.Н. Стогов – Б.Г. Гартману, 7 декабря 1932 г. Columbia University. Rare Book and Manuscript Library. Bakhmeteff Archive. Aleksei Petrovich Arkhangel'skii Papers (далее – BAR/Arkhangel'skii). Box 4. Folder «Subject Files: 5-i otdel ROVS: Wasserbillig, Luxemburg Office (1928–1939)».

75 Б.Г. Гартман – Е.К. Миллеру, 7 августа 1935 г. BAR/ROVS. Box 66. Folder «ROVS. Correspondence. 1935. V Otdel to Central Office».

Однако начальник РОВС Миллер не разделял восторгов Гартмана. На словах одобряя действия Дружины, в частной переписке он высказывал мнение, что любые зарубежные производства были несерьезны⁷⁶. Левашов никогда бы с таким подходом не согласился: по его мнению, только предатели национальной России могли утверждать, что ей не нужны русские солдаты-националисты⁷⁷. Как минимум подготовка могла принести пользу в скором времени, ибо «всегда может наступить момент, когда честь называться русским обяжет взяться за оружие»⁷⁸. Публикуемые наставления сочленяли приобретение военных навыков с определенным проектом будущего: «Необходимость борьбы с коммунизмом есть аксиома для всех, желающих жить в своем Национальном Государстве, возможность же столкновения [Советов] с иностранцами не трудно предвидеть»⁷⁹.

ОЛЕГ БЭЙДА, ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ОТЦЫ И ДЕТИ: РУССКАЯ
СТРЕЛКОВАЯ ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ ДРУЖИНА...

КОНКУРИРУЮЩИЕ ФИРМЫ

К испытаниям, с которыми приходилось справляться организации, добавилось еще одно: среди дружинников появились сторонники законспирированной группировки русского зарубежья, которая называла себя «Братством Русской Правды» (БРП)⁸⁰. Бельгийские «братчики» осваивались в рядах РСД с первых дней. Судя по документам, они не сильно скрывали свою принадлежность – настолько много их оказалось в РСД. В частности, стоявший у истоков РСД Аркадий Арианов помогал брюссельскому крылу БРП⁸¹, а Николай Сахновский, также представлявший ее первый состав, сам состоял в «Братстве»⁸². Заведовавший пропагандой в РСД с 1935 года Александр Пушкин – кому как не прямому потомку поэта можно было поручить агитационное слово, – тоже оказался восприимчив к идеям «братчиков» и уже с конца 1920-х помогал их местному отделу⁸³. На этом фоне символические жесты солидарности,

⁷⁶ Е. К. Миллер – Б. Г. Гартману, 9 августа 1935 г. Там же.

⁷⁷ Приказ по РСД № 4, 16 мая 1935 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

⁷⁸ Приказ по РСД № 4, 22 ноября 1932 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

⁷⁹ Основной курс военной подготовки. 1933. С. 1. HIA/Vrangel'. Box 50. Folder 6.

⁸⁰ См.: Николаева-Тандиль Е. *Гусарские тайны: архив Андрея Балашова и «Братства Русской Правды»* // Неприкосновенный запас. 2024. № 6(158). С. 133–158; Nikolaeva-Tendil E. *Un réseau d'anticommunistes russes à Bruxelles* // Société Royale des Amis du Musée de l'Armée A.S.B.L. (Ed.). *Militaria Belgica. Annales d'uniformologie et d'histoire militaire*. 2025. P. 67–77.

⁸¹ Среди других дружинников-«братчиков» можно назвать Сергея Колышкина, Георгия Гартмана, Александра Гревеница, Бориса Поппера (он же Берин-Бей), Александра Лауру (брат № РД-28). Ни один из них не был исключен из РСД из-за членства в БРП.

⁸² Его имя упоминается в самых ранних документах, см., например: Приказ по РСД № 2, 22 декабря 1930 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

⁸³ Пушкин был переведен на другую должность в 1936 году и назначен казначеем в 1939-м, см.: Приказ по РСД № 22, 5 мая 1936 г.; Приказ по РСД № 30, 20 октября 1939 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

демонстрируемые одной группой в адрес другой, выглядели логично⁸⁴.

С открытием отделения РСД в Льеже в январе 1932 года Николай Мазараки (брат № РД-30), попавший в ранний студенческий набор Дружины, получил задание от «братчика»-организатора, гусара Андрея Балашова, обрабатывать молодых для привлечения их в БРП⁸⁵. Мазараки быстро завербовал Ростислава Завадского, одного из самых активных дружинников, и тот начал активно помогать в сборе пожертвований для БРП⁸⁶. Слухи о деятельности БРП, усиленные пропагандой на страницах «Часового» и не только, распространялись очень быстро⁸⁷. Уже в 1933 году проблема переманивания личного состава начала беспокоить заинтересованные стороны. РОВС и БРП находились в довольно сложных отношениях, и потому отнимавший драгоценные ресурсы «факультативный активизм», по мысли руководителей Союза, следовало бы ограничить. Левашов же, напротив, принял соломоново решение: в РСД принимались и члены других организаций, задававшихся целью «воссоздания нашей Родины в Имперском масштабе, на базе Ее истории, т.е. на уважении к Ее вековым традициям и ко всему положительному, что создано старшими поколениями, и видящих в продолжении борьбы с большевиками, начатой белыми армиями, прямой путь к этой цели»⁸⁸. Несмотря на то, что прямая агитация за конкурентов внутри РСД была запрещена, высказанная позиция все равно нарушала указания РОВС. Санкции за это могли привести к расколу среди молодых, но тем не менее начальство РОВС переполошилось и Левашову пришлось объясняться⁸⁹.

Тревожиться приходилось не только о «братчиках». С 1932 года начались попытки проникновения в РСД представителей довольно экзотического побега русского монархизма – партии «Молодая Россия», провозгласившей лозунг «Царь и Советы» и подозреваемой в тайных сношениях с Москвой. «Младороссы» ненавидели РОВС и теперь начали подкоп под Дружину. Под влиянием их агитации весной 1932-го пять человек вышли из состава РСД, попытавшись создать собственное военное училище на одном из заводов Льежа, где трудилось немало русских⁹⁰. В ответ Левашов категорически запретил дружинникам

84 Так, в дар РДС от Верховного круга БРП была поднесена икона Иверской Божьей Матери, см.: А.В. Балашов – Н.Н. Мазараки, 30 мая 1932 г. HIA/Balashov.

85 А.В. Балашов – Н.Н. Мазараки, 16 апреля 1932 г. HIA/Balashov.

86 См. его призывы к военному строительству: ЗАВАДСКИЙ Р. О молодежи // Вестник Общества галлиполийцев. 1934. 15 октября. № 16. С. 7–8.

87 А.В. Балашов – Н.Н. Мазараки, 22 октября 1932 г. HIA/Balashov.

88 Приказ по РСД № 12, 17 июня 1933 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

89 Рапорт командира РСД № 127, 29 июня 1933 г. BAR/ROVS. Box 65. Folder «ROVS. Correspondence. 1933. V Otdel to Central Office».

90 За участие в этой деятельности Александр Кулицкий (брат № РД-23) был исключен из БРП.

состоять в «Молодой России»⁹¹. В свою очередь гусар Балашов, который подослал в РСД Мазараки, постоянно подчеркивал опасность «младороссов» и пагубность их идей, напутствуя Мазараки быть с ними поосторожнее.

**ОЛЕГ БЭЙДА, ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ**

ОТЦЫ И ДЕТИ: РУССКАЯ
СТРЕЛКОВАЯ ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ ДРУЖИНА...

Илл. 9. Дружинники.
Крайний слева – Ростис-
лав Завадский. После
1933 года (частное со-
брание семьи Завадских).

В конце 1936 года терпению Левашова пришел конец. Его организацию явно тянули «на путь установления связи с иностранными политическими организациями», а его воспитанников переманивали конкуренты⁹². Руководителя раздражали террористы-дилетанты из БРП, отвлекавшие неоперившуюся молодежь от освоения подлинной военной науки своей псевдоромантикой «плаща и кинжала» (чреватой к тому же опасными играми с иностранными разведками). Внедренные в Дружину агитаторы БРП, включая Мазараки, были поставлены под наблюдение. Неуместным считалось и разлагающее влияние «младороссов»: их гнали с собраний Дружины, но, судя по донесениям бельгийской разведки, сценка «младороссы» – РСД была даже в 1939 году⁹³. Позже в эту сложную композицию вовлеклось и Российское общество спортсменов, возглавляемое Борисом Солоневичем: под прикрытием товарищеских матчей и совместной клубной работы тот тоже был не прочь оттянуть на себя молодые кадры зарубежья⁹⁴.

91 Б.Г. Гартман – Н.Н. Стогову, 15 апреля 1932 г. BAR/ROVS. Box 65. Folder «ROVS. Correspondence. 1932. V Otdel to Central Office».

92 Приказ по РСД № 46, 22 декабря 1936 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

93 Не подавать руки! // Голос России. 1938. 12 апреля. № 94. С. 2; COUDENYS W. Een caleidoscoop des levens. De vele gezichten van de Russische emigratie in België // Handelingen van de Koninklijke Zuid-Nederlandse Maatschappij voor Taal- en Letterkunde en Geschiedenis. 2000. P. 258–259.

94 Б.С. Солоневич – А.Н. Левашову, 14 февраля 1937 г.; Б.С. Солоневич – А.Н. Левашову, 3 марта 1938 г.; А.Н. Левашов – К.А. Харкевичу, 3 марта 1938 г. MRA/Drougina. NNR 652/3. Farde 2–5.

Обстановка накалялась. О русских тяжбах в Бельгии начали писать местные газеты⁹⁵. Тему подогревало и то, что на тот момент королевство наладило дипломатические отношения с СССР, а в Брюссель в ноябре 1935 года прибыл советский полпред Евгений Рубинин. Левашов и его единомышленники были уверены, что советский посланник воспользуется разногласиями в стане белых, чтобы посредством официальных демаршей, предъявляемых бельгийским властям, добиться закрытия эмигрантских организаций – и в первую очередь РСД:

«Хотя официально для бельгийских властей Дружина носит наименование “Унион Спортив де ла Женес Русс”, но и бельгийские власти, и полпред СССР прекрасно осведомлены каким “спортом” занимаются дружинники»⁹⁶.

Опасения не были беспочвенными: в сентябре 1937 года чекисты опять похитили в Париже начальника РОВС – на этот раз генерала Миллера. Белой эмиграции, получавшей один удар за другим, все отчаяннее требовалась вера в лучшее⁹⁷.

Бразды правления в РОВС принял на себя старый генерал-лейтенант Алексей Архангельский, который в самом начале деятельности РСД недолго возглавлял ее⁹⁸. Несмотря на внешнюю дипломатичность, он конфликтовал с Левашовым, заметно расходясь с ним относительно стратегии и перспектив. Генералы-деды ворчали на поколение фронтовиков-отцов, видя в них едва ли не заносчивых подростков, которым недоставало истинной выучки имперской школы⁹⁹. Между тем к зиме 1938 года тон дружинных приказов заметно изменился. Занятия сделались еще более интенсивными, в частности, стало больше ночных маршбросков, а в тире не было отбоя от желающих попрактиковаться.

«Международное положение и внутреннее состояние нашей страны больше, чем когда-либо, подтверждают правильность и необходимость [работы], какая велась Дружиной в совершенно беспросветные времена. [...] Выше головы, прошедшие тяжелый путь – Дружина скоро будет в моде»¹⁰⁰.

95 *La gala annuel des Gallipoliens* // La nation Belge. Journal quotidien d'Union Nationale. 1935. 7 janvier. № 7. P. 9; *Chez les russes de Belgique. Une société discrète qui ne trame aucun complot* // L'Étoile Belge. 1935. 12 avril. № 102. P. 1; *Au Musée Royal de l'Armée* // Vers l'Avenir. Journal quotidien catholique. 1935. 12 novembre. № 275. P. 2.

96 Приложение к отчету № 6 о Русской Стрелковой Дружине за 1935 год. НИА/Vrangel'. Box 50. Folder 5.

97 Приказ по РСД № 22, 28 сентября 1937 г.; Приказ по РСД № 23, 12 октября 1937 г. МРА/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

98 См. один из подходов к его военной биографии: КНОУДОКОРМОВ А. *Le general A.P. Arkhangelsky, chef de la ROVS (1938–1957)* // SOCIÉTÉ ROYALE DES AMIS DU MUSÉE DE L'ARMÉE A.S.B.L. (Ed.). *Militaria Belgica. Annales d'uniformologie et d'histoire militaire*. 2010–2011. P. 73–100.

99 А.А. Архангельский – П.А. Кусонскому, 23 марта 1936 г., В.К. Витковский (?) – А.А. Архангельскому, 28 апреля 1936 г. BAR/ROVS. Box 66. Folder «ROVS. Correspondence. 1936. V Otdel to Central Office».

100 Приказ по РСД № 3, 8 февраля 1938 г.; Приказ по РСД № 4, 15 февраля 1938 г.; Приказ по РСД № 5, 15 марта 1938 г. МРА/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

Новый 1939 год принес обострение по всем фронтам. Преданный монархист Левашов наскочил на косу непредрежденчества, то есть отстаиваемого РОВС неопределенного отношения к политическому устройству грядущей России. Затянувшаяся полемика достигла точки кипения, и Левашов даже порывался уйти из РОВС, уведя с собой Дружину, которую собирался переподчинить Великому князю Владимиру Кирилловичу. Был составлен соответствующий приказ, но в последний момент все удалось уладить, а следы раскола остались лишь в частной переписке¹⁰¹. Выйди эти новости наружу, они в очередной раз подорвали бы и без того хлипкое единение эмиграции, причем наиболее живой ее части.

С вторжением Гитлера в Польшу дружинники стали ожидать начала грядущего российского освобождения: они считали, что турбулентная встряска европейского порядка затронет и СССР просто в силу своей тектоники – а возможно, и вообще обнажит его внутренние противоречия¹⁰². Эмигранты были уверены, что сталинские Советы остаются внутренне слабыми: им казалось, что неустойчивая власть играет мускулами на мировой арене для того, чтобы скрыть катастрофические дефекты внутреннего устройства и неприятие большевистского режима народом; в этом смысле и массовое насилие 1930-х получало свое квазиобъяснение.

После вторжения СССР в Финляндию в конце ноября градус дружинного энтузиазма достиг максимума за все годы изгнания, что не осталось незамеченным у бельгийских соглядатаев¹⁰³. Архангельский начал договариваться со своим старым знакомым, маршалом Карлом Маннергеймом, предлагая направить белых ему на выручку. «Пожелание – одно. Заря как будто восходит. [...] Мы вступаем в Новый 1940 год в обстановке, явно подающей еще небывалые надежды», – гласил один из приказов по РСД той поры¹⁰⁴. В январе 1940-го в Финляндию

101 А.Н. Левашов – М.М. Зинкевичу, 10 января 1939 г. HIA/Arkhangel'skii. Unsorted acquisition. October 2022; *Неизданный приказ по РСД № 3, 5 февраля 1939 г.* MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

102 *Приказ по РСД № 31, 27 октября 1939 г.* MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1; см. также: *Русские в Бельгии* // Новое слово. 1939. 26 февраля. № 9(233). С. 4.

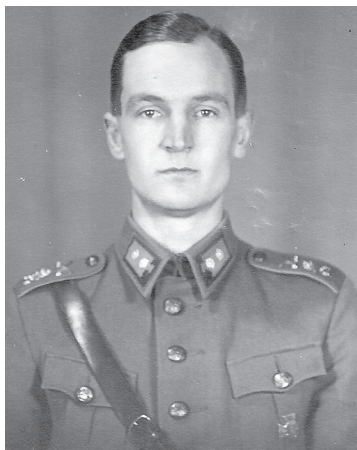
103 Согласно полицейскому отчету, на встрече, состоявшейся в середине декабря 1939 года, дружинники спросили Архангельского, могут ли русские поступать на службу в финские вооруженные силы. Старый генерал, а также присутствовавший на встрече Гартман ошарашили соратников, заявив, что подобный шаг стал бы преступлением. Ссылку на то, что белые сражались вместе с Франко в Испании, Архангельский отклонил, объявив сравнение неадекватным: франкисты боролись с международным большевизмом, а Финляндия по праву принадлежит России. Вероятно, в доклад бельгийского осведомителя вкралась какая-то путаница: учитывая публичное поведение Архангельского в то время, подобная перемена взглядов кажется невероятной. Кроме того, никаких сторонних свидетельств, подтверждающих факт такого спора, мы не смогли обнаружить. Отчет см.: *Attitude des Russes-blancs, 13 décembre 1939.* AGRB/Levachoff.

104 *Приказ по РСД № 1, 1 января 1940 г.* MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

ОЛЕГ БЭЙДА, ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ОТЦЫ И ДЕТИ: РУССКАЯ
СТРЕЛКОВАЯ ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ ДРУЖИНА...

Илл. 10. Лейтенант
финской армии Роман
Лабинский. Таммисаари,
5 декабря 1940 года
(частное собрание
семьи Цыбульских).

убыл один из самых видных чинов Дружины, владевший семью языками корнет финской армии Роман Лабинский. Родившийся в Лаппеэнранте в 1912 году, он стоял у самых истоков РСД и на протяжении десяти лет, днями трудясь в финском консульстве, вечерами готовился к войне¹⁰⁵. Минувшим летом он руководил дружинным лагерем, а теперь был призван Суоми встать на ее защиту¹⁰⁶. Дружинная семья провожала Лабинского трапезой и тостами, напутственными речами, благословением и молебном. Соответствующий приказ запечатлел элегические настроения братьев по оружию:

«Случайный подданный Финляндии, русский по крови и по духу, он уехал исполнить свой долг перед усыновившей его страной с надеждой принести хотя бы косвенную пользу своему посрамленному коммунистической властью, но единственному, истинному Отечеству. Лишенные международным, слепым эгоизмом нашего законнейшего и святого права немедленно ввязаться в борьбу за наши национальные идеалы, мы с грустью, но дружно проводжали своего – на чужое дело. Дай Бог ему и нам, и всем, в ком еще бьется русское сердце, как можно скорее вместе собраться для боя за русскую честь»¹⁰⁷.

В середине марта 1940 года, спустя пару дней после внезапно подписанного перемирия Лабинский стоял с лейтенантом Саллиненем на нейтральной полосе, проходящей по замерзшей реке Койтайоки¹⁰⁸. Пробиравшаяся с той стороны через глубокий снег группа красных на всякий случай помахала финнам белым флагом. Старший политрук и полковник стояли в полутора метрах, щурясь на ледяном солнце. Саллинен что-то говорил, Лабинский переводил. Он так и не вернулся в Бельгию, продолжив службу в финской армии¹⁰⁹. В Национальном архиве в Хельсинки сохранились две тонкие тетрадки его дневников, написанных с июня по сентябрь 1941 года, когда Финляндия поддержала нацистскую агрессию. В конце октября Лабинский был убит в боях за полуостров Ханко¹¹⁰. Его вдова Маргарита фон Тизенгаузен вскоре переехала в Швецию

105 См. материал из личных архивов авторов (далее – ЛАА): *Интервью с дочерью Р.В. Лабинского, 14 июня 2014 года*; см. также документы, хранящиеся в Национальном архиве Финляндии: Kansallisarkisto (далее – КА). Kaatuneiden henkilöasiakirjat (kokoelma). Kaatuneiden Henkilöasiakirjat. Kantakortit. Kantakortit Kurtti – Lautkankare. Sotilaskantakortti – de Labinsky, Robert Roman, 16.9.1935.

106 Приказ по РСД № 2, 5 января 1940 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

107 Приказ по РСД № 3, 12 января 1940 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

108 Фотография Фольке Бекстрёма, сделанная 14-го или 15 марта 1940 года, хранится в Музее Иломантси (Фотоколлекция. Негатив № 12): Ilomantsin museosäätio. Ilomantsin valokuva-arkisto.

109 Весной 1941 года Борис Солоневич рекомендовал его немцам как надежного антикоммуниста из Финляндии: *Liste der Personen die auf dem Laufenden der gemachten antisowjetischen Propaganda in Finnland sind, April 1941*. National Archives and Records Administration. Washington, D.C. T. 501. R. 173. F. 25.

110 Luutnantti Roman Labinsky. Sotapäiväkirjat 17787, 17788. KA. Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat. Sotapäiväkirjat-kokoelma.

**ОЛЕГ БЭЙДА, ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ**

ОТЦЫ И ДЕТИ: РУССКАЯ
СТРЕЛКОВАЯ ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ ДРУЖИНА...

Илл. 11. Корнет Лабинский, подпоручики Пушкин, Собкевич, Шафров II-й, князь Романовский, полковник Левашов, подпоручики Карцев и Харкевич. Лагерь в Торикуре, 29 мая 1939 года (частное собрание Кирилла Харкевича).

Илл. 12. Роман Лабинский (второй справа, спиной к объективу) на переговорах с командирами РККА. Река Койтайоки, 14–15 марта 1940 года (музейный фонд Иломантси).

с двумя дочерями¹¹¹. Могила русского дружинника, погибшего финским офицером, по сей день находится на православном кладбище в Хьетаниemi.

Советско-финляндская война побудила Левашова еще больше укрепить РСД, открыв курсы сестер милосердия. Имелись, однако, и огорчения: неслучайно в январском приказе был упомянут расплывчато-неопределенный «эгоизм». Дело в том, что петиции на имя почитаемого за соратника маршала Маннергейма с просьбами принять белых на финскую службу

111 *Kansa Taisteli-miehet kertovat. Julkaisemattomat kirjoitukset. Suomen Sotahistoriallinen Seura – Sotamuistoyhdistyksen perinteen vaalija. Sipiläinen V., Tulenjohtajana Bromarvissa 1941. 1982. S. 7–8; Интервью с дочерью Р.В. Лабинского, 14 июня 2014 г. ЛАА; KARVINEN V.K.T. Foreign War Volunteers and Transnational Recruits in Finland, 1939–1944. PhD Thesis. University of Leeds, 2022. P. 200.*

были вежливо отвергнуты уже в конце декабря 1939 года¹¹². Маннергейм деликатно, но твердо заявил Архангельскому, что не видит никакой возможности применить белых эмигрантов на финской службе. Отнюдь не обескураженный отказом, Архангельский снабдил отправлявшегося в Финляндию корнета Лабинского своим ответом «глубокоуважаемому Густаву Карловичу»¹¹³. Построивший когда-то блестящую карьеру в России финский швед Маннергейм знал о притязаниях своих русских друзей, но руководимой им Финляндии от них сегодня не было никакой пользы: финнам не требовались попутчики, представлявшие ту же самую национальную общность, на солдат которых они теперь смотрели через прицел¹¹⁴. Война формировала новые мифы, в которые красно-белые нюансы русской палитры вписывались плохо.

Эмигранты были уверены, что сталинские Советы остаются внутренне слабыми: им казалось, что неустойчивая власть играет мускулами на мировой арене для того, чтобы скрыть катастрофические дефекты внутреннего устройства и неприятие большевистского режима народом.

Впрочем, Левашов все же попытался добраться до Финляндии со своим войском. В январе 1940-го он убедил обладавшего широкими связями консервативного магната Марселя де Ровера, в 1919–1920 годах служившего представителем Бельгии при Белой армии, подготовить проект по созданию Русского легиона. Предполагалось, что костяк этого подразделения поначалу составят 200–300 эмигрантов из Бельгии (по-видимому, речь шла именно о Дружине), а позже к ним присоединятся еще несколько тысяч изгнанников из других стран рассеяния. По мнению Левашова, требовалось оградить начинание от политических дрызг, и поэтому возглавить легионеров было предложено генерал-лейтенанту Владимиру Витковскому, с которым де Ровер был хорошо знаком. Однако в ответ на свою инициативу Левашов получил отповедь сперва от Архангельского, а потом

112 GEUST C.-F. *Valkoiset emigrantit ja Stalinin sotilaat* // *Sotahistoriallinen aikakauskirja*. 2011. № 31. S. 107–134; САГАЙДАКОВ А.С., КИПКЕЕВА М.Р. *Антисоветское движение во время «зимней войны» (1939–1940 гг.): генезис, формы проявления, итоги*. Ставрополь: Зебра, 2017.

113 К.Г. Маннергейм – А.П. Архангельскому, 30 декабря 1939 г.; А.П. Архангельский – К.Г. Маннергейму, 8 января 1940 г. НИА/Arkhangel'skii. Box 1.

114 Александров К.М. *Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943–1946 гг.* Дисс. [...] д.и.н. Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2015. С. 200–204. О единственном, более позднем исключении см.: КИРКЕБЭК М. *Шальбург – патриот-предатель*. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 105–127.

и от самого Витковского, причем письмо последнего оставило у полковника «досадный осадок: то ли он разговаривает с неразумным мальчишкой, то ли с интриганом».

Весной 1940 года жизнь русской колонии Бельгии шла своим чередом¹¹⁵. 2 мая дружинники с помпой отметили десятилетие своего объединения¹¹⁶, констатируя, что Дружина – «организм непревзойденной жизнеспособности» – обрела широкую известность в диаспоре, обзаведясь одноименным Обществом (гражданским крылом, вобравшим сочувствующих, жен и родителей), спортивным отрядом и футбольной командой; женской секцией, которая обучала сестринским навыкам; арсеналом стрелкового оружия, альманахом и библиотекой, строевыми музыкантами и гимном¹¹⁷, присягой, униформой, знаком и знаменами, многосложной системой выучки¹¹⁸. Начальник РОВС Архангельский в своем адресе горячо желал Дружине в скорейшем будущем применить все полученные боевые знания, послужив «славе и пользе нашей дорогой и великой» России¹¹⁹.

ОЛЕГ БЭЙДА, ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ОТЦЫ И ДЕТИ: РУССКАЯ
СТРЕЛКОВАЯ ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ ДРУЖИНА...

Илл. 13. Членская карточка Общества РСД, принадлежавшая баронессе Марии Врангель. После 1937 года (частное собрание, Москва).

Но в стороне от посторонних глаз Архангельский вновь пикировался с Левашовым: последний, считавший себя реалистом, продолжал придерживаться сделанной в 1930 году

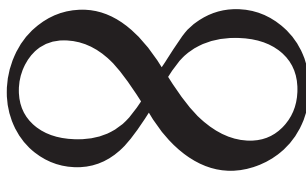
115 *La soirée de Gala des Invalides de Guerre russes* // *Le soir*. 1940. 15 avril. № 106. P. 2.

116 Информационный лист № 7 Общества Дружины, 24 апреля 1940 г. HIA/Arkhangel'skii. Unsorted acquisition. October 2022.

117 Авторы настоящей статьи инициировали его реконструкцию, см.: www.youtube.com/watch?v=fIOPJox5_-k.

118 Информационный лист № 1 Общества Дружины, 12 июля 1937 г. HIA/Arkhangel'skii. Unsorted acquisition. October 2022; Приказ по РСД № 8, 23 марта 1937 г.; Приказ по РСД № 11, 30 апреля 1937 г.; Приказ по РСД № 16, 15 июня 1937 г.; Приказ по РСД № 5, 15 марта 1938 г.; Приказ по РСД № 16, 9 сентября 1938 г.; Приказ по РСД № 22, 14 сентября 1938 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1; *Песня Русской Стрелковой Генерала Врангеля Дружины* // *Часовой*. 1938. 15 июля. № 216. С. 16.

119 Приказ по РСД № 13, 3 мая 1940 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

«ставки на молодых», полагая, что возрастной глава РОВС пленен «иррациональностью, принимаемой за ценности» – процедурами и ритуалами старой России. Если в 1930-м Левашову пусть и с огромным трудом, но удалось набрать офицеров для обучения дружинников, то в 1940-м такое было бы попросту невозможно. По его словам, в Финляндию, «если выкинуть очковтирательство», организовано и активно рвались только дружинники, а не отцы. У стариков не осталось никакой силы, кроме собственно молодежи, за которой и было общее русское будущее¹²⁰.

Через два дня немцы вторглись в Бельгию. На этом все занимавшиеся РСД специалисты ставят в ее истории жирную точку. Принято считать, что Левашов не пожелал, чтобы немцы использовали его питомцев и, опасаясь эксцессов, распустил Дружину, а ее архив самолично предал огню¹²¹. Но в действительности все было иначе. Незадолго до нацистского вторжения Левашов встречался с военным министром Бельгии, которому предложил привлечь команду из своих мотивированных 100–150 бойцов для защиты приютившей их страны. Министр наотрез отказался, заметив, что подобные деяния являются антиконституционными¹²². Лишь один дружинник, Виктор Спечинский, будучи призванным на службу в бельгийскую армию в августе 1939 года, участвовал в боях с немцами и был контужен¹²³. Часть архива действительно сгорела, – но из-за бомбежек, а не по воле полковника¹²⁴.

21 мая, подчиняясь распоряжению германских властей, дружинники сдали все оружие. В конце июня Левашов обратился к немецкому коменданту Брюсселя с разъяснением о том, что представляет собой РСД, одновременно запросив разрешение на продолжение работы. После месяца бюрократических проволочек был получен ответ: при условии соблюдения новых законов, запрещавших собрания и процессии, немцы не имеют

120 А.Н. Левашов – А.П. Архангельскому, 8 мая 1940 г. HIA/Arkhangel'skii. Unsorted acquisition. October 2022.

121 Начало этой мифологии положила ошибка историка Алексея Гедройца (родственники которого, кстати, тоже служили в РСД), позже многократно тиражируемая: GUÉDROÏTZ A. *Russische emigranten in België in het Interbellum* // WAEGEMANS E. (Ed.). *Het land van de blauwe vogel: Russen in België*. Antwerpen: Dedalus, 1991. P. 124 [Гедройц А. *Русская эмиграция в Бельгии в межвоенный период* // Страна Синей птицы: русские в Бельгии / Под ред. Э. ВАГЕМАНС. М.: Наука, 1995. С. 299]; ГЕДРОЙЦ А. *Русские эмигранты в Бельгии между двух войн* // Записки Русской академической группы в США. 1995. Т. XXVII. С. 62; ОКОРОКОВ А.В. *Молодежные организации русской эмиграции (1920–1945 гг.)*. М., 2000. С. 66; KHARKEVITCH C. *L'Union Générale des Combattants russes (ROVS) et la Drougina*. P. 53.

122 *Texte de l'interview de Monsieur Cyrille Kharkevitch...* P. 107. Признательность Левашова Бельгии подтверждается и другими документами.

123 Выписка из послужного списка РСД подпрапорщика Спечинского I-го Виктора, 1937–1939 гг. Частное собрание семьи Спечинских.

124 СТЕВЕНС Д. Зал Императорских сокровищ России Музея армии и военной истории Брюсселя. История и частичное описание // *Русская диаспора в Бельгии: уникальность судьбы и культурное наследие. Международная онлайн-конференция, 27–28 ноября 2020 года*. Российский центр науки и культуры в Брюсселе; Левенский католический университет. С. 88.

П Р И К А З Ъ
ПО РУССКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ ДРУЖИНѢ
№ 17
§ 1
Г. БРЮССЕЛЬ
20 ИЮЛЯ 1940 Г.

18 ИЮНЯ С.Г.Я ОБРАТИЛСЯ КЪ ГЕРМАНСКОМУ КОМЕНДАНТУ ГОРОДА БРЮССЕЛЯ СЪ ПИСЬМОМЪ, ВЪ КОТОРОМЪ, ИЗЛОЖИВЪ СУЩНОСТЬ ЗАДАЧЪ И РАБОТЫ ДРУЖИНЫ, ПРОСИЛЪ ГЕРМАНСКОЕ КОМАНДОВАНИЕ МНѢ СООБЩИТЬ, ВОЗМОЖНО ЛИ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ПРОДОЛЖИТЬ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ДРУЖИНЫ А РАВНО И ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕЙ НЕОБХОДИМАГО ДЛЯ ЗАНЯТИ ОРУЖІЯ, СДАННАГО 21 МАЯ НА ОСНОВАНІИ ОБЩАГО РАСПОРЯЖЕНІЯ ТѢХЪ ЖЕ ВЛАСТЕЙ.

ПОСЛѢ МѢСЯЧНЫХЪ ХЛОПОТЪ СЪ МОЕЙ СТОРОНЫ, ВЪ КОТОРЫХЪ МНѢ ОКАЗАЛИ САМУЮ ДѢЯТЕЛЬНОЮ ПОДДЕРЖКУ КАПИТАНЪ ОРѢХОВЪ И ПОДПОРУЧИКЪ БАРОНЪ ГРЕВЕНИЦЪ, И ПОСЛѢ СТОЛЬ ЖЕ ДЛИТЕЛЬНОГО РАЗСМОТРѢНІЯ ЭТАГО ВОПРОСА КОМПЕТЕНТНЫМИ ГЕРМАНСКИМИ УЧРЕЖДЕНІЯМИ, 16 ГО СЕГО ІЮЛЯ, ПОСЛѢДОВАТЬ НИЖЕПРИБОДИМЫЙ ВЪ ПЕРЕВОДѢ, БЛ.ПРИЯТНЫМЪ, ОТВѢТЪ:

ГЛАВНОЕ ПОЛЕВОЕ КОМЕНДАНТСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ 672
Х.В.А. I/4
БРЮССЕЛЬ 16.7.40.

ГОСПОДИНУ
ПОЛКОВНИКУ ЛЕВАШЕВУ
БРЮССЕЛЬ 3
ВО ВАНГЪ-ХОВЕ-25----

НА ВАШЕ ПИСЬМО ОТЪ 18.6.40.

ПРОТИВЪ ПРОДОЛЖЕНІЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВАШЕГО СОЮЗА НИКАКИХЪ ПРЕПЯТСТВІЙ НЕ ИМѢЕТСЯ, ПРИ УСЛОВІИ СОВЕРШЕНІЯ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ РАСПОРЯЖЕНІЙ ВОЕННЫХЪ ВЛАСТЕЙ / ВЪ ОСОБЕННОСТИ ЗАПРЕЩЕНІЯ ПУБЛИЧНЫХЪ СБОРИЩЪ И ПРОЦЕССІЙ/. ЧТО КАСАЕТСЯ ПОЛЬЗОВАНІЯ РУЖЬЯМИ, ТО БЛАГОВОЛИТЕ ОБРАТИТЬСЯ КЪ ВЕДЪ-ГІЙСКИМЪ ВЛАСТЯМЪ, ПРИНЯВШИМЪ РУЖЬЯ, ДЛЯ НАВЕДЕНІЯ О НИХЪ СПРАВОКЪ ДЛЯ ИХЪ РОЗЫСКАНІЯ/.

ГЛАВНЫЙ ПОЛЕВОЙ КОМЕНДАНТЪ
И.В.

ГЕН.: ЛР. КОЛПАТ

ГЛАВНЫЙ ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНЫЙ СОВѢТНИКЪ

ВѢРНО:
РОХ
ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ИНСПЕКТОРЪ.

§ 2

НАДѢЮСЬ, ЧТО НЕ ТОЛЬКО СОСТОЯЩАЯ ВЪ ДРУЖИНѢ, НО И ВСЯ РУССКАЯ МОЛОДЕЖЬ ОТДАСТЪ СЕБѢ ЯСНЫЙ ОТЧЕТЪ ВЪ ОГРОМНЫХЪ НАДЕЖДАХЪ, СВЯЗАННЫХЪ СЪ ПОЛУЧЕННЫМЪ РАЗЪЯСНЕНІЕМЪ И, ЗАБЫВЪ ВСЕ ДОСЕЛѢ ЕЕ РАЗДѢЛЯВШЕЕ, ДРУЖНО ПОЙДЕТЬ КЪ РУССКОЙ ЦѢЛИ ПО ОПРАВДАННОМУ СОВРЕМЕННОСТЮ ДРУЖИННОМУ ПУТИ.

ПЕРЕДЪ НАШИМИ ГЛАЗАМИ СТАРЫЙ МІРЪ РУШИТСЯ ПОДЪ НАТИСКОМЪ ДИСЦИПЛИНИРОВАНАГО ЕДИНЕНІЯ, ПОСТРОЕННАГО НА ЗДОРОВОМЪ НАЦИОНАЛИЗМѢ И СОЦІАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

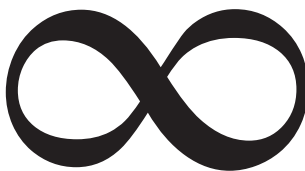
ВО ВНУТРЕННЕМЪ СОДЕРЖАНІИ ЭТИХЪ БЕЗСПОРНЫХЪ ПРИНЦИПОВЪ НѢТЬ И НЕ МОЖЕТЪ БЫТЬ, ДЛЯ КАЖДОЙ ОТДѢЛЬНОЙ СТРАНЫ, ШАБЛОННАГО ПОДРАЖАНІЯ ПРОЧИМЪ.

НОВОВЕ ЛЕГЧЕ И НУЖНО ТВОРИТЬ НА ИСПЫТАННОМЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ПРОШЛОМЪ. НАСѢ ВСѢХЪ МНОГОПЛЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ, ВО ИМЯ ВСЕНАРОДНАГО ЕДИНЕНІЯ, ЭТО ПРОШЛОЕ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОБЯЗЫВАЕТЪ ОТДАТЬ ДОЛЖНОЕ СОЗДАВШЕЙ ИМПЕРІИ ДИНАСТІИ И СЧИТАТЬ ЗА ВЕЛИКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ЕДИНЕНІЯ ОБЩИХЪ УСЛОВІЙ ЗАКОННАГО НАСЛѢДНИКА ПРЕСТОЛА, ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА КИРИЛЛОВИЧА.

возражений против возобновления деятельности Дружины. По вопросу возврата оружия комендант рекомендовал обратиться к бельгийцам, которым ранее и был сдан арсенал. Обращенный Левашов призвал всех «многоплеменных русских», состоящих в брюссельских ротах, с конца июля возобновить занятия. «Перед нашими глазами старый мир рушится под натиском дисциплинированного единения, построенного на здоровом национализме и социальной справедливости», – заявил он в очередном приказе¹²⁵.

Илл. 14. Приказ полковника Левашова, сообщающий о легализации РСД в оккупированной Бельгии. Июль 1940 года (НІА).

¹²⁵ Приказ по РСД № 17, 20 июля 1940 г. НІА/Arkhangel'skii. Unsorted acquisition. October 2022.

Илл. 15. Издание «Заря», выпускаемое коллаборационистской частью дружинников в период оккупации Бельгии. Март 1941 года (Музей-архив русской культуры в Сан-Франциско).

Организация продолжала жить в своем брюссельском коко-не. В декабре 1940 года состоялся выпуск десяти дружинниц, обучившихся на сестер милосердия под водительством доктора Михаила Ретивова, вернувшегося из Парагвая, где он врачевал во время Чакской войны. На «скромное торжество» был приглашен сам Архангельский¹²⁶. Но остается неясным, что стало-сь с ротами в других городах.

Часть белой молодежи Бельгии с энтузиазмом восприняла утверждение нацистского «нового порядка». Дружинник Савва Иссахаров-Задэ организовал журнал «Заря», привлекая к инициативе выпускников – в том числе и подвизавшихся, подобно Николаю Мазараки, в БРП. Знак РСД даже поместили на обложку одного из номеров этого издания. Если в документах самой Дружины политическая линия ограничивалась вооруженным антибольшевизмом, державным национализмом и верностью династии¹²⁷, то на страницах «Зари» наравне с военно-образовательными материалами и сообщениями о приостановившейся жизни местной колонии расцвели антисемитизм, восхваление новых властителей Европы и тому подобное¹²⁸.

В августе 1941 года Дружина лишилась помещения для занятий, и Левашову не осталось ничего другого, кроме как отправить весь личный состав в бессрочный отпуск. Последний приказ РСД, фиксирующий его решение, был выпущен 27 августа¹²⁹.

Полковнику пишут

Во вторжении нацистов в СССР боевая часть русского зарубежья усмотрела начавшееся «освобождение России». Она предпочла сосредоточиться на принципиальном антибольшевизме и продолжении неоконченной гражданской войны. При этом, даже став на сторону Оси, эмигранты не пожелали признать осуществ-

- 126** М.И. Ретивов – А.П. Архангельскому, 1 декабря 1940 г.; Отчет доктора Ретивова, декабрь 1940 г. НИА/Arkhangel'skii. Unsorted acquisition. October 2022; *Скромное торжество. Экзамен на звание русской сестры милосердия* // Часовой. 1941. 5 января. № 255. С. 16; Гусев Н.С. Митрофан Иванович Ретивов: русский врач-эмигрант о жизни болгарского села в 1920-е гг. // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 70–71.
- 127** За эту «роковую ошибку старых офицерских кадров» РСД критиковали даже сторонники, см.: Солоневич Б. *Офицеры выпуска 1938 года* // Голос России. 1938. 19 июля. № 108. С. 7.
- 128** Выпуски этого издания, выходившего в Брюсселе, хранятся, в частности, в Музее-архиве русской культуры в Сан-Франциско (Коллекция периодики. № 886). Среди прочих показательны следующие материалы: *На развалинах Соломонова храма* // Заря. 1941. 15 февраля. № 2. С. 22–23; *Русская молодежь под знаменами* // Заря. 1941. 15 марта. № 3. С. 8–9; Подпор. Шафров И-й. *О Родине* // Заря. 1941. 15 апреля. № 4. С. 12; Фельдфебель Иссахаров И-й. *Летучая торпидия* // Заря. 1941. Май. № 5. С. 6. Авторы благодарят Ива Франкьена (США) за предоставление нам копий источника.
- 129** Приказ не сохранился, однако его содержание восстановлено по другому документу: *Послужной список подпоручика Шафрова И-го, Ростислава Александровича, 1 сентября 1942 г.* MRA/Drougina. NNR 652/2. Farde 1–3. Бюрократический аппарат РСД продолжал функционировать и после августа 1941-го, однако в списке зарегистрированных русских организаций конца 1942 года РСД уже отсутствует: *Русский комитет самопомощи в Бельгии. К сведению русской колонии в Бельгии, 26 октября 1942 г.* ЛАА.

вимость колониальных целей «восточного похода», исходя из того, что либо немцев можно будет переубедить, либо последним не удастся подчинить себе жизненную силу российских народов.

Единогласия у дружинников в роковые 1940-е не было. Многие остались дома, кто-то «по немецкой путевке» отправился на гражданскую службу в Германию или оккупированную Францию, а также находил вакансии в Бельгии – по большей части не от любви к нацистам, а из-за безработицы. Уже знакомый нам Спечинский служил в Красном Кресте в Берлине до 1942 года, после чего вернулся в Бельгию, а позже работал во Франции на возведении Атлантического вала¹³⁰. Другие уезжали и в Африку, как например Харкевич, который после окончания университета в ноябре 1939 года устроился в горнодобывающую компанию, работавшую в Бельгийском Конго¹³¹. Лев Калустов – один из молодых дружинников, оставшихся в Бельгии, – вспоминал: «Мы все были друзьями, и старшее поколение учило нас, что надо спасать Россию. А пути оказались разными»¹³².

В 1941–1942 годах заметная группа дружинников вступила в сформированный из бельгийских коллаборантов Валлонский легион (373-й пехотный батальон вермахта). Среди легионеров оказались не только потомок великого поэта Пушкин, братья Сахновские и Тулубьевы, но и многократно отмеченный начальством офицер Завадский. Облаченный в чужой серо-зеленый китель с прикрученным знаком РСД, он регулярно слал депеши «дяде Толе» (Левашову), «Алексею Петровичу» (Архангельскому) и соратникам – сначала из тренировочного лагеря вермахта в Польше, а потом и с фронта¹³³. Его дневник можно считать ярчайшим свидетельством того, в каких трагических иллюзиях жила запаившая себя в Крымском исходе русская эмиграция, идя на очередную войну.

Согласно наставлениям Левашова, главной задачей РСД было «принести в ряды армии, ныне называемой красной, но которая неминуемо станет русской армией, старые традиции чести, завещанные от дедов и отцов», ныне утопленные «в бездушном красноармейском беспорядке»¹³⁴. Завадский стал единственным дружинником, дважды получившим возможность попрактико-

ОЛЕГ БЭЙДА, ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ОТЦЫ И ДЕТИ: РУССКАЯ
СТРЕЛКОВАЯ ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ ДРУЖИНА...

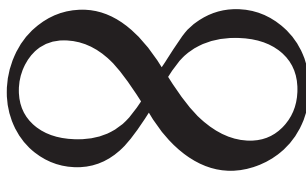
130 Спечинский старался не компрометировать себя излишним усердием; более того, он помогал укрывать людей из Сопротивления, не переставая, впрочем, вполне дружелюбно общаться с соратниками, которые поехали на фронт с немцами.

131 Ронин В.К. «Русское Конго», 1870–1970. Книга-мемориал: В 2 т. М.: Дом Русского зарубежья имени А.И. Солженицына; Русский путь, 2009. Т. 1. С. 446, 447.

132 Калустов Лев Вартанович (Kaloustoff Levon) [интервью, июль–сентябрь 2012 г.] // Проект «Я помню». 2012. 6 ноября (<https://iremember.ru/memoirs/grazhdanskie/kalustov-lev-vartanovich-kaloustoff-levon/>).

133 Завадский Р.В. *Своя чужая война. Дневник русского офицера вермахта 1941–1942 гг.* / Ред.-сост. О.И. Бэйда. М.: Содружество «Посев», 2014. С. 78–79, 81, 94, 99, 135, 137, 155, 161.

134 Приказ по РСД № 2, 2 января 1934 г.; Приказ по РСД № 16, 9 сентября 1938 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

ОЛЕГ БЭЙДА, ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ОТЦЫ И ДЕТИ: РУССКАЯ
СТРЕЛКОВАЯ ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ ДРУЖИНА...

ваться в подобном «военном строительстве». Первый раз это произошло в начале 1942 года, когда он на два месяца из зондерфюрера-переводчика превратился в начальника городской и районной полиции Дзержинска (Щербиновки) Донецкой области и на этом посту приложил руку к укреплению палаческого порядка, насаждаемого нацистами на оккупированных территориях¹³⁵. К середине апреля 1942 года он вернулся в легион.

Илл. 16. Чета Завадских с сыном Олегом. Льеж, лето 1942 года (частное собрание семьи Завадских).

Второй раз пришелся на сентябрь того же года, когда валлоны подошли к предгорьям Кавказа. Завадский тогда сколотил из работавших при легионерском обозе советских военнопленных отдельный взвод в полсотни человек, о чем отрапортовал в РОВС¹³⁶. Необычное начинание получило освещение в бельгийской коллаборационистской газете «Настоящая страна» («Le Pays Réel»), а затем и в русской колонии. Завадский был уверен, что его «орлы» будут «сражаться безупречно» и «сумеют показать мужество и волю»¹³⁷. Чуть позже валлонов вместе с пленными обозниками отвели в тыл, подчинили войскам СС и переформировали в штурмовую бригаду, после чего отправили укреплять осыпающийся украинский фронт. В феврале 1944 года их заперли в Черкасском котле, а «орлы» Завадского дезертировали вторично, уже на следующий день вступив в бой с бывшими бельгийскими хозяевами. Сокрушительный в плане потерь прорыв валлонов из окружения стоковавшаяся по успехам нацистская пропаганда представила как «триумф». Сам Завадский тогда пропал без вести.

135 BEYDA O. *For Russia with Hitler: White Russian Émigrés and the German-Soviet War*. Toronto: University of Toronto Press, 2024. P. 199–200.

136 Отчет Р.В. Завадского, ноябрь 1942 г. BAR/Arkhangel'skii. Box 1. Folder «Arranged Correspondence: Excerpts from letters, newspapers + information bulletins».

137 Информация Русского комитета самопомощи в Бельгии. К сведению русской колонии в Бельгии. Бывшие пленные красноармейцы сражаются вместе с бельгийским легионом «Валлония», декабрь 1942 г. ЛАА.

В русском изгнании 1941 год был неразрывно связан с годом 1917-м; как и в революцию, некоторые семьи, в том числе и в рядах дружинников, раскалывались надвое. Показателен пример Георгия Шафрова – офицерского сына, родившегося в Китае еще в царское время, в годы гражданской войны подростком шедшего на красный Петроград, потом отучившегося в Эстонии, переехавшего в Бельгию и дослужившегося у Левашова до командира роты. Шафров не только прошел все карьерные этапы Дружины, но и написал ее гимн: сказалось амплу певца-белькантиста и драматического актера. В РСД служил его младший брат Ростислав, а их сестра Марина вышла замуж за Юрия Марутаева, оскандалившегося дружинника первого набора¹³⁸. Пока Георгий обрамлял погонную литеру «В» (Врангель) новыми звездочками, супруги Марутаевы «краснели» и меняли веи, а после оккупации страны немцами ушли в антинацистское подполье¹³⁹.

В Сопротивлении Марина проявила большую твердость и стойкость, чем ее муж в Дружине: в декабре 1941 года среди бела дня и в самом центре Брюсселя она убила кухонным ножом германского офицера, успешно скрывшись от преследователей. Не стеснявшиеся в средствах оккупанты, взяв в качестве заложников шестьдесят мирных граждан и угрожая казнить их, потребовали выдачи убийцы. Шафрова сама явилась в комендатуру через неделю, перед этим успев заколоть еще одного немецкого офицера. Антифашистку гильотинировали в январе 1942 года, а в октябре 1943-го ее брат Георгий, уже успевший послужить в немецкой полиции безопасности, отбыл на фронт с валлонской штурмовой бригадой СС, причем немецкое командование даже зачло ему дружинные годы в офицерский стаж. Позже, отступая на Запад вместе с нацистами, Шафров повоевал и в знакомой ему Эстонии¹⁴⁰.

Были и иные, не менее причудливые, судьбы. Борис Поппер, который в честь персидских предков любил именовать себя «Бату Берин-Беем», одновременно был активистом бельгий-

Илл. 17. Подпоручик Георгий Шафров I-й. 1938 год (частное собрание семьи Шафровых).

138 Марутаев вступил в РСД в конце сентября 1930 года, а в декабре 1931-го исправил плохие отметки за стрельбы в своей стрелковой книжке, был уличен начальством в подлоге, публично переведен в разряд штрафников, а 1 января 1932-го исключен из Дружины «по несоответствию» (*Приказ по РСД № 15, 10 декабря 1931 г.; Приказ по РСД № 2, 5 февраля 1932 г.* MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1).

139 Подробнее об эмигрантах в антифашистском Сопротивлении см.: Вовк А.Ю. «Покрасневшие»: белоэмигранты, смилившиеся с Советами // Неприкосновенный запас. 2022. № 6(146). С. 149–163; VIELIAVSKY N. La resistance anti-allemande des immigrés russes blancs en Belgique pendant la Deuxième Guerre mondiale // Militaria Belgica. Annales d'uniformologie et d'histoire militaire. 2015. P. 165–193; РЕШЕТНИКОВ С.В. Русские эмигранты и советские граждане во французском движении Сопротивления. М.: Наука, 2025.

140 Удостоверение, подписанное Левашовым, 16 августа 1940 г.; Послужной список подпоручика Шафрова I-го, Георгия Александровича, 31 декабря 1940 г. Частное собрание семьи Шафровых; DE BRUYNE E.V. Un aspect de la collaboration militaire dans la Belgique francophone 41–45 (*Mars* 1986). P. 30, 31. HIA. Collection Number 86073–10; Siseministeeriumi – Politsei peavalitsuse välismaalaste toimikond. Akt: Georgi Schavrov'i Nansen'i passi asjus. Eesti Riigiarhiiv. Fondi 1. Nim. 1. Arh. 5287; Siseministeeriumi – Politsei osakoma. Akt: Georgi Šafrov. Fondi 1. Nim. 1. Arh. 6058.

ского Российского Имперского Союза-Ордена (РИС-О), дружинником РСД и членом тайного БРП (брат № РД-26, «Борис Богданов»). Будучи обладателем финского паспорта, он в 1939-м возвратился в Финляндию, чтобы воевать с Советами¹⁴¹, где попал на фронт в качестве переводчика. В 1941–1943 годах служил в той же роли в лагерях для советских военнопленных, а в 1945-м был арестован финским правительством и вместе с братом Георгием выдан СССР по «делу Лейно»¹⁴². Восемь лет он провел в тюрьмах, а потом еще два года в трудовом лагере. Берин-Бею удалось выжить, и в 1956-м он воссоединился с женой и дочерью в Брюсселе¹⁴³. Его брат Георгий, повредившись рассудком, вернулся в Финляндию.

Биография еще одного дружинника, Владимира Успенского, больше похожа на приключенческий роман, поистине выдающийся из-за количества и разнообразия выпавших на долю главного героя испытаний. Мальчик, родившийся в 1922 году во Владивостоке и почти сразу очутившийся в Китае, в силу семейных неурядиц был отправлен из Харбина к приемной семье в Германию, после чего переехал учиться в Бельгию. Работая за мизерную плату и стремясь обрести опору в новой среде, он стал ходить в церковь, где познакомился с белыми русскими, тепло отнесшимися к брошенному подростку и пригласившими его присутствовать на параде РСД. Впечатленный увиденным и услышанным, Успенский вместе с другом в начале марта 1940 года вступил в Дружину. После оккупации Бельгии немцами он устроился на завод в Германии, причем Левашов задействовал Успенского как курьера, передавая через него конфиденциальные депеши в берлинский отдел РОВС. В мае 1943 года не имеющего подданства Успенского мобилизовали: он стал переводчиком в секции радиопрослушки при 9-й армии вермахта.

В оккупированной белорусской деревне у него не только открылись глаза на поведение немцев, но и завязался роман

141 Берин-Бей добровольно вышел из состава РСД в 1932 году из-за рождения дочери и нехватки свободного времени.

142 После выборов весны 1945 года в финское правительство вошли три коммуниста, один из которых, Юрьё Лейно, получил пост министра внутренних дел. Советские представители Союзной контрольной комиссии представили Лейно список из двадцати человек, потребовав их немедленного ареста как обвинявшихся в военных преступлениях. Большинство людей в списке были белыми эмигрантами, одна половина не имела подданства, а другую половину составили граждане Финляндии. Лейно санкционировал аресты, после чего узников безотлагательно вывезли в СССР – несмотря на то, что экстрадиция предварительно не обсуждалась. С формальной точки зрения Лейно действовал без разрешения финского правительства, а Контрольная комиссия не имела права отдавать приказы финским чиновникам. Скандал по поводу выдачи разгорелся весной 1948 года; финский парламент тогда вынес Лейно вотум недоверия, вынудивший его покинуть министерский пост.

143 Берин-Бей (Поппер) Б.В. *Одиннадцать лет в советском коммунистическом раю*. Archives de la Fondation pour la Préservation du Patrimoine Russe dans l'Union Européenne. Collection d'Arkadi Arianov et Nicolas Sakhnovski. Вых 1; БЬЕРКЕЛУНД Б.В. *Путешествие в страну всевозможных невозможностей* / Подг. к публ. С.А. Манькова. СПб.: Международная ассоциация «Русская культура», 2014. С. 381, 383, 427, 428.

с местной женщиной, муж которой ушел в партизанский отряд. Начав с передачи красным партизанам ценной информации, Успенский в конце ноября 1943 года вообще перешел на их сторону. Однако сражаться против немцев ему довелось недолго, поскольку сначала он был ранен, а потом – в марте 1944-го – арестован чекистами. Советская власть оценила жизненную траекторию Успенского сперва в 10, а потом в 25 лет лагерей. После войны, разыскивая своего пропавшего русского сына, его приемные родители-немцы годами обивали пороги всевозможных советских инстанций. Успенский освободился только во время хрущевской «оттепели» и остался жить в Братске, успев обнять своих европейских стариков в 1960-е¹⁴⁴. Перед кончиной в августе 1990 года он говорил журналисту: «Вот вы будете писать о моей жизни, а мне – страшно. Крепко сидит в душе страх. Я боюсь, что все может вернуться: “черные воронки”, безжалостные следователи, мясорубка лагерей». Как высказался о схожем опыте Берин-Бей, «есть вещи, которые трудно постигнуть человеку, самому не побывавшему “там”»¹⁴⁵.

ОЛЕГ БЭЙДА, ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ОТЦЫ И ДЕТИ: РУССКАЯ
СТРЕЛКОВАЯ ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ ДРУЖИНА...

Друзья «дяди Толи»

В 1936 году Левашов писал, что если Дружина погибнет, то усилие ее «рассеется как дым, и отойдет в архивы неудачных попыток еще одно начинание, которым по справедливости могла бы гордиться русская эмиграция»¹⁴⁶. Дым рассеялся лишь после все изменившей войны, окончания которой некоторые из его «птенцов» не застали¹⁴⁷. В следующие десятилетия дружинники не проявляли себя на политической сцене как единая сила, а выступления выпускников РСД имели сугубо частный характер. Отправившийся с Валлонским легионом на войну, Николай Сахновский был приговорен бельгийцами к тюремному сроку за сотрудничество с нацистами¹⁴⁸. Через десять лет ему удалось перебраться в Аргентину (к слову, как и «братчику» Мазара-

144 Приказ по РСД № 8, 22 марта 1940 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1; Панфилов С. «Я – боюсь...». Судьба эмигранта // Карта. Российский независимый исторический и правозащитный журнал. 1994. № 5. С. 18–26; МАКСЕЕВ В. Возвращение в Россию // Сибирские Афины: литературно-художественный альманах. 1996. № 1(5). С. 5–9; № 2(6). С. 3–7.

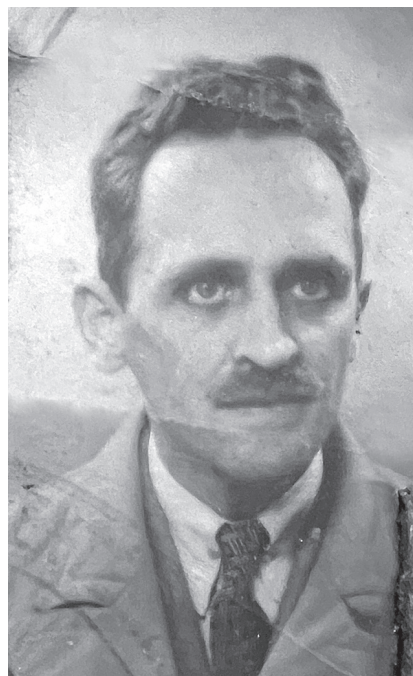
145 Панфилов С. «Я – боюсь...»... С. 26; БЕРИН-БЕЙ (ПОППЕР) Б.В. Указ. соч. С. 2.

146 Приказ по РСД № 11, 24 марта 1936 г. MRA/Drougina. NNR 652/1. Farde 1–1.

147 Помимо Лабинского и Завадского, можно упомянуть Виктора Тулубьева, убитого 28 августа 1942 года: Объявление о смерти // Парижский вестник. Издание Управления делами русской эмиграции во Франции. 1942. 8 ноября. № 22. С. 6.

148 Архангельский тщетно пытался заступаться за него и рассказывал бельгийским чиновникам об идеализме, наивности, добропорядочности и даже рыцарстве Сахновского, якобы побудивших его записаться в легион: Lieutenant Général A. Arkhanguelsky, 19 Décembre 1946. Archives de la Fondation pour la Préservation du Patrimoine Russe dans l'Union Européenne. Collection d'Arkadi Arianov et Nicolas Sakhnovski. Box 1. Folder 19.1.12.

Илл. 18. Дружинник
Николай Сахновский
(Fondation pour la Préservation du Patrimoine Russe
dans l'Union Européenne).

ки¹⁴⁹), где к 1956 году он возглавил местное отделение РИС-О. Растративший за свою бурную жизнь здоровье, Сахновский страдал психической неуравновешенностью. Так, на собрании в Буэнос-Айресе в один из дней памяти царской семьи он, впад в экзальтацию, требовал от всей диаспоры искупить грех царо-отступничества и поносил все существующие движения и партии, военные и церковные власти за их «предательство»¹⁵⁰. Несмотря на повторяющиеся припадки, Сахновский умудрился оставить след в историографии. Повествуя в последующие десятилетия о военной поре своей жизни, он присвоил начинание Завадского, приписав вербовку пленных красноармейцев себе¹⁵¹. Нелепая басня о «Российском народном ополчении», якобы созданном в Черкасском котле, одобренном генералами СС и носившем нашивки с православным крестом, продолжает кочевать из книги в книгу и по сей день¹⁵².

Держать с оружием в руках было уже поздно: жизнь взяла свое. Родоначальник Дружины Арианов выстроил карьеру чиновника, в 1950-е заняв пост администратора области Кибунго в бельгийской Руанде. В Африке он публиковал работы по местной истории, а позже, перейдя в католичество, сделался редактором религиозного бюллетеня¹⁵³. Навоевался и Георгий Шафров, бежавший из тюрьмы в Намюре, куда угодил с окончанием войны. Его выручил голос: находясь на полулегальном положении, он в составе артистической труппы, обслуживавшей американские оккупационные части, колесил по Германии, зарабатывая себе на хлеб. В этих странствиях он встретил Ирину Глиноер, молодую еврейку, отца которой в 1940-м казнили нацисты. В конце 1949 года Шафров с новой женой уехал в Лос-Анджелес, где продолжил осваивать театральные подмостки¹⁵⁴.

149 БАЗАНОВ П. Н. *Русская эмиграция в жизни и творчестве Ю. Г. Слепухина* // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество. Сборник статей и материалов / Сост. Н. А. Слепухина, Е. П. Щеглова. СПб.: Ладога; Фонд Слепухина, 2012. С. 316.

150 BAR/Messner. Box 4. Folder «Moi vospominaniia – Na chuzhbine» – VI. С. VI–326, VI–392; Кублицкая М. А. *Русская периодика в Аргентине в XX веке* // Кадетская переключка. Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом (Нью-Йорк). 2007. № 78. С. 164.

151 Из воспоминаний сор[атника]-руководителя Н. И. Сахновского // Юбилейный сборник Российского Имперского Союза-Ордена. 1929–1959: 30 лет / Под ред. П. Н. Колтыпина. New York: All-Slavic Publishing House, 1959. С. 13–27.

152 Голдин В. *Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны*. Архангельск; Мурманск: СОЛТИ, 2005. С. 211; МАНЬКОВ С. А. *Русские добровольцы в составе Валлонского легиона, 1941–1945 гг.* // Новый Часовой. Русский военно-исторический журнал. 2006. № 17–18. С. 176–177; ЧУЕВ С. *Власовцы – пасынки Третьего Рейха*. М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 131–133.

153 D'ARIANOFF A. *Histoire des Bagesera: Souverains du Gisaka*. Bruxelles: Institut Royal Colonial Belge, 1952; Сотый номер Независимого католического бюллетеня // Часовой. 1974. Апрель. № 4(574). С. 19; BIELIAVSKY N. *Le cardinal Mercier et l'émigration russe en Belgique* // Irénikon. Revue des Moines de Chevetogne. 2003. № LXXVI. P. 194; MUNYARUGERERO F. X. *Dominique Mbonyumutwa: président du Rwanda en révolution*. Paris: L'Harmattan, 2021. P. 25.

154 КОРСУНЕЦ С. *Георгий Александрович Шафров-Невский* // Русская жизнь. 1969. 21 ноября. Vol. XLIII. № 6911. С. 6; *Биографическая справка (2022)*. Частное собрание семьи Шафровых.

Его погибшая в 1942 году сестра Марина стала одним из символов Сопротивления, бельгийско-русской подпольщицей-мученицей, сродни советским партизанским героиням¹⁵⁵. Бельгийское правительство посмертно наградило ее, а прах перезахоронило с почестями. Муж Юрий после ее гибели продолжил бороться с немцами. В июне 1978 года советское посольство в Брюсселе торжественно вручило ему предназначавшийся Марине Орден Отечественной войны I степени. В 1982-м вышел посвященный ей художественный фильм «Где-то плачет иволга...». На излете перестройки выяснилось, что Марина была племянницей снайперши Нины Петровой¹⁵⁶. В Москве есть мемориальная доска в память о Шафровой-Марутаевой (с досадной ошибкой в дате смерти), а ее судьба продолжает вызывать живой интерес¹⁵⁷. О более ранних взглядах мужа Марины и тем более о ее братьях не упоминается нигде.

За тридцать послевоенных лет ушло поколение офицеров-наставников. Генерал Архангельский умер в Брюсселе в ноябре 1959 года. Возглавлявший до и после Второй мировой войны бельгийский отдел Общества галлиполийцев полковник Левашов скончался там же в июле 1960 года. Гроб утонул в цветах, среди которых выделялся венок от его Дружины и стяг друзей из Бельгийского экспедиционного корпуса¹⁵⁸. Постаревшие дружинники «молитвенно склонялись» перед могилами воспитателей¹⁵⁹. Отцы уснули, но дружба среди детей сохранилась: ветераны Дружины, стремясь беречь ее, собирались на ежегодный ужин. Последний состоялся 2 декабря 1994 года, а сохранившееся в архиве предупреждение гласит:

«Ресторатору требуется заранее знать точное количество сотрапезников, вследствие чего организаторы ужина настоятельно просят желающих участвовать проявить как военную, так и гражданскую вежливость и до 28-го сего месяца уведомить о своем решении одного из организаторов»¹⁶⁰.

Даже по прошествии четырех десятилетий заставшие Бельгию 1930-х с трепетом вспоминали детище Левашова – уди-

ОЛЕГ БЭЙДА, ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ОТЦЫ И ДЕТИ: РУССКАЯ
СТРЕЛКОВАЯ ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ ДРУЖИНА...

155 См. историю одной из них: Воронин А. *Второе задание: жизнь и смерть Веры Волошиной* // Неприкосновенный запас. 2024. № 3(155). С. 30–47.

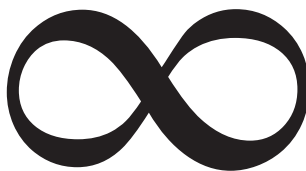
156 АФАНАСЬЕВ А.Л. *Полынь в чужих полях*. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 115; МИЗИН В.М. *Снайпер Петрова*. Л.: Лениздат, 1988. С. 64–67; АГАЛАКОВА Ж. *Русский бельгиец – история неизвестного героя* // Первый канал. 2010. 8 мая (www.1tv.ru/news/2010-05-08/143782-russkiy_belgiets_istoriya_neizvestnogo_geroya).

157 О жизни Марины недавно вышел роман: LEROY M. *Le Mystère de la femme sans tête*. Paris: Éditions du Seuil, 2023.

158 *Colonel A. Levachoff* // *Le Soir* (Bruxelles). 1960. 21 Juillet. P. 13; *Полковник А.Н. Левашев* // *Русская мысль*. 1960. 2 августа. № 1559. С. 6; *Галлиполийцы в Бельгии* // *Часовой*. 1949. 1 сентября. № 288. С. 20; *Информации* // *Переключки*. Орган связи белых воинов в САСШ-х. 1952. 15 октября. № 18. С. 15; *Незабытые могилы* // *Часовой*. 1960. Сентябрь. № 412. С. 25; *Скорбный листок* // *Галлиполиец*. Информационный бюллетень главного правления. 1960. Октябрь–ноябрь. № 42. С. 11.

159 Поручик ШАФРОВ II-й Р. *Незабытые могилы* // *Часовой*. 1970. Декабрь. № 534. С. 23.

160 РСД – *Сообщение*, 17 ноября 1994 г. MRA/Drougina. NNR 652/3. Farde 2.

вительный феномен в море карликовых эмигрантских партий и групп взаимного обожания по выходным дням¹⁶¹. В 1980-е один за другим начали уходить уже ученики¹⁶². Не мучаясь вопросом о том, кто в РСД формально старший, они появлялись на очередных похоронах именно как группа¹⁶³. В ноябре 1991 года кто-то из них составил список из 24 фамилий бывших дружинников, снабдив его адресами и телефонами¹⁶⁴.

АФРИКАНСКАЯ ВАХТА ДРУЖИННИКА

Хранителем памяти РСД и одним из последних ее офицеров стал Кирилл Харкевич, который годы Второй мировой войны провел в Африке. Здешняя русская диаспора после 1943 года была охвачена недавно обретенным советским патриотизмом. Харкевич, находясь в Южно-Африканском Союзе, и сам как-то попросил о встрече с советским генеральным консулом в Претории, который принял его вежливо и тепло; оказалось, в Москве все о нем давно знали – разумеется, следили¹⁶⁵. После войны он путешествовал, успев поработать в Азии, Америке, Европе и, конечно, в Африке.

В июле 1964 года в уже независимом Конго Харкевичу, поднявшемуся до управляющего в горнодобывающей компании «Symétain», пришлось стать свидетелем восстания в провинции Квилу, находящейся в 500 километрах восточнее Киншасы. Там маоист Пьер Мулеле, недолго служивший министром образования в кабинете Патриса Лумумбы, возбудил бедноту из местных племен, создав Народную армию освобождения – НАО (*l'Armée populaire de libération*). Поднявшаяся волна хаоса моментально докатилась до шахт компании в Калиме и Пунии. Весь следующий год европейские специалисты вместе с местными жителями провели в революционной зоне, будучи почти полностью отрезанными от «большой земли». Харкевичу, пытавшемуся защитить работников и их близких, пришлось вести сложный диалог с повстанцами: договариваться, хитрить, подкупать, умо-

161 Князь ГАГАРИН Г.Б. *Письмо в редакцию* // Кадетская перекличка. Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом. 1981. Май. № 28. С. 106.

162 *Незабытые могилы* // Часовой. 1977. Январь. № 1(603). С. 19; *Незабытые могилы* // Часовой. 1985. Январь–февраль. № 1(653). С. 25; Гуторович Ж. *Памяти барона В.В. Местмахера-де-Будде* // Кадетская перекличка. Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом. 1987. Ноябрь. № 43. С. 132–133.

163 Л. Юрьева – В. Спечинскому, 11 октября 1985 г.; Приглашение, 15 октября 1985 г.; Оповещение о смерти Ю.А. Харкевича, 1 июня 1989 г. MRA/Drougina. NNR 652/3. Farde 2.

164 *Список дружинников, ноябрь 1991 г.; РСД – Оповещение, 7 ноября 1991 г.* MRA/Drougina. NNR 652/3. Farde 2.

165 Ронин В. *Русское Бельгийское Конго в годы войны* // Новый Журнал – The New Review (Нью-Йорк). 2011. Кн. 262. С. 254–275 (<https://magazines.gorky.media/nj/2011/262/russkoe-belgijskoe-kongo-v-gody-voyny.html>).

лять, угрожать. Он вел подробный дневник тех дней, делая наиболее опасные записи – на случай ареста – по-русски¹⁶⁶.

В захваченных областях революционеры развернули кампанию террора, затронувшую как африканцев, так и европейцев¹⁶⁷. Опорными базами НАО служили госпитали и ремонтные станции, созданные «Symétain» для шахтеров и их семей, поэтому до времени «полезных» белых терпели. Харкевича уберегло еще и то, что он был русским: его бельгийский паспорт революционеров не интересовал, зато русское происхождение оказалось крайне полезным – в силу естественных ассоциаций он виделся мятежникам почти «советским», отчасти «своим». Впрочем, революционной бдительности никто не отменял: несколько раз Харкевича арестовывали, и он лишь чудом избежал гибели.

Тридцать лет назад Харкевича наставляли русские офицеры, еще помнившие, что такое гвардейский парадный шлем с державным орлом. Конголезские полевые командиры носили иные головные уборы; как правило, их отличали пришитые куда придется куски шкуры обезьяны, циветы или даже леопарда – редкого и наиболее ценного знака офицерского достоинства. Рядовой состав НАО обмундировывался в основном пальмовыми листьями. У многих повстанцев были колоритные прозвища; например одного из тех, с кем, вероятно, пересекался Харкевич, звали «Куфакио» («Метла»). Его подчиненные перешептывались, что их командир – «первейший убийца во всем Конго»¹⁶⁸. Самого вождя движения, однако, называть по имени не рекомендовалось: Мулеле был просто «Он». Мулелисты не сомневались, что их предводитель обладает сильнейшим «джуджу» – благоволением духов, дарующих победу и неуязвимость. В большинстве своем они были неграмотными – зато «Он» читал мысли, все слышал и видел, умел обращаться в змею, а также трансформироваться в бестелесную энергию¹⁶⁹. На общих собраниях обладавший гнетущим низким голосом Мулеле демонстрировал чародейскую мощь: среди прочего он, например, запросто стрелял в себя, что неизменно производило сильное впечатление на присутствующих. (Позже, впрочем, историки выяснили, что Мулеле в таких случаях использовал холостые патроны¹⁷⁰.) Программа мулелистов в интерпретации Харкевича пропагандировала самый

ОЛЕГ БЭЙДА, ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ОТЦЫ И ДЕТИ: РУССКАЯ
СТРЕЛКОВАЯ ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ ДРУЖИНА...

166 KHARKEVITCH C. *Journal d'une rébellion: les mulelistes*. Bruxelles: Clepsydre, 1998.

167 KALEMA E.M. *Violence and Memory: The Mulele "Rebellion" in Post-colonial D.R. Congo*. PhD Thesis. University of the Witwatersrand, 2017. P. 19–23, 73–101.

168 KHARKEVITCH C. *Journal d'une rébellion: les mulelistes*. P. 32, 39, 177–178.

169 FOX R.C., DE CRAEMER W., RIBEAUCOURT J.-M. "The Second Independence": A Case Study of the Kwilu Rebellion in the Congo // *Comparative Studies in Society and History*. 1965. Vol. 8. № 1. P. 98–101.

170 YOUNG M.C. *Post-Independence Politics in the Congo* // *Transition*. 1966. № 26. P. 26; MICHAELS J.H. *Breaking the Rules: The CIA and Counterinsurgency in the Congo 1964–1965* // *International Journal of Intelligence and Counter-Intelligence*. 2012. Vol. 25. № 1. P. 152.

настоящий коммунизм: когда «Он» победит, восторжествует изобилие, полки магазинов будут ломиться от дешевой еды и качественных товаров, все налоги отменят, а интеллигентов заставят честно трудиться под народным контролем¹⁷¹.

Поначалу мулелисты бросались в атаку, вооруженные мачете, копьями и луками (трофейное автоматическое оружие у них появилось позже). Бойцы НАО шли в бой заговоренные шаманами-«мугангами», возглавляемыми шестигрудой ведьмой, о которой Харкевичу доверительно рассказали знакомые партизаны. Они верили, что после этой процедуры пули правительственных войск обращались в воду; поэтому атаки сопровождались громкими криками «Маи Мулеле!» («Вода Мулеле!» на языке киконго). В ходе атаки бойцу требовалось смотреть исключительно вперед, иначе можно было лишиться магической защиты. Подчиненные Харкевича из числа местных без конца умоляли его пристроить детей на любую, пусть даже самую ничтожную должность в «Symétain» – статус «нанятого компанией» ограждал мальчиков от принудительной мобилизации в революционную пехоту¹⁷². Любопытно, что за штурвалами самолетов правительственных ВВС, ужасавших повстанцев своим ревом, нередко сидели эмигранты-кубинцы – ветераны провальной операции ЦРУ в Заливе Свиней, ныне участвующие в новой авантюре¹⁷³.

После того, как мулелистов выдавили из провинции Квилу, Харкевичу снова пришлось вызывать к милосердию, но на этот раз – правительственных войск, беспощадно расправлявшихся с теми, кого подозревали в симпатиях к Мулеле. В 1966 году новый президент Мобуту Сесе Секо («он был умным парнем, хоть и сержант, но потом возомнил себя богом») лично вручил Харкевичу высшую награду страны, Орден леопарда за номером 15¹⁷⁴. Сдавшийся через пару лет Мулеле был изуверски казнен. Харкевич вернулся в Бельгию и в 1998 году написал:

«Нам было суждено стать свидетелями фантастически интересно отрезка истории. И хотя я бы ни за что не хотел вновь пережить подобное, я однозначно не жалею о пережитом. Все затронутые действия повстанцев были глубоко травмированы. [...] Но все же – мы выбрались оттуда живьем... Чего не скажешь о бесчисленном множестве конголезцев и о многих европейцах. Не такой судьбы они искали столь вдали от дома... Мир их праху»¹⁷⁵.

171 KHARKEVITCH C. *Journal d'une rébellion: les mulelistes*. P. 177–178.

172 Ibid. P. 172.

173 VILLAFANA F.R. *Cold War in the Congo: The Confrontation of Cuban Military Forces, 1960–1967*. New Brunswick: Transaction Publishers, 2009. P. 65–70.

174 RÉPUBLIQUE DÉMOCRATIQUE DU CONGO – SERVICE DES RELATIONS PUBLIQUES. *L'Ordre national du Léopard. Année 1966*. Léopoldville: Haut Commissariat de l'information, 1966. P. 12; *Интервью с Кириллом Харкевичем* // Эхо планеты. 2006. Февраль. № 6. С. 37.

175 KHARKEVITCH C. *Journal d'une rébellion: les mulelistes*. P. 11.

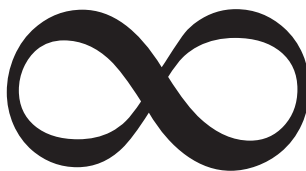
Мы не знаем точно, способствовала ли выживанию в Конго дисциплина, которую культивировал в Дружине «дядя Толя». Можно тем не менее предположить, что в этом есть изрядная доля истины. На склоне лет Харкевич словно отреагировал на минутное сомнение, посетившее Левашова в далеком 1936-м. «Дружина многое дала моему поколению», – записал он¹⁷⁶. Даже в почтенном 88-летнем возрасте в сентябре 2003 года он публично выступал, рассказывая о своей молодости, а в 2005-м опубликовал в соавторстве научную статью, посвященную истории РСД¹⁷⁷. Харкевич скончался в марте 2007 года. Арианов, с которого началась эта история, умер в декабре 2008-го; бельгийский красный партизан Марутаев – в январе 2010-го. Последним присоединился к своим друзьям и наставникам дружинник Калустов, ушедший в сентябре 2021 года.

ОЛЕГ БЭЙДА, ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ОТЦЫ И ДЕТИ: РУССКАЯ
СТРЕЛКОВАЯ ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ ДРУЖИНА...

176 IDEM. *L'Union Générale des Combattants russes (ROVS) et la Drougina*. P. 74.

177 *Histoire de la Drougina: Texte du discours de Cyrille Kharkevitch* // Patrimoine Russe. Revue Scientifique de la Fondation pour la Préservation du Patrimoine Russe dans l'Union Européenne. 2005. № 5. P. 6–7.

АЛЕКСАНДР
ПИСАРЕВ

Звуки, зрители, хип-хоп:

обзор российских
интеллектуальных журналов

Александр Александрович Писарев (р. 1988) – младший научный сотрудник Института философии РАН.

Номера отечественных интеллектуальных журналов, попавшие в этот обзор, посвящены весьма разнородным темам. Одни из них органично вытекают из общей редакционной политики и недавних выпусков. Так, авторы «Ab Imperio» обсуждают двусмысленность нативизма, на котором основаны антимигрантский и антиколониальный дискурсы, а также постколониальную субъектность. «Художественный журнал» сосредоточился на фигуре зрителя во всем ее многообразии и зрительстве как таковом. Другие же темы неожиданны и являются скорее высадками на еще не изведанные территории: «Логос» обращается к тому, что сопротивлялось и сопротивляется оптикоцентризму западной культуры, – аудиальному. Один номер посвящен истории и изучению хип-хопа, дру-

**ОБЗОР
ЖУРНАЛОВ**

гой – чрезвычайно разнообразному междисциплинарному полю исследований звука.

ЗРИТЕЛЬ И ЗРИТЕЛЬ

«Художественный журнал» (2025. № 129) впервые¹ за свою более чем тридцатилетнюю историю обратился к исследованию и обсуждению неустранимого элемента художественной ситуации – *зрителя*. Удивительно, что это произошло только сейчас, учитывая, к примеру, что один из фундаментальных, даже программных текстов современного искусства – «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» Вальтера Бенямина – выстроен вокруг требования нового искусства для нового зрителя, то есть масс. Да и в дальнейшем некоторые трансформации искусства следовали за появлением новых субъектов или же создавали своего зрителя. Перформативный поворот, кураторский поворот, демистификация музея и поворот

к зрителю – лишь немногие приобретения проекта современного искусства в горизонте зрителя.

Редакторы журнала предполагают в предисловии, что причина некоторого невнимания к зрителю и даже его пассивизации состоит в удержании привилегированности стороны художника:

«Видимо, уmonoстроение мира искусства продолжает находиться под влиянием романтического культа самодостаточного художника и, как следствие, сосредоточено на сопротивлении господствующему ныне маркетинговому подходу, когда значимость художественного явления определяется его успехом у массового зрителя» (с. 5).

Есть искусство для художников (то есть профессиональных зрителей), а есть – для остальных (массового зрителя). Модернистская гонка за новизной, затем постконцептуальные дискурсивные игры – все это имеет высокий входной порог, требуя от зрителя значительных знаний и насмотренности, хотя и позиционируется как понятное без слов. По завету русского авангарда и Бенямина идеология современного искусства заявляет, что оно создается для всех, а заниматься им может кто угодно. Этот вектор отразился в систематических попытках на протяжении XX века сделать искусство частью жизни, стерев границу между ними, или по меньшей мере активизировать зрителя, сделав его соавтором произведения или дав принципиальную возможность стать автором. Антитеза профессионального и массового зрителей стала базовым противоречием и объектом критики практики и идеологии современного искусства – «парадигматическим», по словам редакторов журнала, – и это противоречие во многом задает проблем-

¹ Косвенно «ХЖ», конечно, затрагивал проблематику зрительства, достаточно вспомнить 118-й выпуск (2021), посвященный образовательному повороту, – см. его обзор в «НЗ» (2022. № 1(141). С. 236–240). Кроме того, в контексте обсуждаемой проблематики стоит вспомнить номер журнала «Место искусства» (2022. № 3), посвященный теме «Зритель в условиях музейной глобализации» (<https://placeofart.ru/zin-3>).

ность зрительства. Другая антитеза, не менее значимая, но и травматичная, заключается в том, что современные художники вынуждены ориентироваться на вкусы одновременно и социальной элиты, являющейся основным покупателем искусства, и массовой публики, дающей трафик в галереях и соцсетях (с. 50).

Открывающий дискуссию Антон Ходько сразу обращается к теме зрителя как *соавтора*, восходящей к Марселю Дюшану. Французский художник заявлял, что завершенность произведению придает только зритель. До него Гегель писал, что «любое произведение искусства представляет собой диалог с каждым стоящим перед ним человеком» (с. 30). А в 1990-е Николя Буррио, идеолог реляционной эстетики, вслед за Дюшаном утверждал, что форма – это то, что организует *встречу* зрителя как с произведением, так и с тем, к чему оно отсылает. Отталкиваясь от кейсов, когда зрители (в том числе зрители-художники) ошибочно решали, что им позволено стать соавторами, Ходько спрашивает: «В каком виде выступает конечный совместный продукт? Должен ли зритель делать наглядным результат своей интерпретации?» (с. 10). Если взять в качестве парадигматического случай, когда Александр Бренер нарисовал знак доллара на «Белом кресте» Малевича, то есть объективировал свою интерпретацию, то получается, что в подобных ситуациях мы не можем провести различие между зрителем и художником (что, однако, не говорит об их уравнивании).

«Визуализируя свои интерпретации непосредственно во взаимодействии с произведением искусства, зритель теряет свой статус. В этой ситуации невозможно определить, где заканчивается зритель и начинается художник. Такие жесты, особенно когда они производятся намеренно, требуют своей собственной интерпретации, а значит, и своего зрителя» (с. 10).

Когда же интерпретация зрителем произведения остается внутренним процессом, возникают вопросы: во-первых, о том, становится ли этот процесс социальным феноменом, и, во-вторых, насколько велик разброс интерпретаций. Ходько отмечает:

«Понятие “зритель” перестало быть сколько-нибудь гомогенным. Сегодня на картину в музее смотрят глаза феминисток, экологов, мигрантов, патриотов, инженеров, маркетологов, родителей и детей разных стран и народов. Каждый взгляд имеет свой собственный фокус, “нисходящие” и “восходящие” потоки восприятия» (с. 13).

Еще один аспект зрительства сегодня, на который указывает Ходько, – это *массовое производство искусства* (с. 13): любой зритель при желании может относительно легко стать художником. Впрочем, автор справедливо замечает, что «не каждый человек может быть художником, а некоторым художникам было бы лучше оставаться зрителями» (с. 18). На массовость производства накладывается многообразие стилей и жанров, ни один из которых не претендует на всеобщую значимость и первенство в определении общественного вкуса. Художественное поле стало эклектичным, авангард и китч уравнились в правах, а на первый план выходит эстетика апроприации, заимствования, перепрочтения. Как когда-то выразился Николя Буррио, все мы лишь квартиросъемщики культуры. В этой ситуации размываются ценностные критерии – *anything goes*:

«Вера в ценность произведения перестает быть коллективной практикой, она становится не просто дисперсной, а буквально атомизируется до индивидуальных суждений. [...] Сила зрительской реакции сейчас расплывлена и, по сути, заперта в персональном опыте» (с. 14, 18).

Такая релятивизация подрывает власть и дидактику экспертов и музея, наделяя зри-

теля правом на безошибочность и ценность собственной интерпретации. Но массовому зрителю еще предстоит избавиться от выученного комплекса некомпетентности.

Что тогда является способом сверить «зрительские часы»? Говоря о нынешнем умножении способов реакции и рефлексии зрителя, о росте запроса на соучастие, Ходько особо отмечает роль *повседневного общения* (болтовня, сплетни, слухи, жалобы, советы, восторги и проклятия). Именно в нем складываются нарративы, мифологии и фикции, способные *объединять* индивидов в плоскости вкуса и интерпретаций. Искусство же «должно научиться интегрировать в свое пространство зрительские рефлексии и коллективное воображение» (с. 15).

Трансформируется не только само зрительство, но и его понимание. Зритель не *tabula rasa*, созерцающий искусство. Между произведением и зрителем возникает симбиоз (впрочем, весьма сомнительный и едва ли симметричный), в котором произведение возвращает зрителю взгляд: взгляд самой вещи «считывает знаки, размещенные на зрителе», и активизирует те или иные содержащиеся в нем образы, смыслы, нарративы. Происходит взаимный обмен взглядами, взаимная субъективация. В этой активности и состоит автономия произведения, а не в некоем недоступном, непознаваемом ядре.

Правда, со взглядом зрителя не все так просто. Опираясь на исследования Клэр Бишоп, Ходько пишет о дисперсии и рассредоточенности самого внимания.

«Развиваются такие типы “быстрого” зрительского внимания, как схватывание сути, лежащей на поверхности (*skimming*), выборочный обзор (*sampling*), свободное скольжение по образам в сети (*scrolling*), гибридное зрительство и виральное внимание» (с. 16).

И опять же искусство вынуждено учитывать это. Глубокое внимание требовало

от зрителя рефлексивной работы и обширных знаний. Для рассеянного внимания характерны поверхностность, наивность, искренность, интуитивная образность, прагматичность догадок. Ориентация на это повышает риск для художника скатиться к декоративности и субъективной эмоциональности.

Кроме того, насколько художник должен следовать за публикой, ее вкусом или вниманием? Как избежать популизма? Как отмечает в своей статье Борис Гройс, «стремление к популярности с выходом за пределы чистого развлечения ведет художников и интеллектуалов к альянсу с популистскими движениями» (с. 19). Популизм возникает вследствие раскола на массовую и элитарную культуры, развлечение и собственно искусство – Гройс без тени сомнения пишет об этом вопреки исследованиям и наблюдениям огромного числа авторов и – что убедительнее, – исторической эмансипации искусства.

«Когда искусство освобождается от религиозной, исторической, образовательной, информационной и социальной функций, оно становится экзистенциально зависимым от эстетического признания со стороны информированной публики. Это признание означает жизнь; отказ в признании – смерть» (с. 20).

Признания арт-системы, по Гройсу, недостаточно для настоящей успешности, нужно признание широкой публики. Так в искусство проникает популизм, в котором скрыт поиск того *populus*, который когда-то, во времена религиозного искусства, объединял всех, помимо прекрасности и развлекательности. Несмотря на фрагментированность социума, людей объединяет желание общности, и на этой почве расцветают популизм и популистское искусство. Последнее скучно. Гройс подчеркивает, что это не популярное искусство или китч, которые развлекают:

«Популистская культура функционирует не потому, что кому-то нравится, а потому, что служит знаком верности определенной популистской идеологии. А эту верность лишь отчасти выбирают свободно» (с. 22).

Рассуждение Гройса подводит к более радикальной мысли: как бы не оказалось, что искусство тут только посредник, через которого общество реализует отчуждение и эксплуатирует зрителя. Последний тогда оказывается не более чем категорией маркетинга или управления. Схожую позицию занимает Клэр Бишоп, к идеям которой активно обращаются авторы номера, как на пример Кястутис Шапока:

«Логика позднего капитализма ассимилирует зрителя, а саму “зрительность” переводит в режим самодостаточного феномена зрелищности. Наличие (массового) зрителя в музее (современного искусства) говорит не о контакте зрителя с произведением (феноменом) искусства, а замыкает саму логику корпоративного диктата, спрятанного под тотальностью зрелища как такового. Такой системе, по сути, зритель (как мыслящий субъект) не нужен. Он – массовый зритель – привлекается как одна из институциональных функций консьюмеристского спектакля. Зритель, приобретая билет в музей (современного искусства), приобретает воображаемый статус» (с. 52).

Отметим, что в противовес Бишоп формулирует концепцию радикального музея, ориентированного не на производство продукта (в том числе зрительства), а на критический пересмотр исторических нарративов и категории современности.

Марко Сенальди в своей статье напоминает, что еще Гегель и Ги Дебор придерживались такого «подозревающего» взгляда, для которого позиция зрителя управляема обществом, властью, капиталом или Духом, диалектически связанным с искусством и обществом. По Гегелю например, через зрительское сознание Дух переходит из состояния субстанции в состояние субъек-

та. Диалектика требует видеть зрителя и спектакль как одно целое, потому «зритель как таковой существует только до тех пор, пока не осознает, что он сам стал частью этого спектакля, диалектической составляющей Духа, который одновременно и субстанция, и субъект» (с. 30). Это инверсия идеи Дюшана: зритель становится частью произведения не через диалог, а в качестве материала художника (Сенальди приводит в пример искусство Мандзони и Уорхола). Правда, опять же массовый ли это зритель?

Продолжая диалектическую линию Гройса, Дмитрий Галкин обращается к идеям Теодора Адорно, для которого зрительство определяется «функционированием социальной структуры, где нужно слушать и смотреть определенным образом» (с. 40). Нынешняя структура – капиталистическая и потребительская, поэтому «буржуазный зритель вписывает искусство в знакомую и близкую среду обитания буржуа, переходя к его фетишизации» (с. 41). Здесь Галкин, следуя за Адорно, солидарен с Ходько: множество зрителей не просто разнородно – оно состоит из социальных групп или типов, а не уникальных индивидов.

Иерархия буржуазных зрителей, по Адорно, начинается с коллекционера, который ориентируется в искусстве «по социальным знакам престижа среди своих», по эффективности и трюкам, но одновременно, обладая влиянием, претендует на миссию сохранения и развития культуры и вкусов в обществе. Следующий уровень – эмоциональный зритель, занимающийся «эмоциональным потреблением по мотивам собственной богатой внутренней жизни и совершенно безотносительно к искусству как таковому» (с. 42).

«А видите вот этих? Кто восторженный, а кто недовольный. Женщина радостно обсуждает с детьми яркие краски акрила на холсте. Две дамы раздражены и возмущены безнравственностью художницы. А вот милая девушка немного всплакнула...

Сколько эмоций! За ними эмоциональный зритель и пришел. Повидаться не с искусством, а со своими переживаниями» (с. 44).

Затем идет ресентиментный зритель, ищущий в потреблении искусства воображаемое великое прошлое, историческую правду и укорененность в коллективе, – «потенциальный вандал с высокой культурной мотивацией» (с. 44). И далее, мимо любителя джаза спускаемся к фигуре на нижней ступени иерархии – *развлекающемуся зрителю*, ради которого и существует «культуриндустрия», или, на новый лад, креативные индустрии. Все для совместного досуга и борьбы со скукой.

Что движет всех этих зрителей разных типажей к искусству? По Адорно, «искусство становится общественным явлением благодаря своей оппозиции обществу, причем эту позицию оно занимает, только став автономным; [...] искусство критикует общество самим фактом своего существования» (с. 45). Работа искусства – работа *негативного*. Правда, этот идеал сталкивается с реальностью, в которой публичную дискуссию вытесняет деполитизирующий консьюмеризм, зритель не успевает стать предметом и реципиентом критики, которая коммодифицируется.

Особенно интересным для читателя может оказаться размышление Кястутиса Шапоки. Он подходит к феномену зрительства «не (с)только с институциональной перспективы “завлечения” зрителя, но и через феноменологическую призму (само-)сознания самого зрителя (даже если зритель – художник)» (с. 49) и прослеживает изменение концепции зрительства в обратной хронологии начиная с XXI века. Обращает на себя внимание, что критических, негативных подходов к зрительству больше, чем конструктивных, позитивных, причем последние исторически терпят крах. Так, неоавангардная реляционная эстетика 1990-х в версии Николая Буррио, претендо-

вавшая на демократизацию искусства и соучастие зрителей, превращающихся в от-носительно самовольный медиум художника, в конечном счете «вернулась в лоно (логики) неолиберального спектакля» (с. 52).

Свой обзор Шапока ведет к тематизации *классовой* идентичности, или классового самосознания, зрителя и художника. Индивидуальное обусловлено социально и институционально. Отсылая к социологическому исследованию посетителей Пьером Бурдьё и Аленом Дарбелем (1966), Шапока указывает, что социально-классовая структура общества, социальное происхождение индивидов – все это играет ключевую роль в формировании зрительства и его иерархически организованном многообразии.

«Музейная система насквозь пропитана идеологией так называемых господствующих социальных классов (особенно во Франции) и служит исключительно им» (с. 53).

Канон и задаваемый им эстетический вкус отражают вкусы вышестоящих классов, вытесняя те социальные группы, вкус которых отличается, и *натурализируются* – преподносятся как неизбежные, единственно возможные и естественные. Это положение, зафиксированное в 1960-е, после всех демократизирующих проектов начиная с русского авангарда, едва ли серьезно изменилось.

В этой оптике Шапока, отсылая к Дидье Эрибону, ставит вопрос о социальной мобильности: *переход* из более низкого класса в более высокий создает «расщепленный габитус» (Эрибон) или «невроз социального класса» (Винсент де Гулежак): противоречивую личность, конфликтующую с обществом и с собой, страдающую комплексом неполноценности и самозванства. В этом проявляется то, что Эрибон назвал *негативным социальным детерминизмом*, или негативной онтологией: «капиталистическое

общество воздействует на индивидов, особенно принадлежащих к низшим социальным классам, только в негативном ключе» (с. 56). Другими словами, низшие определяют себя исходя из высших как не обладающие их качествами.

Таков доминирующий принцип классового неравенства, и появление социальных перебежчиков – расщепленных габитусов или *трансклассов* (Шанталь Жаке) – знаменует собой сбой его работы. Транскласс предположительно отличается адаптивностью и (само)рефлексивностью, особым творческим потенциалом, который обусловлен сочетанием противоречащих друг другу социальных и культурных идентичностей. Шапока заводит об этом речь, чтобы, оставив в стороне классификации и прочие подходы к зрителю, вывести нормативный образ «хорошего» зрителя – представителя транскласса:

«[Он] чуточку более наблюдателен и вдумчив. Чуть более сомневающийся, (само)критичный – здравомыслящий и трезво все оценивающий. Не самонадеян. Даже скромнен. И в то же время – уверен в себе и самостоятелен» (с. 57).

В разворачивающейся дискуссии остается без внимания один существенный аспект. Благодаря феноменологическим и психоаналитическим штудиям XX века, мы знаем, что взгляд обратим: картина может возвращать зрителю его взгляд. Уравнение зритель = человек оказывается под вопросом. Это открывает проблематику нечеловеческих акторов: как действуют вещи по поводу и в отношении зрителя? Как динамика теорий ведет к переосмыслению антропоцентризма в вопросе о зрительстве?

Эту тематику инициирует Злата Адашевская. Она анализирует, как конструкция и дискурс *перспективы* менялись в истории искусства, по-разному взаимодействуя со зрителем: помещая его в разные позиции по отношению к содержанию картины,

конституируя его и как зрителя, и как объект для взгляда из глубин картины. Для этого Адашевская обращается к теориям перспективы и отдельным художественным проектам от Мане до «Синего супа».

Эльмира Шарипова расширяет контекст этой проблематики и включает в обсуждение влияние интернета на метаморфозы зрительства. «Зритель утрачивает суверенитет, растворяясь в сетях алгоритмического наблюдения и становясь объектом, а не субъектом восприятия» (с. 84). Особое внимание Шарипова уделяет тому, как в этом контексте складывался художественный путь Пьера Юига, который создавал «автономные художественные экосистемы, где биологические, технологические и климатические процессы образуют сложную сеть взаимодействий, существующую независимо от человеческого присутствия» (с. 85).

Интересный разворот приключений зрительства – в статье Памелы Бьянки, посвященной приходу исполнительских искусств в музей. При этом стирается граница между сценой и зрительским залом и зритель включается в произведение более радикальным образом, чем предполагалось «свиданием» Дюшана, – в качестве медиума и элемента «эксперимента по созданию художественного произведения» (с. 155). Отчасти оставаясь в пространстве репрезентации, зритель включается в пространство исполнения, конституированное разнородными и далеко не только человеческими акторами. Подробнее этот аспект обсуждается в эссе Александры Абакшиной и беседе Аси Володиной с Максимом Ивановым.

Кроме того, в номере читатель найдет разговор критика Марии Калининой и художницы Александры Сухаревой, самоотчет группы «Соавторы» (Виктор Осипов, Арина Атик), творчески продолжавшей линию «Коллективных действий» (беседа с Андреем Монастырским включена в текст), а также отчасти автобиографичную статью

Анны Журбы, обращающей внимание на нехватку ценностных позиций в работе институций и кураторов – в особенности просоциальных.

Хип-хоп с идеологией и без

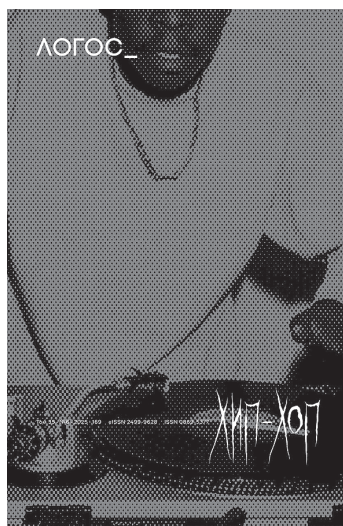
«Логос» (2025. № 6) обращается к исследованиям хип-хопа. Вроде бы неожиданный ход, но если углубиться в архив, то можно обнаружить номера о блюзе и обэриутах – все же журнал философско-литературный. Акцент сделан на социально-политическом измерении художественного явления хип-хопа.

Погружение в причудливый мир хип-хопа читатель начинает с Артемом Рондаревым. Тот дает обширный междисциплинарный обзор ранней истории хип-хопа как многослойного культурного явления, не схватываемого понятием субкультуры. Ведущую роль в нем играли локальность и ситуативность: важны были происхождение акторов и их связь со «своими» районами (с. 23–24). Это сполна проявилось на начальном этапе формирования хип-хопа: рисовавшиеся на стенах и на вагонах метро тэги (протограффити), представляли жителей конкретных улиц. Эти тэги вызвали яростное противодействие властей, вследствие чего были переосмыслены как форма сопротивления. Позднее к граффити добавились остальные элементы: эмсиинг (рэп), брейкинг, диджеинг и *knowledge* (исследования), также имевшие оппозиционный характер.

«И сами участники субкультур, и те, кто им противостоял, хорошо сознавали трансгрессивный потенциал и политическую подоплеку происходящего» (с. 28).

Именно связка политических смыслов и художественных жестов наряду с их доступностью обусловили живучесть и популярность хип-хопа, отмечает Ронда-

рев. Вдобавок, что немаловажно, хип-хоп успешно сопротивлялся присвоению со стороны белой поп-культуры – напротив, апроприируя и творчески перерабатывая ее элементы, сохраняя дистанцию с западной музыкальной традицией (с. 62). Рондарев подчеркивает как значение хип-хопа в качестве формы культурного сопротивления капитализму и глобализации, так и то, что это попросту «весело, шумно и необычно» (с. 62).

Татьяна Пырова продолжает обсуждение политического аспекта хип-хопа и обращается к взаимовлиянию его становления и борьбы за гражданские права афроамериканцев 1970-х. Последняя находила в музыке механизм консолидации сообщества и поддержания идентичности темнокожих, тогда как сам хип-хоп питался этой борьбой как источником энергии и смыслов, был ее воплощением. В эстетике «Черных искусств» расовая принадлежность становилась политической, а изнанкой эстетики была этика.

«Невозможность разделить этическое и эстетическое создает особого рода континуум, в котором художественные высказывания функционируют в качестве моральных требований, и наоборот» (с. 83).

«Концентрированное выражение воли к социальному протесту оказывается средоточием художественного действия, структурно неотличимого от акта политической борьбы. Художник не одинокий творец, но искатель коллективной правды, активист, конструирующий общественное поле. Таким образом, усиливаются исходно заложенные в негроафриканской эстетике принципы: функциональности, кооперативности, деперсонализированности, контекстуализированности» (с. 84).

Неотъемлемым элементом хип-хопа с его нацеленностью на борьбу был специфический идеал аутентичности и маскулинной идентичности, обозначаемые внутри жанра как *гангста*. Мюррей Форман прослеживает его формирование и постепенное замещение концепций *пост-гангста* в 2000-е, в которой непоколебимая мужественность *гангста* смягчается вследствие дискуссий о психическом здоровье темнокожих, о многообразии условий и образов их существования. Становятся возможны дискурсы о внутренних переживаниях, уязвимости и слабости:

«Способы выражения аутентичности в хип-хопе и рэп-музыке все больше интернализируются, перемещаясь в сферу интимных мыслей и чувств с новым акцентом на аффективном выражении. Особенно важно, что такая артикуляция принимает форму исповедального монолога, который помогает исследовать вопросы психического здоровья и другие формы эмоциональных/ментальных проблем. [...] Хип-хоп-чувствительность, формировавшаяся с конца 1980-х и сформулированная принципом “Keep it real!”, не может существовать без рассмотрения всех аспектов эмоциональных и психических состояний. Обнародование своих внутренних процессов, мыслей и эмоций имеет большое значение и может быть рассмотрено только в более широких контекстах расовой несправедливости, социальной борьбы, политической осведомленности и действия» (с. 118–119).

А как обстояло дело с отечественной рецепцией хип-хоп культуры, ведь здесь не было контекста, в котором он сформировался и развивался? Об этом – насыщенная статья Федора Кырлежева, в фокусе внимания которой – период от позднего СССР до конца 1990-х. Автор отмечает, что хип-хоп проник сюда как «специфический комплекс урбанистических психосоматических практик, основанных на ритме» (с. 137), лишенный какой-либо идеологии. Было два этапа рецепции этой культуры в рамках вестернизации. На первом, советском, этапе хип-хоп обладал специфическими чертами, обусловленными информационной изоляцией и государственным контролем. Возникший в рамках вторичной вестернизации после демонтажа «железного занавеса» российский хип-хоп уже не обладал спецификой, утратив самобытность ввиду глобальной культурной унификации. Обсуждение российского хип-хопа продолжает Анна Синельникова. Опираясь на анализ интервью, она представляет три точки зрения на русский рэп – исполнителей, слушателей и исследователей.

А что происходило на пограничных постсоветских территориях, где разнородность среды не могла не оставить отпечатка на рецепции хип-хопа? Флориан Коппенрат изучает черты русскоязычного рэпа в Центральной Азии, где его представители были озабочены поиском специфической *азиатскости*, одновременно стремясь быть заметными на фоне остальных и продвигая языковое многообразие. Коппенрат прослеживает разные формы и функции употребления понятия азиатскости и показывает, что свойственные для хип-хоп культуры внимание к локальности и требование исходить из нее способствовали тому, что в ряде случаев русскоязычный рэп в этом регионе приобрел *деколонизальный* характер (с. 166).

Во второй части номера читателя ждет блок о современном состоянии давнего на-

пряжения между традицией и модерном. Михаил Ремизов с консервативных позиций анализирует *миф о модерне* и доказывает, что «источником эпохи становится не достижение, а фундаментальная утрата – прежде всего кризис авторитета как формы социальной связи и структурирования смыслов и порядка» и сопутствующая аномия (с. 189). То, что это необходимо доказывать в сообществе, для которого пишет автор, показательно в том смысле, что в дискуссиях вокруг модерна на территории теории современного искусства эта мысль является общим местом. Данная неоднородность могла бы быть самостоятельным предметом исследования.

Если у Ремизова модерн – это не понятие, а миф как силовое поле мысли, то Борис Межуев осмысляет русскую идею как философскую эпистему, или устойчивый способ мышления:

«Русская идея представляет собой утверждение, что Россия, ее культура и, в частности, религиозная и философская мысль призвана разрешить важнейшие проблемы европейской цивилизации, что Россия призвана сыграть в истории Европы особую, только ей предназначенную роль. [...] Русская идея практически во всех своих интерпретациях исходит из причастности России к европейской истории, но в особом качестве» (с. 242).

Межуев показывает проявления этой эпистемы на примере философий Степана Шевырева, Федора Достоевского, Владимира Соловьева, Вячеслава Иванова, Льва Карсавина и Николая Бердяева.

Продолжая обсуждение непростых отношений отечественной культуры и модерна, Евгений Лютко тематизирует положение православной церкви в позднем СССР. Он стремится показать, что это положение выходит за пределы бинарной оппозиции сопротивление–приспособленчество.

В заключение уместно вернуться в начало номера к открывающей его статье. Петар

Боянич посвящает свое исследование понятию победы и его генеалогии. Победу он понимает расширительно как общий знаменатель (хочется надеяться, один из) современной эпохи:

«Победа – это протокол, который определяет нас всеми возможными способами: мы живем в государствах, которым предшествовала победоносная война; мы живем в обществах, чьим структурам и конституциям предшествовала победа на выборах; на чьих рынках доминируют предпочитаемые нами продукты, одновременно исключая другие; мы живем в обществах, где мы всегда отдаем предпочтение и приоритет тем, кого оценивают лучше, и кто в свою очередь лучше оценивает других; наконец, мы живем в группах, которые празднуют успехи самых выдающихся спортсменов, отдельных лиц или команд. [...] Победа и различные связанные с ней понятия (выгода, успех, прибыль или капитал; преимущество, приоритет или исключение) полностью окрашивают и определяют все, что касается нашей социальной жизни и социальных отношений» (с. 2–3).

Боянич реконструирует общую рамку понимания победы у авторов – от Клаузевица до Шмитта и Кауфманна: победа – «перформативный механизм, который стабилизирует неравенство и легитимирует господство». Отсюда серия вопросов, которые суммируются одним: как обращаться с победой и победителем так, чтобы добиться наибольшей справедливости и наименьшего насилия?

Что исследуют, исследуя звуки?

Первый номер «*Логоса*» (2026. № 1) в этом году посвящен звуковым исследованиям с их «постколониальной, метарефлексивной и критической направленностью» (с. 41). Такие исследования «прописаны» в поле социально-гуманитарного знания. Их предмет – практики создания, слушания, исполь-

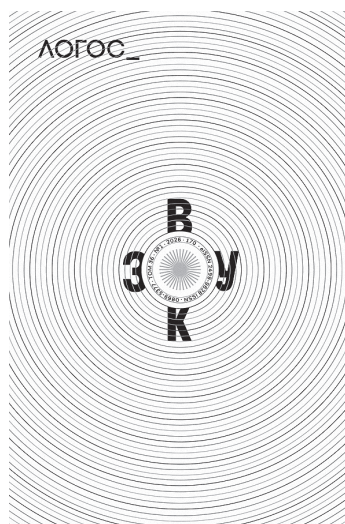
зования, архивации, исследования и теоретизирования звуков. Редакторы-составители номера Анна Ганжа и Максим Жиганов в предисловии дают обзор ранних проектов исследования звука и формирования этого дисциплинарного поля. Узловым оказывается вполне кантовский вопрос: «Как возможно мыслить звук и говорить о звуке?». Однако из предисловия можно заключить, что как такового единого дисциплинарного поля не сложилось: исследования звука – это множество программ и проектов.

«Мы приходим к неизбежному итогу, оформляемому скорее в терминах “штудий”, “этюдов”, “упражнений в звуковом анализе”, “набросков”, “аналитических сводок”, чем в строгом воплощении исследовательских целей и программ» (с. 43).

Подборка статей в номере и представляет это многообразие. Ее открывает статья Жиганова и Ганжи о том, как звуковой дизайн учреждает и регулирует «атмосферу» третьих мест. Авторы проделывают сложные ходы, учитывая одновременно специфику атмосферических исследований, обсуждаемого типа музыки (она понимается ими как «средняя музыка» – *Mittlere Musik*) и трансформации социальной реальности, сделавшие концепцию третьих мест анахронизмом. Это приводит их к нетривиальному заключению:

«Производство атмосферы музыкальными средствами осуществляется разными способами на разных основаниях, но всегда содержит в себе элемент этого невозможного, то есть не просто нереализуемой утопии, а апелляции к агентности без агента, к социальному габитусу в его отсутствие. Музыка буквально становится медиатором фантомности и населяет пространство звучащего этими фантомами. Эта фантомность рано или поздно будет подхвачена тем культурным элементом, который пытается осуществить сборку или пересборку социального пространства исходя из своих потребностей» (с. 83).

Какая же дискуссия без психоаналитической инъекции? Тем более, что инстанция Голоса и практики слушания и слышания имеют огромное значение в психоанализе – как для жизни пациента, так и для самой практики психоанализа. Виктор Мазин, вводя этот сюжет, вскрывает ту его сторону, что чаще оставалась без внимания, а именно: инструментализацию инстанции Уха. В центре его внимания – сонастройка аналитика с пациентом, а пациента – с самим собой и Другим. Ухо предстает операциональным узлом между телесной техникой и символическим порядком. Так звук связывается с субъективацией: в режиме рекурсивного слушания субъекта претерпевает преобразование и становится эхом.

Необычный подход предлагает Даниил Небольсин. Опираясь на свою педагогическую практику, он разворачивает серию (плейлист) звуковых примеров, в которых переосмысляются отношения между аудиальным и визуальным. На каждом примере он отрабатывает наиболее релевантный исследовательский подход.

Далее следует ряд переводов, представляющих исследовательские рамки, которые отсутствуют в отечественных исследованиях звука. Майкл Булл обращает внимание

на то, что аудиальное практически исчезло из теорий медиапотребления. Однако с точки зрения проекта модерна практики слушания важны. Булл обращается к практике мобильного индивидуального слушания, ставшего возможным благодаря плееру *Sony Walkman*, как продолжению проекта модерна и логики западной чувственности. Здесь создается интимный звуковой мир, который заранее медиатизирован и опосредован культуриндустрией.

«Субъекты такого звукового потребления – одновременно колонизаторы и колонизированные: они отрицают всякие различия, чтобы поселиться в трансцендентном и безопасном пространстве опыта, управляемом и контролируемом, которое становится укрывающей их звуковой оболочкой» (с. 135).

Хольгер Шульце соглашается с Буллом в том, что в ходе формирования современности звук был вытеснен оптическим на периферию. Исследования звука, по его мнению, должны развиваться в горизонте современной капитализации и коммодификации звука и учитывать различие. Из этого следует разграничение исследующих звук слуховых эпистемологий (*auditory epistemologies*) и сонических эпистемологий (*sonic epistemologies*), которые размышляют, говорят и изучают через звук (с. 168). Таким образом, задачей сонических эпистемологий является удержание критического потенциала звука. Кроме того, Шульце предлагает разграничение двух сторон знаний о звуке: звуковые навыки (*sonic skills*) и звуковой труд (*sonic labour*) (с. 175–176). Первое интуитивно понятно – мы никогда не слушали единообразно: практики и стандарты слушания – это специфические культуры, которые исторически меняются и сменяются, навязываются экспертами, обществами и государствами. Подчиненное определенным «правильным» настройкам слушание может становиться звуковым тру-

дом – в этом плане разграничение между ними нестрогое и часты взаимоналожения.

Социокультурная история звуковых практик и звука как дисциплина исследования «слышимого прошлого» сложна в силу неоднозначностей предмета. Это показывает Джонатан Стерн, предлагая сконцентрироваться на истории социокультурных условий воспроизведения звука:

«Как существовало Просвещение (*Enlightenment*), так существовало и «Прозвучение» (*Ensoniment*). Серия обстоятельств, связывающих идеи, институты и практики, сделала мир по-новому слышимым и объявила ценность новых стратегий слушания и слышания. Раньше звук осмыслился в терминах конкретных идеализированных сущностей, таких как голос или музыка. Однако... в период 1750–1925 годов звук стал самостоятельным объектом исследования, областью размышлений и практик» (с. 197).

Интересно, что, как и другие авторы номера, комментируя маргинальное положение звука и слушания в современной культуре, Стерн приходит к неожиданному тезису: современные способы слушания предвосхищали современные способы видения (с. 198–199).

Область звуков не однородна. Скажем, музыка как объект исследования сильно отличается от звука наличием именова- тельной и исполнительской составляющих (с. 42). Тем более специфичны *песенные объекты*. Арсений Никонов и Андрей Логотов занимаются настройкой аналитического инструментария для изучения таких объектов. Никонов анализирует советские песни 1930-х, их производство и тиражирование в оптике критической теории как пространство сталинской культурной политики и артикуляции соцреалистических принципов «народности» и «партийности». Особую роль в его анализе играет марксистская диалектика. Однако песня не только реактивно выражает или осуществляет что-либо, но и перформативно производит.

Этому аспекту продуктивности посвящена статья Логутова. Опираясь на мысли Августина и Гуссерля, изучая исторические технологические условия, он рассматривает песню как древнюю культурную технологию, опосредующую и связывающую разные виды *памяти* – индивидуальную и коллективную.

После столь интенсивных обсуждений звука и его изучения читатель сможет вернуться к привычному оптикоцентризму, обратившись к открывающей номер статье Виталия Куренного. Он критически переосмысляет привычные алармистские дискурсы по поводу городских систем *цифрового видеонаблюдения*, помещая их в контекст классической современной государственно-правовой теории (Кант, Бентам), чьей технологической парадигмой камера, по мнению Куренного, является (с. 5). Он разграничивает механическое и человеческое вмешательство в частную сферу и на этом основании опровергает утверждения о том, что видеонаблюдение нарушает частность (с. 10–11). В качестве инструмента автоматического, объективного и неотвратимого наказания за правонарушение и тем самым дисциплинирования индивидов цифровое видеонаблюдение является благом «с той необходимой оговоркой, что такого рода автоматические системы не допускают постороннего человеческого вмешательства в частную сферу других людей» (с. 11). Вероятно, подобные системы позволяют в значимой степени устранить потенциально вредоносный человеческий фактор, однако они не устраняют этого фактора из сферы собственного производства: массивы данных, на которых тренируются нейросети в основе цифрового видеонаблюдения, параметры интерпретации видимого – все это продукт произвольных решений разработчиков и заказчиков таких систем.

ТЩЕТА БИНАРНЫХ ОППОЗИЦИЙ: СЛУЧАЙ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ И ИММИГРАНТОВ

«*Ab Imperio*» (2025. № 3) помещает в центр внимания роль нативизма в формировании постколониальной субъектности. В данном случае *нативизм* – это идеология защиты интересов коренного населения. Редакторы номера начинают предисловие с указания на то, что нативизм лежит в основе двух редко сопоставляемых дискурсов – *анти-мигрантского* и *антиколониального* (при всей моральной и политической разнице между ними, как и асимметрии отношений с властью):

«Политический и моральный контраст между поселенцами-колонизаторами (*settler-colonialists*) и нелегальными иммигрантами логически предполагает столь же четкое противопоставление стоящих за ними абстрактных движителей миграции, будь то империя или глобальный капитализм. Однако достижение консенсуса по поводу такого противопоставления представляется проблематичным» (с. 19).

Одновременно, отмечают редакторы, у мигрантов и переселенцев есть общие черты – отчаянность, предприимчивость, поиск лучшей доли в чужой стране. Целью их переселения не обязательно является стремление разрушить жизненный уклад местных жителей, подорвать их социально-экономический уклад и культуру, захватить ресурсы. Заключение, которое делается из этого, таково:

«Способность увидеть человеческое лицо конкретных переселенцев не означает оправдания поселенческого колониализма; она лишь ставит под сомнение проведение простых и прямых связей между большими социальными структурами и способностью человека к автономной деятельности (*agency*)» (с. 20).

В качестве примера неоднозначности и сложности связей приводится переселение русских, украинских, латышских, эстонских

и других крестьян в Центральную Азию и на Дальний Восток в последние десятилетия Российской империи. Они переезжали ради лучшей жизни по сравнению с той, что была в родных местах, где они считались скорее экономическими и социальными субалтернами. Однако в силу политики имперских администраций и других факторов это имело разрушительные последствия для казахских, корейских и китайских сообществ региона, на которые обрушились выселения, экономическая разруха и этнические чистки. На индивидуальном уровне эти крестьяне были отчаявшимися мигрантами, но на месте получали от имперской власти привилегированное положение. Эта двойственность обуславливала то, что в документах они представляли то как жертвы враждебно настроенных местных жителей, то как жестокие насильники:

«Любые структуралистские обобщения, основанные на механическом противопоставлении давних местных жителей незванным пришельцам – вне детальной контекстуализации конкретных обстоятельств, – неинформативны и описываются главным образом моралистическими и упрощенными идеологическими проекциями. Даже нативистский дискурс как таковой не имеет однозначного политического значения: если источник несправедливой гегемонии располагается вне местного общества, этот дискурс предстает освободительным и прогрессивным, но, если источник гегемонии находится внутри, нативизм начинает играть реакционную и репрессивную роль. Это различие зависит во многом от выбора наблюдателя, поэтому ключевой вопрос заключается в том, чья “система координат” принимается в качестве нормативной. Существует ли золотое правило, определяющее, когда следует отдавать приоритет позиции давнего местного населения и его властных структур, а когда именно новоприбывшие оказываются на “правильной” стороне истории?» (с. 21).

Из этого *может* вытекать релятивизация зла поселенческого колониализма и бедствий мигрантов, но редакторы ведут к другому:

«Речь идет о недопущении избирательного игнорирования угнетения и страданий при помощи риторики “большого зла”, когда к тем, кто подпадает под стигматизирующие социологические критерии, и к тем, чей формальный статус сам по себе расценивается как гарантия правомочности любых действий, применяются разные стандарты» (с. 21).

Приоритетной отправной точкой исследования таких ситуаций «несистемного разнообразия» должно стать выявление и регистрация проявлений субъектности вовлеченных в них людей – на фоне воздействия структур господства и с учетом обстоятельств. В конечном счете, репрезентация этих проявлений должны быть автономна от политической ангажированности историков:

«Субъектность становится постколониальной, когда демонстрирует язык самоописания, способный сформулировать сообщение, автономное от гегемонного дискурса» (с. 22).

Эти тезисы подробнее раскрываются и иллюстрируются материалами рубрики «История». Егор Антонов и Александр Коробейников показывают формирование субъектности саха (якутских) интеллектуалов. В фокусе внимания авторов – практика использования псевдонима «Якут» интеллектуалами в 1880–1910-е. Их целью было обрести собственный политический голос и отстоять его перед лицом имперской власти и поселенческого колониализма. Коллективный «Якут» реагировал на дискурсы российского панимперского образованного общества (общественности) и имперской администрации с их юридическим языком и этнографическими категориями. Ставшим активными, но неравными участниками имперского общества якутским интеллектуалам удалось сформулировать альтернативную интерпретацию реальности и последовательный нарратив самоописания и саморепрезентации саха.

Статья Ивана Саблина и Ирины Содномовой посвящена формированию современного бурятского национального проекта в ходе общественных дискуссий и политической самоорганизации периода трансформационного кризиса Российской империи 1906–1907 годов. Исследователи показывают, как разные течения внутри бурятского национального движения использовали либерализацию прессы и Государственную Думу для артикуляции на доступных социальных языках своих интересов при помощи самоописания, общественной самоорганизации и политического представительства. В этом случае, в отличие от случая «Якута», речь идет о множественности постколониальных субъектностей.

С иной стороны тема номера раскрывается в рубрике «Архив». В статье, посвященной реально существовавшей, но несистематизированной идеологии российской колонизации 1840-х, Уиллард Сандерлэнд предлагает читателю мысленный эксперимент: представить себе вымышленное «Руководство по управлению российской колонизацией», написанное воображаемым бюрократом Андреем Ивановичем Коротичем. С его помощью Сандерлэнд демонстрирует ограниченность моделей поселенческого колониализма, основанных на бинарных оппозициях и гомогенизации «колониального сознания», которые предлагаются теоретиками поселенческого колониализма.

В номере публикуется аналитическая записка по аграрному вопросу и переселенческой политике (1907) за авторством эксперта по колонизации Федора Умнова, выступавшего за соблюдение установленных законом норм землепользования и неявно оспаривавшего иерархию национальных групп, заложенную в столыпинскую колонизационную политику. Александр Семенов, написавший предисловие к этой архивной публикации, отмечает, что записка Умнова демонстрирует напряжение,

если не противоречие, между его статусом агента поселенческого колониализма и сознательными усилиями по переосмыслению устоявшихся структур гегемонии, чреватых дискриминацией и угнетением:

«Умнов отказывается от ментальной карты империи, состоящей из метрополии и периферии, как и от гегемонного и гомогенизирующего восприятия “русских” крестьян как коллективного субъекта переселения» (с. 25).

Интервью с Элеонорой Сулейменовой («Состоится ли трансформация “второго родного” в “казахский русский”?») продолжает начатый журналом форум «Перспектива исследований мировых русских языков, литератур и историй», в центре внимания которого – постколониальная идея признания автономии локальных вариантов русского языка (по аналогии с мировыми английскими языками). Это решение, как и в случае английского, отвязывает русский язык от государства как такового и этнической русскости и умножает его. Мировые русские, специфические для каждой страны или типа языковой зоны контакта, могут различаться по своему словарному запасу, грамматике и системе письменности. Иными словами, отход от нациецентричного понимания языка.

Что можно сказать о происходящем в интеллектуальных журналах? Одни из них, по-видимому, считают важным придерживаться своей магистральной линии, чтобы удержать и идентичность, и не подвергнуть риску накопленный багаж. Другие же нашли выход из ситуации существенных содержательных ограничений и потенциальных рисков в открытии для широкого круга читателя слабо представленных тематических полей. Какая стратегия окажется более подходящей текущему времени, покажет время. Правда, совсем другое.

О чем заботиться после конца истории: Кожев, Гройс, Гегель, Сталин

АНДРЕЙ
ГЕЛИАНОВ

Alexandre Kojève. An Intellectual Biography

BORIS GROYS

London; New York: Verso 2025. — 176 p.

«Сталинская культура продолжает быть, подобно авангарду, ориентированной в будущее, она проекционна, а не миметична и представляет собой визуализацию коллективной мечты о новом мире и человеке, а не продукт индивидуального темперамента отдельного художника».

Борис Гройс. *Gesamtkunstwerk Сталин*

«Так называемая советская культура является крайне упрощенной репликой французской цивилизации, оставившейся в своем развитии где-то в 1890 году и приспособленной к уровню двенадцатилетнего ребенка».

Александр Кожев. *Москва. Август 1957*

Alexandre
Kojève An
Intellectual
Biography
Boris
Groys

Советско-немецкий искусствовед и философ Борис Гройс написал книгу про идеи Александра Кожева, тем самым подытожив свои почти тридцатилетние исследования наследия философа. Вообще в 2025 году призрак Кожева будоражил многих: за четыре месяца до Гройса

Андрей Гелианов
(р. 1987) – писатель,
исследователь культуры.

Р

НОВЫЕ
КНИГИ

261

вышел англоязычный перевод несколько более обстоятельной (280 страниц) биографии философа авторства итальянца Марко Филони¹. Учитывая, что никаких юбилейных дат на прошлый год не приходилось (Кожев родился в 1902-м, умер в июне 1968-го, через пару недель после протестов «красного мая»²), остается констатировать, что к его наследию вызывает, по-видимому, сам *zeitgeist* нашего прогрессирующе непростого времени. Написать эти слова легко, согласиться с ними на эмоциональном уровне, в принципе, тоже – но все-таки, почему именно Кожев, почему именно сейчас?

Шансы на прояснение этого вопроса существенно повысятся, если провести краткую ретроспективу и выяснить основные философские интересы автора книги Бориса Гройса, – а также, как и с какого момента они начинают соотноситься с творчеством Александра Кожева (непосредственно идеи последнего и то, как они отвечают сегодняшним вызовам времени, обсудим позднее).

ВНУТРЕННИЙ СТАЛИН

Нередко и даже чаще всего дебютная (или скажем более объективно: первая прогремевшая) книга автора содержит в себе все, что он хотел сказать, и все, что он скажет в дальнейшем. Для Бориса Гройса такой работой стала написанная почти сорок лет назад «*Gesamtkunstwerk* Сталин», а все написанное позднее – в том числе в 2020-х, включая рассматриваемую книгу, – как бы смысловые примечания, дополнения и комментарии к этой работе, переведенной на английский, французский, итальянский и японский языки.

Напомним кратко, о чем шла речь в «*Gesamtkunstwerk* Сталин». Как декларирует автор, для подлинного понимания феномена советского проекта в целом и сталинизма в частности нужно отбросить привычную оптику гуманитарного осуждения³ и взглянуть на это как на крупнейший в истории арт-проект, логика и импульс развития которого находились в полном соответствии с раннесоветским авангардом – просто в материал для него превратилась вся страна⁴.

1 FILONI M. *The Life and Thought of Alexandre Kojève*. Evanston: Northwestern University Press, 2025.

2 По свидетельству Раймона Арона, Кожев охарактеризовал события мая 1968-го так: «Никто никого не убивает и не желает этого делать, кровь не пролилась, значит, это и не революция».

3 «*Gesamtkunstwerk* Сталин» писался на фоне волны десталинизации 1987–1988 годов, включавшей в себя широкий прокат в СССР фильма «Покаяние», реабилитацию репрессированных в 1930-е, выступление Михаила Горбачева с докладом к 70-летию революции, массовый снос памятников и так далее.

4 Гройс пишет: «Сталинская эпоха осуществила главное требование авангарда о переходе искусства от изображения жизни к ее преобразению методами тотального эстетико-политического проекта, так что сталинская поэтика... прямо наследует поэтике конструктивизма».

Проблемные моменты как основного посыла Гройса, так и частностей вроде языковых мимикрий и смысловых подмен были блестяще разобраны⁵ Надей Плунгян, которая указала в том числе на «принципиальное непонимание [Гройсом] задач искусства, за которым, помимо всех постмодернистских наслоений, просвечивает вполне сталинистский отказ признать эти задачи реальными». Поднятые Плунгян еще семь лет назад вопросы и сегодня остаются толком не отвеченными и не отрефлексированными (попытаемся до некоторой степени сделать это в данном тексте).

Можно понять и принять, что на момент публикации (1988) «*Gesamtkunstwerk* Сталин» воспринимался как удачная провокация (Плунгян называет текст «мимикрирующим под исследование художественным жестом» и ставит его в один ряд с творчеством Владимира Сорокина), которая неожиданно и всерьез вошла в культурный канон. Но как это читать сегодня? А как сегодня – при всех известных политических обстоятельствах – читать книгу того же автора про Кожева, которая посылу примерно про то же самое, что «*Gesamtkunstwerk*» и в которой *очень трудно отличить, собственно, Кожева, от Гройса* (последний дает значительную часть идей первого в своем пересказе). В предисловии к американскому изданию «*Gesamtkunstwerk* Сталин» (1992) Гройс уже «проделал работу с возражениями»:

«Некоторым из моих читателей может показаться, что это решение [принятия подобной оптики] демонстрирует моральную индифферентность или цинизм автора. Но, если считается морально дозволенным писать о тех или иных аспектах христианской теологии без упоминания жертв инквизиции и Крестовых походов или рассуждать о демократии и правах человека, не вспоминая при этом массу людей, гильотинированных во имя этих ценностей, стало быть, можно также писать о советском коммунистическом проекте в надежде, что читатели, которых интересует количество жертв этого эксперимента, смогут удовлетворить свой интерес, прочитав обширную литературу, посвященную данной теме»⁶.

В случае с книгой о Кожеве, который – буквально следуя гегелевскому восхищению Наполеоном – видел в Сталине образец универсального правителя и воплощения абсолютного духа, Гройсу действительно было сложно найти более подходящий, конгениальный, *изоморфный* ему самому объект для исследования.

Александр Кожев, по свидетельствам современников, называл себя «сталинистом», еще когда читал лекции по Гегелю

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

О ЧЕМ ЗАБОТИТЬСЯ ПОСЛЕ
КОНЦА ИСТОРИИ: КОЖЕВ,
ГРОЙС, ГЕГЕЛЬ, СТАЛИН

⁵ Плунгян Н. *Gesamtkunstwerk Гройс* // Неприкосновенный запас. 2018. № 6(122). С. 214–225.

⁶ Перевод предисловия Андрея Фоменко, цит. по: Гройс Б. *Gesamtkunstwerk Сталин*. М.: Ad Marginem Press, 2013.

в Париже 1930-х восторженным французским интеллектуалам (для красоты симметрии: его доклад в батаевском Коллеже социологии состоялся 4 декабря 1937 года, за неделю до того, как в городе Минусинске Красноярского края был поставлен рекорд Большого террора – 222 расстрелянных за одни сутки). В 1940-м, по воспоминаниям⁷ Евгения Рейса, фотохудожника и многолетнего друга Кожева, тот написал письмо Сталину, содержащее «анализы, прогнозы, некоторые советы», однако ответа не получил. Текст до наших дней не дошел, и его очень часто путают с частично сохранившейся рукописью «София – Фило-софия и феноменология»⁸, которую в 1941 году, уже в оккупированном нацистами Париже, Кожев отнес⁹ в советское посольство, судя по всему, чтобы ее переслали Сталину. Уже в третьем параграфе этого текста, отмечает Гройс, восхваляется «смелость марксизма-ленинизма-сталинизма». Наконец, встречавшийся с Кожевным в 1946 году Исайя Берлин сообщает:

«[Кожев настаивал:] если правитель следует правилам, даже самым жестоким, этого недостаточно для того, чтобы изменить поведение людей... Чтобы люди изменились в России, их надо подвергнуть непредсказуемым страданиям: обвинять в том, что они не совершили, или наказывать за нарушение несуществующих законов, а точнее говоря, преследовать случайным образом. Тогда все придет в хаос, возникнет подлинная аномия и власть сможет вести людей за собой»¹⁰.

Интерес Кожева к Сталину понятен, об этом пойдет речь ниже. Но вот генезис интереса к Сталину у Гройса не совсем ясен – может быть, как раз давно зародившийся интерес к Кожеву и предопределил тягу Гройса к Сталину? Несмотря на то, что в XXI веке Гройс много говорит о Кожеве, – в изданных к 70-летию автора «Ранних текстах» (1976–1990), большая часть которых была написана еще в СССР, имя Кожева *не встречается ни разу*, хотя уже наличествует большинство аргументов, тезисов и источников, которые Гройс использует в «Интеллектуальной биографии». По-видимому, впервые к фигуре Кожева в публичном тексте Гройс обращается в 1998 году в докладе «Философ после конца истории»¹¹, где делает важнейшее для понимания рецензируемой книги заявление:

7 Рейс Е. *Кожевников, кто вы?* М.: Русский путь, 2000. С. 69.

8 Тысячестраничная рукопись была сожжена во время эвакуации посольства 22 июня 1941 года. Уцелевший фрагмент первого раздела (около десятой части текста), который автор успел передать Жоржу Батаю, был расшифрован и издан исследователем Кожева Алексеем Руткевичем в издательстве «Праксис» (2021).

9 Об этом сообщает Алексей Руткевич со ссылкой на личный разговор со вдовой философа Ниной Ивановой.

10 Цит. по: Эткинд А. *Новый историзм, русская версия* // Новое литературное обозрение. 2001. № 1(47). С. 7–40.

11 Гройс Б. *Философ после конца истории. Материалы конференции (Бремен, 25–27 июня 1998 года)*. М.: Ad Marginem, 2002. С. 147–160.

«Кожев постоянно настаивает в своих лекциях на том, что он не говорит ничего иного и нового по сравнению с тем, что уже было сказано у Гегеля. Кожев понимает свой собственный философский дискурс не как дальнейшее развитие, новую интерпретацию, более глубокое осмысление или оригинальное применение гегелевской философии, а как ее простое повторение, копирование, цитирование. И в этой трактовке, до сих пор никем не повторенной, заключена абсолютная оригинальность Кожева как философа. Он является пока что единственным известным миру мыслителем, отказавшимся от авторства по отношению к собственному философскому дискурсу – в отличие от философов позднейшего времени вроде Фуко или Барта, отказавших в праве авторства всем, кроме самих себя».

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

О ЧЕМ ЗАБОТИТЬСЯ ПОСЛЕ
КОНЦА ИСТОРИИ: КОЖЕВ,
ГРОЙС, ГЕГЕЛЬ, СТАЛИН

Во множестве других мест, например в статье «Романтическая бюрократия: постисторическая мудрость Александра Кожева»¹², Гройс не только демонстрирует свой глубокий и восторженный интерес к фигуре философа («Кожева можно считать Артюром Рембо современной бюрократии – автором, который намеренно стал мучеником постисторического бюрократического порядка»), но и проясняет некоторые аспекты того, как он понимает его идеи:

«Конец истории в понимании Кожева, разумеется, не означает прекращения исторических процессов и событий... Кожев понимает мудрость как полное самопознание, абсолютную прозрачность сознания. Мудрец знает причины всех своих действий, он может объяснить их, перевести в рациональный язык... История противопоставляет человека природе. Поэтому необходима история, чтобы конституировать Я и в то же время обратить внимание человека на это Я. Только исторический человек может обладать самосознанием и, следовательно, называться человеком в полном смысле этого слова... Проект Мудрости становится историческим проектом: чтобы познать себя, необходимо познать историю и ее движущие силы, необходимо сделать прозрачной тотальность общества, в котором живешь, – в противном случае познать себя невозможно, потому что объектом этого знания является желание признания (конституирующее мое истинное Я), а это желание неизбежно структурируется обществом, в котором субъект желает быть желаемым».

Уже в этих публикациях мы можем наблюдать достаточно специфический для Кожева момент постоянного *перевертыша* («конец истории, разумеется, не означает конец истории»), когда все слова и проблемы, как оказывается в итоге, означают не сами себя, а нечто вовсе даже противоположное. Гройс, решившись написать книгу о философе, несомненно, ощущал,

12 Опубликовано 4 декабря 2017 года на сайте «Центра экспериментальной музеологии» (https://web.archive.org/web/20190213065206/https://redmuseum.church/groys_kojeve).

как неожиданно и решительно подобные энантиодромические забавы приближают мысли Кожева к текущему состоянию нашего мира, его вызовам и задачам.

Кожева действительно вспоминали в последнее время все чаще. В 2010-е философ снова получил определенную известность, о нем часто размышляли в разных публикациях, в том числе на родине, которую он покинул еще в 1919 году. Кожева сегодня называют одним из «самых неожиданных первых архитекторов Европейского союза»¹³, сыгравшего значимую роль в интеллектуальной жизни Запада.

В случае с книгой о Кожеве, который видел в Сталине образец универсального правителя и воплощения абсолютного духа, Гройсу действительно было сложно найти более подходящий, конгениальный, изоморфный ему самому объект для исследования.

В общем, «русский, который придумал ЕС»¹⁴, – такой вот консенсус. С формальной стороны спорить здесь абсолютно не с чем: Кожев проработал во французском Минфине двадцать лет и умер на посту, прямо во время заседания одной из комиссий ЕЭС после того, как «выступил с пламенной речью» за отмену торговых пошлин между странами Европы. «Его излюбленным методом было присутствовать на совещаниях, незаметно слушать, затем писать анализ того, что стояло на кону, и подбирать несколько острых слов, чтобы, как выразился автор его некролога, “развенчать абсурдность его оппонентов”», – пишет историк и философ Джонатан Рее¹⁵. Премьер-министр Франции Раймон Барр (1976–1981) вспоминал, что Кожев говорил ему о своей деятельности по объединению Европы: «Человеческая жизнь – комедия; играть ее следует всерьез».

В книге Гройса приведенных выше цитат нет, это именно «интеллектуальная биография», то есть рассмотрение только и исключительно *идей* Кожева, их генезиса, преломления и связи с другими идеями (чем и объясняется небольшой объем текста). С биографической точки зрения о Кожеве мы не узнаем абсолютно ничего, что в каком-то смысле хорошо – ведь за яркими фактами (племянник Кандинского, отчим сожжен вместе с поместьем крестьянами в 1917 году, единственная прижизненная публикация – коллаж, собранный по кусочкам стено-

¹³ См.: www.politico.eu/article/russian-stalinist-behind-the-treaty-of-rome/.

¹⁴ <https://mash.ru/longread/163664/>.

¹⁵ REE J. *We Are All Layabouts Now* // London Review of Books. 2026. Vol. 48. № 2 (www.lrb.co.uk/the-paper/v48/n02/jonathan-ree/we-are-all-layabouts-no.).

грамм сюрреалистом Раймоном Кено¹⁶), так очаровывавшими современников, легко упустить суть его философии. А суть эта – как видно уже по завроженности Кожева Сталиным – абсолютно антигуманистическая, что отразилось в дальнейшем в творчестве многих посетителей его семинаров (Лакан, Сартр, Мерло-Понти, Батай).

Рассмотрим идеи Александра Кожева, причем – это важно – как их понимает Борис Гройс. Поскольку часто пересказ идет в косвенной речи, то без обращения к оригиналам (что сделало, вероятно, очень немного людей – учитывая, что «Введение в чтение Гегеля» Кожева превышает по объему саму «Феноменологию духа» Гегеля) часто сложно понять, кто и что имел в виду, где именно следует искать преломления оптики (например, когда Гройс пересказывает Кожева, пересказывающего Соловьева).

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

О ЧЕМ ЗАБОТИТЬСЯ ПОСЛЕ
КОНЦА ИСТОРИИ: КОЖЕВ,
ГРОЙС, ГЕГЕЛЬ, СТАЛИН

Ничто, причина истории и боль эмигранта

Начнем с того, что такое, по Кожеву, человек и при чем тут Ничто.

«Ничто не является частью природы – оно есть противоположность природы. А это означает, что человек не является полностью “природным”. Человек одновременно пребывает внутри природы – как животное – и вне ее как носитель ничто. Именно этот доступ к ничто и делает человека уникальным» (с. 2).

Гройс несколько раз подчеркивает, что ничто у Кожева не имеет никакого отношения к Ничто его старшего современника Мартина Хайдеггера. Правда, то ли Гройс, то ли Кожев, то ли (скорее всего) они оба понимают Хайдеггера упрощенным образом, превращая его в соломенное чучело, которое легко ниспровергнуть (а Кожев вообще презрительно называет его «буржуазным философом»):

«Существует важное различие между пониманием бытия-к-смерти у Кожева и у Хайдеггера. В отличие от Хайдеггера, Кожев не ограничивается утверждением, что именно ничто делает человека уникальным. Напротив, он требует от человека продемонстрировать свою природу носителя ничто посредством явных актов самоотрицания – подобных тем, которые практикуют буддийские монахи, предающиеся строгой аскезе. Недостаточно быть человеком; необходимо доказать, что ты человек, что ты несешь в себе ничто» (с. 3).

- 16** Курс лекций по Гегелю Кожев читал с 1933-го по 1939 год. В печатном виде компиляция их стенограмм вышла под редакцией Раймона Кено под названием «Введение в чтение Гегеля» (1947). Составитель добавил туда также несколько прочитанных Кожевным вне цикла лекций на другие смежные темы. Все остальные книжные публикации Кожева вышли посмертно, при жизни после «Введения в чтение Гегеля» он печатал только статьи и рецензии.

«Здесь Кожев вполне определенно дистанцируется от Хайдеггера, с которым его нередко сближают. Недостаточно утверждать, что человек определяется “бытием-к-смерти” (*Sein zum Tode*) – он должен продемонстрировать это бытие-к-смерти через готовность умереть в борьбе. Именно эта борьба делает его свободным – и способным выбирать среди всех возможностей человеческого существования, тогда как хайдеггеровское *Dasein* свободно лишь в выборе собственного (*eigentliches*) способа существования» (с. 67).

Хайдеггер ничего подобного про «свободу лишь в выборе способа существования» не писал, и «утверждениями» его философия не ограничивается. По Хайдеггеру (да и по Сартру-Камю), подвиг – это то, что мы совершаем каждый день, бытийствуя – а не буквально кидаясь с гранатой на амбразуру во славу государства и партии, как должен поступать человек, по мнению Кожева.

Что такое история по Кожеву? Прежде всего это *то, что должно закончиться* (в разные периоды своего творчества философ утверждал, что она *уже закончилась* – не то когда Гегель осознал величие Наполеона, не то во время октябрьской революции – ну или точно *закончится вот-вот*), и, следовательно, нам необходимо озаботиться не историческими вопросами, которыми может заниматься философия, а тем, как же нам жить после конца истории, когда мы утратим возможность становиться людьми.

«В своих лекциях о Гегеле Кожев предлагает два различных, хотя и тесно связанных понятия конца истории. Во-первых, история заканчивается тогда, когда рабы/трудящиеся вступают в борьбу за признание и оказываются признанными наряду со своими господами. Во-вторых, конец истории – это момент, в который получает ответ вопрос “Кто я?”. Согласно Кожеву, я не могу познать и признать себя, если не признан другими: “Следовательно, человек существует в действительности или в истине лишь постольку, поскольку он признан другим, и только в признании этого другого он существует также в себе и для себя. Он является «субъектом» лишь в той мере, в какой он есть «объект»: его бытие существует лишь как объективное бытие”. Субъект без тела не существует – он есть ничто. Ничто нуждается в теле, чтобы проявить себя, отрицая его. Аскетическое отрицание моего тела в борьбе и в труде представляет собой зрелище, которое я предлагаю другим. То, каким образом другие признают это зрелище – или не признают его, – и сообщает мне, каким именно человеком я являюсь» (с. 23).

«Но здесь возникает иная опасность. Местом исторического самосознания является ничто. Но что происходит, когда самосознание находит свое место в мире? По-видимому, ничто, проявляющее себя в человеческих актах отрицания, исчезает. И тогда, по всей видимости, исчезают и человеческое самосознание, а вместе с ним – саморефлексия и самопонимание. Иными словами, исчезает

философия. Исчезает и язык, в котором человеческое самосознание может ставить вопрос о собственном статусе в мире» (с. 24).

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

О ЧЕМ ЗАБОТИТЬСЯ ПОСЛЕ
КОНЦА ИСТОРИИ: КОЖЕВ,
ГРОЙС, ГЕГЕЛЬ, СТАЛИН

Это рассуждение удивительно тем, насколько оно оторвано от логики истории. Кожев имеет дело с абсолютной абстракцией, с предположениями, которые основаны на выдуманных им сущностях, и рассуждает о том, что произойдет в этом будущем (которое не наступит и никогда не может наступить по определению). Как же оценивать подобную утопию/дистопию и рассуждения о ней, как можно вообще что-то строить на подобном фундаменте?

Наверное, можно возразить, что в целом любая мессианско-революционная система такого рода, например октябрьская революция (которая всего десятилетием ранее едва не раздавила самого Кожева), плодит подобные пространства призраков, области галлюцинаторного разрыва, в которых безумные экстраполяции выдают себя за вполне вероятные сценарии будущего.

Любая мессианско-революционная система плодит пространства призраков, области галлюцинаторного разрыва, в которых безумные экстраполяции выдают себя за вполне вероятные сценарии будущего.

Возможно и более простое психологическое объяснение, в котором роде соответствующее мотивам, которые, вероятно, побудили Гройса написать «*Gesamtkunstwerk* Сталин». Кожев ощутил сминающую реальность мощь октябрьской революции на себе (как Гройс – влияние перестройки), и, находясь вдали, став уже эмигрантом и частью чужой истории, он пытался объяснить себе, что все это было не зря, что у всего этого есть какой-то неумолимый исторический смысл. Спорить же с историей бесполезно, для этого человек слишком слаб, но если поддаться этому безумию, примкнуть к нему, то можно испытать на какое-то время эйфорию, и впрямь вообразив себя частью данного процесса.

Принятие подобной травматической оптики требует в качестве входного условия примитивизировать крайне сложные и многогранные исторические изменения, свести их к простой бинарной дилемме, например диалектике раба и господина (которая, по сути, марксистский парафраз Гегеля), в изложении Кожева скорее напоминающей пафосный пересказ – с экстраполяцией на весь исторический процесс всего мира – дилеммы Раскольникова про тварь дрожащую:

«История, по сути, есть история недоразумений относительно человеческой смерти. Однако к концу истории люди приходят – или уже пришли – к пониманию смерти как реального предела всех своих устремлений. Господа, верившие в привилегированную форму жизни, которая переживет их как их вневременную идентичность, должны были осознать, что их единственной идентичностью была смерть.

Трудящиеся усматривали смысл своей жизни во вкладе в новый искусственный и чисто материальный мир техники – но им пришлось умирать посреди этого созданного ими мира. Кожев пишет: «можно сказать, что история завершается совершенным пониманием человеком своей смерти» (с. 30).

Иными словами, вся внешняя политика, все мировые войны, все эзотерические прорывы и культурные революции, анти-Эдипы и деконструкции были просто попыткой выйти за пределы того знания, что мы все умрем. В период между двумя мировыми войнами, когда Кожев читал свои лекции, в моде был экзистенциализм, а упрощение всех мировых проблем до вопроса «Стоит ли жизнь труда быть прожитой?» считалось последним пиком мысли; наверное, поэтому идеи русского эмигранта были приняты на ура.

Далее в книге Гройса следуют рассуждения про труд, искусство и про то, почему улучшение условий для трудящихся не делает из них людей, а наоборот, оскотинивает и *лишает* возможности стать людьми (снова перевертыш!).

«Когда человечество выходит за пределы конца истории и обнаруживает себя в постисторическом времени, труд не исчезает – но меняет свой характер. В ходе исторического времени труд понимался прежде всего как продуктивный труд – как производство новых вещей ради будущего. И производители были вынуждены бороться за признание своих творений в надежде, что, даже если современники их не примут, они будут признаны последующими поколениями.

Прогресс – будь то технологический, научный, художественный или политический – являлся результатом борьбы за признание. Каждый новый шаг прогресса достигался ценой смертельного риска, которому творцы и новаторы подвергали свою жизнь. Сегодня, в постисторических условиях, ситуация выглядит иначе. Продуктивный труд оказался «натурализован». Постисторическое человечество производит новые товары «так же, как птицы строят гнезда, а пауки плетут свои сети». Продуктивный труд утратил свою негативность, стал нормализованным. Он более не требует ни риска, ни жертвы» (с. 26).

В какой-то момент, излагая идеи Кожева, Гройс практически без перехода начинает немного рекламировать свою книгу «Философия заботы»:

«Если мы обратимся к современному миру, то увидим, что труд заботы занимает все более заметное место в нашей политической реальности и воображении. Речь идет не только о здравоохранении и биополитике. Мы начинаем заботиться об окружающей среде, о традиционных городских пространствах, о локальных обычаях, о редких животных и рыбах. Мы заботимся даже о революции. Так, Аллен Бадью призывает нас хранить верность коммунистической идее и революционному событию – показательный пример характерной для постисторического состояния политики заботы. И я говорю здесь лишь о нетрадиционных областях заботы. Несмотря на критику институций, кураторы заботятся о произведениях искусства, библиотекари – о книгах, университеты – о студентах. Эта традиционная форма заботы даже расширяется: мы создаем музеи кино, футбола, боксерских поединков, автомобилей, авиации – всего того, что в манифестах раннего авангарда интерпретировалось как направленное против института музея и всех прочих институтов культурной памяти» (с. 27).

Это, впрочем, не нарушает почти концептуалистской герметичности «Интеллектуальной биографии», ведь в «Философии заботы» Кожеву также посвящена одна из основных глав (а в остальных ощущается его присутствие). Все это еще раз пересказываются в рецензируемой книге:

«Философы подобны господам, поскольку они тоже движимы желанием признания, но при этом философы добиваются признания не в борьбе за свои личные интересы и желания, а предлагая публике новые идеи относительно организации общества и общего блага... Ведь философ, согласно Кожеву, это не просто тот, кто пишет философские книги и размышляет об исторических событиях, включая конец истории. Нет, философ – это активист, который старается изменить историю, а конец истории – это тот самый момент, когда философ получает власть. Философия, таким образом, не является после совершения события, как гегелевская сова мудрости, а предшествует историческим событиям и вызывает их.

После конца истории борьба за признание теряет исторический смысл. Кожев называет постисторическое государство “универсальным и однородным”. В этом государстве все признаны в равной степени, и, следовательно, желание признания полностью удовлетворено. Для философов это означает, что они могут быть признаны лишь как знаменитые авторы “республикой ученых”. Такое признание льстит самолюбию, но оно не меняет реальных условий социально-политической жизни. Истинные философы, после того как они завоевывают политическую власть, прекращают борьбу за признание и становятся мудрецами. Мудрец – это заботливый опекун постисторического населения, которое лишилось своих исторических амбиций, а с ними – и своей истинно человеческой сущности. Мудрец оберегает это население, не давая ему соскользнуть обратно в историю с ее насилием и страданиями»¹⁷.

17 Гройс Б. *Философия заботы*. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 45.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

О ЧЕМ ЗАБОТИТЬСЯ ПОСЛЕ
КОНЦА ИСТОРИИ: КОЖЕВ,
ГРОЙС, ГЕГЕЛЬ, СТАЛИН

При чтении этих рассуждений иногда создается ощущение, что Кожев нужен Гройсу для одной-единственной цели: легитимизировать изложенные в «*Gesamtkunstwerk* Сталин» взгляды и встроить их в рамку некоей интеллектуальной традиции. Но в самом тексте никаких указаний на подобную связь найти невозможно; там вообще отсутствует *практически все*, за что обычно можно зацепиться в книгах при их рецензировании. Дочитав «Интеллектуальную биографию» до конца, невозможно понять, а что, собственно, сам Гройс думает обо всем изложенном. Автор избрал стратегию столь тотального самоустранения из текста, превратившегося в эдакую развернутую вики-статью, что это зияющее умолчание становится крайне красноречивым.

Некоторые лирические отступления, которые помогают предположить, что происходит, все же имеются. Вот, например, про современность и ее безошибочно узнаваемые приметы, которые не нуждаются даже в конкретизации:

«По-видимому, если бы Кожев мог наблюдать современные политические процессы, которые, помимо прочего, характеризуются возвращением профессиональных армий, специальных подразделений и разведывательных служб в качестве главных акторов политики, он пришел бы к выводу, что господа сумели восстановить свою монополию на насилие – и вновь обрели полный контроль над разоруженным, покорным населением. Но начнет ли это население снова прежнюю борьбу за признание? На этот вопрос нет определенного ответа» (с. 28).

А в объяснении концепции Софии (в 1926 году Кожев защитил в Гейдельберге у Карла Ясперса диссертацию на тему «Религиозная метафизика Владимира Соловьева») внезапно возникает проблема «политики идентичности», которую Кожев не застал, а вот живущий между Нью-Йорком и Карлсруэ Гройс имел возможность насмотреться вдоволь:

«Если я отвергаю определенную идею, это означает, что я отвергаю также носителя этой идеи и его форму жизни. Иными словами, всякое столкновение идей ведет к войне между их носителями. Идеи не следует принимать как истинные или отвергать как ложные – их следует признавать, то есть уважать как проявления определенных человеческих форм жизни. Поскольку каждая такая форма жизни является частью Софии, она должна найти свое место в обществе, стремящемся приблизиться к софийной целостности как к своей идеальной форме.

В этом смысле его отношение к политике было весьма близко к тому, что сегодня часто называют “политикой идентичности”. Политика идентичности также объясняет различия между отдельными идеями и культурными установками через различия в иден

тичностью их носителей – таких, как гендер, раса и другие параметры. Подобно соловьевской софиологии, политика идентичности направлена на признание определенных “пренебрегаемых” идентичностей, а не на устранение “доминирующих” идентичностей – и потому носит не революционный, а реформаторский характер. Цель этой политики состоит в установлении совершенного управления обществом, способного признать все человеческие формы жизни – и тем самым, с соловьевской точки зрения, внести некоторый порядок в тело Софии, все еще страдающей от своего отпадения от Бога» (с. 43).

Внезапно появляется монолог русского эмигранта, который звучит тоже не вполне понятно от чьего лица, но отзывается как универсальное узнавание:

«Нетрудно увидеть в идее всеобщего обращения [в единую религию] своего рода мечту культурно изолированного (русского) эмигранта, живущего в культурно чуждой (западной) среде. Каждый эмигрант знает, что жизнь в культурной изоляции тягостна, а перспективы ассимиляции неясны. Как бы ни стараться ассимилироваться, человек остается воспринимаемым как чужой. Единственным выходом представляется, действительно, одновременное обращение одинокого эмигранта и окружающего коренного населения к некой абстрактной идее, идеологии, вере или проекту, который создал бы новое, искусственное сообщество, в котором и эмигрант, и все прочие смогли бы найти свое место... В самом деле, говоря о всеобщей и однородной империи будущего, в которой все этнические и культурные различия будут устранены во имя общей, сконструированной, имперской идентичности, Кожев мог опереться на русскую традицию поиска синтеза между христианским и социалистическим проектами – понимаемыми как в равной мере всеобщие и однородные» (с. 85).

НЕВИДИМАЯ РУКА СОФИИ

Одна из самых интересных и смелых гипотез книги – что структурно ЕС, якобы обязанный своим существованием Кожеву, был организован подобно мистическому проекту Владимира Соловьева по объединению мировых церквей ради достижения гностической полноты. Даже единая валюта стала частью этой концепции, будучи нацеленной на трансформацию национальных природ в нечто гомогенное и единое. Что из этого получилось, мы, впрочем, видим, как бы хочет нам сказать Гройс (но снова не говорит).

Из этой гипотезы (отмечая влияние на Кожева концепций Сергея Булгакова, ученика Соловьева) Гройс выводит другую, еще более экзотическую: что под знаменитой «невидимой ру-

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

О ЧЕМ ЗАБОТИТЬСЯ ПОСЛЕ
КОНЦА ИСТОРИИ: КОЖЕВ,
ГРОЙС, ГЕГЕЛЬ, СТАЛИН

кой рынка» исходно имелась в виду... буквально невидимая рука гностической Софии!

«Экономика и весь комплекс экономических интересов, напротив, рассматривались Владимиром Соловьевым как препятствующие возвращению Софии. Однако один из его последователей, Сергей Булгаков, интерпретировал Софию именно как экономику, поскольку понимал ее метафизическое тело не столько как мир идей и их носителей, сколько как мир человеческого труда и творчества – сдвиг в понимании Софии, который, очевидно, оказал влияние и на Кожева... В своей книге “Философия хозяйства” (1913) Булгаков интерпретирует экономическую деятельность как преобразование природы – преобразование, следующее скрытому плану, который является планом Софии. Этот план осуществляется даже в том случае, если экономические акторы остаются о нем неосведомленными» (с. 52).

Впрочем, здесь разговор об экономике как творчестве и преобразовании природы заканчивается и Гройс переходит к излюбленным темам – Кожева, и, кажется, своим тоже. Мы возвращаемся к Сталину – и к реалиям сталинской политики:

«Кожев пишет: “В самом деле, достаточно заменить понятие «суда Божьего» (*Jugement de Dieu*) на [гегелевское] понятие «суда Истории», то есть всего человечества, а понятия Церкви и священника – на понятие [«идеального»] государства и представителя общества... чтобы оказаться в самом центре советской практики «социального контроля», «отчетов перед Партией», «коллективных обсуждений» и т.д.”. Нет сомнения, что Кожев имеет здесь в виду Московские процессы 1930-х, основанные на мнимых признаниях их жертв и глубоко шокировавшие западное общественное мнение. По-видимому, Кожев понимает и легитимирует эти процессы как примеры борьбы за признание – одновременно указывая на их христианско-теологические корни. [...] Советское государство предстает здесь как секулярная версия христианской Церкви, требующая исповеди от верующих. Однако Кожев настаивает, что подлинные философы обязаны говорить истину при любых социальных условиях, – требование, напоминающее современному читателю тематизацию парресии у Мишеля Фуко. Но в качестве примера философа, не боящегося открыто говорить и действовать, Кожев берет фигуру не философа, противостоящего власти, а философа на вершине власти – это именно Иосиф Сталин, “который не только всегда делает (как коммунист) то, что говорит, но и, как философ, говорит о том, что делает. Действительно, на протяжении всей своей политической карьеры Сталин постоянно практиковал самообъяснение и самооправдание. Он никогда не ссылался на какое-либо личное видение или откровение; напротив, он неизменно апеллировал к признанию со стороны Партии и советского народа» (с. 59).

Вообще в первой половине книги мысль Кожева (и/или ее изложение Гройсом) идет весьма широкими теоретическими зигзагами, которые удается сводить воедино только благодаря невозмутимой витальности их носителя (к вопросу о том, *нужна ли вообще* интеллектуальная биография Кожева, если не брать в расчет биографическую фигуру-носителя этих идей, мы вернемся в финале). Местами, впрочем, излагаемое совершенно неотличимо по духу и букве от самого стереотипного – и подросткового – нищезанятия, что признает и сам Гройс:

«Наиболее важной, даже центральной, формой жизни [после конца истории] станет мудрец, или старец (*sage*). Кожев называет этого человека “человеко-богом” и говорит о его “земном царствовании”. Употребление этого термина весьма показательное. В русской философской литературе того времени – и особенно в работах Николая Бердяева – противопоставление “человеко-бога” и “бого-человека” играло важную, если не центральную, роль. “Богочеловек” отсылал ко Христу, тогда как “человеко-бог” – к ницшеанскому *Übermensch*. По-видимому, в этом конфликте между христианством и ницшеанством Кожев занимает сторону Фридриха Ницше» (с. 68).

Вместе с тем едва ли Ницше мог додуматься до такой концепции, как планетарная коммунистическая империя бесконечного труда, которая при этом состоит из *индивидуалистов*. Как труд, так и индивидуализм здесь, имеются в виду в специфическом и присущем Кожеву смысле-перевертыше, который переворачивает их с ног на голову: получается, что только бессмысленный, сверх необходимого труд и может сделать из «человека» подлинного человека, а индивидуалист – это тот, кто в первую очередь подлинно и правильно определяет центр своего существа через взаимную соотнесенность с человеческим коллективом вокруг:

«После эпохи советско-сталинского режима должна наступить новая эра, эра коммунизма. Эту эру коммунизма Кожев определяет – несколько парадоксально – как эру индивидуализма. Согласно его социалистической феноменологии, социализм является последней “коллективистской” социальной формацией. Следующая формация – коммунизм – будет индивидуалистической» (с. 68).

«Коммунистические граждане трудятся, чтобы производить свои жизненные формы. В классовом обществе производство жизненных форм было побочным эффектом труда. В коммунистическом обществе оно становится главной целью райского труда. Теперь, как мы узнали из Соловьева, софическое разнообразие человеческих жизненных форм бесконечно. А это значит, что коммунистический труд, в отличие от “исторического” труда, никогда не может закончиться. Но что насчет самой жизненной формы коммунистической империи?

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

О ЧЕМ ЗАБОТИТЬСЯ ПОСЛЕ
КОНЦА ИСТОРИИ: КОЖЕВ,
ГРОЙС, ГЕГЕЛЬ, СТАЛИН

В коммунистической империи должна существовать жизненная форма нулевой степени – она должна быть абсолютно нейтральной. Отношения между коммунистической империей и ее населением похожи на отношения между Богом и Софией: Бог есть активное ничто, София – бесконечное собрание всех возможных жизненных форм» (с. 71).

Во второй половине книги нас ожидают длинные главы с подробным пересказом некоторых идей Владимира Соловьева и князя Николая Трубецкого – стоящее на обложке имя Кожева здесь вообще исчезает, а пересказываемые идеи все сложнее привязать к предшествующему тексту. Подбор формулировок и тезисов столь специфичен, что трудно интерпретировать данную часть как-то иначе, кроме как *tongue-in-cheek* высказывание Гройса о том, что автор (под тройным маскировочным щитом из Кожева–Соловьева–Трубецкого) на самом деле думает про процессы, происходящие в современном мире. Вот, к примеру, такое рассуждение:

«Европейская культура не является культурой всего человечества; она есть продукт истории конкретной этнической группы. Таким образом, европейский космополитизм оказывается всего лишь панъевропейским шовинизмом.

Однако Николай Трубецкой задается вопросом – и задает его читателю: почему столь многие неевропейские народы, включая славян, принимают европейскую культуру как универсальную и готовы во имя нее отвергнуть собственные культуры? По мнению Трубецкого, “те, кто оказался захвачен пропагандой романо-германских шовинистов, введены в заблуждение такими понятиями, как «человечество», «общечеловеческое», «цивилизация», «мировой прогресс» и тому подобное”. Интеллектуалы неевропейских стран должны осознать, что европейская культура есть лишь одна из множества человеческих культур, – и, следовательно, им следует отказаться от навязывания этой культуры населению своих стран как универсальной. Однако остается вопрос: почему столь многие продолжают верить в превосходство европейской культуры? Трубецкой универсализирует этот русский культурный раскол.

Теперь Россия становится показательным случаем культурного положения, характерного для всего неевропейского человечества, – а именно: раскола между европеизированным высшим слоем и большинством населения. Таким образом, универсализируется уже не европейская культура, а культурный конфликт внутри каждой неевропейской культуры. Только преодолев этот универсальный культурный конфликт, Россия сможет конституировать себя как нацию. И здесь вновь русская национальная проблема приобретает универсальный характер – и “русский вопрос” требует универсального решения» (с. 101).

Напрашивающееся прямолинейное политическое толкование посылы «Интеллектуальной биографии» представляется если не наивным, то как минимум неполным. В эпоху постмодернизма, к которому Гройс имеет самое непосредственное отношение, всегда остается возможность ускользнуть от серьезности толкования и необходимости отвечать за свои слова – сославшись на то, что это такая игра смыслов, формальный эксперимент, тестирование пределов возможного и допустимого в культуре и в академии. Хотя сам Гройс и не прибегал к подобным методам защиты своего творческого метода от критики (возможно, потому что, кроме не очень длинного текста Плунгян, такой критики и не было – по крайней мере на русском), попытаемся взглянуть на книгу о Кожеве еще и из этой перспективы, дабы увериться, что мы ничего не упустили.

С чисто формальной точки зрения для своих целей Гройс использует широко и свободнодвигающиеся во все стороны мета-блоки смыслов, на которые рассекает обсуждаемый текст (точнее текст про текст, Гройс-про-Кожева, иногда принимающий более изысканные формы, например Гройс-про-Кожева-который-про-Гегеля или Гройс-про-Соловьева-которого-вчитывает-в-Кожева). Процесс их варьирования повторяется, пока, в конце концов, не достигает цели игры – изменить смысл высказывания на противоположный, тем самым обнажив полную и безоговорочную пустоту любой формы и, соответственно, бессмысленность философии как серьезного в модернистском смысле движения. Данную операцию Гройс осуществляет – и здесь уже это едва ли случайность, а не выверенный и намеренный метод, на что автор оставляет ряд открытых намеков – точно таким же образом, каким Кожев обращается с Гегелем. Абсолютное формальное следование уже существующему тексту при произвольности толкования, практически экзегеза, в случае с Кожевным обретает дополнительный уровень сложности – так как Гройс трактует не отлитый в граните кирпич, каким была «Феноменология духа» Гегеля, а по сути, коллаж, склеенный сюрреалистом Раймоном Кено, более или менее точный конспект лекций про эту самую «Феноменологию».

Вдобавок к этому Гройс доводит метод своего учителя Кожева до предела и превосходит его – за счет определенной апофатки, то есть привнесения элемента полной безоценочности в практику переписывания Кожева своими словами. Ни ирония, ни эмоция – ничего не должно здесь проскользнуть и помешать передаче сути *материала*, который сам является передачей Гегеля. При этом, как уже демонстрировалось на примерах «перевертышей» у Кожева, полное сохранение фор-

мальной структуры этого материала сочетается с тем, что смысловые знаки в нем могут крутиться как флюгеры, изменяясь на противоположные, но всегда неизменно сохраняя в себе импульс исходного материала. Гройс сохраняет смысловые знаки так, как они намечены у Кожева, но поскольку у последнего они были обусловлены его очень специфической биографией, а не какой-то математической логикой (здесь самое время вспомнить, что Гройс – выпускник отделения математической логики ЛГУ, затем работавший на кафедре структурной и прикладной лингвистики МГУ), то здесь мы уже имеем место с чистым и почти беспримесным воспроизводством системы ради воспроизводства системы.

Насколько можно понять по многочисленным репликам Гройса о Кожеве в текстах разных лет, именно такое скрупулезно точное воспроизведение мысли другого без добавления от себя и является для автора книги подлинной моделью философии. Не очень понятно, правда, чему она исторически соответствует: уже в известной нам античности (начиная с Папируса из Дервени в 340 году до нашей эры) письменная передача мудрости неизбежно сопровождалась комментариями и собственными добавлениями. Гройс же будто балансирует между благоговейной практикой средневекового скриптория (метафора «внутренней эмиграции» в «келью» в «новом Средневековье» кажется уже избитой) и совершенно модернистской, если не постмодернистской практикой свободного обращения с единицами культурных массивов (теми самыми блоками смыслов) наподобие того, как это делали авангардисты 1920-х.

Подытожим: если наша гипотеза верна, то на самом деле «Интеллектуальная биография» является не интеллектуальной биографией и вообще не академической книгой, а авангардным перформансом, произведением искусства, которое лишено всех признаков такового, но о самой интенции можно догадаться как по подмигиваниям автора, так и по мета-текстуальным моментам (интервью и текстам разных лет Гройса про Кожева, упоминаниям Кожева в других книгах Гройса и весьма красноречивое сходство считываемой интенции книги с «*Gesamtkunstwerk* Сталин»).

Получается, что Гройс делает из Кожева такой же произвольный (учитывая неизбежную монтажность выбираемых кадров-идей) перформативный коллаж, какой Кожев делает на свой лад из Гегеля. Это более сложный процесс, чем тот, что «буржуазный философ» Хайдеггер творил с античными философами, да и с тем же Гегелем, сначала делая им прививку своей концепции «бытия», а потом пересобирая из этой точки, куда вошло бытие, всю систему философа, которая независимо от ис-

ходных данных в итоге превращается в недостроенную копию системы Хайдеггера, причем подается эта вирусная инвазия как «раскрытие сокрытого смысла», ведь именно так устроена истина. Гройс, безусловно, работает тоньше: в своей безоценочности копирования мысли Кожева он подобен музыкальным академическим авангардистам вроде Майкла Наймана. Текст Гройса звучит как серая сеть полиритмического равномерного пересказа, наброшенная на гладкую, идеально ровную поверхность (поверхность чего – «ничто?»), или как рутина копирования великих живописных полотен прошлого в «Кондотьере» Жоржа Перека.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

О ЧЕМ ЗАБОТИТЬСЯ ПОСЛЕ
КОНЦА ИСТОРИИ: КОЖЕВ,
ГРОЙС, ГЕГЕЛЬ, СТАЛИН

**«Интеллектуальная биография» является
не интеллектуальной биографией и вообще не
академической книгой, а авангардным перформансом,
произведением искусства, которое лишено всех
признаков такового.**

Но зачем создавать художественное произведение из искусства прозрачности передачи мысли? Рассчитан ли этот проект на какое-либо понимание современников и потомков или же это абсолютная вещь в себе, письмо после письма, единственно возможные и философия, и забота после конца истории? Может быть, поэтому Гройс так заморожен последней, бюрократической фазой жизни Кожева и неоднократно сравнивает его с Артюром Рембо? Бросив писать стихи в 20 лет, тот занялся торговлей оружием в Африке, а в единственном нон-фикшн тексте, написанном в зрелом возрасте для газеты «Египетский Босфор» (1887)¹⁸, бросается в глаза именно вопиющее *отсутствие* какой-либо художественной образности, будто Рембо решительно перерезал все нити, ведущие в глубину языка, – но уже само это отсутствие поэзии становится из-за имени автора гигантской фигурой призрачного умолчания, из которой выводится все остальное. Огромная пустота подобного умолчания присутствует на каждой странице «Интеллектуальной биографии» пера Гройса, и читатель волен сам решать, как это *наличие отсутствия* трактовать, хоть бы и как изоморфное изображение того самого «ничто», оно же смерть, что, по Кожеву, живет внутри каждого человека, только и делая его таковым.

Изучив возможность прочтения книги Гройса как объекта искусства, вернемся все же к куда более убедительному прямому толкованию ее значения, хотя оно и описывается, по-

18 На русском издано как «Путешествие в Абиссинию и Харар» (М.: Циолковский, 2019).

жалуй, лучше всего цитатой из Ноама Хомского об экскурсе Сталина в область языкознания: «совершенно разумно, но без каких бы то ни было блестящих открытий»¹⁹.

Индивид конца

Несомненный плюс книги Гройса состоит в продуцировании у читателя настойчивого стремления осознать смысл слов, которые мы используем. Что на самом деле мы имеем в виду, когда цитируем какого-то автора? А что он сам имел в виду? Вспомним, к примеру, случай, когда Маргарет Тэтчер в интервью²⁰ 1987 года женскому журналу «Woman's Own» сказала: «Что такое общество? Его не существует! Есть отдельные мужчины и женщины, есть семьи». И можно сколько угодно после этого публиковать опровержения, утверждать, что слова были вырваны из контекста²¹, что имелось в виду вообще противоположное – не то, что государство ничего не должно социально не защищенным, а то, что государство хотело бы помочь каждому, но на пути становятся сами индивиды.

Индивиды в идеальном индивидуалистическом постсталинском коммунистическом обществе Кожева – это не тэтчеровские индивиды. Это будут люди, населяющие универсальное, однородное, абсолютно нейтральное постисторическое государство. «Нейтральность» тут тоже используется в совершенно оригинальном и противоположном неолиберальному значении: не государство, которое не вмешивается в судьбу индивида или в работу так называемого свободного рынка, – а напротив, государство, которое так плотно проникло в физические и мысленные поры человека, что он слился с ним воедино и стал его полноценной клеткой, такой же, как все остальные вокруг. В таких условиях не может выжить никакая буржуазная личность, которая определяет себя через материальное благосостояние, наличие или отсутствие определенных вещей, предметов техники и произведений искусства, а также различия в обладании всеми этими материальными ценностями у себя, у соседа, у человека из телевизора/интернета.

Гройс/Кожев совершенно справедливо напоминает нам, что буржуазная личность, которая до сих пор составляет костяк мирового сообщества, – это искусственный конструкт, миф, который призван – точно так же, как наука, религия, война, написание книг и рецензий и все остальное, – заставить нас забыть о том факте, что мы все умрем, и знаем об этом, и в этом

¹⁹ Цит. по: Алпатов В.М. *История одного мифа: Марр и марризм*. М., 1991. С. 190, 246.

²⁰ См.: www.margaretthatcher.org/document/106689.

²¹ Например, в автобиографии Тэтчер 1993 года: <https://iea.org.uk/blog/there-is-no-such-thing-as-society/>.

знании мы абсолютно одинаковы. С точки зрения Кожева буржуазная жизнь, которая не нацелена на намеренное оседлание смерти, всяческое углубленное изучение этого вопроса путем хотя бы размышления, если не прямого действия не является жизнью – и, следовательно, не имеет значения.

Не очень понятно, правда, каким образом из всего вышеизложенного следует необходимость для каждого, кто желает считать себя подлинным человеком, принять «ничто» внутри себя – поклониться Сталину (или Наполеону) как, видимо, *воплощенной смерти*, той самой, эквивалентной таинственному «ничто» внутри, которое только и делает нас людьми, а возможно, изначально и породило сознание как явление. Если мы и так умрем и надежды в этом отношении нет, кроме как на религию или на символическое бессмертие в потомках, заслугах, плодах трудов, то зачем же свою единственную жизнь тратить на то, чтобы становиться расходным материалом для товарища генерального секретаря, хотя он и большой художник и даже абсолютный дух?

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

О ЧЕМ ЗАБОТИТЬСЯ ПОСЛЕ
КОНЦА ИСТОРИИ: КОЖЕВ,
ГРОЙС, ГЕГЕЛЬ, СТАЛИН

**Индивиды в идеальном индивидуалистическом
постсталинском коммунистическом обществе Кожева –
это люди, населяющие универсальное, однородное,
абсолютно нейтральное постисторическое государство.**

Это абсолютно античеловеческая логика, причем лицемерная (ни Гегель, ни Кожев, ни Гройс отнюдь не последовали за собственными идеями и прожили жизнь тихо и мирно), и с ней сложно вступать в спор. В очередной раз повторять, что диктатура, война и репрессии во имя великой идеи – это плохо? По-видимому, Гройс уловил главный вызов нашего времени – что сегодня это снова ставится под вопрос. Мы опять слышим, что все это оправданно, что все это снова «можно»: снова решать вопросы, основываясь на праве сильного, снова вытаскивать замшелую, миллион раз разобрannую, демистифицированную, опровергнутую, но отказывающуюся умирать националистическую, квазирелигиозную и мессианскую риторику и так далее.

Посмотрите, говорит нам Гройс, надевший маску Кожева: ведь вся эта образованщина и интеллигенция, весь этот прозападный просвещенческий проект – это все пылинка на огромной, глупой и злобной глыбе онтологического стремления истории к самоутверждению через смерть, и, чем массовее этот «подвиг», чем глубже он въедается в мозги молодежи, тем лучше. Так не лучше ли оставить все эти благопристойные

иллюзии образованности, философии, гуманизма – все равно история показывает, что *всегда* побеждает глупость и тирания, – потому что «ничто» внутри, смутное беспокойство по поводу собственной смерти, затаенное ощущение собственной неполноценности, *не-жизни, не-человечности* как раз и есть *первичный компонент* человеческого устройства. И разрешается это напряжение одним-единственным способом: через вовлеченность в могучий поток исторического события, в котором мы обретаем, а наше персональное бытие вырастает лишь из *со-бытия* с народом, страной, историей и так далее. А в какие игры чаще всего любит играть история и тираны-художники, мы прекрасно знаем и имеем возможность наблюдать в очередной такой исторический период. Понравился бы он Кожеву? Несомненно, больше, чем предшествующие десятилетия покоя и потребления, которые он с презрением отверг бы как *буржуазные*.

То есть вопрос, на который хочется найти ответ в процессе чтения труда Гройса, таков: почему мы вообще должны тратить время на мыслителя, который считал Сталина выражением абсолютного духа и идеальным сверхчеловеком, а репрессирование таких, как мы, счел бы лишь необходимым элементом исторического процесса достижения мечты о всеобщем равенстве? Причем ситуация куда сложнее, чем кажется. Ведь необходимо признать, что *сама критика* позиции Кожева/Гройса происходит из буржуазно-либеральной просвещенческой оптики, из которой все эти Софии, концы истории и художники Сталины серьезно восприниматься могут только в качестве оправдания чудовищного варварства. Но другой оптики у тех, кто, так сказать, находится по эту сторону добра и зла, просто нет – и взяться ей неоткуда, потому что в мире Кожева-теоретика никаких философов и просветителей не будет и быть не может.

Своей (вероятной) цели от написания этой книги Гройс добивается: в голове читателя тягостные размышления про ужас этической и онтологической неоднозначности заполняют все. Либеральные ценности, традиционные ценности, исторический процесс – все это в конечном счете искусственные конструкции. В этом смысле книга Гройса очень полезна для нас, живущих и думающих сегодня; она дает шанс «выйти из матрицы» сложившихся политически-этически-эстетически конвенций и попытаться понять, что может происходить за их пределами.

Но куда идти дальше? Пожалуй, кроме гуманистической парадигмы (которую Гройс и Кожев предлагают разрушить и утилизировать), не остается вообще никакого другого пространства для ускользания – только отбросить политику (как «за Сталина-художника», так и «против Сталина-тирана») и вернуться к проблеме чисто практической: где в первую очередь

важно не то, что Сталин был абсолютный дух, а то, что под его непосредственным руководством были убиты миллионы людей. Но здесь мы снова попадаем в ловушку оптики: ведь сама по себе человеческая жизнь обладает безусловной ценностью только в западно-буржуазной модели жизни, а в модели Кожева – и в целом в правопопулистской и имперской логике – имеет значение *только та жизнь, которая себя актуализировала через прямое столкновение со смертью*. И если мы вслед за Кожевым–Трубецким–Гройсом признаем гуманистическое пространство не универсальной ценностью, а лишь произвольной вариацией, исторической аномалией, которая теперь должна быть опознана как таковая и смещена со своего пьедестала, то нам остается лишь пустота – то самое смутное пространство «ничто» и осознание неизбежной смерти, которое и отличает нас, людей, от животных.

«Писать стихи после Освенцима – это варварство», однако тем не менее это оказалось вполне возможным, и стихи все еще пишутся миллионами, ни на что не влияя. О газовые камеры сломалась вовсе не реальность, сломан оказался сам инструмент проверки человечности искусством, пусть даже и возникший, по историческим меркам, совсем недавно, – ведь ровесник Кожева, Теодор Адорно, еще имел романтически-буржуазные представления об искусстве и его значимости. Сверхзадача, которая лежит перед культурой, получается, такова – понять, какая новая парадигма, вместо либерального гуманизма, могла бы ответить на вопрос: почему убивать людей (особенно массово) – это плохо и каким образом может двигаться тогда история? В этом смысле книга Гройса действительно может стать интересным толчком для возможной дискуссии.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

О ЧЕМ ЗАБОТИТЬСЯ ПОСЛЕ
КОНЦА ИСТОРИИ: КОЖЕВ,
ГРОЙС, ГЕГЕЛЬ, СТАЛИН

ДЕМОНТАЖ ЭТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ

После всего сказанного остается самый наивный – но и самый сложный – вопрос: *зачем эта книга была написана?* Простой ответ: потому что Гройсу нравится Кожев (о чем свидетельствуют многие написанные им за последние 30 лет текстов), потому что он может написать о нем книгу, потому что есть, где ее издать, потому что есть, кому ее читать. Удовлетворит ли нас такое объяснение? Вряд ли. Тогда предложим другое: «Интеллектуальная биография» является искусно рассчитанной провокацией Гройса, сделанной весьма тонко – настолько тонко, что саму материю этой провокации схватить технически очень сложно. Можно почувствовать ее присутствие между строк, ощутить в структуре организации материала, расстановке смысловых акцентов (которых большинство читателей

скорее всего не сможет считать), кивков на другие написанные в прошлом книги автора. Однако практически невозможно объяснить, в чем эта провокация заключается, не сползая в алармизм, обобщающие абстракции, а то и прямо не вчитывая в текст собственных интенций.

В этом плане «Интеллектуальная биография», пожалуй, и впрямь прекрасный герметический предмет искусства, полное значение которого способно раскрыться только одному читателю – самому автору. Попробуем все-таки по цепочке ассоциаций объяснить, в чем же тут дело, обратив внимание на то, какие впечатления на психоэмоциональном уровне возникают в процессе чтения этой работы.

В общем и целом ментальную операцию, которую осторожно и незаметно производит над читателем Гройс, убаюкивая его достаточно долгое время сухим академическим стилем, можно сравнить с тем, как в художественном отношении работают Сэмюэл Беккет или Антуан Володин: из истории постепенно вымывается все, что составляет в ней жизнь, пока не остается только голая форма отчаяния, элементарные бессмысленные конструкции вроде моллоевского сосания камешков и перекладывания их из кармана в карман.

Камешками (или *блоками смыслов*, как мы описывали это выше) для Гройса служат несколько элементарных частиц, из которых складываются идеи Кожева, карманами же – также весьма ограниченное число контекстов (русская религиозная философия, немецкий экзистенциализм, французская интеллектуальная среда), в которые эти идеи помещаются и в которых они текстуально вращаются, как объекты в 3D-редакторе, пока все их стороны не будут увидены и пока идея полностью не утратит заряда, оригинальности и какого-либо смысла. (И вращаются еще некоторое время для закрепления уже после того, как весь смысл из них исчез.)

Возьмем на себя смелость утверждать, что это *тщательно рассчитанный с определенной целью прием*. Но чего же добивается своей книгой Борис Гройс? Ощущения и наблюдение за тем, как ветвятся и повторяются элементы довольно своеобразной структуры текста, подсказывают, что добивается он довольно нетривиальной цели: уничтожения современного мира как такового. На уровне идеи, разумеется; на физическом уровне в 2026 году этот мир сам довольно успешно справляется со своим уничтожением.

В начале «Интеллектуальной биографии» Кожев выглядит одиозным, чтобы не сказать претенциозным, изобретателем ницшеанского велосипеда, который небрежно в ходе часовой речи разбирается со всеми проблемами исторического процесса, устройства реального и идеального общества, вопросом

о смерти, что можно считать истинной философией, и так далее – и мы, читая это, не понимаем: а что же даже с поправкой на прошедшие сто лет было оригинального, что могло так сильно захватить умы – и не какие-то неокрепшие подростковые, а лучшие умы Франции того времени? По ходу чтения, однако, мы постепенно проникаемся отстраненной, но вполне однозначно направленной подачей Гройса, что безумен и/или наивен вовсе не Кожев, а *сам исторический процесс*. Если так, то почему бы и не возвести на пьедестал Сталина, ведь самый умный и просвещенный из всех европейцев, Гегель, восхищался Наполеоном?

Одно такое предположение, другое... и дальше мы уже заходим на территорию этической сумеречной зоны, опасно балансируя над пропастью отказа от гуманизма вообще. Если образование и просвещение, сама идея модерности – это просто следствия европейской колонизации, а нынешний Евросоюз был (хотя бы отчасти) создан Кожевным, русским человеком, который всю эту искусственную конструкцию сейчас откровенно презирал бы (да, видимо, и презирал еще при жизни), то почему мы, русские, должны равняться на какой-то там Запад? Мы же, выходит, *сами его и создали* в качестве мысленного эксперимента. Эксперимент не удался, время вернуться в естественное состояние хаоса.

Зачем нам слушать про биополитику или паноптикум Мишеля Фуко или какого-нибудь Жака Деррида, если все равно вся эта французская философия выросла под влиянием русского человека Кожева? Если весь этот так понравившийся европейцам экзистенциализм, стремление к смерти как утверждение человеческого и так далее были попросту заимствованы Кожевным из русской же христианской религиозной философии? Множество таких вопросов Гройс, придерживаясь своего *нейтрального умолчания переписчика*, не формулирует прямо – но к концу книги они повисают вокруг читателя, заставляя его сомневаться во всем.

В этом плане «Интеллектуальная биография» абсолютно конгенитальна нашему смутному времени и политической стратегии умножения неопределенности и размывания основ, выбранной некоторыми лидерами крупнейших стран мира. До читав книгу Гройса про Кожева, читатель и правда может ощутить обновление оптики в пользу отказа от устоявшихся стереотипов – но поможет ли это пережить морально смутные времена? Если весь наш сложившийся миропорядок с западоцентричным производством знания, смыслов, структур, институций – это просто такой «устоявшийся стереотип», который настала пора смахнуть со стола, как крошки, чтобы затем... чтобы что?

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

О ЧЕМ ЗАБОТИТЬСЯ ПОСЛЕ
КОНЦА ИСТОРИИ: КОЖЕВ,
ГРОЙС, ГЕГЕЛЬ, СТАЛИН

Вместо ответа Гройс дает в финале главу о занятиях Кожева фотографией в последний период жизни и отмечает удивительную монотонность его гигантской коллекции снимков. Независимо от того, в какой части света побывал философ и что он видел, на всех фото бесстрастно запечатлены только памятники и монументы, снятые простецки с самых банальных ракурсов, как туристические фотокарточки. К тому же Кожев никогда не проявлял свои снимки, все они остались только на пленке, в единственном экземпляре.

Гройс делает из этого масштабные выводы, составляя из странного хобби Кожева целую практическую философию, равномерно темперированную оптику отношения к историческим фактам как к памятникам, имеющим примерно одинаковое значение. А чему не поставили памятник, то для истории и не существует и значения в конечном счете не имеет. И вот здесь мы начинаем понимать, зачем написана эта книга: она и есть тот памятник, который Гройс ставит одновременно и Кожеву, и себе – как последним апологетами осознанной бессмыслицы.

ГЕГЕЛЬ В МЕТРО

Помимо вышесказанного, при чтении книги возникает парадокс. Он заключается в том, что как раз *интеллектуальная биография* Кожева никакого интереса не представляет и не несет в себе ничего оригинального – как демонстрирует и подчеркивает сам Гройс, видящий в этом единственную истинную оригинальность. Как мы уже говорили выше, все идеи Кожева при таком раскладе представляют собой доведенную до крайности амальгаму идей Соловьева, Трубецкого и Гегеля.

Единственная причина, по которой Кожева помнят сегодня, – это как раз яркость его личности (которая отмечается абсолютно всеми, кто был знаком с философом) и его политическая деятельность, связанная с «доисторией» Евросоюза. Если бы идеи, высказанные Кожевным – о необходимости Сталина, о конце истории и так далее, – озвучил бы кто-то другой, не показавший, как поздний Кожев, самоиронии, а также способности к продуктивной работе на благо общества, едва ли тот же самый Гройс им вообще заинтересовался бы.

У читателя книги может даже зародиться подозрение, что тонко шутит не только ее автор, но и герой. Создается ощущение, что комизм Кожева был отчасти осознанным и что его отказ от занятий философией и полное погружение в бюрократию надо оценивать иначе, чем это делает Гройс, упорно растягивая сумеречный политический пафос раннего Ко-

жева на вообще всю его деятельность, включая занятия фотографией²².

Книгу Гройса интересно сопоставить с эссе Джонатана Рез²³. За 10% объема гройсовской книги²⁴ Рез успевает красочно осветить как идеи Кожева, так и его жизнь. Мы встречаем совсем другого Кожева – остроумного трикстерного персонажа, который оказывается в 18 лет в Берлине с крупной партией алмазов, контрабандой присланных его матерью из России, и немедленно начинает учить (и выучивает!) одновременно санскрит, тибетский и китайский. Этот Кожев едва ли очень серьезно относится к своему философскому периоду, а собранную Кено книгу, к которой Гройс относится как к Священному Писанию, с умилением называет «очень плохой». Вспоминая свои лекции, он в первую очередь с гордостью подчеркивает, как нарушал общественное табу, поощряя курение в аудитории и используя просторечный слэнг. В целом Кожев характеризует свои лекции о Гегеле как «пропаганду, призванную расшевелить людей»; он даже с энтузиазмом соглашается, что прикрывался Гегелем, чтобы высказать собственные взгляды.

После того, как закончилась Вторая мировая, а вместе с ней и философский период в жизни Кожева, он становится государственным служащим и в течение двух с лишним десятилетий публикует всего лишь несколько рецензий. Одна из них – на поп-литературу (1956), где он хвалит Франсуазу Саган за то, что в романах «Здравствуй, грусть» и «Смутная улыбка» та создала «смелый новый мир, где мудрые и бесстрашные девушки смотрят на старомодных мужчин с насмешкой и недоверием».

Кожев продолжает поддерживать отношения с Раймоном Кено и в 1951 году вступает с ним в публичную переписку на страницах журнала «Les Temps modernes», где утверждает, что «добросердечные, простодушные герои» Кено «имеют больше оснований для мудрости, чем седовласые старики, которыми восхищаются профессора философии». Когда Кено публикует свою «Зази в метро» (1959), Кожев приветствует роман с восторгом; в рецензии он пишет, что эта история о десятилетней провинциалке со скверными манерами, которая проводит полные приключений выходные в Париже, «должна рассматри-

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

О ЧЕМ ЗАБОТИТЬСЯ ПОСЛЕ
КОНЦА ИСТОРИИ: КОЖЕВ,
ГРОЙС, ГЕГЕЛЬ, СТАЛИН

22 В 2012 году Гройс организовал выставку фотографий Кожева (<https://formerwest.org/ResearchExhibitions/AfterHistory>). Позднее философ посвятил два места совпадающих текста Кожеву-фотографу: Гройс Б. *Фотограф как мудрец* // Художественный журнал. 2012. № 86-87. С. 28–34 (<https://moscowartmagazine.com/issue/11/article/144>); Он же. *Мудрец как фотограф* // Сеанс. 2015. 2 августа (<https://seance.ru/articles/mudrec-kak-fotograf-2/>).

23 R   J. *Op. cit.*

24 Текст Рез представляет собой рецензию на две биографии Кожева: книгу Гройса и упоминавшийся выше английский перевод биографии философа, написанной итальянцем Марко Филони. Работу Гройса Рез лаконично аттестует двумя предложениями: «не столько биография, сколько предвзятое изложение трудов Кожева... Гройс воспринимает [идейную неопределенность] Кожева как приглашение внести свой вклад, добавив несколько собственных идей».

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

О ЧЕМ ЗАБОТИТЬСЯ ПОСЛЕ
КОНЦА ИСТОРИИ: КОЖЕВ,
ГРОЙС, ГЕГЕЛЬ, СТАЛИН

ваться как краткое изложение феноменологии духа». К тому времени, как Зази, которая больше всего на свете хотела прокатиться на метро, и вправду попадает в метро, она так измотана, что «засыпает и ничего не видит». Это показывает, отмечает Кожев, что в своей наивной непосредственности Зази прошла долгий гегелевский путь к мудрости.

В том же 1959 году другой, постфилософский, Кожев совершает свое последнее большое заграничное путешествие в Японию, которая ему очень нравится эстетически, особенно театр Но. Он описывает свои японские впечатления в примечаниях к «плохой книге», собранной Кено по мотивам лекций того, первого, Кожева, и в них чувствуется что-то вроде принятия:

«Здесь [в Японии] субъект... все еще противопоставлен объекту во имя чистой формы, даже если исчезает историческое действие, отрицающее "данность". Кожев считал, что способность сказать "нет" реальности как она есть остается для людей единственной возможностью сохранить их человеческое качество»²⁵.

Summary

Most of the 166th *NZ* issue is devoted to problems that are increasingly troubling historians and other humanities scholars. It concerns the so-called “history from below”, which creates an opportunity to “hear the voices of the oppressed” – the lower social classes of the past, those who in recent decades have been named “subalterns” (as defined by Gayatri Chakravorty Spivak). This issue is not purely academic; it arose in the context of the development of post-colonial studies and the general leftward shift of Western academia, which has become an arena for ideological battles.

In this issue of *NZ*, the discussion of “history from below” has been prompted by a forthcoming book by Kirill Ospovat titled *“Pugachevshchina: The Political Semiotics of a Rebellion in the Age of Enlightenment (A Study in Democratic Historiography)”*, in which the author radically reinterprets the approach to looking at the 18th century popular uprising led by Yemelyan Pugachev in the Russian Empire. This event is conventionally viewed from the top down, from the perspective of the ruling classes and authorities of the time; this view was canonised in the novel *“The Captain’s Daughter”* by the classic of Russian literature Alexander Pushkin. The general attitude toward the uprising as a cruel “Russian revolt, meaningless and merciless”, was not shaken even by a hundred years of Marxist historiography, which held a dominant position in the USSR. Within that tradition, the peasantry

was regarded as an ignorant class, captive to prejudices, whose revolutionary activity was by definition secondary to that of the proletariat. Kirill Ospovat overturns this logic and interprets Pugachev’s Rebellion (even reappropriating the old term “pugachevshchina”, which negatively defined the rebels’ way of thinking and acting) as an event of radical Enlightenment, placing it in the context of the 18th-century Western revolutions – the American and the French.

The block of materials centering around this topic opens with a chapter from Kirill Ospovat’s book itself (*“The Pretender and Democracy”*), followed by a round table discussion on a range of questions raised by Ospovat – and on problems arising from them, both historiographical and ideological in nature. The round table, moderated by *NZ*’s editor-in-chief Kirill Kobrin, includes the author of the book under discussion, Kirill Ospovat; the philosopher Igor Kobylin; the historian Konstantin Jerusalimsky; and the political scientist Anna Nizhnik. The topic continues with a republication of an excerpt from the forgotten work by the historian and ethnographer Afanasy Shchapov (1831–1876) titled *“The Zemstvo and the Schism”*, which was one of the first attempts to create a “people’s history” of the tragic events in 17th-century Russia. Another piece in this thematic block is the now-classic article by the British historian Edward Palmer Thompson, *“The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century”* (1971), which largely laid the foundations for present-

day approaches to “history from below”. The selection concludes with an article by Andrey Kostin, *“From Everywhere and to Wherever: How to Write the History of Literacy and Writing in Early Modern Russia”*, which significantly broadens the lens of the discussion of “history from below”. The article offers an unconventional view of the history of literacy, which calls into question the very boundary between literacy and illiteracy (based on Russian material from the 17th–18th centuries) – and, consequently, between the means by which “the subaltern can speak” to a historian.

A prominent place in issue 166 of the journal is occupied by vodka. The focus is not on the alcoholic beverage per se, but on its consumption as a core component of Soviet (and to some extent post-Soviet) daily life, around which a number of crucial social rituals arose. One such ritual – sharing a bottle of vodka “among three” – is discussed in a substantial study by Mikhail Nikolaev, titled *“«A Mark Was Made on the Glass»: On the History of Drinking «Among Three» in the Post-War USSR”*. The author establishes a connection between how the changing legislation of the USSR transformed the consumption of hard alcohol by Soviet people, how the Communist Party fought against this new form of heavy drinking, and how this campaign was reflected in the official Soviet press. The topic is first introduced in the latest instalment of *SOCIOLOGICAL LYRICISM*, where Alexey Levinson analyses data on Soviet people’s attitude toward vodka consumption, drawing on rich sociological material from the early 1990s.

Another regular section, the *CULTURE OF MODERNITY REVISITED*, features two pieces. Igor Smirnov analyses the “modernist” and “modern” layers in several American and British films released in recent years, and finds evidence of profound changes in public opinion regarding the basic values of Western society. Anatoly Ryasov offers the readers a short philosophical essay, *“The Taboo on Transcendence and Its Political Consequences”*, whose central figures are Gilles Deleuze, Antonin Artaud, and Martin Heidegger. Similarly, the possibility/impossibility of philosophising in the postmodern era is the focus of Andrey Gelianov’s extended response to Boris Groys’s book about the Russo-French Hegelian philosopher and bureaucrat Alexandre Kojève, found in the *NEW BOOKS* section.

The new instalments of two more regular sections of *NZ* are devoted to two very dissimilar topics. In *THE REVERSE OF THE METHOD*, Tatyana Vorozheykina provides an analytical overview of the last few months in Venezuela’s history – following the US abduction of the nation’s dictator, Nicolás Maduro. The *CASE STUDY* section offers an exhaustive account of the history of a little-known paramilitary organization of first-wave Russian émigrés – the Russian Rifle Druzhina named after General Wrangel, which existed in Belgium in the 1930s (the authors are Oleg Beyda, lecturer at the University of Melbourne, and Ekaterina Nikolaeva-Tandil, French art historian and scholar of first-wave Russian emigration).

As usual, the 166th issue of *NZ* concludes with Alexander Pisarev’s *RUSSIAN INTELLECTUAL JOURNALS REVIEW*.